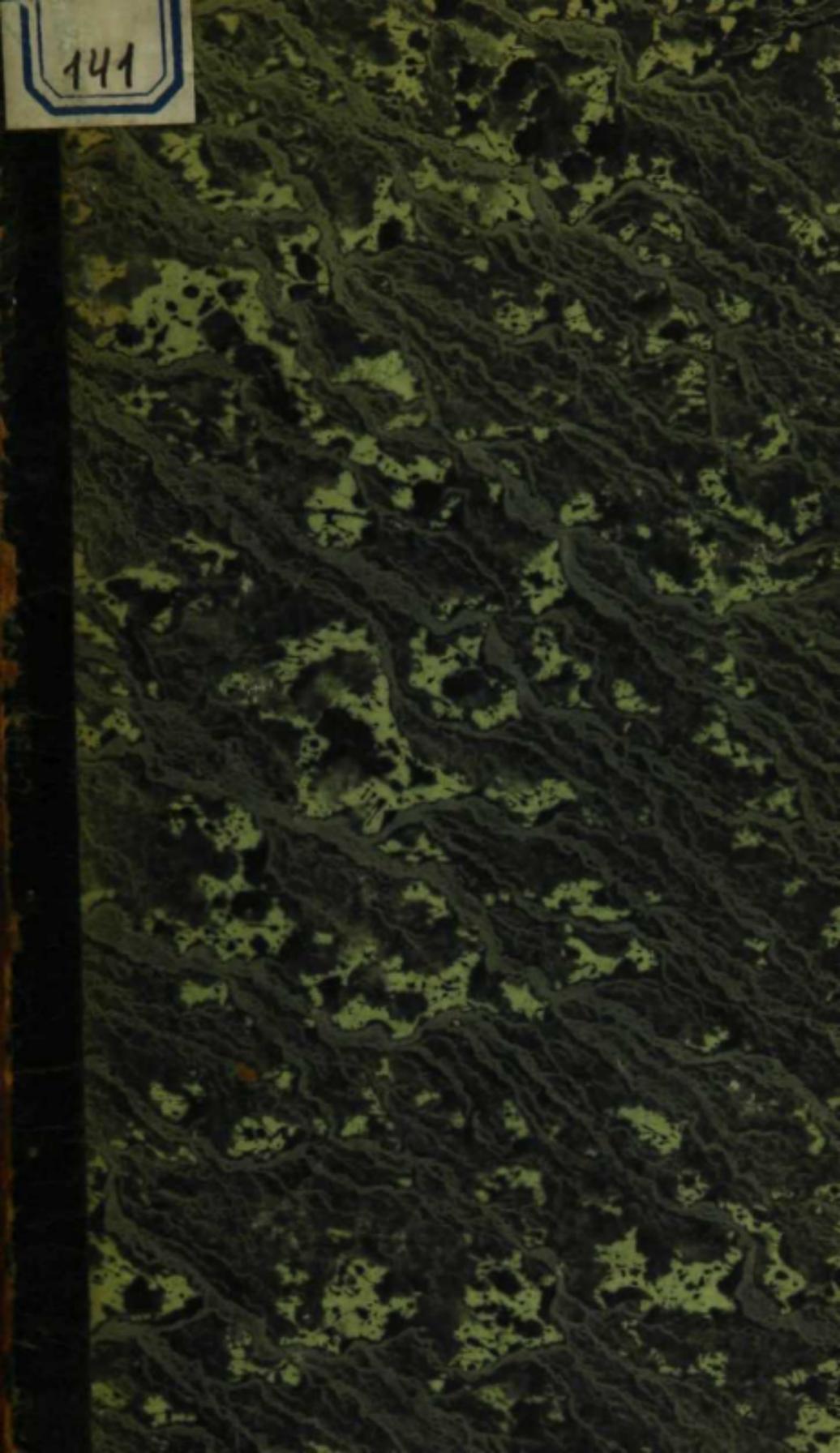

141

The image shows the front cover of a book. The cover is decorated with a complex, textured pattern in shades of dark green and black. The pattern consists of numerous small, overlapping, wavy shapes that create a sense of depth and movement, resembling a dense forest or a textured fabric. In the top left corner, there is a small, white, rectangular label with a blue border. Inside the label, the number '141' is printed in a simple, black font. The spine of the book is visible on the left edge, showing a dark, possibly black, material.

ЖИЗНЬ МАГОМЕТА.

ЖИЗНЬ МАГОМЕТА

СОЧИНЕНИЕ

Вашингтона Ирвинга.

ПЕРЕВ. СЪ АНГЛІЙСКАГО

Петра Курьевскаго.

Из книгъ
Сахарова
Ивана Александровича

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

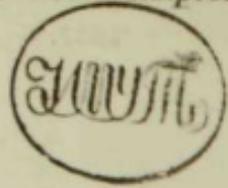
1857.

ЖИЗНЬ ПЛАТОНОВА

Печатать дозволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва Іюня 26-го
1857 года.

Цензоръ Н. Гилларовъ-Платоновъ.

ГЛАВА I.

АРАВІЯ И АРАБЫ.

Много вѣковъ, отъ самыхъ раннихъ свидѣтельствъ исторіи до седьмага столѣтія христіанскаго лѣтосчисленія, обширный херсонисъ или полуостровъ, извѣстный подъ именемъ Аравіи и очертанный Индійскимъ океаномъ, Чернымъ моремъ, Евфратомъ и Персидскимъ заливомъ, оставался неизмѣннымъ. Онъ былъ почти не доступенъ для тѣхъ событій, которыя волновали всю Азію, глубоко потрясали Европу и Африку. Возникали царства и падали; исчезали древнія династіи; имена и границы земель измѣнялись; цѣлые народы были истребляемы, или уводимы въ неволю; но эти бури лишь слегка касались пограничныхъ областей Аравіи; а въ глубинѣ степей своихъ она сохраняла первобытный характеръ и независимость; и никогда ея бродячія племена не склоняли гордой головы своей ни подъ какое иго.

Арабы возводятъ исторію своей земли до самой далекой древности. По ихъ преданіямъ, она населилась, вскорѣ послѣ потопа, потомками Сима, сына Ноева; отъ нихъ произошли различные племена, изъ которыхъ самыя знаменитыя были Адитяне и Тамудитяне. Но всѣ эти первобытныя племена, по сказаніямъ арабскимъ, либо стерты были съ лица земли за свои беззаконія, либо слились съ другими

народами; такъ, что о нихъ уцѣлѣло мало извѣстій, кромѣ темныхъ преданій и немногихъ строкъ въ Коранѣ. Восточные лѣтописцы иногда мимоходомъ упоминають о нихъ, подъ именемъ древнихъ *первобытныхъ Арабовъ* или *погибшихъ племенъ*.

Нынѣшнее народонаселеніе полуострова происходитъ, по тѣмъ же источникамъ, отъ Кактана или Джактана, потомка Симова въ четвертомъ колѣнѣ. Его потомство распространилось по южной сторонѣ полуострова и по берегамъ Чермнаго моря. Ярабъ, одинъ изъ его сыновей, основалъ царство Еменское; по его имени названа и область *Араба*. Отъ него же и всѣ Арабы производятъ имя своего народа и своей земли. Джурхамъ, другой сынъ, основалъ царство Геджазское, которымъ его потомки владѣли въ продолженіи многихъ поколѣній. Этимъ народомъ радушно приняты были Агаръ и ея сынъ Измаиль, когда Авраамъ изгналъ ихъ изъ своего дома. Черезъ нѣсколько времени, Измаиль женился на дочери Моада, владѣтельнаго князя изъ колѣна Джурхамова, и такимъ образомъ иноплеменная еврейская вѣтвь привилась къ коренному арабскому дереву. Эта вѣтвь пустила могучіе отпрыски. Жена Измаилова родила ему двѣнадцать сыновъ; а они овладѣли Аравією, и многочисленное ихъ потомство, раздѣленное на двѣнадцать колѣнъ, вытѣснило, или покорило и заглушило первобытнѣйшій корень Джактановъ.

Такъ объясняютъ свое происхожденіе жители Аравійскаго полуострова (¹); а христіанскіе писатели указываютъ въ

(¹) Кромѣ Арабовъ, живущихъ на полуостровѣ и происходящихъ отъ колѣна Симова, были другіе, прозванные Кушитами, которые происходили отъ Хуса, сына Хамова. Они жили на берегахъ Евфрата и Персидскаго залива. Именемъ *Хусъ* или *Кушъ* не рѣдко называются въ Священномъ Писаніи Арабы и Аравія вообще. Это, можетъ быть, тѣ Арабы, что теперь бродятъ по пустынямъ древней Ассиріи, и что въ послѣднее время помогали расканы-

этомъ преданіи на исполненіе завѣта Божія съ Авраамомъ, о которомъ свидѣтельствуетъ Священное Писаніе: «Рече же Авраамъ къ Богу: Исмаилъ сей да живетъ предъ Тобою. Рече же Богъ ко Аврааму: ....О Исмаилъ же се послушахъ тебе: и се благословихъ его, и возвращу его, и умножу его зѣло: дванадесять языки родить: и дамъ его въ языкъ велиій.» (Быт. XVII. 18, 20).

Объ этихъ двѣнадцати князьяхъ и объ ихъ колѣнахъ упоминается еще въ Св. Писаніи, что они занимаютъ страну *отъ Египта, даже до Сура, иже есть въ лице Египту даже дойти ко Ассириомъ* (Быт. XXV. 18.); и эту страну, географы почитаютъ также за часть Аравіи. Изображеніе ихъ похоже на нынѣшнихъ Арабовъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ сказано, что они живутъ въ городахъ и замкахъ; о другихъ, что они кочуютъ въ шатрахъ, либо живутъ селеніями въ пустынѣ. Наваіоевъ и Кидаръ, два старшіе сыны Измаиловы, славятся передъ прочими князьями многочисленностію своихъ стадъ и тонкимъ руномъ своихъ овецъ. Отъ Наваіоева произошли Наваіои, которые поселились въ Каменистой Аравіи; а именемъ Кидара въ Св. Писаніи называется весь народъ Арабскій. «*Горе мнѣ,*» говоритъ Псалмопѣвецъ, «*пребывающему въ Месекъ; живущему въ куцахъ Кидара.* Оба брата, какъ кажется, были праотцами кочующихъ Арабовъ, или Арабовъ-пастуховъ, свободныхъ странниковъ пустыни. «*Люди упокоенные,*» говоритъ Пророкъ Іеремія, «*живущіе въ прохладѣ, иже ни дверей, ниже затворовъ имутъ; едины обитаютъ.*» (Кн. Пр. Іер. VII. 31.)

Рѣзкое различіе образовалось, съ самыхъ раннихъ временъ, между Арабами, жившими въ городахъ и замкахъ, и

вать давно засыпанныя развалины Ниневіи. Ихъ иногда отличаютъ названіемъ Сирійскихъ Арабовъ. Но здѣсь говорится только объ Арабахъ, живущихъ на полуостровѣ, или въ Аравіи, собственно такъ называемой.

тѣми, которые жили въ *снмнѣяхъ* (шатрахъ). Многіе изъ первыхъ заняли плодоносныя долины, лежащія между горами; а свои города и замки окружили виноградниками, садами, пальмовыми рощами, нивами и тучными пажитями. Мирные въ обычаяхъ, они предалися земледѣлю и скотоводству.

Нѣкоторые изъ осѣдлыхъ Арабовъ (которые владѣли городами и пристанями вдоль Чермнаго моря, южными берегами полуострова и Персидскаго залива) занялись торговлею и стали возить иноземные товары на корабляхъ и верблюдахъ. Такова особенно была Счастливая Аравія или Емень, родина пряностей, благовоній и ароматовъ, Сабая поэтовъ, Сава Священнаго Писанія. Еменьцы принадлежали къ числу самыхъ дѣятельныхъ купцовъ на моряхъ Востока. Съ противоположнаго берега Берберы они на своихъ корабляхъ доставляли въ Аравію мирру и масти; привозили также золото, пряные корни и другіе драгоценные товары изъ Индіи и тропической Африки; эти же товары, вмѣстѣ съ произведеніями своей родины, перевозили караванами черезъ степи въ полуарабскія земли: Аммонъ, Мозвъ и Эдомъ или Идумею, въ Финикійскія пристани Средиземнаго моря, откуда они расходились по западному міру. X

Верблюда называютъ степнымъ кораблемъ; караванъ можетъ быть названъ степнымъ флотомъ. Обыкновенно кочевые Арабы, жители шатровъ, снаряжали, снабжали людьми, провожали и охраняли Еменьскіе караваны, а потому могли быть названы степными пловцами. Они доставляли огромное количество верблюдовъ, какое было нужно; и даже часть груза была занята тонкимъ руномъ съ ихъ безчисленныхъ стадъ. Изъ Пророческихъ книгъ можно видѣть, какъ важна была, въ библейскія времена, эта внутренняя цѣпь торговли, которая соединяла богатые страны Юга, Индію, Евюпію и Счастливую Аравію, съ древней Сирією.

Иезекииль, въ своемъ плачѣ о Тирѣ, восклицаетъ: *Аравія и всѣ князи Кидаретин, сіи купцы рукою твоею; вѣблю-*

ды и овны и агнцы въ тебѣ продають, ими же куплю творять. Купцы Савы и Раммы, тѣи купцы твои съ первыми сладостями, и съ каменіемъ драгимъ, и злато даша куплю тебѣ. Харранъ, Ханаа и Деданъ, (1) сіи купцы твои: Савъ, Ассуръ и Харманъ купцы твои....» (Кн. Пр. Іезек. XXVII. 21, 22, 23.) А Исаія, обращаясь къ Іерусалиму, говоритъ: *И придутъ къ тебѣ стада вельблюдъ, и покрываютъ тя вельблюды Мадіамстѣи и Гефарстѣи: вси отъ Савы придутъ посяще злато и ливанъ принесутъ.... И вся овцы Кидарскія соберутся тебѣ, и овны Наведостѣи придутъ къ тебѣ.* (Кн. Пр. Исаіи LX. 6, 7.)

Однакожь Арабы-земледѣльцы и купцы, жители селеній и городовъ, никогда не считались настоящими представителями своего племени. Они смягчены были своими осѣдлыми и мирными занятіями, и утратили много свойствъ своего первобытнаго характера отъ сношеній съ иноплеменниками: Емень, который доступнѣе другихъ частей Аравіи и больше представляетъ искушенія для грабителей, не разъ подвергался нашествію и порабощенію.

Между кочевыми Арабами—пловцами степей, жителями шатровъ — которые гораздо многочисленнѣе осѣдлыхъ, народный характеръ сохранился во всей первобытной силѣ и свѣжести. По обычаю они были странники, по занятію пастухи; знали изъ опыта и изъ преданій все таинственныя свойства пустыни; вели бродячую жизнь, переходя съ мѣста на мѣсто по направленію тѣхъ же источниковъ и ключей, которые поили ихъ праотцевъ еще во времена патриарховъ; разбивали свои шатры вездѣ, гдѣ находили тѣнь отъ финиковыхъ деревьевъ, а для табуновъ, стадъ и вельблюдовъ сытныя пастбища; и переносили свое жилище, какъ скоро истощались временныя средства питанія.

(1) Харранъ, Канна и Аденъ, пристани въ Индійскомъ морѣ.

Кочевые Арабы дѣлились и подраздѣлялись на множество дробныхъ колѣнъ и родовъ. Во главѣ каждаго рода былъ шейхъ или эмиръ, наслѣдникъ древняго патриарха; а его копье, водруженное возлѣ шатра, было знаменіемъ его власти. Впрочемъ, хотя его санъ и переходилъ къ его потомкамъ черезъ многія поколѣнія; но онъ не былъ въ строгомъ смыслѣ наслѣдственный, а зависѣлъ отъ воли рода. Шейха можно было смѣнить и выбрать на его мѣсто другаго, изъ другой вѣтви. Власть его также была ограничена и зависѣла отъ его личныхъ заслугъ и отъ народной довѣренности. Ему предоставлено было право вести переговоры о мирѣ и о войнѣ, быть вождемъ рода противъ непріятелей, выбирать удобное мѣсто для стана, принимать и угощать значительныхъ посѣтителей. Но даже и въ подобныхъ преимуществахъ сана онъ подчиненъ былъ мнѣнію и волѣ своего народа. ⁽¹⁾

⁽¹⁾ «Нѣтомъ,» говоритъ путешественникъ Буркгардтъ, «кочевые Арабы рѣдко остаются на одномъ мѣстѣ долѣе трехъ или четырехъ дней; какъ скоро ихъ стадо поѣсть всю траву около воды, племя уходитъ искать другаго пастбища; а когда трава подрастетъ, то служить другому стану. Число шатровъ въ этихъ станахъ не одинаково: ихъ бываетъ отъ шести до восьми сотъ. Когда шатровъ не много, то ихъ ставятъ въ кругъ; а когда много, то въ прямую черту; всего чаще вдоль ручья, иногда въ три или четыре ряда. Зимой, когда ужъ не бываетъ недостатка въ пастбищахъ, все племя разбѣвается по равнинѣ, по три или по четыре шатра вмѣстѣ; каждое товарищество въ полчасѣ разстоянія одно отъ другаго. Шатеръ шейха стоитъ всегда по ту сторону, съ которой можно ожидать враговъ или гостей. Защищать отъ враговъ и воздавать почесть гостямъ—главная обязанность шейха. Каждый глава семейства водружаетъ въ землю копье возлѣ своего шатра и привязываетъ своего коня у входа. Тамъ же отдыхаютъ козья и его верблюды.—(Burckhardt, Notes on the Bedouins, Vol. 1. p. 33).

Однакоже, какъ ни многочисленны и ни дробны были подраздѣленія племени, но во всѣхъ вѣтвяхъ его связи родства тщательно сохранялись въ памяти. Всѣ шейхи одного племени признавали одного общаго предводителя, шейха шейховъ, который, живя лѣтомъ въ замкѣ, изсѣченномъ въ скалѣ, или среди своихъ табуновъ и стадъ въ пустынѣ, могъ собрать подъ свое знамя всѣ разсѣянные вѣтви племени, при всякомъ случаѣ, касавшемся до общаго блага.

Отъ многочисленности этихъ бродячихъ племенъ, изъ которыхъ у каждаго былъ свой князекъ и своя небольшая область, а не было общаго главы народа, происходили частыя ссоры. Миценіе даже почиталось у нихъ почти правиломъ вѣры. Мстить за убитаго было долгомъ его семьи; часто того требовала честь всего рода. Не рѣдко этотъ кровавый

Вотъ описаніе Ассирійскихъ Арабовъ. Оно, въ главныхъ чертахъ, можетъ относиться и ко всѣмъ прочимъ:

«Довольно трудно описать зрѣлище многолюднаго племени, когда оно переходитъ на новое пастбище. Скоро мы очутились среди огромныхъ стадъ овецъ и верблюдовъ. На всемъ пространствѣ, какое можно было окинуть взглядомъ, на право, на лѣво, впереди насъ— все также волнующаяся толпа. Длинные ряды ословъ и воловъ шли, нагруженные огромными котлами, черными палатками и разноцвѣтными коврами; старухи и старики, которые не въ силахъ ходить, были привязаны поверхъ домашней утвари; дѣти посажены въ мѣшки, изъ отверстія которыхъ выглядывали ихъ маленькія головки; эти мѣшки привѣшены къ сѣздамъ, а по другую сторону, для равновѣсія, привязаны козлята и телята; молодыя дѣвушки шли въ однихъ узенькихъ арабскихъ рубашкахъ, которыя не только не скрывали, а даже выказывали прекрасныя очертанія ихъ тѣла; матери несли дѣтей за плечамъ; мальчишки гнали стада телятъ; всадники, вооруженные длинными копьями съ кистями, неслись по равнинѣ на своихъ рѣзвыхъ кобылахъ; другіе, сидя на верблюдахъ погоняли ихъ короткими, загнутыми палками и вели на поводу своихъ благородныхъ коней; жеребята скакали среди толпы;.... такова была пестрая суматоха, среди которой намъ пришлось пробираться.—(Layard's Nineveh. 1. 4.).

долгъ переходилъ отъ поколѣнія къ поколѣнію и причинялъ безпощадныя войны.

Необходимость постоянно быть на готовѣ, для защиты своихъ табуновъ и стадъ, съ малолѣтства приучала степнаго Араба владѣть оружіемъ. Никто не могъ превзойти его въ искусствѣ стрѣлять изъ лука, владѣть копьемъ и саблею, ловко и красиво управлять конемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ склоненъ былъ и къ разбоямъ: правда, что онъ иногда соглашался служить купцу, доставлять ему верблюдовъ, проводниковъ и погонщиковъ для перевозки товаровъ; но онъ охотиѣе налагалъ выкупъ на караваны, или по просту грабилъ ихъ во время труднаго перехода черезъ пустыни. Это онъ почиталъ законною добычею оружія; а на богатыхъ сыновъ торговли онъ смотрѣлъ какъ на подлое племя, униженное корыстолюбивыми привычками и занятіями.

Таковъ былъ степной Арабъ, житель шатровъ, надъ которымъ исполнилась предреченная судьба его праотца Измаила, что онъ будетъ челоуѣкъ суровый, и что будутъ *руцѣ его на вѣсѣхъ, и руки вѣсѣхъ на него.* (Быт. XVI. 12.) Сама природа воспитала Араба для его судьбы. Тѣломъ онъ былъ легокъ и худощавъ; но жилистъ, бодръ и способенъ переносить всякаго рода труда и непогоду. Онъ былъ умѣренъ, и даже воздерженъ; пици употреблялъ мало, и то самую простую. Духъ его, такъ же какъ и тѣло, былъ легокъ и живъ. Онъ обладалъ въ высокой степени душевными качествами Симова племени: пронциательностію, остроуміемъ, понятливостію и яркимъ воображеніемъ. Его впечатлѣнія были живы и сильны, хотя не продолжительны; гордый и смѣлый духъ выражался на его смугломъ лицѣ и сверкалъ въ его огненныхъ, черныхъ глазахъ. Онъ легко приходилъ въ восторгъ отъ краснорѣчія и бывалъ очарованъ красотою поэзіи. Владѣя языкомъ, богатымъ до высшей степени, слова котораго многіе сравнивали съ драгоценными каменьями и цвѣтами, онъ былъ природнымъ ораторомъ; но ему

нравились пословицы и апоёгмы болѣе, нежели послѣдательный токъ рѣчи, и онъ любилъ выражать свои мысли въ восточной формѣ иносказаній и притчи.

Не смотря однакожъ на безпокойную склонность къ войнѣ и разбоямъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ великодушень и гостеприимень. Дарить—для него было счастьемъ; его двери всегда отворялись для путника, и онъ былъ готовъ раздѣлить съ нимъ свой послѣдній кусокъ; а если и самому залятому врагу его хотя разъ случилось преломить съ нимъ хлѣба, то онъ уже могъ безопасно отдыхать подъ ненарушимой святынею его шатра.

Въ тѣ времена, которыя Арабы называютъ временами *невиднїя*, между ними сильно распространены были двѣ вѣры, господствовавшія тогда на Востокѣ: Сабейская и Гебрская. Впрочемъ бѣольшая часть изъ нихъ исповѣдывала вѣру Сабейскую. Они относили ея начало къ Сабю, сыну Сиѡову, который, какъ они думаютъ, вмѣстѣ съ отцемъ своимъ Сиѡомъ и братомъ Энохомъ, похоронень въ пирамидахъ. Иные производятъ это имя отъ Еврейскаго слова *Саба*, т. е. *звѣзды*, и приписываютъ основаніе вѣры ассирійскимъ пастухамъ, которые, пася стада свои по ночамъ на равнинахъ, подъ безоблачнымъ небомъ, наблюдали положенія и движенія небесныхъ свѣтилъ и составили ученіе объ ихъ добромъ и зломъ вліяніи на дѣла человѣческія; а со временемъ халдейскіе философы и жрецы привели ихъ зыбкія понятія въ систему, которая, какъ предполагають, даже древнѣе египетской.

Другіе возводятъ ея начало еще выше и утверждаютъ, что это была вѣра допотопнаго міра. Она пережила, какъ они думаютъ, потопъ и уцѣлѣла между патриархами. Она проповѣдана была Авраамомъ, сохранена его потомками, сынами Израиля; подтверждена и освящена Скрижалю Закона, данной Моусею, среди грома и молніи, на горѣ Синайской.

Первоначально Сабейская вѣра была чиста и духовна. Она проповѣдывала единство Бога, ученіе о наградахъ и наказаніяхъ въ будущей жизни, необходимость добродѣтельной и святой жизни, чтобъ достигнуть блаженнаго безсмертія. Такъ глубоко было благоговѣніе Сабеевъ передъ Высочайшимъ Существомъ, что они никогда не произносили Его имени и не дерзали приблизиться къ Нему иначе, какъ черезъ посредствующихъ духовъ или ангеловъ. Этими духами, какъ они думали, населены и оживотворены были свѣтила небесныя, такъ же какъ человѣческое тѣло обитаемо и оживотворено душою. Ангелы поставлены были въ опредѣленныя сферы, чтобы наблюдать надъ міромъ и править имъ, служба Всевышнему. А потому Сабееве, обращаясь къ звѣздамъ и другимъ свѣтиламъ небеснымъ, не поклонялись имъ, какъ богамъ, но только просили тѣхъ ангеловъ, которые въ нихъ обитали, о заступничествѣ передъ Всевышнимъ; возводили очи свои черезъ созданныя существа къ Великому Создателю, Богу.

Эта вѣра мало по малу утратила свою первоначальную чистоту и простоту, и затемнена была тайнами, унижена идолопоклонствомъ. вмѣсто того, чтобы въ небесныхъ тѣлахъ видѣть жилища духовъ-посредниковъ, Сабееве стали поклоняться имъ, какъ богамъ; поставили въ честь имъ истуканы въ священныя пещерахъ и во тѣмѣ лѣсовъ, а наконецъ воздвигли этимъ кумирамъ храмы и поклонялись имъ, какъ вмѣстилищамъ божества. Кромѣ того вѣра Сабейская подверглась искаженіямъ и перемѣнамъ въ различныхъ странахъ, гдѣ она распространилась. Долго обвиняли Египеть, что онъ довелъ эту вѣру до крайней степени искаженія: въ статуяхъ, іероглифахъ и расписанныхъ гробницахъ этого таинственнаго царства видѣли памятники поклоненія, не только небеснымъ духамъ, но и самымъ низшимъ разрядамъ тварей, даже бездушнымъ вещамъ. Впрочемъ новѣйшія изслѣдованія и разысканія мало по малу снимаютъ съ

самаго глубокомысленнаго изъ народовъ древности, это обвиненіе, и, постепенно приподнимая завѣсу тайны, лежащую на гробницахъ Египта, открываютъ, что всѣ эти мнимые предметы боготворенія были не что иное, какъ символы различныхъ свойствъ Единого Верховнаго Существа, Котораго Святое имя не дерзали произносить смертныя. У Арабовъ Сабейская вѣра смѣшалась съ дикимъ суевѣріемъ и унизилась грубымъ идолопоклонствомъ. Каждое племя поклонялось своей особенной звѣздѣ или планетѣ, или воздвигло своего особеннаго кумира. Дѣтубійство осквернило обряды ихъ поклоненія. У кочевыхъ племень рожденіе дочери почиталось несчастьемъ: отъ нея мало могло быть пользы для бродячаго и разбойничьяго быта, а между тѣмъ она могла обезчестить семью худымъ поведеніемъ или плѣномъ. А потому, можетъ быть, противуестественный расчетъ примѣшивался къ ихъ набожному чувству, когда они приносили младенцевъ женскаго пола на жертву идоламъ, или заживо ихъ погребали.

Другая вѣра, раздѣлявшая, какъ мы сказали съ Сабейскою господство надъ Востокомъ, вѣра Маговъ (волхвовъ) или Гебровъ (огнепоклонниковъ), возникла въ Персіи, гдѣ, со временемъ, ея изуцное ученіе было предано письму великимъ пророкомъ и учителемъ Зороастромъ, въ его книгѣ Зендавестѣ. И эта вѣра, такъ же какъ Сабейство, была первоначально проста и духовна. Она проповѣдывала Единого, Всевышняго и Вѣчнаго Бога; учила, что въ Немъ и Имъ существуетъ міръ, и что Онъ, своимъ творческимъ словомъ, создалъ два жизненные начала: Ормузда,—начало или ангела свѣта или добра и Аримана,—начало или ангела тьмы или зла; что эти два начала образовали міръ изъ сочетанія своихъ противоположныхъ стихій, и находятся въ безпрестанной борьбѣ при устроеніи дѣлъ міра. Отъ того поперебѣнное господство добра и зла, сообразно съ тѣмъ, одолеваетъ ли ангелъ свѣта или ангелъ тьмы; и

эта борьба продлится до кончины міра; и тогда будетъ всеобщее воскресеніе и день судный: ангель тьмы, съ учениками своими, будетъ изгнанъ въ жилище горестнаго мрака; а ихъ противники взойдутъ въ блаженное царство вѣчно-непреходящаго свѣта.

Первоначальное богослуженіе этой вѣры было очень просто. Не было у волхвовъ ни храмовъ, ни жертвенниковъ, никакихъ священныхъ символовъ; они возносили свои молитвы и пѣснопѣнія прямо къ Божеству, обращаясь къ солнцу, гдѣ предполагали Его пребываніе. Они почитали это свѣтило, какъ жилище Божіе и какъ источникъ свѣта и теплоты, изъ которыхъ созданы всѣ прочія тѣла небесныя; зажигали огни на горныхъ вершинахъ, чтобы поддерживать свѣтъ во время его отсутствія. Зороастръ первый ввелъ обычай строить храмы, гдѣ священный огонь, нисшедшій будто бы съ неба, безпрестанно поддерживался подъ надзоромъ жрецовъ, которые хранили его денно и ночью.

Со временемъ и эта вѣра, такъ же какъ Сабейство, за символомъ забыла божественное начало; перешла въ поклоненіе свѣту и огню, какъ истинному божеству, и въ отвращеніе отъ мрака, какъ отъ сатаны или діавола. Волхвы, въ своей изступленной ревности, хватали невѣрныхъ и приносили ихъ на жертву пламени, ублажая тѣмъ свое огненное божество.

Къ ученію этихъ двухъ вѣръ относятся прекрасныя слова въ книгѣ Премудрости Соломоновой: *«Суетни убо вси чловѣци естественни, въ нихъ же обрѣтается невѣдѣніе о Бозѣ; и отъ видимыхъ благъ не возмогоша уразумѣти Сущаго, ни дѣломъ вземлюще познаша хитреца: но или огнь, или духъ, или скоръ въздухъ, или кругъ звѣздный, или зльнюю воду, или свѣтила небесная, строители міру боги (быти) возмнѣша. (Кн. Прем. Сол. XIII. 1, 2, 3.)*

Изъ этихъ двухъ вѣръ Сабейство, какъ мы ужъ замѣтили, было гораздо больше распространено между Арабами,

но въ крайне искаженномъ видѣ, смѣшанное со всякаго рода злоупотребленіями и разнообразное между различными племенами. Вѣра волхвовъ преимущественно господствовала у пограничныхъ племенъ, которыя находились въ частыхъ сношеніяхъ съ Персією; между тѣмъ какъ прочія племена заражались суевѣріемъ и идолопоклонствомъ отъ другихъ сосѣднихъ народовъ.

Еврейство проникло въ Аравію, хотя рано, но очень поверхностно и не полно. Однакожъ многіе изъ его обрядовъ, обычаевъ и поэтическихъ преданій укоренились между Арабами. Позднѣе, когда Палестина опустошена была Римлянами, а Іерусалимъ взятъ и разграбленъ, многіе Евреи нашли убѣжище у Арабовъ, слилися съ туземными племенами, сами составили свои общины; приобрѣли плодородные участки земли, построили замки, крѣпости, и возвысились до значительнаго могущества и вліянія.

Христіанская вѣра также имѣла своихъ исповѣдниковъ между Арабами. Самъ апостолъ Павелъ извѣщаетъ въ своемъ Посланіи къ Галатамъ, что вскорѣ послѣ того, какъ онъ призванъ былъ проповѣдать Христіанство язычникамъ, онъ *пришелъ въ Аравію*. А когда начались церковныя несогласія на Востокѣ, въ первыхъ годахъ третьяго вѣка, и возникли расколы, изъ которыхъ каждый, приобрѣтая власть, преслѣдовалъ прочіе, то много изгнанниковъ ушло въ отдаленныя страны Востока; они наполнили пустыни Аравіи отшельниками и распространили Христіанскую вѣру между нѣкоторыми изъ главныхъ племенъ.

Всѣ приведенныя нами обстоятельства, физическія и нравственныя, могутъ дать понятіе о тѣхъ причинахъ, которыя поддерживали неизмѣнность арабскаго быта. Одиночество положенія и обширныя пустыни предохраняли Арабовъ отъ завоевателей; внутренніе раздоры и отсутствіе общей связи, политической и религіозной, не дозволяли имъ самимъ сдѣлаться завоевателями. Они были огромнымъ сборищемъ

отдѣльныхъ общинъ, полныхъ личной силы, безъ совокупнаго могущества. Хотя они, при кочевой своей жизни, были крѣпки и дѣтельны, хотя всѣ почти были воинами съ самаго дѣтства; но обращали свое оружіе только другъ противъ друга, кромѣ немногихъ пограничныхъ племень, которыя иногда, какъ наемники, участвовали во внѣшнихъ войнахъ. А потому, въ то время какъ другія кочевыя племена Средней Азіи, вовсе не болѣе ихъ способныя къ войнѣ, въ продолженіе многихъ вѣковъ совершали удачныя нападенія и завоеванія въ образованномъ мірѣ,—этотъ воинственный народъ, не сознавая своей силы, разъединенный и недвижный, оставался во глубинѣ родимыхъ степей.

Наконецъ наступило то время, когда и его разрозненные племена соединились въ одну вѣру, одушевились однимъ общимъ дѣломъ; когда суждено было возстать могучему генію, который собралъ во едино эти разъединенные члены, одушевилъ ихъ собственнымъ пламеннымъ и отважнымъ духомъ, и повелъ ихъ за собою, какъ исполнѣ степей, на трепеть и на разрушеніе земнымъ царствамъ.

ГЛАВА II.

Рожденіе и родители Магометовы. Его младенчество и отрочество.

Магометъ, великій основатель Исламской вѣры, родился въ Меккѣ, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 569 года Христіанскаго лѣтосчисленія. Онъ происходилъ отъ храбраго и знаменитаго племени *Корейшъ*, которое дѣлилось на двѣ вѣтви, отъ двухъ родныхъ братьевъ: *Хашема* и *Абдъ-Шемса*. Хашемъ, Магометовъ предокъ, былъ великимъ благодѣтелемъ Мекки. Этотъ городъ, построенный среди безплодной и каменистой

страны, часто, въ прежнія времена, терпѣлъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Хашемъ, въ началѣ 6-го вѣка, установилъ два ежегодные каравана: одинъ зимою, въ Южную Аравію или Емень; другой лѣтомъ, въ Сирію. Тогда стали привозить въ Мекку обильные запасы и множество всякаго рода товаровъ. Городъ сдѣлался торговымъ средоточіемъ, и племя Корейшъ, принявшее значительное участіе въ этихъ караванахъ, стало богато и могущественно. Хашемъ тогда былъ хранителемъ Каабы, верховнаго святилища, къ которому Арабы стекались на поклоненіе. А храненіе Каабы ввѣрялось только самымъ уважаемымъ родамъ и семействамъ, какъ нѣкогда храмъ Іерусалимскій порученъ былъ храненію однихъ Левитовъ. И въ самомъ дѣлѣ, званіе хранителя Каабы соединялось со многими гражданскими почестями и преимуществами и сообщало тому, кому оно доставалось, власть надъ священнымъ городомъ.

По смерти Хашема, его сынъ Абдъ-аль-Мотальлебъ былъ преемникомъ его сана и наслѣдовалъ его патриотизмъ. Онъ спасъ священный городъ отъ нашествія войскъ и слоновъ, посланныхъ христіанскими князьями Абиссиніи, которые тогда держали Емень подъ своею властію. Такія важныя услуги отца и сына утвердили санъ хранителя Каабы за родомъ Хашема, къ великой досадѣ и зависти потомковъ Абдъ-Шемса.

У Абдъ-аль-Мотальлеба было нѣсколько сыновей и дочерей. Его сыновья, извѣстные въ исторіи, были: Абу-Таллебъ, Абу-Лахабъ, Аббасъ, Хамза и Абдаллахъ. Послѣдній изъ нихъ былъ меньшею и любимыи. Онъ женился на Амнѣ, дѣвушкѣ, происходившей изъ того же знаменитаго племени Корейшъ. Абдаллахъ до того отличался своею красотою и всѣми качествами, которыя привлекаютъ женскую любовь, что въ ту ночь, какъ онъ женился — если вѣрить мусульманскимъ преданіямъ—двѣсти дѣвъ изъ племени Корейшъ умерло съ горя.

Магометъ былъ первымъ и единственнымъ плодомъ этого брака, которой праздновался такъ ѳдетвенно. При его рожденіи, по свидѣтельству подобныхъ же арабскихъ преданій, совершились многія знаменія и чудеса, возвѣстившія появленіе младенца необыкновеннаго. Увѣряютъ, будто бы его мать не страдала муками рожденія; будто въ минуту его появленія на свѣтъ, небесное сіяніе освѣтило всю окрестность; а новорожденное дитя, возводя глаза къ небу, воскликнуло: «Великъ Богъ! нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и я пророкъ Его!»

Разсказываютъ, будто небо и земля восколебались при этомъ событіи. Озеро Сава попятилось къ своимъ таинственнымъ источникамъ, оставя сухіе берега; а рѣка Тигръ выступила изъ береговъ и залила окрестности. Дворецъ Хозроя, царя Персидскаго, поколебался въ своихъ основахъ, и многія изъ его башенъ обрушились. Въ эту тревожную ночь кади, или судья Персіи, видѣлъ во снѣ, что арабскій конь побѣдилъ свирѣпаго верблюда. Поутру онъ разсказалъ свой сонъ царю Персидскому и объяснилъ, что это предвѣщаетъ опасность отъ Аравіи.

Увѣряютъ, что въ эту же достопамятную ночь священный огонь Зороастровъ,—который хранился волхвами и непрерывно горѣлъ больше тысячи лѣтъ,—внезапно погасъ, и всѣ идолы въ мірѣ попадали съ мѣстъ своихъ. Демоны, или злые духи, что таятся въ звѣздахъ и знакахъ зодіака и своимъ враждебнымъ вліяніемъ смущаютъ дѣтей человеческихъ, были изгнаны чистыми ангелами и вмѣстѣ съ главнымъ вождемъ своимъ, Эблисомъ или Луциферомъ, низвержены во глубины моря.

Всѣ родственники новорожденного младенца, по свидѣтельству тѣхъ же преданій, исполнились благоговѣйнаго изумленія. Братъ его матери, астрологъ, наблюдалъ положеніе знаковъ и предсказалъ, что онъ достигнетъ огромнаго могущества, воздвигнетъ царство и утвердитъ между людьми но-

вую вѣру. Дѣдъ его, Абдъ-аль-Мотальлебъ, на седьмой день послѣ его рожденія, созвалъ на пирь всѣхъ главъ Корейшинскихъ, представилъ имъ новорожденного, какъ будущую славу ихъ племени и назвалъ его Магометомъ (или Мухаммедомъ), въ знакъ его будущей знаменитости. (1)

Таковы дивные рассказы мусульманскихъ писателей о дѣтствѣ Магометовомъ; и кромѣ подобныхъ басенъ не уцѣлѣло почти никакихъ извѣстій о первыхъ годахъ его жизни. Едва исполнилось ему два мѣсяца, какъ умеръ его отецъ; а въ наслѣдство послѣ отца осталось только пять верблюдовъ, нѣсколько овецъ и Эіюпская рабыня, по имени Баракать. Мать Магометова, Амина, сначала кормила его сама; но заботы и горе изсушили грудь ея, а такъ какъ и воздухъ Меккскій былъ нездоровъ для дѣтей, то она пошла искать ему кормилицу между женщинами сосѣднихъ Бедуинскихъ племенъ. Бедуинки обыкновенно пріѣзжали въ Мекку два раза въ годъ, весной и осенью, чтобы кормить Меккскихъ дѣтей; но онѣ искали только богатыхъ, гдѣ могли быть увѣрены въ щедрой наградѣ; а на этого наслѣдника бѣдности и смотрѣть не хотѣли. Наконецъ Халема, жена одного Саадитскаго пастуха, сжалилась и приняла къ себѣ въ домъ это безпомощное дитя. Она жила въ одной изъ горныхъ долинъ, гдѣ были пастбища (2).

Много чудесъ рассказывала Халема о своемъ питомцѣ. На пути изъ Мекки, тотъ мулъ, на которомъ онъ ѣхалъ, внезапно получилъ даръ слова и громко провозгласилъ, что онъ несетъ на себѣ величайшаго изъ пророковъ, главу послан-

(1) Слово *Магометъ* во арабски значить *достогаальный*. *Изд.*

(2) Племя Бени-Сааль (или Дѣли-Сааа) существуетъ съ глубокой древности, и, вмѣстѣ съ Катанскими Арабами, осталось послѣднею развалиною первобытныхъ Арабскихъ племенъ. Эта долина лежитъ между горами, которыя тянутся на полдень отъ Тѣйефа. (Burckhardt; on the Bedouins, Vol. II. p. 47.)

никовъ неба, любимца Божія. Овцы, встрѣчаясь ему на пути, преклонялись; когда онъ лежалъ въ колыбели и смотрѣлъ на мѣсяць, то и мѣсяць почтительно склонялся къ нему.

Благословеніе неба, какъ говорятъ арабскіе писатели, наградило человѣколюбіе Халемы. Покуда дитя оставалось подъ ея кровомъ, все вокругъ нея процвѣтало: ключи и колодцы никогда не пересыхали, пажити всегда зеленѣли, стада ея удесятирились, дивное изобиліе господствовало на ея поляхъ, и миръ царствовалъ въ ея домѣ.

Арабскія легенды превозносятъ сверхестественныя силы, тѣлесныя и умственные, которыя явились въ чудесномъ дитяти съ самаго ранняго возраста. Трехмѣсячный онъ уже могъ стоять самъ собою; семимѣсячный онъ уже бѣгалъ, а десяти мѣсяцевъ уже вмѣстѣ съ другими дѣтьми стрѣлялъ изъ лука. Осьми мѣсяцевъ онъ уже внятно могъ говорить; а еще черезъ мѣсяць свободно разговаривалъ и своею премудростію изумлялъ всѣхъ, кто его слышалъ.

Когда ему было три года, и онъ игралъ въ полѣ съ своимъ молочнымъ братомъ, Масрудомъ, ему явились два ангела, облеченные въ свѣтъ. Они бережно положили Магомета на землю, и одинъ изъ нихъ, Гавріилъ, разсѣкъ ему грудь, безъ боли; потомъ онъ вынулъ у него сердце и очистилъ его отъ всякой нечистоты. Онъ выдавилъ изъ него тѣ черныя, горькія капли первороднаго грѣха, которыя, какъ наслѣдство отъ нашего праотца Адама, таятся въ сердцахъ его потомковъ, даже самыхъ добрыхъ, и побуждаютъ ихъ къ преступленію. А когда Магометово сердце уже совершенно было очищено, онъ его наполнилъ вѣрою, знаніемъ, и пророческою прозорливостію; и потомъ опять вложилъ въ грудь младенцу. Тогда, какъ увѣряютъ тѣже свидѣтельства, сталъ исходить отъ лица Магометова тотъ таинственный свѣтъ, который преемственно переходилъ отъ Адама,

черезъ священный рядъ пророковъ, до временъ Исаака и Измаила; но который едва мерцалъ между потомками Измаила, покуда не возсіялъ опять, съ новою силой, отъ лица Магометова.

При этомъ же чудесномъ посѣщеніи, говорятъ далѣе, положена была между плечъ младенца и та печать пророчества, которая во всю его жизнь оставалась знаменіемъ и удостовѣреніемъ его божественнаго посланничества; хотя невѣрные и не видѣли въ ней ничего, кромѣ большаго родимаго пятна, величиною въ голубиное яйцо.

Когда рассказали Халемъ и ея мужу о дивномъ явленіи ангеловъ, то они испугались, не грозитъ-ли дитяти какая бѣда, и не были-ль эти чудесные посѣтители изъ рода тѣхъ злыхъ духовъ, что бродятъ въ пустыняхъ степей и наносятъ вредъ человѣческимъ дѣтямъ. А потому кормилица-Саадитянка отвезла его въ Мекку и отдала опять матери, Аминѣ.

Такъ онъ и оставался у матери. А когда ему наступилъ шестой годъ, она взяла его съ собою въ Медину, чтобы навѣстить своихъ родныхъ изъ племени Адиджа; но на возвратномъ пути она умерла и схоронена была въ Абвѣ, деревнѣ между Мединой и Меккою. Ея могила, какъ видимъ, была для ея сына цѣлью благочестивыхъ путешествій и предметомъ нѣжныхъ воспоминаній до самыхъ послѣднихъ лѣтъ его жизни.

Вѣрная рабыня, Абиссинянка Баракать, заступила мѣсто матери при осиротѣвшемъ дитяти, и понесла его къ его дѣду, Абдѣ-аль-Мотальлебу, въ домъ котораго онъ и оставался два года предметомъ нѣжныхъ заботъ. Но Абдѣ-аль-Мотальлебъ уже пережилъ обычный предѣлъ человѣческой жизни и склонялся подъ бременемъ старости. Чувствуя, что его конецъ уже близокъ, онъ призвалъ своего старшаго сына, Абу-Талеба, и поручилъ Магомета его особенному хра-

ненію. Добрый Абу-Талебъ прижалъ племянника къ сердцу и навсегда сохранилъ къ нему отеческое чувство. А такъ какъ Абу-Талебъ, послѣ смерти отца, наследовалъ санъ хранителя Каабы, то въ домѣ его, гдѣ Магометъ провелъ нѣсколько лѣтъ своей жизни, господствовали обычаи священнаго сановника и строго соблюдались всѣ преданія и обряды храма. Здѣсь мы считаемъ за нужное рассказать подробнѣе, по арабскимъ преданіямъ, о началѣ Каабы и объ обрядахъ, преданіяхъ и суевѣріяхъ, съ нею соединенныхъ, потому что все это тѣсно связано съ вѣрой Ислама и съ исторіею его основателя.

ГЛАВА III.

Преданія о Меккѣ и о Каабѣ.

Когда Адамъ и Ева изринуты были изъ рая, — гласящихъ арабскія преданія, — то они упали въ различныхъ странахъ земли: Адамъ на одну изъ горъ острова Серендиба или Цейлона; а Ева въ Аравію, на берегъ Чермнаго моря, гдѣ теперь лежитъ пристань Джодда. Двѣсти лѣтъ они скитались по землѣ въ разлукѣ и одиночествѣ: пока наконецъ, за ихъ раскаяніе и скорбь, имъ позволено было опять сойтися вмѣстѣ на горѣ Арафатѣ, не далеко отъ нынѣшняго города Мекки. Говорятъ, что Адамъ, во глубинѣ своего горя и раскаянія, вознесъ руки и очи къ небу, и молилъ Бога о милосердіи, прося, чтобы дарованъ ему былъ алтарь, подобный тому, передъ которымъ онъ молился въ раю, и вокругъ котораго носились ангелы, совершая свое поклоненіе.

Молитва Адамова была услышана. Шатеръ или храмъ изъ свѣтлыхъ облаковъ, спущенъ былъ руками ангеловъ и поставленъ прямо подъ алтаремъ небеснаго рая. Съ тѣхъ

порь Адамь передь этимъ алтаремъ, нисшедшимъ съ неба, совершалъ свои молитвы и ежедневно обходилъ вокругъ него семь разъ, подражая обычному поклоненію ангеловъ.

По смерти Адамовой, — гласятъ тѣ же преданія, — этотъ облачный шатерь исчезъ, или снова былъ вознесенъ на небеса; но другой, того же вида и на томъ же мѣстѣ, построенъ былъ изъ камня и глины Сиѡмъ, сыномъ Адамовымъ. Потомъ и этотъ шатерь смытъ былъ потокомъ. А послѣ многихъ поколѣній, во времена Патріарховъ, когда Агарь и сынъ ея Измаиль погибали отъ жажды въ пустынѣ, ангель указалъ имъ ключъ или водный источникъ, близъ того мѣста, гдѣ стоялъ шатерь. Это былъ источникъ Земь-Земь, до сихъ поръ священный для потомковъ Измаиловыхъ. Вскорѣ послѣ того двое прохожихъ изъ исполинскаго племени Амалекитянъ, отыскивая верблюда, который сбѣжалъ изъ ихъ стана, набрали на этотъ источникъ, и, утоливши жажду, привели на это мѣсто своихъ товарищей. Здѣсь они основали городъ Мекку и приняли подъ свое покровительство Измаила и мать его Агарь. Скоро, однакоже, Амалекитянъ оттуда выгнали коренные жители той страны, у которыхъ Измаиль и остался. Когда онъ выросъ, то женился на дочери владѣтельнаго князя, отъ которой у него было много дѣтей, родоначальниковъ Арабскаго народа. Черезъ нѣсколько времени онъ, по Божію велѣнію, опять началъ строить Каабу, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ облачный шатерь. Въ этомъ благочестивомъ трудѣ отецъ его, Авраамъ, помогалъ ему. вмѣсто подмостковъ служилъ Аврааму чудесный камень, который поднимался и опускался съ нимъ вмѣстѣ, когда онъ воздвигалъ стѣны этого священнаго зданія. Онъ до сихъ поръ еще остался тамъ, какъ безцѣнное сокровище; и для всѣхъ истинныхъ Мусульманъ явственно видѣнь на немъ отпечатокъ ноги Авраамовой.

Покуда Авраамъ съ Измаиломъ созидали храмъ, Гаврииль Архангель принесъ имъ одинъ камень, о которомъ пре-

даніе разногласить: иные говорятъ, будто это одинъ изъ райскихъ драгоценныхъ каменевъ, упавъ на землю вмѣстѣ съ Адамомъ, послѣ затерявъ былъ подъ иломъ потопа и наконецъ опять открытъ Гавриломъ архангеломъ. Но болѣе распространено преданіе, будто это ангель-хранитель, что былъ приставленъ въ рай къ Адаму, а послѣ его паденія превращенъ въ камень и вмѣстѣ съ нимъ оттуда низверженъ за свое нерадѣніе. Авраамъ и Измаиль приняли этотъ камень съ должнымъ благоговѣніемъ и вложили его въ уголь вѣншей стѣны Каабы, гдѣ онъ и остался до сихъ поръ, и гдѣ богомольцы благоговѣнно цѣлуютъ его всякій разъ, какъ совершаютъ обходъ вокругъ храма. Сначала, когда его вложили въ стѣну, это былъ,—какъ рассказываютъ—цѣльный гіацинтъ ослѣпительной бѣлизны; но мало по малу онъ почернѣлъ отъ поцѣлуевъ грѣшныхъ смертныхъ. А когда настанетъ воскресеніе, онъ опять приметъ свой ангельскій образъ и предстанетъ передъ Богомъ, во свидѣтельство тѣмъ, кто вѣрно исполнялъ обряды благочестивыхъ странствованій.

Таковы арабскія преданія, въ силу которыхъ Кааба и источникъ Земь-Земь, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, стали предметами ревностнаго поклоненія для народовъ Востока и особенно для потомковъ Измаиловыхъ. Заключая въ стѣнахъ своихъ эти священные предметы, Мекка уже много вѣковъ прежде, чѣмъ возникло Магометанство, почиталась священнымъ городомъ и была средоточіемъ для богомольцевъ изъ всѣхъ концовъ Аравіи. Такъ повсемѣстно и такъ глубоко было набожное чувство при этомъ поклоненіи, что ежегодно четыре мѣсяца посвящались обряду благочестиваго странствованія, и въ продолженіи этого времени всѣ свято воздерживались отъ всякаго насилія и отъ войны. Тогда враждебныя племена отлагали оружіе; снимали остріе съ копій; спокойно проходили степи, еще не давно опасныя; толпились у воротъ Мекки въ одеждѣ странниковъ; семь разъ совершали обычное шествіе вокругъ Каабы, по примѣру полчищъ

ангельскихъ, прикасались къ таинственному черному камню и цѣловали его; пили и совершали омовенія изъ источника Земъ-Зема, въ память праотца Измаила; и наконецъ, исполнивши всѣ прочіе древніе обряды богомольцевъ, безопасно возвращались домой, чтобы снова приняться за оружіе и войну.

Между набожными обычаями Арабовъ во дни *неведѣнія*, то есть, прежде, чѣмъ распространилось ученіе Мусульманское, первое мѣсто занимали постъ и молитва. У нихъ было три главныхъ поста въ году: одинъ семидневный, другой девятидневный, а третій тридцатидневный. Каждый день они молились три раза: на восходѣ солнечномъ, въ полдень, и на закатѣ солнца, обращаясь лицомъ по направленію къ Каабѣ, которая была для нихъ *кеблою*, то есть средоточіемъ поклоненія. У нихъ было много преданій вѣры, изъ которыхъ нѣкоторыя издревле заимствованы у Евреевъ; говорятъ даже, что они питали свое набожное чувство Книгою Псалмовъ, и еще одной книгою нравственныхъ размышленій, которую приписываютъ Сиѳу.

Обряды и поклоненія, соединенныя съ священнымъ храмомъ, рано могли опредѣлить направленіе Магомета, воспитаннаго въ домѣ хранителя Каабы, и склонить его умъ къ мыслямъ о вѣрѣ, которыми послѣ онъ исполнился. Хотя его мусульманскіе жизнеописатели и стараются насъ увѣрить, будто бы его высокое назначеніе было ясно предсказано въ его дѣтствѣ знаменіями и чудесами; но, кажется, что его воспитаніе было такъ же пренебрежено, какъ и воспитаніе простыхъ арабскихъ дѣтей: мы видимъ, что его не учили даже ни читать, ни писать. Однакожь онъ и въ дѣтствѣ былъ полонъ мысли, живо все замѣчалъ, любилъ обдумывать то, что замѣтилъ, и одаренъ былъ воображеніемъ богатымъ, смѣлымъ и сообщительнымъ. Отъ ежегоднаго стеченія богомольцевъ изъ далекихъ странъ Мекка становилась вмѣстѣлицемъ всякаго рода ходячихъ свѣдѣній, и онъ, какъ

кажется, жадно ими питался и удерживалъ ихъ въ своей упрямой памяти. Вмѣстѣ съ годами постепенно разширялась и сфера его наблюдательности.

ГЛАВА IV.

Первое Магометово путешествие въ Сирію.

Магомету было 12 лѣтъ; но умъ его, какъ мы говорили, далеко опередилъ его возрастъ. Въ немъ пробудился наблюдательный духъ, который находилъ пищу въ разговорахъ съ богомольцами, приходившими со всѣхъ концовъ Аравіи. Его дядя, Абу-Талебъ, не только облеченъ былъ въ священный санъ хранителя Каабы; но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ однимъ изъ самыхъ предприимчивыхъ купцовъ племени Корейшъ и значительнымъ участникомъ въ караванахъ, которые заведены были его предкомъ Хашемомъ и отправлялись въ Сирію и Емень. Приходъ и отходъ этихъ каравановъ, когда они тѣснились у воротъ Мекки и наполняли ея улицы веселымъ шумомъ, были радостными событіями для такого отрока, какъ Магометъ, и увлекали его воображеніе въ края далекаго. Наконецъ не могъ онъ болѣе сладить съ своимъ пламеннымъ любопытствомъ, и разъ, когда дядя готовъ уже былъ сѣсть на верблюда и ѣхать съ караваномъ въ Сирію, онъ уцѣпился за него и сталъ умолять, чтобъ онъ его взялъ съ собою. «Дядюшка!» сказалъ онъ, «кому жъ меня будетъ беречь, какъ ты уѣдешь?»

Эта просьба тронула мягкосердечнаго Абу-Талеба. Ему пришло на мысль, что Магометъ уже достигъ такого возраста, когда ему люба было вступить на дѣятельное поприще арабской жизни, и что онъ уже способенъ былъ принести каравану не мало пользы; а потому онъ согласился и взялъ его съ собою.

Дорога шла черезъ области, богатяя баснями и преданіями, которыя Арабы такъ любятъ рассказывать на вечернихъ стоянкахъ каравана. Въ необозримыхъ пустыняхъ степей, гдѣ этотъ кочевой народъ проводитъ почти всю свою жизнь, роскошно плодятся суевѣрные призраки; а потому Арабы населили ихъ добрыми и злыми духами и наполнили рассказами о чародѣйственныхъ силахъ, перемѣшанными съ дивными событіями древнихъ временъ. Нѣтъ сомнѣнія, что на этихъ вечернихъ стоянкахъ каравана, отроческій духъ Магометовъ напитался многими изъ степныхъ суевѣрій; что они навсегда остались въ его памяти и сильно дѣйствовали на его воображеніе. Мы здѣсь особенно замѣтимъ два преданія, которыя онъ вѣроятно слышалъ въ это время, и послѣ, черезъ много лѣтъ, рассказавъ въ Коранѣ. Одно относилось къ гористымъ окрестностямъ Хеджара. Здѣсь, когда караванъ извивался по дорогѣ, черезъ безмолвныя и запустѣлыя долины, видны были пещеры, изсѣченныя по скатамъ горъ, гдѣ нѣкогда жило племя Бени-Тамудъ или Дѣти Тамуда, одно изъ погибшихъ племенъ Аравіи; и вотъ какое было о немъ преданіе:

Это было гордое племя исполиновъ, жившее еще до временъ Авраамовыхъ. Оно впало въ слѣпоту идолопоклонства, и Богъ ему послалъ пророка, по имени Салеха, чтобы возвратить его на путь истинный. Но они не хотѣли его слушать, покуда онъ не докажетъ божественность своего посланничества и не велитъ горѣ родить жеребую верблюдицу. Тогда Салехъ помолился, и вотъ! разверзлась скала, и вышла изъ нея верблюдица, которая вскорѣ потомъ ожеребилась. Нѣкоторые изъ Тамудитянъ убѣдились чудомъ, и пророкъ отвратилъ ихъ отъ идолопоклонства; но большая часть упорствовала въ невѣріи. Салехъ оставилъ у нихъ верблюдицу, какъ знаменіе; но съ угрозою, что надъ ними разразится гнѣвъ небесный, если эта верблюдица будетъ ими обижена. Нѣсколько времени верблюдица спокойно кормилась на ихъ пастбищахъ, каждое утро выходя изъ

скалы и возвращаясь вечеромъ. Правда, что когда она наклоняла голову, чтобы напиться изъ ручья или источника, то уже никогда не поднимала ее, не допивши послѣдней капли воды; за то она давала столько молока, что можно было напоить имъ все племя. Но такъ какъ всѣ прочіе верблюды отъ нея разбѣгались со страхомъ, то наконецъ озлобленные Тамудитяне связали ее и убили. Тогда раздался грозный голосъ съ небесъ, и разразились надъ ними страшные удары грома; а поутру увидѣли, что грѣшники всѣ лежатъ мертвые, лицомъ къ землѣ. И такъ все племя стерто было съ лица земли; а надъ областью тою навсегда отяготѣлъ гнѣвъ небесный.

Это преданіе такъ сильно запечатлѣлось въ душѣ Магометовой, что онъ никогда, и въ позднѣйшіе годы, не позволялъ своему народу разбивать станъ вблизи этой области, и спѣшилъ отводить его въ сторону, какъ отъ проклятаго мѣста.

Другое преданіе, слышанное имъ во время этого путешествія, относилось къ городу Эйль, близъ Чермнаго моря. На этомъ мѣстѣ, какъ говорили, жило въ древности одно изъ племенъ Еврейскихъ, которое впало въ идолопоклонство и осквернило Субботу, дерзнувъ ловить рыбу въ этотъ священный день. За то всѣ старики обращены были въ свиней, а молодые въ обезьянъ.

Мы потому особенно замѣтили эти два преданія, что они оба приведены Магометомъ, какъ примѣры Божьяго суда надъ грѣхомъ идолопоклонства, и оба обнаруживаютъ то направление, которое его молодая душа уже принимала въ отношеніи къ этому важному предмету.

Мусульманскіе писатели рассказываютъ намъ, по своему обычаю, какія чудесныя обстоятельства сопровождали отрока въ этомъ путешествіи, доказывая ему ежеминутное покровительство небесъ. Разъ, когда онъ проѣзжалъ черезъ

горячіе пески степей, надъ нимъ леталъ невидимый ангелъ и осѣнялъ его крыльями; но конечно это чудо не могло быть подтверждено свидѣтельствомъ очевидца. Въ другой разъ его оберегало облако, которое висѣло надъ его головою въ полуденный зной. Случилось также, когда онъ хотѣлъ укрыться подъ скудной тѣнью засохшаго дерева, что дерево вдругъ разцвѣло и одѣлось листьями.

Пройдя черезъ древнія области Моавитянъ и Аммонитянъ, часто упоминаемыхъ въ Священномъ Писаніи, караванъ прибылъ въ Босру или Бостру, на Сирской границѣ, въ области Манассіина колѣна, за Иорданомъ. Въ библейскія времена это былъ городъ Левитовъ, а теперь тамъ жили Несторіанскіе Христіане. Босра была значительнымъ торговымъ городомъ, куда приходили ежегодные караваны; и тутъ наши путники, остановившись на отдыхъ, разбили свои шатры не въ далекъ отъ Несторіанскаго монастыря.

Монастырское братство очень радушно приняло Абу-Талеба и его племянника. Одинъ изъ монаховъ, котораго иные называютъ Сергіемъ, а другіе Бахиною, (1) бесѣдуя съ Магометомъ, дивился ранней зрѣлости его ума, и очарованъ былъ его пламенной любознательностью. А сія любознательность, какъ видно, особенно обращена была на предметы богословскіе. У нихъ бывали частыя бесѣды объ этихъ предметахъ, и можно думать, что рѣчи монаха преимущественно были направлены противъ идолопоклонства, въ которомъ Магометъ былъ воспитанъ; тѣмъ больше, что Несторіанскіе Христіане отвергали даже поклоненіе иконамъ и осуждали всякое ихъ употребленіе; въ пылу своей ревности, они подвергнули даже и крестъ, всеобщее знаменіе Христіанства, почти такому же запрещенію.

(1) Нѣкоторые думаютъ, что этими двумя именами назывались два монаха, которые бесѣдовали съ Магометомъ.

Многіе думали, что Магометъ въ этихъ отроческихъ бѣсѣдахъ съ отшельникомъ пріобрѣлъ знакомство съ правилами и преданіями Христіанской вѣры, которое послѣ въ немъ было замѣтно; но вѣроятно, однакоже, что онъ и послѣ видѣлся съ нимъ, потому что не разъ бывалъ въ Сиріи.

Мусульманскіе писатели увѣряютъ, будто вниманіе монаха къ молодому иноземцу было возбуждено печатью пророчества, которую онъ случайно замѣтилъ между его плечами. А на возвратномъ пути въ Мекку, говорятъ они, когда уже они отъѣзжали, монахъ совѣтовалъ Абу-Талебу беречь племянника, чтобы онъ не попался въ руки Евреевъ, предвидя пророческимъ окомъ тѣ огорченія и то упорство, которое онъ долженъ былъ испытать отъ этого народа.

Однакожъ не нужно было никакого чудеснаго знаменія, чтобы въ монахѣ-еретикѣ, старавшемся о распространеніи своихъ мнѣній, возбудить участіе къ умному и любознательному отроку, племяннику хранителя Каабы, который могъ принести съ собою въ Мекку сѣмена Христіанства, посѣянные въ его молодую душу; и естественно было монаху заботиться, чтобы этотъ отрокъ, котораго онъ еще надѣялся обратить, пока не установились его богословскія мнѣнія, не былъ увлеченъ въ Еврейскую вѣру.

Когда Магометъ возвратился въ Мекку, его воображеніе кипѣло дивными разсказами и преданіями, слышанными имъ въ степяхъ, а то ученіе, которое онъ узналъ въ Несторіанскомъ монастырѣ, глубоко проникло въ его душу. Кажется, что въ немъ и на всю жизнь осталось таинственное почтеніе къ Сиріи, вѣроятно отъ тѣхъ религіозныхъ впечатлѣній, которыя она въ немъ оставила. Сирія была та земля, куда Авраамъ пришелъ изъ Халдеи, неся съ собою первобытное поклоненіе единому истинному Богу. «Такъ!»—говаривалъ Магометъ въ позднѣйшіе годы,—«въ Сиріи Богъ искони соблюдалъ хранителей Своего слова, а числомъ ихъ сорокъ; когда одинъ умираетъ, другой бываетъ посланъ въ

замѣну; черезъ нихъ надъ этой землею благословеніе.» — Или: «Да радуется народъ Сирійскій: ангелы милосердаго Бога его осыняютъ крылами.» (1)

Примѣчаніе. Въ шестой главѣ Корана разсказано обращеніе Авраамова изъ идолопоклонства, въ которомъ весь міръ погрязъ послѣ потопа. Отецъ Авраамовъ Азеръ (или Зерахъ, какъ имя его передано въ Писаніи) былъ идолопоклонникъ и занимался дѣланіемъ кумировъ.

«И сказалъ Авраамъ своему отцу Азеру: Зачѣмъ считаешь ты истукановъ за боговъ? во истинну и ты и народъ твой въ заблужденіи.»

«Тогда отверзлась Аврааму твердь небесная, и могъ онъ видѣть міроуправленіе.»

«А когда наступила ночь, и тьма осынила землю, онъ увидѣлъ свѣтлую звѣзду, сіяющую на тверди, и воскликнулъ къ своему народу, преданному астрологій: Вотъ, по словамъ вашимъ, Богъ!»

«Но звѣзда зашла, и Авраамъ сказалъ: Я не вѣрую въ боговъ заходящихъ.»

«Онъ увидѣлъ восходящій мѣсяцъ, и воскликнулъ: Должно быть это Богъ; — но зашелъ и мѣсяцъ, и онъ смутился, и сталъ молиться такими словами: Направь, о Боже, мои стопы, чтобъ и я, какъ этотъ народъ, не сбился съ пути!»

«Когда онъ увидѣлъ восходящее солнце, онъ воскликнулъ: Ничто не сравнится съ этимъ величіемъ, ужъ это вѣрно самъ Богъ!—но зашло и солнце. Тогда Авраамъ сказалъ: Не вѣрую я, о народъ мой, въ тѣ созданія, которыя ты называешь богами. Во истину, я къ Нему обращаю лице мое, къ Творцу, создавшему небо и землю.»

1) Мишкаты-уль-Масабихъ. Vol. II., p. 812.

ГЛАВА V.

Торговья занятія Магомета. Его бракъ съ Кадиджею.

И такъ Магометъ вполне предался дѣятельной жизни, и часто провожалъ братьевъ своего отца въ различныя путешествія. Мы видимъ, какъ онъ, когда ему было около шестнадцати лѣтъ, съ дядей своимъ Зоберомъ, провожалъ караванъ до Еменя; въ другой разъ онъ провожаетъ, какъ оруженосецъ, того же дядю, который ведетъ войско Корейшанъ, на помощь Кенанитянамъ, противъ племени Хавазана. Этотъ походъ называютъ первымъ подвигомъ Магометовымъ на военномъ поприщѣ, хотя онъ только подавалъ дядѣ стрѣлы въ пылу сраженія и заслонялъ его щитомъ отъ стрѣлъ непріятельскихъ. Арабскіе писатели называютъ эту войну *Аль-фаджаръ* или нечестивой войною, потому что она происходила въ священные мѣсяцы богомольнаго странствія.

Вступая въ зрѣлый возрастъ, Магометъ служилъ у многихъ купцовъ, какъ торговый дѣлецъ или повѣренный, при караванныхъ путешествіяхъ въ Сирію, Емень и другія земли; и эти поѣздки расширяли кругъ его наблюдений, давали ему живое знаніе характеровъ и дѣлъ человѣческихъ.

Часто онъ бывалъ и на ярмаркахъ; а ярмарки въ Аравіи не всегда были одними торговыми сборищами; тамъ иногда между различными племенами происходили стихотворныя состязанія: побѣдителямъ присуждались награды, и награжденные поэмы сберегались въ хранилищахъ княжескихъ. Такъ, на примѣръ, было на ярмаркѣ Окадской; и семь поэмъ, которымъ присуждены награды, повѣшаны, какъ трофеи, въ Каабѣ. На этихъ же ярмаркахъ можно было услышать арабскія народныя преданія и встрѣтить разно-

образныя вѣрванія, которыя были въ ходу въ Аравіи. Подобныя устные источники постепенно доставили Магомету много разнообразныхъ свѣдѣній о вѣрахъ и ученіяхъ, которыя послѣ оныя обнаруживалъ.

Въ это время жила въ Меккѣ одна вдова, по имени Кадиджа (или Кадичжа), изъ племени Корейшъ. Она уже два раза была за мужемъ. Послѣдній мужъ, богатый купецъ, умеръ не задолго передъ тѣмъ, и многосложныя дѣла ея дома нуждались въ руководителѣ. Племянникъ этой вдовы, по имени Джузима, познакомился съ Магометомъ во время его торговыхъ путешествій, и замѣтилъ, съ какимъ умньемъ и съ какою честностью оныя поступалъ во всѣхъ случаяхъ. Оныя обратилъ на него вниманіе своей тетки, какъ на человѣка, вполне способнаго быть ея повѣреннымъ. Вѣроятно и наружность Магометова сильно подкрѣпила похвалы племянника, потому что ему тогда было лѣтъ двадцать пять, а арабскіе писатели превозносятъ его мужественную красоту и пріятное обращеніе. Кадиджѣ такъ сильно захотѣлось удержать его за собою, что она предложила ему двойное жалованье за проводы каравана, который она готовила отправить въ Сирію. Магометъ, поговоривши съ дядею, Абу-Талемомъ, по его совѣту, принялъ предложеніе. Въ этой поѣздкѣ съ нимъ были и помогали ему племянникъ вдовы Джузима и ея рабъ Майсара; и Кадиджа была такъ довольна его распоряженіями, что, когда оныя возвратился, она заплатила ему вдвое противъ обѣщаннаго. Потомъ она посылала его въ южную Аравію съ такими же порученіями, и каждый разъ была имъ также довольна.

Кадиджѣ тогда наступилъ сороковой годъ; она была женщина умная и опытная. Ея уваженіе къ душевнымъ качествамъ Магометовымъ постепенно возрастало, а свѣжесть и красота юноши начали проникать въ ея сердце. Тогда, по арабскимъ преданіямъ, очень кстати совершилось чудо, которое укрѣпило и освятило ея сердечную склонность. Разъ,

въ полдень, она сидѣла, вмѣстѣ съ своими прислужницами, на плоской крышѣ своего дома, и ждала каравана, который долженъ былъ притти съ Магометомъ. Когда онъ подходилъ, она съ изумленіемъ увидѣла, что его охраняли отъ солища два ангела тѣнью своихъ крыльевъ. «Смотрите!» — сказала она въ восторгѣ, обратившись къ своимъ прислужницамъ, — «Аллахъ послалъ своему любимцу двухъ ангеловъ для охраненія.»

Такими же ли вѣрующими взглядами посмотрѣли прислужницы, какъ ихъ госпожа, и такъ же ли онѣ увидѣли ангеловъ, объ этомъ молчитъ преданіе. Однимъ словомъ Кадиджа проникнута была живой вѣрою въ сверхъестественныя заслуги своего молодаго повѣреннаго, и тогда же поручила вѣрному рабу Майсарѣ предложить ему ея руку. Объ этихъ переговорахъ разсказывается просто и коротко. «Магометъ!» спросилъ у него Майсара, — «отъ чего ты не женишься?» — «Не съ чѣмъ,» — отвѣчалъ Магометъ. «А если бы богатая невѣста предложила тебѣ свою руку: да еще красавица, знатная родомъ?» — «А кто же она?» — «Кадиджа!» — «Какъ это возможно?» — «Положись на меня!» — Майсара пришелъ къ своей госпожѣ и разсказалъ все, какъ было. Назначень бытъ часъ для свиданія, и дѣло сладилось такъ же быстро и такъ же умно, какъ поступалъ Магометъ во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ Кадиджѣ. Отецъ Кадиджинъ сначала противился браку, по бѣдности Магометовой; онъ держался обыкновеннаго понятія, что будто бы должно богатство соединять съ богатствомъ: но благоразумная вдова видѣла въ богатствѣ только возможность слѣдовать влеченію сердца. Она дала большой пиръ, на который пригласила своего отца и прочихъ родственниковъ, также Магометовыхъ дядьевъ, Абу-Талеба и Хамзу, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими Корейшанами. Вино на этомъ пиру текло обильно, и скоро развеселило гостей. Всѣ возраженія противъ бѣдности Магометовой были забыты; Абу-Талебъ и Варака, Кадиджинъ

родственникъ, говорили похвальные рѣчи предстоящей свадьбѣ, условились о брачныхъ дарахъ, и бракъ заключенъ былъ законнымъ порядкомъ.

Тогда Магометъ велѣлъ убить верблюда передъ своими воротами и мясо его раздать бѣднымъ. Двери дома его открыты были для всѣхъ приходящихъ; рабыни Кадиджины плясали подъ звуки тимпановъ, и все было полно радости и веселья. Даже Абу-Тalebъ забылъ тогда свою старость и привычную задумчивость, и развеселился. Онъ изъ своего кармана заплатилъ вѣно въ двѣнадцать съ половиною оковъ золота, равноцѣнное двѣнадцати молодымъ верблюдамъ. Халему, которая выкормила Магомета въ младенчествѣ, также пригласили повеселиться на его свадьбѣ. Ей подарили сорокъ овецъ, и она возвратилась богатая и счастливая въ свою родную долину, въ степь Саадитскую.

ГЛАВА VI.

Жизнь Магомета послѣ свадьбы. Онъ задумываетъ преобразование вѣры. Его склонность къ уединенному созерцанію.

Видѣніе въ пещерѣ. Онъ провозглашенъ пророкомъ.

Женившись на Кадиджѣ, Магометъ сталъ однимъ изъ первыхъ богачей въ своемъ родномъ городѣ. Его душевныя качества давали ему также большое вліяніе въ обществѣ. «Аллахъ,» — говоритъ историкъ Абульфедъ, — «излилъ на него всѣ дары, какіе могутъ возвысить и украсить честнаго человѣка; онъ былъ такъ прямодушенъ и чистъ, такъ далекъ отъ всякой злой мысли, что у всѣхъ извѣстенъ былъ подъ именемъ *Аль-Аминъ* или *Вѣрный*.»

По всеобщему довѣрію къ его разуму и честности, онъ часто бывалъ посредникомъ въ спорахъ между сограждана-

ми. Въ примѣръ его разума, рассказываютъ слѣдующій случай. Въ Каабѣ, послѣ пожара, необходимы были починки и нужно было перемѣстить священный черный камень. Тогда возникъ споръ между главами различныхъ племень: кому приличнѣе совершить такое священное дѣло? — и согласились положиться на рѣшеніе перваго, кто войдетъ въ ворота Аль-Харамъ. Случилось войти Магомету. Онъ выслушалъ всѣ ихъ доводы, велѣлъ разложить на землѣ широкое полотно и положить на него камень, а потомъ изъ каждаго племени по одному человѣку взяться за края полотна. Такимъ образомъ священный камень поднять былъ дружно, ровно и одновременно всѣми, и положенъ въ назначенномъ мѣстѣ, гдѣ Магометъ утвердилъ его своими руками.

Плодомъ его брака съ Кадиджею были четыре дочери и одинъ сынъ. Сына звали Касимомъ; а потому и Магометъ иногда назывался Абу-Касимъ, или отецъ Касимовъ, по арабскому обычаю. Но этотъ сынъ умеръ еще въ младенствѣ.

Магометъ и послѣ женитьбы нѣсколько лѣтъ продолжалъ заниматься торговлею; бывалъ на большихъ арабскихъ ярмаркахъ и пускался въ даль съ караванами. Но его поѣздки уже не такъ были прибыльны, какъ прежде, когда онъ былъ только повѣреннымъ, и богатство, его прибрѣтенное за женою, не только не увеличивалось, а уменьшалось отъ его предприятий. Богатство избавило его отъ необходимости трудиться изъ куска хлѣба, и дало возможность отдаться природному влеченію души—любви къ мечтаніямъ и набожному созерцанію, которою онъ отличался съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Эта склонность во время его путешествій питалась разговорами съ Евреями и Христіанами, которые первоначально пришли въ Аравію какъ изгнанники, а тогда уже сомкнулись въ племена, или составляли часть городского населенія. Арабскія степи, богатая, какъ мы видѣли, фантастическими суевѣріями, также давали пищу его восторжен-

ной мечтательности. А кромѣ того, съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился на Кадиджѣ, у него былъ и домашній оракуль, который оставилъ слѣды въ его религіозныхъ мнѣніяхъ. Этѣ былъ двоюродный братъ его жены, Варака, человекъ съ умомъ созерцательнымъ и зыбкой вѣрою: первоначально Еврей, потомъ Христіанинъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ изучавшій и астрологию. Онъ замѣчателенъ, какъ первый извѣстный переводчикъ нѣкоторыхъ частей Ветхаго и Новаго Завета на арабскій языкъ. Ему, какъ думаютъ, Магометъ обязанъ многими свѣдѣніями объ этихъ книгахъ и многими преданіями изъ Мишны и Талмуда, которыя онъ такъ часто приводитъ въ Коранѣ.

Всѣ эти знанія, пріобрѣтенныя такъ разнообразно и сохраненныя въ памяти, необыкновенно воспримчивой, прямо противорѣчили тому грубому идолопоклонству, которое господствовало въ Аравіи и совершалось въ Каабѣ. Мало по малу этотъ священный храмъ наполнился и окруженъ былъ кумирами, числомъ до трехъ сотъ шестидесяти: по одному на каждый день арабскаго года. Туда снесены были кумиры изъ многихъ земель и божества иноплеменные; главное изъ нихъ было Хобаль, изъ Сиріи, которому приписывали силу ниспосылать дожди. Въ числѣ кумировъ были также и Авраамъ съ Измаиломъ, которыхъ нѣкогда почитали какъ пророковъ и родоначальниковъ, а теперь стали изображать съ гадательными стрѣлами въ рукахъ, выражавшими символы магіи.

Ожесточеніе Магометово противъ грубости и безсмыслія идолопоклонства возрастало по мѣрѣ того, какъ его проникательный духъ сравнивалъ ихъ съ другими вѣроученіями, предметами его размышлений. Во многихъ мѣстахъ Корана проглядываетъ главная мысль, которая постепенно росла въ душѣ его, пока наконецъ совсѣмъ не овладѣла имъ и не стала основою всѣхъ его дѣйствій. Эта мысль была—преобразование вѣры. Всѣ его знанія, всѣ размышле-

нія, приводили его къ твердому убѣжденію, что единая правая вѣра открыта была Адаму при созданиі, что она плодилася и процвѣтала во дни невинности; и что эта вѣра проповѣдывала прямое, духовное поклоненіе истинному, единому Богу, Творцу вселенной.

Онъ убѣжденъ былъ, что эта высокая и простая вѣра не разъ бывала повреждена и унижена человекомъ, и особенно обезображена въ идолопоклонствѣ; а потому пророки, вдохновенные божественнымъ откровеніемъ, посылались одинъ за другимъ черезъ долгіе промежутки времени, чтобы возстановить ея первобытную чистоту. Таковы были Ной, Авраамъ, Моисей; и таковъ, по его мнѣнію, былъ І. Христосъ. Каждый изъ пророковъ возстановлялъ на землѣ истинную вѣру, но ихъ послѣдователи снова ее искажали. Особенно та вѣра, которую проповѣдалъ и въ которой жилъ Авраамъ, по выходѣ своемъ изъ Халдеи, была, кажется, образцемъ вѣры въ понятіяхъ Магомета, что видно изъ его почтенія къ Аврааму, отцу Измаилову, родоначальнику Арабовъ.

Магометъ думалъ, что наступила пора для новаго возстановленія вѣры. Міръ опять погрязъ въ слѣпомъ идолопоклонствѣ. Слѣдовало явиться новому пророку, освященному Божиимъ призваніемъ, чтобы возвратить заблудшихся дѣтей человеческихъ на истинный путь и возстановить въ Каабѣ прежнее поклоненіе, какое было при Авраамѣ и Патріархахъ. Кажется, что эта потребность близкаго пришествія пророка и неизбѣжность преобразованій овладѣли всею душою Магомета и породили въ немъ склонность къ задумчивости и размышленію, непримиримую съ обычными заботами жизни и шумомъ свѣта. Рассказываютъ, что онъ удалялся все больше и больше отъ общества; уходилъ въ пещеру на горѣ Харѣ, около трехъ миль на сѣверъ отъ Мекки, и тамъ, подражая пустыннымъ отшельникамъ христіанскимъ, оставался по цѣлымъ днямъ и ночамъ въ молитвѣ и размышленіи. Такъ онъ всегда проводилъ мѣсяцъ Рамаданъ, священ-

ный для Арабовъ. Наконецъ, сосредоточеніе мыслей на одномъ предметѣ и пламенное увлеченіе духа, не могли не произвести сильнаго дѣйствія на его здоровье. Онъ сталъ подверженъ снамъ, призракамъ и видѣніямъ.

Цѣлые шесть мѣсяцевъ сряду — по словамъ одного изъ его историковъ—у него постоянно были сны о томъ, чѣмъ на яву были заняты его мысли. Часто онъ становился безчувственъ ко всему, что его окружало и лежалъ на землѣ безъ памяти. Кадиджа всегда была его вѣрной спутницей въ уединеніи. Она съ заботливымъ безпокойствомъ видѣла эти припадки и умоляла его, чтобъ онъ сказалъ ихъ причину; но онъ либо избѣгалъ ея распросовъ, либо давалъ отвѣты таинственные. Нѣкоторые изъ его противниковъ говорили, что это падучая болѣзнь, но усердные Мусульмане называютъ эти припадки дѣйствіемъ пророческой силы. Внушенія Всевышняго, говорятъ они, уже начинали озарять его духъ, хотя еще не вполнѣ; и онъ страдалъ отъ присутствія откровеній, для смертной души необъятныхъ. Наконецъ, говорятъ они, все, что прежде одною только тѣнью начертывалось въ сновидѣніяхъ, стало явно и видимо черезъ явленіе ангела и чрезъ божественное призваніе.

Это достопамятное событіе совершилось на сороковомъ году его жизни. Мусульманскіе писатели рассказываютъ о немъ, какъ о слышанномъ изъ его собственныхъ устъ; на что есть намеки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Корана. Магометъ проводилъ мѣсяцъ Рамаданъ, по своему обычаю, въ пещерѣ на горѣ Харейской, въ постѣ, молитвѣ и уединенныхъ размышленіяхъ, вознося свои мысли къ созерцанію божественной истины. Наступила ночь, названная Арабами Аль-Кадеръ или Велъніе Божіе, та ночь, въ которую, по словамъ Корана, ангелы нисходятъ на землю, а Гавріиль приноситъ Божіи велѣнія. Въ эту ночь бываетъ миръ на землѣ, и во всей природѣ царствуетъ святая тишина до наступленія утра.

Среди безмолвнаго бдѣнія ночи Магометъ лежалъ заку-
танный въ плащъ, и услышалъ голосъ, который звалъ его;
когда онъ открылъ голову, его озарилъ потокъ свѣта,
столь невыносимо яркій, что онъ лишился чувствъ. Опа-
мятовавшись онъ увидѣлъ ангела въ человѣческомъ образѣ,
который подошелъ къ нему, и, развернувъ шелковую ткань,
изпещренную письменами, сказалъ ему: «Читай!»

«Я не умѣю читать!» отвѣчалъ Магометъ.

«Читай!» повторилъ ему ангелъ. «Во имя Бога, создавшаго
все, создавшаго человѣка изъ кроваваго шарика, читай во
имя Всевышняго, Того, Кто научилъ человѣка владѣть пер-
омъ, Кто освѣщаетъ его душу лучемъ знанія и научаетъ
предметамъ невѣданнымъ!»

Тогда Магометъ внезапно почувствовалъ, что умъ его оза-
рился небеснымъ свѣтомъ, и онъ прочелъ письмена на
шелковой ткани, которыя содержали въ себѣ велѣнія Божіи,
провозглашенныя послѣ въ Коранѣ. Когда онъ дочелъ, бо-
жественный посланникъ возвѣстилъ ему: «О Магометъ! во
истину ты пророкъ Божій, а я Гавриилъ, Его ангелъ!»

Говорять, что поутру Магометъ, въ трепетѣ и волненіи,
пришелъ къ Кадиджѣ, самъ не зная, точно ли правда все,
что онъ слышалъ и видѣлъ, и точно ли онъ, какъ пророкъ,
посланъ совершить то преобразование, о которомъ такъ дол-
го думалъ; или все это былъ призракъ, обольщеніе чувствъ,
или, что еще хуже, обманъ злаго духа?

Но Кадиджа на все смотрѣла глазами вѣры, съ довѣр-
чивостью женской любви. Она думала, что сбылись всѣ же-
ланія ея мужа, и насталъ конецъ его припадкамъ и стра-
даніямъ. «Ты принесть вѣсть радостную!» воскликнула она.
«Клянусь Тѣмъ, въ Чьихъ рукахъ душа Кадиджина, что съ
этого дня ты для меня пророкъ нашего народа!» «Радуйся,
сказала она, видя, что все еще онъ смущается, Аллахъ тебя
не допуститъ до посрамленія. Не ты ли всегда любилъ род-

ныхъ, былъ привѣтливъ къ сосѣдямъ, сострадательнъ къ бѣднымъ, радушенъ къ пришельцамъ, вѣренъ слову, крѣпокъ въ защитѣ правды?»

Кадиджа поспѣшила рассказать все, что слышала, своему двоюродному брату Варакъ, переводчику Святаго Писанія, который былъ у Магомета, какъ мы видѣли, домашнимъ оракуломъ въ дѣлахъ вѣры. Онъ, не усумнясь, ревностно принялъ чудесное возвѣщеніе и увѣровалъ въ него. «Клянись Тѣмъ, въ Чьихъ рукахъ душа Варакина, воскликнулъ онъ, что ты говоришь правду, Кадиджа! Ангель, который явился твоему мужу, тотъ самый, что въ древности посланъ былъ къ Моисею, сыну Амрамову. Его возвѣщеніе истинно: твой мужъ пророкъ!»

Говорятъ, что ревностное участіе ученаго Вараки сильно подѣйствовало на Магомета и разсѣяло его сомнѣнія⁽¹⁾.

(1) Густавъ Вейль, въ замѣткахъ къ своей книгѣ: *Пророкъ Магометъ*, рассматриваетъ вопросъ, точно ли Магометъ былъ подверженъ надучей болѣзни? Иные увѣряли, будто бы это клевета его враговъ и христіанскихъ писателей. Однакожь оказывается, что это утверждали нѣкоторые изъ его древнѣйшихъ мусульманскихъ жизнеописателей, которые ссылались на людей ему близкихъ. У него бывала, какъ они говорятъ, сильная дрожь, за которой слѣдовалъ родъ обморока, или, вѣрнѣе, конвульсін; тогда съ его лба струился потъ, даже и въ самую холодную погоду; онъ лежалъ, закрывши глаза, съ пѣною у рта и ревѣлъ, какъ молодой верблюдь. Въ истинѣ этого обстоятельства ссылаются на свидѣтельство Аеши, одной изъ его женъ, и ученика его Зеида. Они увѣрены были, что на него тогда сходило откровеніе. Такіе припадки однакожь съ нимъ бывали въ Меккѣ, еще прежде, нежели ему внушенъ былъ Коранъ. Кадиджа боялась, не злые ли духи вселились въ него и хотѣла была позвать на помощь заклинателя, чтобъ его отчитывать, но онъ воспротивился тому. Онъ не любилъ, чтобъ его видѣли во время этихъ припадковъ. Однакожь его видѣнія не всегда сопряжены бывали съ подобными припадками. Рассказываютъ, что однажды Харетъ-Ибнъ-Хашемъ

ГЛАВА VII.

МАГОМЕТЪ РАСПРОСТРАНЯЕТЪ СВОЕ УЧЕНИЕ ТАЙНО И МЕДЛЕННО. НОВЫЯ ОТКРОВЕНІЯ И ПОВЕЛЕНІЯ. ОНЪ ОБЪЯВЛЯЕТЪ РОДНЫМЪ О СВОЕМЪ ПРИЗВАНІИ. КАКЪ ОНО БЫЛО ПРИНЯТО. ВОСТОРЖЕННАЯ РЕВНОСТЬ АЛИ. ЗНАМЕНІЯ.

Сначала Магометъ не говорилъ никому объ этихъ откровеніяхъ, кромѣ своихъ домашнихъ. Его слуга Зеидъ, Арабъ изъ племени Калбъ, прежде другихъ призналъ себя его послѣдователемъ. Этотъ юноша взятъ былъ еще въ дѣтствѣ въ плѣнъ одною изъ разбойничьихъ шаекъ Корейшанъ, и достался Магомету либо по жеребью, либо былъ имъ купленъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, его отецъ, услышавши, что онъ въ Меккѣ, пріѣхалъ туда и предложилъ большую сумму за его выкупъ. «Если онъ захочетъ идти съ тобою,» сказалъ Магометъ, «то пусть идетъ и безъ выкупа, а если захочетъ остаться со мною, то почему же мнѣ его не оставить?» — Зеидъ захотѣлъ остаться, потому что съ нимъ, какъ онъ говорилъ, всегда обращались не какъ съ рабомъ,

---

спросилъ у него, какъ бываетъ ему откровеніе? «Часто, отвѣчалъ онъ, ангелъ является мнѣ въ человѣческомъ образѣ и говоритъ со мною. Иногда я слышу будто звонъ колокола, а ничего не вижу. (Звонъ въ ухахъ одинъ изъ признаковъ патучей болѣзни.) Когда улетитъ невидимый ангелъ, я бываю проникнутъ его влхновеніемъ.»—Онъ увѣрялъ, что многія изъ его откровеній были прямо отъ Бога, другія въ сновидѣніяхъ; потому что и сны пророковъ, какъ онъ говорилъ, суть откровенія.

Это примѣчаніе будетъ полезно для читателя, потому что оно проливаетъ свѣтъ на загадочное поприще необыкновеннаго чело-
вѣка.

а какъ съ сыномъ. Тогда Магометъ торжественно усыновилъ его, и онъ съ тѣхъ поръ навсегда остался при немъ въ дружественномъ повиновеніи. Теперь, когда онъ принялъ новую вѣру, то получилъ уже полную свободу; однакожъ во всю жизнь, какъ увидимъ, сохранилъ ту слѣпую приверженность, которую Магометъ, кажется, умѣлъ внушать своимъ послѣдователямъ и подчиненнымъ.

Первые шаги Магометовы на пророческомъ поприщѣ были опасны, сомнительны и облечены тайною. Онъ долженъ былъ ожидать враждебной встрѣчи со всѣхъ сторонъ, отъ своихъ ближайшихъ родственниковъ, Корейшанъ, изъ вѣтви Хашема, которыхъ могущество и выгоды связаны были съ идолопоклонствомъ; а еще болѣе отъ враждебнаго рода Абдъ-Шемса. Этотъ родъ давно смотрѣлъ съ ревнивой завистью на Хашемитянъ, и обрадовался бы случаю провозгласить ихъ еретиками и нечестивцами, чтобы вырвать у нихъ изъ рукъ храненіе Каабы. Главою этой вѣтви враждебныхъ Корейшанъ былъ Абу Софіанъ сынъ Харба, внукъ Омеи и правнукъ Абдъ-Шемса. Онъ былъ человекъ умный и честолюбивый, очень богатый и уважаемый, и сдѣлался послѣ, какъ мы увидимъ, однимъ изъ самыхъ непримиримыхъ и сильныхъ противниковъ Магометовыхъ. (1)

При такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ новая вѣра распространялась тайно и медленно; такъ что въ первые три года число исповѣдниковъ ея не превышало сорока человекъ, да и тѣ почти всѣ были молодые люди, иностранцы и рабы. На молитву они сходились тайно, иногда въ домѣ

(1) Нибуръ (Travels, vol. II.) говоритъ о племена Харба, что оно населяетъ нѣсколько городовъ и множество деревень въ горахъ Геджаскихъ, хребетъ которыхъ тянется между Меккой и Мединою. Они владѣютъ замками на крутыхъ скалахъ, нападаютъ на караваны и берутъ съ нихъ выкупъ. Полагаютъ, что это племя получило имя свое отъ отца Абу-Софіанова, такъ же какъ обширная вѣтвь Омеидовъ отъ его дѣда.

кого нибудь изъ единомышленниковъ, иногда въ пещерѣ, не подалеку отъ Мекки. Однакожъ и тайна не защитила ихъ отъ гоненія. Сходбища ихъ были открыты, толпа народа вломилась въ пещеру, и началась драка. Одинъ изъ нападающихъ раненъ былъ въ голову оружейникомъ Саадомъ, который съ тѣхъ поръ прославился между правовѣрными, какъ первый, пролившій кровь въ защиту Ислама.

Одинъ изъ самыхъ ожесточенныхъ противниковъ Магомета былъ его дядя Абу-Лахабъ, человекъ богатый, гордый и раздражительный. Его сынъ Ота былъ женатъ на третьей Магометовой дочери Рокаѣ, такъ что ихъ соединяло двойное родство. Абу-Лахабъ былъ также въ связяхъ и съ враждебными Корейшанами, женившись на Оммъ-Джемиль, сестрѣ Абу-Софіановой. Онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ жены и шурина. Онъ осуждалъ племянника и говорилъ, что ересь его должна обезславить все ближайшее ихъ родство и навлечь вражду всего остального племени Корейшанъ. Магометъ сильно тревожился ожесточенной неприязнью дяди, которую онъ приписывалъ внушеніямъ его жены, Оммъ-Джемили; тѣмъ болѣе огорчала его эта вражда, что онъ могъ видѣть, какъ она вредила счастью его дочери, Рокаи, которая должна была выносить упреки мужа и всей семьи за склонность къ учению отца.

Всѣ эти заботы и огорченія очень волновали его и усиливали смущеніе его духа. Онъ доходилъ до изнуренія, глаза его дико блуждали, и онъ сталъ часто впадать въ безпамятство. Тѣ изъ родныхъ, которые любили его, замѣтили перемѣну въ его лицѣ и боялись болѣзни; другіе смѣялись и говорили, что онъ сошелъ съ ума. Больше всѣхъ издѣвалась надъ нимъ жена его дяди, Абу-Софіанова сестра, Оммъ-Джемиль.

Плодомъ этого разстройства духа и тѣла было новое видѣніе или откровеніе, которое повелѣвало ему такъ: «Возстань,

проповѣдуй и прославь Господа!»—Теперь онъ долженъ былъ торжественно и смѣло провозгласить свое ученіе, начиная съ своихъ родныхъ и съ своего племени. И такъ, на четвертомъ году мнимаго своего посланничества, онъ созвалъ всѣхъ Корейшанъ изъ вѣтви Хашема на холмъ Сафу, не подалеку отъ Мекки, и объявилъ, что хочетъ говорить съ ними о дѣлѣ, для всѣхъ нихъ важномъ. Они собрались; между ними былъ и его недоброжелатель дядя, а съ нимъ и жена его, насмѣшница Оммъ-Джемиль. Только что началъ пророкъ говорить о своемъ посланничествѣ и возвѣщать свои откровенія, какъ Абу-Лахабъ вскочилъ въ бѣшенствѣ, и сталъ осыпать его ругательствами за то, что онъ смѣлъ созвать ихъ за такимъ вздоромъ; схвативши камень, онъ едва не бросилъ имъ въ него. Но Магометъ устремилъ на дядю грозный взглядъ, проклялъ руку, которая поднята была съ угрозою и предсказалъ, что его пожретъ огонь геенны. Онъ прибавилъ, что жена его, Оммъ-Джемиль, сама принесетъ связку терца, чтобы развести этотъ огонь.

Собраніе разошлось въ тревогѣ. Абу-Лахабъ и жена его, приведенныя въ ярость Магометовымъ проклятіемъ, заставили своего сына Оту развестись съ женою Рокаею, и отослали ее въ слезахъ назадъ къ Магомету. Впрочемъ она была скоро утѣшена правовѣрнымъ мужемъ: на ней съ радостью женился ревностный ученикъ Магометовъ Отманъ-Ибнъ-Аффанъ.

Не унывая отъ неудачи перваго опыта, Магометъ созвалъ новое собраніе Хашемитянъ къ себѣ на домъ; онъ угостилъ ихъ мясомъ ягненка и напоилъ молокомъ, потомъ всталъ и возвѣстилъ со всѣми подробностями, какое было ему нежданное откровеніе, и какъ, по Божію велѣнію, онъ долженъ провозгласить его всей ближайшей вѣтви своего рода.

«Сыны Абдъ-аль-Мотальеба!» воскликнулъ онъ въ восторгѣ; «вамъ изъ всѣхъ людей Аллахъ ниспослалъ свои

драгоценнѣйшіе дары! И я, во имя его, предлагаю вамъ все блаженства здѣшняго міра и все безконечныя радости будущаго. Кто изъ васъ хочетъ принять бремя моего предложенія? Кто хочетъ быть моимъ братомъ, моимъ намѣстникомъ, моимъ визиремъ?»

Все молчали. Иные дивились, другіе улыбались не доверчиво и насмѣшливо. Наконецъ Али съ юношеской ревностью вскочилъ съ мѣста и предложилъ себя въ слуги пророка, хотя и сознавалъ скромно свою молодость и тѣлесную слабость (1) Магометъ обнялъ великодушнаго юношу и прижалъ его къ сердцу. «Смотрите!» воскликнулъ онъ, «вотъ мой братъ, мой визирь, мой намѣстникъ! Все должны его слушать и повиноваться ему!»

На выходку такого мальчика, какъ Али, Корейшане отвѣчали громкимъ хохотомъ презрѣнія. Они смѣялись и надъ Абу-Талобомъ, отцемъ молодаго новообращенца, говоря, что онъ долженъ кланяться и повиноваться своему сыну.

Но, хотя ученіе Магометово такъ непріязненно было встрѣчено его роднею и друзьями, однакожь въ толпѣ народа оно нашло участіе, особенно между женщинами, которыя всегда готовы сочувствовать тѣмъ, кто подвергается гоненію. Многіе изъ Евреевъ сначала пристали къ Магомету; но послѣ, когда увидѣли, что онъ позволяетъ своимъ ученикамъ ѣсть верблюжье мясо, отступились отъ него и отвергли вѣру его, какъ нечистую.

Съ этихъ поръ Магометъ уже вполне предался влеченію своего восторженнаго духа, и сталъ вездѣ открыто и ревностно проповѣдывать свое ученіе, выдавая себя за про-

(1) По ошибкѣ переводчиковъ многіе утверждали, будто бы Али, предложивъ свое содѣйствіе, въ то же время безразсудно угрожалъ гибелью всемъ, кто станетъ противъ Магомета.

рока, посланнаго Богомъ, чтобы положить конецъ идолопоклонству и смягчить строгость законовъ Еврейскаго и Христіанскаго. Холмы Сафа и Кубейса, освященные преданіями объ Агари и Измаилѣ, были любимыми мѣстами его проповѣди, а гора Хара была его Синаемъ, куда онъ иногда уходилъ, дабы предаваться изступленному восторгу и изъ ея одинокой пещеры выносить новыя откровенія Корана.

Древніе христіанскіе писатели, говоря о пришествіи Магомета, называютъ его Аравійскимъ врагомъ Церкви и просто-душно разсказываютъ о многихъ бывшихъ тогда чудесахъ, какъ о грозномъ предвѣстіи тѣхъ ударовъ, которые вскорѣ должны были потрясти міръ. Въ Царѣградѣ, тогдашней столицѣ христіанскаго міра, многія женщины родили чудовищъ, и много страшныхъ явленій поражало ужасомъ сердца очевидцевъ. Во время крестныхъ ходовъ, не подалеку отъ города, кресты внезапно двинулись сами собою и сильно заколебались, такъ что всѣ пришли въ ужасъ и удивленіе. Въ рѣкѣ Нилѣ, издревле славной чудесами, родились два ужасныя чудовища, похожія на мушкетера и женщину: они поднялись изъ воды, страшно озирались нѣсколько времени и опять опустились въ волны. Солнце, въ продолженіи цѣлаго дня, казалось втрое меньше своей обычной величины и проливало блѣдныя, печальныя лучи. Въ одну безлунную ночь красный огонь горѣлъ по всему небу, и кровавыя копы летали по воздуху.

Всѣ эти чудеса и множество другихъ были объяснены, какъ предвѣстія будущихъ смуть. Старые служители Божіи печально качали головой и предсказывали близость царства Антихристового, свирѣпое гоненіе Христіанской вѣры и страшное разореніе церквей. «А святые мужи,» говоритъ почтенный отецъ Хайме Бледа, «перешедшіе черезъ испытанія и бѣдствія за вѣру, получили даръ разумѣть и объяснять эти таинственныя чудеса, предтечи бѣдствій Церкви; подобно тому какъ старые моряки, по знаменіямъ воздуха, небесъ и

моря, умѣютъ предсказывать бурю, готовую сокрушить ихъ корабль.»

Многіе изъ этихъ святыхъ мужей уже перешли въ Царство славы, когда исполнилось ихъ пророчество. И можетъ быть, оттуда, въ безмятежной высотѣ свѣтлыхъ небесъ, они сострадательно смотрѣли на бѣдствія христіанскаго міра; какъ человѣкъ съ безоблачной горной вершины смотритъ на бури, которыя носятся по землѣ и по морю, разбиваютъ огромные корабли и разрушаютъ высокія башни.

ГЛАВА VIII.

Очеркъ Магометанской вѣры.

Хотя мы здѣсь не предполагаемъ углубляться въ ученіе, проповѣданное Магометомъ, однакожъ для вѣрной оцѣнки, какъ его характера и поступковъ, такъ и событій и обстоятельствъ, изложенныхъ въ послѣдующемъ разсказѣ, необходимо опредѣлить главные черты этаго ученія.

Отнюдь не должно забывать, что Магометъ не признавалъ себя проповѣдникомъ новой вѣры, а увѣрялъ, будто бы возстановляетъ вѣру древнюю, ниспосланную самимъ Богомъ. «Мы послѣдуемъ,» сказано въ Коранѣ, «вѣрѣ Авраама правовѣрнаго, который не поклонялся идоламъ. Мы вѣруемъ въ Бога; вѣруемъ тому, что намъ было ниспослано, что было ниспослано Аврааму и Измаилу, Исааку и Іакову, и ихъ племенамъ; тому, что открыто было Моисею, Іисусу, и тому, что открыто было пророкамъ отъ Бога: всѣ пророки для насъ равны, а Богу мы покорны.» (1)

(1) Коранъ, глава II.

Коранъ ⁽¹⁾, священная книга Магометовой вѣры, обрадованъ былъ частями и не въ одно время, смотря по мѣрѣ возбужденія его духа или по обстоятельствамъ. Онъ былъ провозглашенъ не какъ твореніе Магометово, а какъ божественное откровеніе, какъ самое слово Божіе. Мусульмане вѣрятъ, что въ немъ говоритъ самъ Богъ. «Мы ниспосылаемъ тебѣ книгу истины, въ подтвержденіе тому писанію, которое было ниспослано прежде, и въ охраненіе его чистоты.» ⁽²⁾

Законъ Моисеевъ, говорятъ Мусульмане, былъ на время руководствомъ и правиломъ человѣческой жизни. Съ пришествіемъ Христа онъ замѣнился Евангеліемъ; наконецъ они оба должны были уступить мѣсто Корану, который полнѣе, опредѣленнѣе прежнихъ законовъ и предназначенъ исправить порчу, вкравшуюся отъ небреженія и разврата ихъ послѣдователей. Коранъ довершаетъ законъ, и послѣ него уже не будетъ божественныхъ откровеній. Магометъ послѣдній и величайшій изъ преемственнаго ряда пророковъ, посланныхъ возвѣстить волю Божію.

Единство Божіе поставлено основнымъ камнемъ этой преобразованной вѣры. «Нѣтъ Богакромѣ Бога!» ея главный догматъ. Отъ того она и названа арабскимъ словомъ *Исламъ* ⁽³⁾, которое значитъ *покорность Богу*. А къ этому глав-

(1) Отъ арабскаго слова *кора*—читать, учить.

(2) Коранъ, глава V.

(3) Нѣкоторые производятъ *Исламъ* отъ слова *Саламъ* или *Аслама*, которое значитъ *спасеніе*. Христіане составили изъ него слово *Исламизмъ*, а Евреи переиначили на *Изманизмъ*, употребляя его въ видѣ упрёка, и какъ намекъ на происхожденіе Арабовъ отъ Измаила. Отъ слова *Исламъ* Арабы произвели выраженіе *Мослемъ* или *Муслемъ*, *исповѣдникъ вѣры Ислама*. Всѣ эти виды слова здѣсь приведены въ единственномъ числѣ; въ двойственномъ будетъ *Муслиманъ*, во множественномъ *Муслименъ*.

ному догмату прибавлено: «Магометъ пророкъ Божій»; и Мусульмане увѣряютъ, что это прибавленіе сдѣлано по указанію самого Бога и важно, потому что облегчило людямъ возможность принять Его откровенія.

Кромѣ единства Божія, Магометъ проповѣдуетъ вѣру въ ангеловъ или духовъ, служащихъ Богу, въ Его пророковъ, въ воскресеніе тѣла, въ послѣдній судъ, въ награды и наказанія на томъ свѣтѣ и въ предопредѣленіе. Многое въ Коранѣ почерпнуто изъ Библии, изъ Мишны и изъ Талмуда Еврейскаго ⁽¹⁾; особенно его странныя, хотя иногда полныя красоты, преданія объ ангелахъ, пророкахъ, патриархахъ, добрыхъ и злыхъ духахъ. Магометъ былъ въ дѣтствѣ проникнутъ уваженіемъ къ Еврейской вѣрѣ, потому что его мать, какъ думаютъ, исповѣдывала законъ Еврейскій.

Но система, составляющая сущность Корана, основана на христіанскомъ ученіи Новаго Завѣта, по толкованіямъ христіанскихъ еретиковъ, бывшихъ тогда въ Аравіи. Она внушаетъ высокое почтеніе ко Христу, какъ вдохновенному, величайшему изъ всѣхъ пророковъ, посланныхъ прежде Магомета для преобразованія закона; но всякая мысль объ его божественности отвергнута, какъ нечестіе; а ученіе о Святой Троицѣ объявлено оскорбительнымъ для единства Божія. Оба эти ученія признаны за ошибки и прибавленія толкователей. Должно замѣтить, что такъ именно думали нѣкоторые изъ христіанскихъ еретиковъ въ Аравіи.

(*) *Мишна* или Мишну у Евреевъ, такъ же какъ *Сонна* или Сунна у Магометанъ, есть собраніе преданій, составляющихъ изустный законъ. Ее писалъ во второмъ вѣкѣ ученый Еврейскій раввинъ *Гуда Хаккодичъ*, въ царствованіе Римскаго Императора Антонина Благочестиваго. Иерусалимскій Талмудъ и Вавилонскій Талмудъ оба заключаютъ въ себѣ объясненія на Мишну. Первый писанъ въ Иерусалимѣ, около 300 лѣтъ по Р. Х., а послѣдній въ Вавилонѣ, около двухъ вѣковъ позднеѣ. Послѣ Библии Мишна самый древній памятникъ Еврейскаго преданія.

Поклоненіе Святымъ , почитаніе иконъ и живописныхъ изображеній признаны за идолопоклонничество и отпаденіе отъ чистой вѣры Христовой; что опять, какъ мы уже замѣтили, было ученіемъ Несторіанъ, находившихся въ близкихъ сношеніяхъ съ Магометомъ.

Запрещены все живописныя изображенія живыхъ существъ. Магометъ говаривалъ, что ангелы не вступаютъ въ домъ, гдѣ есть подобныя картины, а кто ихъ писалъ, тотъ осужденъ будетъ на погибель, либо на присканіе душъ къ этимъ изображеніямъ.

Многія изъ заповѣдей Спасителя нашего приняты были въ Коранъ. Частая милостыня предписана какъ необходимая обязанность; а неизмѣнный законъ добра и зла: поступай съ ближнимъ такъ, какъ хочешь, чтобъ онъ поступалъ съ тобою, поставленъ въ руководство нравственной жизни правовѣрныхъ.

«Не будь къ другимъ несправедливъ,» говоритъ Коранъ, «и къ тебѣ не будутъ несправедливы. Когда трудно должнику заплатить долгъ свой, то пусть подождетъ заимодавецъ, покуда будетъ легко, а лучше будетъ ему, если онъ долгъ обратитъ въ милостыню.»

Магометъ проповѣдывалъ благородную прямоту и правдивость. «Купцы!» говорилъ онъ, «въ торговлю легко проникаютъ обманъ и лукавство, и потому очищайте торговлю милостыней; отдавайте дань милосердію, чтобы загладить вину: обманъ гнѣвитъ Бога, милосердіе смягчаетъ гнѣвъ Его. Кто продаетъ худой товаръ и скроетъ порокъ его, тотъ обратитъ на себя гнѣвъ Божій и проклятіе ангеловъ.»

«Не пользуйся нуждою ближняго, чтобы дешево купить вещь: лучше помоги бѣдности продавца.»

«Кормите голодныхъ, посѣщайте больныхъ, выручайте невинныхъ узниковъ.»

«Не гляди съ презрѣніемъ на брата своего-человѣка, и не ступай по землѣ горделиво: ибо не любить Богъ гордыхъ и тщеславныхъ. Скромень будь въ твоей поступи, скромень будь и въ рѣчахъ, ибо самый непріятный голосъ есть голосъ ословъ.» (1)

Всякое идолопоклонство было запрещено; оно было для Магомета ненавистиѣ всего. Однакожь многіе изъ набожныхъ обычаевъ, которые съ незапамятныхъ временъ господствовали между Арабами, къ которымъ онъ привыкъ съ малолѣтства и которые не противорѣчили единству Божію, — были сохранены. Таково богомольное хожденіе въ Мекку, со всеми обрядами, относящимися къ Каабѣ, къ источнику Земь-Зему и другимъ окрестнымъ мѣстамъ, но безъ всякаго поклоненія идоламъ, которые прежде ихъ оскверняли.

---

(1) Слѣдующія слова Магометовы, сохраненныя однимъ изъ его учениковъ, заимствованы, какъ кажется, изъ Евангелія отъ Матвея, XXV, 35—45. «Во истину скажетъ Богъ въ день воскресенія: О сыны Адамовы! Я бolenъ былъ, а вы Меня не посѣтили! А они тогда скажутъ: Какъ же намъ было посѣтить Тебя? Ты Господь надъ вселенной и не доступенъ болѣзни. А Богъ имъ скажетъ: Развѣ не знаете вы, что такой-то изъ слугъ Моихъ былъ бolenъ? а вы его не посѣтили. Если бъ вы посѣтили слугу, то это зачлось бы вамъ въ доблесть.—И скажетъ Богъ: О сыны Адамовы! Я просилъ у васъ пищи, а вы Миѣ не дали пищи! А сыны Адамовы скажутъ: Какъ же намъ было дать Тебѣ пищи, зная, что Ты Вседержитель и не доступенъ голоду? А Богъ имъ скажетъ: Такой-то изъ слугъ Моихъ просилъ у васъ хлѣба, а вы ему не дали. Если бъ вы его накормили, то отъ Меня получили бы награду. И скажетъ Богъ: О сыны Адамовы, Я просилъ у васъ воды, а вы Миѣ не дали! Они будутъ отвѣчать: О нашъ Блосвятель! какъ же намъ было дать Тебѣ воды, зная, что Ты Вседержитель и не доступенъ жаждѣ? А Богъ имъ скажетъ: такой-то изъ Моихъ слугъ просилъ у васъ воды, а вы ему не дали. Еслибъ вы дали, то отъ Меня получили бы награду.»

Омовеніе, которое по древнему арабскому обряду, сопровождало молитву, или, лучше сказать, ей предшествовало, было удержано. Даже предписаны молитвы по известнымъ часамъ дня и ночи. Онѣ были просты по складу и рѣчи, обращались прямо къ Богу, сопровождались известными наклоненіями, а иногда молящійся простирался вѣмъ тѣломъ на земаю, и обращалъ лице свое къ кеблѣ или точкѣ поклоненія.

Въ концѣ каждой молитвы произносился слѣдующій стихъ изъ второй главы Корана (онъ, какъ говорятъ, въ подлинникѣ очень выразителенъ и часто вырѣзывается на золотыхъ и серебряныхъ украшеніяхъ и на драгоценныхъ каменьяхъ, служащихъ амулетами): «Боже! нѣтъ Бога, кромѣ сего Живаго, Вѣчносущаго; Онъ не спитъ и не дремлетъ; Онъ Владыка небесъ и земли и всего, что они вмѣщаютъ. Кто приблизится къ нему безъ разрѣшенія? Онъ вѣдаетъ прошедшее и будущее, и никто не постигаетъ изъ Его вѣдѣній ничего, кромѣ откровеннаго Имъ. Его владычество объемлетъ Небо и земаю, и промышлять о нихъ Ему не бремя. Онъ Всевышній, Всемогущій!»

Магометъ ревностно настаивалъ на важности и дѣйствительности молитвы. «Ангелы,» говорилъ онъ, «нисходятъ къ вамъ днемъ и ночью, и когда ночные восходятъ на небеса, Богъ у нихъ спрашиваетъ, какъ они оставили Его дѣтей?—Мы ихъ нашли за молитвой, отвѣчаютъ они, и оставили ихъ за молитвой.»

Въ ученіи Корана о воскресеніи и о послѣднемъ судѣ есть сходство съ Христіанскимъ ученіемъ, но съ примѣсю странныхъ понятій, взятыхъ изъ другихъ источниковъ. А радости Мусульманскаго рая, хотя отчасти и духовныя, вообще грубы, унижены земною чувственностью и стоятъ безконечно ниже невыразимой чистоты и духовнаго блаженства небесъ, обѣщанныхъ Спасителемъ.

Тѣмъ не менѣе описаніе суднаго дня въ 81-ой главѣ Корана, которое, говорятъ, сочинено Магометомъ въ самомъ началѣ его проповѣди въ Меккѣ, какъ одно изъ первыхъ его откровеній, представляетъ образецъ высокаго изящества.

«Во имя Всемогущаго Бога! Настанетъ день, когда солнце облечется мракомъ, и звѣзды спадутъ съ небесъ.

«Когда забыты будутъ и верблюдицы, готовыя жеребиться, и лютые звѣри соберутся въ одно стадо отъ страху.

«Когда закипятъ волны океана, и души умершихъ опять соединятся съ тѣлами.

«Когда младенцы женскаго пола, схороненные за живо, спросятъ: за какія преступленія мы принесены на жертву? и раскроются вѣчныя книги.

«Когда небеса исчезнутъ, какъ свитокъ, и адъ загорится лютымъ огнемъ, а райскія радости раскроются.

«Въ тотъ день всякая душа должна будетъ показать всѣ дѣла свои.

«Во истинну, клянусь вамъ звѣздами, которыя быстро несутся и утопаютъ въ солнечномъ свѣтѣ, и мракомъ ночнымъ, и разсвѣтомъ дня, — что слова мои не отъ злаго духа, а отъ ангела славы и силы, вознесеннаго довѣренностью Аллаха, и уваженнаго ангелами, ему подвластными. И товарищъ вашъ, Магометъ, не безумецъ. Онъ видѣлъ посланника небесъ въ сіяніи свѣтлаго небосклона, и слова, ему откровенныя, назначены въ увѣщаніе всѣмъ тварямъ.»

Примѣчаніе. Чтобы показать всю пеструю смѣсь разногласныхъ ученій, изъ которыхъ Магометъ почерпалъ свои понятія о Христіанской вѣрѣ, мы приводимъ здѣсь главныя положенія восточныхъ, одно другому враждебныхъ, ученій Христіанства, о которыхъ мы говорили въ предъидущей главѣ, и которыя всѣ признаны за расколъ и за ересь.

Савелліане, прозванные такъ отъ Савеллія, Ливійскаго священника, третьяго вѣка, вѣрили, что Богъ одинъ, и что Св. Троица выражаетъ только три различныя состоянія или отношенія Отца, Сына и Св. Духа, образующихъ единую сущность, какъ человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души.

Аріане, отъ Арія, пресвитера Александрійскаго, въ четвертомъ вѣкѣ, утверждали, что Христосъ есть Сынъ Божій, но существо отъ Бога отдѣльное; а божественности Святаго Духа не признавали.

Несторіане, отъ Несторія, епископа Цареградскаго, въ пятомъ вѣкѣ, утверждали, что у Христа было два естества, божественное и человѣческое; что Иисусъ—человѣкъ, а Марія только мать Его, и что будто бы нечестіе называть ее, по обычаю церкви, Божіей матерью.

Монофиситы, какъ и видно изъ имени ихъ, принимали, что у Христа только одно естество, что въ Немъ соединенъ былъ Богъ съ человѣкомъ такъ безразлично и полно, что образовалось единое естество.

Евтихіане, отъ Евтихія, игумена въ одномъ изъ монастырей Цареградскихъ, пятаго вѣка, были одною изъ вѣтвей Монофиситовъ, прямо противоположныхъ Несторіанамъ. Они отрицали двойственность естества Христова, и утверждали, что прежде воплощенія Онъ былъ вполнѣ Богомъ, а во время воплощенія вполнѣ человѣкомъ.

Іаковиты, отъ Іакова, епископа Эдесскаго въ Сиріи, пятаго вѣка, были также многочисленной вѣтвью Монофиситовъ и мало отличались отъ Евтихіанъ. Бóльшая часть Христіанскихъ племенъ Аравіи держались ученія Іаковитовъ.

Маріамиты, боготворившіе Марію, думали, что Святая Троица состоитъ изъ Бога Отца, Бога Сына и Бога Дѣвы Маріи.

Коллиридіанами назывался расколъ Аравійскихъ Христіанъ, коего приверженцами были по преимуществу женщины. Онѣ поклонялись Дѣвѣ Маріи, какъ вмѣстительницѣ Божества, и приносили Ей въ жертву какой-то витый пирогъ, который назывался *коллиридъ*, отъ чего они и получили свое названіе.

Назарейне или *Назаряне* были послѣдователи ученія Еврейскихъ Христіанъ. Они признавали, что Христосъ есть Мессія, что онъ воплотился отъ Дѣвы Духомъ Святымъ, и что есть въ Немъ естество божественное; но во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ они сообразовались съ ученіемъ и обрядами закона Моисеева.

Езіониты, отъ Евіона, обращеннаго Еврея, жившаго въ первомъ вѣкѣ, принадлежали также къ расколу еврействующихъ Христіанъ и мало отличались отъ Назарейнъ. Они вѣрили, что Христосъ святой человѣкъ, величайшій изъ пророковъ; но не признавали, чтобы Онъ существовалъ прежде, чѣмъ родился отъ Дѣвы Маріи. Этотъ расколъ, такъ же какъ и ученіе Назарейнъ, имѣлъ множество приверженцевъ въ Аравіи.

Можно было бы начестъ еще множество другихъ еретиковъ, какъ на пр: Коринѳянъ, Маронитовъ и Маркіонитовъ, которые носили имена своихъ ученыхъ и ревностныхъ предводителей; Докетовъ и Гностиковъ, которые подраздѣлялись еще на множество утонченныхъ сектъ и восторженныхъ расколовъ. Бóльшая часть Докетовъ утверждали, что естество Иисуса Христа вполне божественное; что призракъ, одна тѣнь безъ существа, была распята ослѣпленными Евреями, и что, какъ распятіе, такъ и воскресеніе, были таинственными представленіями въ Іерусалимѣ, чтобъ обмануть человѣческій родъ для его пользы.

Карпократіане, *Василідиане* и *Валентиніане*, прозванные по имени трехъ Египетскихъ софистовъ, утверждали, будто

Иисусъ Христосъ былъ просто мудрый и добродѣтельный смертный, сынъ Иосифа и Маріи, избранный Богомъ для назиданія и преобразованія человѣческаго рода; но что божественное естество было сообщено Ему въ зрѣломъ возрастѣ, во время его крещенія Св. Іоанномъ. Первая часть этого ученія, принадлежавшая Евѣонитамъ, возстановлена и въ наше время: ее теперь исповѣдуютъ нѣкоторые Христіане-Унитаріи, многочисленный и возрастающій расколъ протестантства.

Довольно одного взгляда на эти разногласія,—которыя приведены у насъ безъ соблюденія хронологическаго порядка, и которыя потрясали Христіанскую Церковь въ ея первыя времена и еще продолжались при Магометѣ,—чтобы отчасти понять, какъ произошли тѣ искаженныя мнѣнія, какія онъ имѣлъ объ естествѣ и посланничествѣ Спасителя.

ГЛАВА IX.

Насмѣшки надъ Магометомъ и его ученіемъ. Требуваніе чудесъ. Поведеніе Абу-Талеба. Насиліе Корейшанъ. Магометова дочь Рокая, съ мужемъ своимъ Отманомъ и множествомъ учениковъ, укрываются въ Абиссинію. Магометъ въ домъ Орхама. Вражда Абу-Джахля и его наказаніе.

Магомету, въ началѣ его пророческаго поприща, всего труднѣе было бороться съ насмѣшками противниковъ. Тѣ, которые знали его въ дѣтствѣ, видали, какъ онъ еще мальчикомъ бѣгалъ по Меккскимъ улицамъ, и какъ послѣ на ряду съ другими удовлетворялъ всемъ обыкновеннымъ потребностямъ жизни, смѣялись надъ его самомнѣніемъ и апостольскимъ самозванствомъ. Они съ улыбкой указывали

на него, когда онъ проходилъ, и говорили: «Смотрите! вотъ внукъ Абд-аль-Моталевовъ, который будто бы знаетъ все, что дѣлается на небесахъ!» Некоторые изъ выдавшихъ его въ припадкахъ душевнаго напряженія и восторга, думали, что онъ сумасшедшій; другіе принимали за бѣсноватаго; а иные называли колдуномъ и волшебникомъ.

Когда онъ шелъ по улицамъ, его преслѣдовали насмѣшки, упреки и оскорбленія, которыми толпа всегда готова осыпать челоуѣка, уклонившагося отъ обыкновеннаго образа жизни и душевно разстроеннаго. Когда онъ начиналъ проповѣдывать, голосъ его былъ заглушаемъ безобразнымъ шумомъ и дерзкими пѣснями; въ него даже бросали грязью, въ то время, какъ онъ молился въ Каабѣ.

И не одна только невѣжественная толпа его оскорбляла. Изъ числа самыхъ сильныхъ противниковъ былъ одинъ юноша, по имени Амру; послѣ онъ сдѣлался важнымъ лицомъ въ исторіи Магометанства, и потому мы желали бы, чтобъ читатель удержалъ въ памяти всѣ обстоятельства его первоначальной дѣятельности. Онъ былъ сынъ одной Меккской блудницы, которая, кажется, могла соперничать въ очаровательности съ греческими Фринами и Аспазіями, и считала въ числѣ своихъ любовниковъ самыхъ благороднѣйшихъ сыновъ Аравіи. Когда она родила этого младенца, то называла многихъ изъ племени Корейшъ, кто могъ имѣть равное право на имя отца его. Наконецъ признали, что дитя всего больше похожъ на старшаго изъ ея поклонниковъ, Аасса, потому къ его имени Амру прибавили прозваніе Ибн-аль-Ааасъ, т. е. сынъ Аассовъ.

Природа, какъ бы вознаграждая дитя за его позорное рожденіе, излила на него самые роскошные свои дары. Не смотря на молодость, онъ уже былъ однимъ изъ любимыхъ поэтовъ Аравіи, и равно прославился кол-

костью своихъ сатирическихъ стиховъ и очаровательной сладостью своихъ задушевныхъ пѣсень.

Только что Магометъ объявилъ о своемъ посланничествѣ, этотъ юноша сочинилъ на него разные пасквили и насмѣшливые мадригалы, которые, при любви Арабовъ къ стихамъ, переходили изъ устъ въ уста и болѣе останавливали распространеніе Исламизма, нежели самое ожесточенное преслѣдованіе.

Тѣ изъ противниковъ Магометовыхъ, которые не желали ограничиваться словопрѣніями, требовали отъ него чудесъ въ доказательство его проповѣди. «Моисей, Иисусъ и всѣ пророки, говорили они, чудесами доказывали божественность своего посланничества. Если ты точно пророкъ и больше ихъ, то сотвори такія же чудеса.»

Отвѣтомъ на это могли служить собственныя слова Магомета въ Коранѣ: «Какого же нужно чуда больше, чѣмъ самъ Коранъ? Книга откровеній, начертанная безграмотнымъ человѣкомъ; такая высота языка и неопровержимость доводовъ, что совокупное искусство людей и діаволовъ не могло бы написать ничего подобнаго! Чего же еще больше въ доказательство того, что дать Коранъ могъ одинъ только Богъ?—Самъ Коранъ—уже чудо!»

Однакоже они требовали, чтобы доказательства были яснѣе и доступнѣе чувствамъ; чтобы онъ заставилъ нѣмого говорить, глухаго слышать, слѣпаго видѣть, мертваго возстать; или, чтобъ онъ совершилъ перемѣны на лицѣ природы: велѣлъ бы заструиться источникамъ, бесплодный пустырь обратилъ бы въ садъ съ пальмами, виноградниками и текущими водами; своимъ словомъ воздвигъ бы золотыя палаты, усыпанныя алмазами и драгоценными каменьями; или, чтобъ онъ при нихъ взошелъ по лѣстницѣ на небо; или, если Коранъ, какъ онъ увѣряетъ, сошелъ съ небесъ, то чтобъ далъ имъ посмотрѣть, какъ онъ сходитъ,

или показалъ того ангела, который его принесъ;—тогда бы они повѣрили.

Магометъ отвѣчалъ иногда доказательствами, а иногда угрозами. Онъ сознавалъ, что онъ простой человекъ, избранный Богомъ въ апостолы. Если бѣ ангелы, говорилъ онъ, обыкновенно ходили по землѣ, то вѣрно былъ бы ангелъ избранъ на это посланничество; и тогда горе было бы тѣмъ, кто, какъ они теперь, усумнились въ его словѣ. Они не могли бы тогда, какъ со мною, спорить, опровергать и откладывать до другого времени свое обращеніе: гибель ихъ была бы мгновенна. «Богу,» говорилъ онъ, «не нужно ангела, чтобъ подкрѣпить мое посланничество: Онъ самъ достаточный свидѣтель между вами и мною. Кого Онъ склоняетъ къ убѣжденію, тѣ увѣруютъ; кого Онъ допустить остаться въ заблужденіи, тѣхъ никто не спасетъ отъ невѣрія. Они явятся въ день воскресенія слѣпые, глухіе, нѣмые и пресмыкающіеся на лицѣ своемъ. Жилищемъ ихъ будетъ вѣчный огонь геенны. Такъ они будутъ наказаны за свое невѣріе.»

«Вы требуете чудесъ? Моисею далъ Богъ власть творить чудеса. Чтѣ же вышло? Фараонъ не хотѣлъ признать чудесъ его, обвинилъ его въ волшебствѣ, и хотѣлъ изгнать изъ земли и его, и народъ его. За то Фараонъ былъ поглотенъ, а съ нимъ и все его воинство. Вы тоже хотите искушать Бога, требуя чудесъ, и принять казнь Фараонову?»

Одинъ изъ Арабскихъ писателей, Аль-Маалемъ, рассказываетъ, что однажды нѣсколько учениковъ Магометовыхъ заодно съ толпою, которая требовала отъ него чудесъ, стали умолять его, чтобы онъ доказалъ однимъ разомъ божественность своего посланничества, и обратилъ бы холмъ Сафу въ золото. Осажденный со всѣхъ сторонъ, Магометъ сталъ молиться; а по совершеніи молитвы, объявилъ своимъ послѣдователямъ, что ему являлся архангелъ Гав-

ршилъ и открылъ ему, что если Богъ исполнить его молитву и совершить желанное чудо, то всѣ, кто ему не вѣрилъ, будутъ истреблены. А потому, изъ сожалѣнія къ толпѣ, которая видимо принадлежала къ строптивому поколѣнію, онъ не хотѣлъ подвергнуть всѣхъ ихъ истребленію, и изъ за этого холму Сафѣ позволено было остаться въ прежнемъ видѣ.

Другіе Мусульманскіе писатели увѣряютъ, что Магометъ иногда отступалъ отъ правила, предписаннаго имъ самому себѣ, и творилъ чудеса, когда его слушатели слишкомъ медленно убѣждались. Такъ однажды, говорятъ они, въ присутствіи всей толпы, подзвалъ онъ къ себѣ быка и съ рога его снялъ свитокъ, на которомъ были слова изъ Корана, только что присланныя съ небесъ. Въ другой разъ, когда онъ говорилъ съ народомъ, надъ нимъ сталъ кружиться бѣлый голубь, сѣлъ къ нему на плечо и какъ будто шепталъ ему что-то на ухо; а этотъ голубь, какъ сказала Магометъ, былъ посланникъ отъ Бога. При другомъ случаѣ онъ велѣлъ рыть передъ собою землю, и тутъ нашлись два горшка, одинъ съ медомъ, другой съ молокомъ; тогда онъ объявилъ, что они изображаютъ то изобиліе, которое обѣщано небесами всѣмъ, кто покорится его закону.

Христіанскіе писатели смѣялись надъ этими чудесами, и говорили, что голубь, заранѣе приготовленный, искалъ пшеничныхъ зеренъ, которыя Магометъ приучилъ его клевать у себя изъ уха; что свитокъ былъ прежде привязанъ къ рогамъ быка, а горшки съ молокомъ и медомъ зарыты въ землю; но справедливѣе было бы просто отвергнуть эти чудеса, какъ выдумки ослѣпленныхъ ревнителѣй. Такъ признано даже умнѣйшими изъ Мусульманскихъ толкователей.

Нѣтъ доказательствъ, чтобы Магометъ унижился до подобныхъ хитростей, подкрѣпляя ими свое ученіе и утверждалъ притязаніе свое на апостольство. Онъ, кажется, вполне

опирался на свой умъ и на краснорѣчіе, а въ первую, еще шаткую, эпоху своего поприща, поддержанъ былъ и религіознымъ одушевленіемъ. Его ревностныя нападенія на идолопоклонство, которое затемнило и обезобразило первоначальное поклоненіе Каабы, начали производить сильное дѣйствіе и смутили Корейшанъ. Они потребовали отъ Абу-Талеба, чтобъ онъ заставилъ молчать своего племянника, или, чтобъ удалилъ его; но, видя безуспѣшность просьбъ своихъ, дали знать старику, что, если этотъ мнимый пророкъ и его послѣдователи не отступятъ отъ ереси, то будутъ отвѣчать своей жизнью.

Абу-Талебъ поспѣшилъ увѣдомить Магомета объ этихъ угрозахъ и умолялъ его, чтобъ онъ не возстановлялъ противъ себя столь многочисленныхъ и сильныхъ враговъ.

Пылкій духъ Магомета загорѣлся отъ этихъ словъ. «Дядя!» воскликнулъ онъ, «хотя бы они вооружили противъ меня солнце съ правой руки, а мѣсяцъ съ лѣвой, я не отступлю отъ своего пути, покуда Богъ будетъ повелѣвать мнѣ, или покуда не возьметъ меня отсюда.»

Съ печалью на лицѣ хотѣлъ онъ уйти, но Абу-Талебъ опять его кликнулъ. Старикъ еще не былъ обращенъ, но его поразила непоколебимая твердость племянника, и онъ объявилъ Магомету, что не выдастъ его врагамъ, что бы онъ ни проповѣдывалъ. Чувствуя, что защита не по силамъ ему одному, онъ призвалъ прочихъ потомковъ Хашема, и—такова сила родовыхъ связей у Арабовъ, — хотя это значило вступиться за ересь, которую они сами признали опасной, но всѣ они согласились, кромѣ одного дяди Абу-Лахаба.

Вражда Корейшанъ съ каждымъ днемъ возрастала и дошла до изступленія. Они бросились на Магомета въ Каабѣ и совсѣмъ бы его задушили, если бъ не спасъ его Абу-Бекръ, который-и самъ пострадалъ при этой схваткѣ. Семью

Магометову они возненавидѣли также; особенно его дочь Рокаю и ея мужа Отмана-Ибнъ-Аффана. Жизнь учениковъ его, не имѣвшихъ сильныхъ покровителей, подвергалась опасности. Заботясь объ ихъ спасеніи, Магометъ совѣтовалъ имъ оставить на время его опасное товарищество и отправиться въ Абиссинію. Достигнуть Африканскаго берега черезъ узкое Черное море было не трудно. Абиссинцы были Несторіанскіе Христіане, которые по вѣрѣ стояли выше своихъ варварскихъ сосѣдей. Ихъ *наджаши* или царь, славился снисходительностью къ иновѣрцамъ и справедливостью. Магометъ надѣялся, что дочь его и ученики найдутъ у него убѣжище.

Оттманъ-Ибнъ-Аффанъ былъ предводителемъ этой небольшой общины Мусульманъ, состоявшей изъ одиннадцати мужчинъ и четырехъ женщинъ. Они отправились вдоль морскаго берега къ Джоддѣ, морской пристани, которая лежала въ двухдневномъ разстояніи на востокъ отъ Мекки. Тамъ стояли на якорѣ два Абиссинскіе корабли; они сѣли на нихъ и поплыли къ мѣсту своего убѣжища.

Это событіе, которое случилось на пятомъ году Магометова посланничества, называется первой Геджирой или первымъ бѣгствомъ, въ отличіе отъ второй Геджиры или бѣгства самаго пророка изъ Мекки въ Медину. Радшіе, съ которымъ приняты были бѣглецы, убѣдило и другихъ единовѣрцевъ послѣдовать ихъ примѣру, такъ что число Мусульманскихъ выходцевъ въ Абиссинію дошло до осмидесяти трехъ мужчинъ и осмнадцати женщинъ, кромѣ дѣтей.

Корейшане, видя, что не лзя заставить Магомета молчать, и что онъ ежедневно пріобрѣтаетъ новыхъ послѣдователей, постановили, чтобы всѣ, кто приметъ его вѣру, подверглись изгнанію. Магометъ удалился отъ бури и нашелъ пристанище въ домѣ одного изъ своихъ учениковъ, по имени Орхама, на холмѣ Сафскомъ. Этотъ холмъ, какъ мы уже

говорили, славился въ Арабскихъ преданіяхъ, какъ тотъ самый, на которомъ позволено было Адаму и Евѣ опять сойтися, послѣ долгаго, одинокаго странствованія по землѣ, когда они изгнаны были изъ рая. Съ нимъ соединено также преданіе о судьбахъ Агари и Измаила.

Магометъ жилъ мѣсяцъ въ домѣ Орхамовомъ, возвѣщая свои откровенія и привлекая къ себѣ послѣдователей со всѣхъ концовъ Аравіи, но вражда Корейшанъ настигла его и тутъ. Абу-Джахль, Арабъ изъ этого племени, отыскалъ его, оскорбилъ ругательствами и даже побоями. Слухъ объ этой обидѣ дошелъ до Хамзы, Магометова дяди, въ то время, когда онъ возвращался въ Мекку съ охоты. Хамза не былъ приверженцемъ Исламизма, но долгомъ счелъ вступить за племянника. Съ натянутымъ лукомъ онъ вошелъ въ собраніе Корейшанъ, гдѣ Абу-Джахль хвалился своимъ недавнимъ подвигомъ, ударилъ хвастуна по головѣ и нанесъ ему тяжелую рану. Родственники Абу-Джахлевы бросились къ нему на помощь; но виновникъ ссоры, уstraшенный опаснымъ оружіемъ и яростью Хамзы, старался ихъ успокоить. «Оставьте его,» сказалъ онъ роднымъ, «я точно поступилъ жестоко съ его племянникомъ.» Въ оправданіе своего поступка, Абу-Джахль сослался на Магометово отступничество, но успокоить Хамзу было не возможно. «Да, закричалъ онъ съ яростью и презрѣніемъ, и я тоже не вѣрю въ каменныхъ вашихъ боговъ; развѣ принудите вы меня вѣрить?»—Гнѣвъ совершилъ въ его сердцѣ то, въ чемъ убѣжденіе было бессильно; съ этой минуты онъ объявилъ себя обращеннымъ, поклялся итти за пророкомъ и сталъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и крѣпкихъ подвижниковъ новой вѣры.

ГЛАВА X.

Омаръ-Ибнъ-аль-Хаттебъ, племянникъ Абу-Джахлевъ, хочетъ убить Магомета, чтобъ отмстить за дядю. Его чудесное обращеніе. Магометъ укрывается въ замкъ Абу-Талеговомъ. Абу-Софианъ, во главѣ враждебной вѣтви Корейшанъ, преслѣдуетъ Магомета и его приверженцевъ. Онъ составляетъ приговоръ, чтобъ запрещено было съ ними всякое сообщеніе. Магометъ оставляетъ свое убѣжище и проповѣдуетъ въ продолженіи странническаго мѣсяца.

Какъ обратился Хабибъ премудрый.

Ненависть Абу-Джахля къ пророку еще усилилась послѣ того тяжелаго наказанія, которое онъ получилъ отъ руки Хамзы. У него былъ племянникъ, по имени Омаръ-Ибнъ-аль-Хаттебъ, молодой человекъ двадцати шести лѣтъ, огромнаго росту, необыкновенной силы и храбрости. Даже и смѣлые блѣднѣли отъ его дикаго взгляда, а палка, съ которой онъ ходилъ на прогулку, наводила на всѣхъ встрѣчныхъ больше страху, нежели мечъ въ рукахъ другаго. Такъ о немъ рассказываетъ Арабскій историкъ Абу-Абдалла-Мохамедъ-Ибнъ-Омаль-Алвакеди; подвиги этого воина доказываютъ, что едва ли слова историка преувеличены.

Наученный своимъ дядей Абу-Джахлемъ, этотъ суровый Арабъ рѣшился проникнуть въ убѣжище Магометово, который все еще жилъ въ домѣ у Орхамы, и вонзить кинжалъ ему въ сердце. Обвиняютъ Корейшанъ, будто бы они обѣщали ему сто верблѣдовъ и тысячу унцій золота за это кровавое дѣло, но это не вѣроятно; да и не нужно было подкупать мстительнаго племянника Абу-Джахлева.

Когда онъ шелъ уже въ домъ къ Орхаму, ему попался на встрѣчу одинъ изъ Корейшанъ, которому онъ сказалъ о своемъ намѣреніи. Корейшанинъ былъ тайный привер-

женецъ Исламизма, и старался его отговорить отъ кроваваго дѣла. «Прежде чѣмъ убьешь Магомета,» сказалъ онъ, «и обратишь на себя мщеніе его родныхъ, посмотри, нѣтъ ли ереси между твоими родными!»—«А развѣ кто изъ моихъ родныхъ отступилъ отъ вѣры?» спросилъ Омаръ съ удивленіемъ. «Да!» отвѣчалъ Корейшанинъ, «твоя сестра Амина и мужъ ея Сеидъ!»

Омаръ поспѣшилъ въ домъ къ своей сестрѣ, и, взойдя неожиданно, засталъ и ее и ея мужа за чтеніемъ Корана. Сеидъ хотѣлъ было спрятать свитокъ, но его замѣшательство убѣдило Омара въ истинѣ обвиненія и привело его въ ярость. Въ бѣшенствѣ онъ бросилъ Сеида на землю, сталъ ему колѣномъ на грудь и вонзилъ бы ему мечъ въ сердце, если бъ не помѣшала сестра. Ударъ по лицу залилъ лице ея кровью. «Врагъ Аллаховъ!» закричала Амина, «ты за то ли бѣешь, что вѣрую въ единаго, истиннаго Бога? Я не боюсь ни тебя, ни злобы твоей и не отступлю отъ правой вѣры. Да, прибавила она съ изступленіемъ, нѣтъ бога кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ Его!—Теперь, Омаръ, довершай свое дѣло!»

Омаръ остановился; раскаяваясь въ своемъ увлеченіи, онъ принялъ колѣно съ груди Сеидовой.

«Покажи мнѣ свитокъ!» сказалъ онъ. Но Амина не дала ему коснуться до священнаго свитка, пока онъ не омылъ свои руки. Сказываютъ, что мѣсто, которое онъ прочелъ, было двѣнадцатая глава Корана. Она начинается такъ:

«Во имя всемілосердаго Бога! Мы не за тѣмъ ниспослали Коранъ, чтобъ возложить горе на родъ человѣческій, но чтобъ онъ, какъ наставникъ, научилъ вѣровать истинному Богу, Творцу земли и высокихъ небесъ.»

«Всемілосердый возсѣдаетъ на высотѣ; Ему подвластно все, что существуетъ на горнихъ небесахъ и на дольней землѣ, и въ странахъ подземныхъ.»

«Громкимъ голосомъ ты произносишь молитвы свои! Знай, что это не нужно: Богу извѣстны всѣ тайны твоего сердца; да,—и самыя сокровенныя.

«Воистину Я есмь Богъ, и нѣтъ Бога кромѣ Меня. Мнѣ служи, и не служи другому. Ни къ кому не возноси молитвы твоей, кромѣ Меня.»

Слова Корана глубоко проникли въ сердце Омарово. Онъ сталъ читать дальше, и все сильнѣе и сильнѣе на него дѣйствовало чтеніе; а когда дочелъ до тѣхъ главъ, гдѣ говорится о воскресеніи и о послѣднемъ судѣ,—онъ совсѣмъ обратился.

Тогда пошелъ онъ въ домъ Орхамовъ, но уже не съ тѣмъ сердцемъ. Онъ смиренно постучалъ въ двери и просилъ позволенія войти. «Взойди, сынъ Аль-Хаттебовъ! воскликнулъ Магометъ; что тебя привело сюда?»

«Я пришелъ вписать свое имя въ число вѣрующихъ въ Бога и Его пророка!»—и сказавши это, онъ произнесъ исповѣданіе Мусульманской вѣры.

Онъ не успокоился, пока его обращеніе не стало всѣмъ извѣстно. По его просьбѣ, Магометъ тогда же проводилъ его въ Каабу, чтобы торжественно совершить обряды Ислама. Омаръ шелъ по лѣвую руку пророка, а Хамза по правую, чтобъ охранять его отъ обидъ и нападеній: больше сорока учениковъ ихъ провожали. Среди бѣлаго дня они прошли по улицамъ Меккскимъ, ко всеобщему удивленію жителей. Семь разъ они обошли вокругъ Каабы, каждый разъ прикасаясь къ священному черному камню и совершая всѣ прочіе обряды. Корейшане смотрѣли на это шествіе съ ужасомъ; но не смѣли ни подойти, ни оскорбить пророка, потому что утрачены были взглядами этихъ страшныхъ бойцевъ, Хамзы и Омара, у которыхъ, говорятъ, глаза горѣли, какъ у львовъ, когда у нихъ похищаютъ дѣтей.

Безстрашный и всегда рѣшительный Омаръ на другой день пошелъ въ Каабу одинъ, чтобы совершить молитву, какъ Мусульманинъ, явно пренебрегая Корейшанами. Другому Мусульманину, который также пришелъ во храмъ, не дали молиться и осыпали его ругательствами и оскорбленіями, а Омара никто не смѣлъ обидѣть, потому что онъ былъ племянникъ Абу-Джахлю. Тогда Омаръ пошелъ къ дядѣ. «Я отрекаюсь отъ твоего покровительства, сказалъ онъ, не хочу, чтобъ мнѣ было легче, чѣмъ моимъ одноверцамъ.» Съ тѣхъ поръ онъ дѣлилъ всѣ судьбы съ послѣдователями Магомета, и былъ однимъ изъ его самыхъ ревностныхъ защитниковъ.

Такъ совершилось чудесное обращеніе Омара, самаго славнаго подвижника Ислама. Корейшане были такъ раздражены этимъ новымъ торжествомъ Магомета, что его дядя Абу-Талебъ боялся, чтобы они не посягнули на жизнь племянника либо измѣною, либо явнымъ нападеніемъ; а потому Магометъ, по настоятельному требованію дяди, перешелъ вмѣстѣ съ главными своими приверженцами въ замокъ, или укрѣпленное жилище Абу-Талебово, не подалеку отъ города.

Покровительство, которое Абу-Талебъ, глава Хашемитянь, и другіе члены той же вѣтви оказывали Магомету и его послѣдователямъ, хотя они были съ ними и не согласны въ вѣрѣ, возбудило противъ нихъ ожесточенную ненависть Корейшанъ, и произвело раздѣленіе племени. Абу-Софіанъ, глава противоположной вѣтви, ссылаясь на ереси пророка, ввелъ въ подозрѣніе и презрѣніе не только родныхъ его, принявшихъ его исповѣданіе, но и всю вѣтвь Хашемову, которая, хотя и разнилась съ ними во мнѣніяхъ, но покровительствовала имъ по родственному чувству. Очевидно, что вражда Абу-Софіанова возникла не изъ одной личной ненависти и не изъ набожной ревности, а изъ родовой неприязни. Онъ горячо желалъ доставить своему роду главенство надъ городомъ, такъ давно принадлежавшее роду Хашема. Послѣдній поступокъ мягкосердечнаго Абу-Талеба,

который укрылъ Магомета отъ гоненія и далъ ему при-
бѣжище въ своемъ зѣмкѣ, послужилъ для Абу-Софіана и
его приверженцевъ поводомъ къ осужденію всего племени
соперниковъ. А потому они составили приговоръ, въ силу
котораго запрещалось всѣмъ прочимъ Корейшанамъ всту-
пать въ бракъ, или какія бы то ни было дѣла и торговыя
сношенія съ Хашемитянами, покуда они не выдадутъ на казнь
Магомета, своего родственника. Этотъ приговоръ состоялся
на седьмомъ году такъ называемаго посланничества про-
рока; написанъ былъ на пергаментѣ и повѣшенъ въ Каа-
бѣ. Онъ поставилъ Магомета и его учениковъ въ самое
стѣсненное положеніе: въ зѣмкѣ, гдѣ они укрылись, имъ
иногда случалось даже оставаться безъ пищи. Иногда Ко-
рейшане оцѣпляли замокъ, чтобы исполнить приговоръ во
всей строгости и предупредить возможность пособій.

Между тѣмъ настала пора ежегоднаго богомолья, когда
толпы странниковъ стекаются въ Мекку со всѣхъ концовъ
Аравіи; на время облегчилась участь угнетенныхъ Мусуль-
манъ. Въ эту священную пору, по незапамятному закону
и обычаю Арабовъ, всякая вражда прекращалась, и воюю-
щія племена, временно примиренныя, сходились въ Каабу
на поклоненіе. Тогда Магометъ и его ученики рѣшились
оставить свое убѣжище и возвратиться въ Мекку. Поль-
зуясь священнымъ мѣсяцемъ, Магометъ вмѣшивался въ тол-
пы богомольцевъ, проповѣдывалъ и молился, распростра-
нялъ свое ученіе и провозглашалъ свои откровенія. Такимъ
образомъ онъ обратилъ многихъ; и новые ученики, расхо-
дясь по домамъ, разносили въ далекія края сѣмена новой
вѣры. Иногда въ числѣ обращенныхъ бывали князья, или
главы племенъ, примѣръ которыхъ дѣйствовалъ на весь на-
родъ ихъ. Арабскія сказанія передаютъ цвѣтистую и не-
имовѣрную повѣсть, какъ обратился одинъ изъ князей. Такъ
какъ въ ней упомянуты нѣкоторыя изъ главныхъ чудесъ,
которыя рассказываются о Магометѣ, то будетъ не лишнимъ
привести ее здѣсь, хотя вкратцѣ.

Былъ одинъ князь, Хабибъ-Ибнъ-Малекъ, прозванный Премудрымъ за свою ученость и обширныя знанія. Сказываютъ, что онъ былъ глубоко свѣдущъ въ магии и наукахъ, основательно извѣдалъ все вѣры, прочелъ все, что о нихъ было писано, а вмѣстѣ съ тѣмъ узналъ ихъ и на опытѣ, потому что самъ на своемъ вѣку былъ и Евреемъ, и Христианиномъ, и волхвомъ. Правда, что для получения такой опытности и знаній онъ имѣлъ больше времени, чѣмъ другіе люди, потому что ему, какъ говорятъ Арабскія преданія, было сто сорокъ лѣтъ. Теперь онъ прѣхалъ въ Мекку съ двадцатитысячной могучей дружиной, и привезъ съ собою молодую дочь, Сатиху, за которую возносилъ молитвы въ Каабъ, потому что она онѣмѣла, оглохла, ослѣпла и не владѣла ни однимъ членомъ.

Абу-Софіанъ и Абу-Джахль, какъ говоритъ сказаніе, полагали, что съ призваніемъ этого стараго князя, такого могучаго, премудраго, ревностнаго идолопоклонника и начальника такого сильнаго войска, имъ представлялся удобный случай погубить Магомета. А потому они рассказали Хабибу Премудрому объ ереси мнимаго пророка, и уговорили стараго князя призвать къ себѣ Магомета, въ свой станъ на кремнистой долинѣ, чтобъ онъ защитилъ передъ нимъ свое ученіе; а сами надѣялись, что упорство въ заблужденіи навлечетъ на него изгнаніе, или и смерть.

Повѣсть описываетъ блестящими красками, въ какомъ великолѣпномъ убранствѣ выступали Корейшане-идолопоклонники, конные и пѣшіе, подъ предводительствомъ Абу-Софіана и Абу-Джахля, чтобъ присутствовать на торжественномъ испытаніи въ кремнистой долинѣ; и съ какимъ восточнымъ великолѣпіемъ ихъ принималъ Хабибъ Премудрый, который сидѣлъ въ багряномъ шатрѣ, на престолѣ изъ чернаго дерева, выложенномъ слоновою костью и сандалнымъ деревомъ, и покрытомъ золотыми пластинками.

Магометъ былъ у Кадиджи, когда его позвали передъ это грозное судилище. Встревоженная Кадиджа громко выражала свой ужасъ, а его дочери бросились къ нему на шею съ плачемъ и воплемъ, думая, что онъ идетъ на вѣрную смерть; но онъ ласково старался ихъ успокоить и велѣлъ надѣяться на Аллаха.

Въ противоположность великолѣпю враговъ своихъ, Абу-Софіана и Абу-Джахля, онъ шелъ къ мѣсту испытанія въ простой бѣлой одеждѣ, въ черной чалмѣ и въ плащѣ изъ Аденской ткани, который принадлежалъ еще его дѣду Абдъ-аль-Мотальлебу. Кудри его развѣвались по плечамъ, изъ него исходилъ таинственный свѣтъ пророчества и, хотя онъ ничѣмъ не умащалъ бороды, и не употреблялъ никакихъ благовоній, кромѣ небольшого количества мускусу и камфоры для усовъ, но когда онъ проходилъ, повсюду распространялся пріятный запахъ. По словамъ Арабскихъ писателей это благовоніе исходило изъ него самаго.

Впереди его шелъ ревностный Абу-Бекръ въ красномъ камзолѣ, бѣлой чалмѣ и въ плащѣ, свернутомъ подъ руками, чтобы видны были его красные туфли.

Безмолвное благоговѣніе овладѣло всѣмъ многочисленнымъ собраніемъ, когда пророкъ приблизился. Не было слышно ни говора, ни шопота. Даже и животные погрузились въ таинственное молчаніе; замолкло и ржаніе коней, не слышно было крика ословъ и верблюдовъ.

Почтенный Хабибъ встрѣтилъ его привѣтливо, и самый первый вопросъ его относился прямо къ дѣлу. «Говорять, сказалъ онъ, что ты называешь себя пророкомъ, посланникомъ Божиимъ. Правда ли это?»

«Правда, отвѣчалъ Магометъ, Аллахъ меня послалъ проповѣдывать истинную вѣру.»

«Хорошо! отвѣчалъ осторожный мудрецъ, но каждый пророкъ давалъ доказательства своего посланія знаменіями и

чудесами. У Ноя была радуга, у Соломона таинственное кольцо, у Авраама печной огонь, который холодѣлъ по его велѣнію, у Исаака олень, который явился на жертву вмѣсто него, у Моисея его чудотворный жезлъ, а Иисусъ воскрешалъ мертвыхъ и умиралъ бури единымъ словомъ. И такъ, если ты въ самомъ дѣлѣ пророкъ, то соверши намъ чудо!»

Приверженцы Магометовы затрепетали, услышавъ это требованіе; Абу-Джахль захопалъ въ ладони и сталъ превозносить разумъ Хабиба Премудраго. Но пророкъ остановилъ его съ презрѣніемъ. «Молчи! закричалъ онъ, песь своего поколѣнія, позоръ своей родни и своего племени!» Потомъ, спокойно сталъ исполнять желаніе Хабибово.

Первое чудо, которое требовалось отъ Магомета, было, чтобъ онъ сказалъ, что въ шатръ у Хабиба, и зачѣмъ привезено въ Мекку.

Магометъ, какъ сказано въ повѣсти, наклонился къ землѣ и сталъ чертить фигуры на пескѣ. Потомъ онъ поднялъ голову и отвѣчалъ: «О Хабибъ! ты привезъ сюда дочь Сатиху, глухую, нѣмую, хромую и слѣпую, въ надеждѣ получить ей облегченіе отъ небесъ. Иди же ты въ свой шатеръ, говори съ нею, услышь отвѣты ея и знай, что Богъ всемогущъ.»

Старый князь поспѣшилъ къ своему шатру: къ нему на встрѣчу выбѣжала дочь съ распростертыми объятіями, совсѣмъ здоровая; глаза у ней горѣли радостью, улыбка сіяла на лицѣ, а лицо было прекраснѣе мѣсяца на безоблачномъ небѣ.

Второе чудо, котораго требовалъ Хабибъ, было еще труднѣе. Магометъ долженъ былъ въ полдень покрыть небо сверхъестественной тьмою, а мѣсяцу велѣть сойти и стать на вершинѣ Каабы.

Пророкъ совершилъ это чудо такъ же легко, какъ первое. По его велѣнiю весь дневной свѣтъ стертъ былъ тьмою. Мѣсяцъ сошелъ съ своего пути и сталъ бродить по небу, а неодолимая сила пророка совлекла его съ неба и поставила на вершину Каабы. Потомъ мѣсяцъ семь разъ обошелъ вокругъ Каабы по обычаю богомольцевъ, низко поклонился Магомету, и сталъ передъ нимъ какъ пламенный мечъ, въ трепетномъ движенiи, привѣтствуя его миромъ и прославляя пророкомъ.

Еще не довольствуясь этимъ чудомъ,—продолжаетъ повѣсть,—Магометъ приказалъ послушному свѣтилу войти въ правый рукавъ своего плаща и выйти въ лѣвой; потомъ раздѣлиться на двѣ части, одна изъ которыхъ пошла на востокъ, а другая на западъ, а потомъ, сойдясь на срединѣ неба, соединиться опять въ круглый и свѣтлый шаръ.

Нечего и говорить, что Хабибъ Премудрый былъ убѣжденъ и обращенъ этими чудесами вмѣстѣ съ четырьмя стами семидесятью жителями Мекки. Напротивъ Абу-Джахль ожесточился въ своемъ невѣрiи и кричалъ, что всѣ эти чудеса только призраки, вызванные волшебствомъ Магомета (1).

---

(1) Чудеса, здѣсь разсказанныя, не помѣщены въ сочиненiи отчетливаго Абульфеда, и ни одинъ изъ лучшихъ Мусульманскихъ писателей не утверждаетъ ихъ; но они существуютъ въ преданiи и съ большою подробностью разсказываются у апокрифическихъ писателей, которые увѣраютъ, будто на нихъ ссылается пятьдесятъ четвертая глава Корана. Вѣроятно въ нихъ столько же правды, сколько и во многихъ другихъ чудесахъ. Должно вспомнить, что самъ Магометъ провозглашаетъ одно только чудо—«Коранъ».

ГЛАВА XI.

Приговоръ отчужденія таинственно разрушается. Магометъ можетъ возвратиться въ Мекку. Смерть Абу-Талеба и Кадиджи. Магометъ обручается съ Аешею. Женится на Савдѣ. Корейшане возобновляютъ преслѣдованіе. Магометъ ищетъ убѣжища въ Таефѣ. Его изгоняютъ оттуда. Духи посвящаютъ его въ пустынь Наклахской.

Прошло три года съ тѣхъ поръ, какъ Магометъ съ учениками своими укрылся въ замкѣ Абу-Талебовомъ. Приговоръ отчужденія висѣлъ еще въ Каабѣ и препятствовалъ всякому ихъ сообщенію съ остальною частью своего племени. Секта, какъ обыкновенно бываетъ, возросла отъ гоненія. Многіе пристали къ ней, въ Меккѣ стали роптать противъ неестественной вражды между Корейшанами, и Абу-Софіанъ долженъ былъ стыдиться упорной ненависти противъ своей родни.

Вдругъ открылось, что пергаментъ въ Каабѣ, на которомъ написанъ былъ приговоръ, такъ повредился, что на немъ уцѣлѣли только начальныя слова: «Во имя Твое, всемогущій Боже!» А потому объявили приговоръ уничтоженнымъ, и Магомету съ его приверженцами позволено было спокойно возвратиться въ Мекку. Благочестивые Мусульмане видѣли въ этомъ таинственномъ уничтоженіи законнаго препятствія новое чудо, совершенное сверхъестественной силой для Магомета; но невѣрные подозрѣвали, что эта грамота, сдѣлавшаяся неприятною для самаго Абу-Софіана, была тайно повреждена человѣческими руками.

Вскорѣ послѣ возвращенія Магометова и его учениковъ въ Мекку обратилось много значительныхъ лицъ, горожанъ

и странниковъ приходившихъ изъ далека. А Корейшанъ, огорченныхъ успѣхами этой новой секты, утѣшила вѣсть о побѣдахъ Персіянъ надъ Греками, въ слѣдствіе которыхъ они завоевали Сирію и часть Египта. Корейшане-идолопоклонники радовались побѣдамъ надъ Греками-Христіанами, которыхъ вѣру, противоположную идолопоклонству, они считали почти одинаковою съ ученіемъ Магомета. Въ отвѣтъ на ихъ восторгъ и упреки Магометъ написалъ тридцатую главу Корана, которая начинается такъ: «Греки побѣждены Персіанами, но они ихъ опять одолѣютъ черезъ немногіе годы.»

Ревностный въ вѣрѣ Абу-Бекръ предложилъ закладъ о десяти верблюдахъ, что это предсказаніе сбудется въ продолженіи трехъ лѣтъ. «Увеличь закладъ и продли срокъ!» шепнулъ ему Магометъ. Абу-Бекръ побился о ста верблюдахъ, а срокъ поставилъ на девять лѣтъ. Предсказаніе сбылось, и закладъ былъ выигранъ. Мусульманскіе ученые смѣло ссылаются на этотъ анекдотъ, какъ на доказательство, что Коранъ ниспосланъ съ неба, и что Магометъ владелъ даромъ пророчества. Все это, однакожь, если и точно было, то несомнѣнно доказываетъ проницательный взглядъ на будущее, основанный на знаніи настоящаго положенія восточной державы.

Не долго спустя послѣ возвращенія въ Мекку Магометъ былъ позванъ закрыть глаза своему дядѣ Абу-Талебу, тогда уже осмидесятилѣтнему старику, почтенному и по характеру, и по наружности. Когда наступилъ смертный часъ, Магометъ увѣщевалъ дядю произнести исповѣданіе вѣры, которое, по Исламу, необходимо для блаженнаго воскресенія.

Искра земной гордости еще тлилась въ груди умирающаго старца. «О сынъ моего брата! отвѣчалъ онъ, если бъ я повторилъ эти слова, то Корейшане сказали бы, что я боюсь смерти.»

Историкъ Абульфеда увѣряетъ, что Абу-Талебъ точно умеръ въ вѣрѣ. Аль-Аббасъ, говоритъ онъ, стоялъ наклонившись къ постелѣ своего умирающаго брата и, видя, что уста его шевелятся, приложилъ ухо, чтобъ услышать его послѣднія слова. Эти слова были — желанное исповѣданіе. Другіе утверждаютъ, что его послѣднія слова были: «Я умираю въ вѣрѣ Абдъ-аль-Мотальлеба.» Истолкователи старались помирить эти два разсказа, увѣряя, будто Абдъ-аль-Мотальлебъ передъ смертью отрекся отъ поклоненія идоламъ и увѣровалъ въ единство Божіе.

Едва прошло три дня послѣ смерти Абу-Талеба, какъ и Кадиджа, вѣрная и преданная жена Магометова, сошла въ могилу. Ей было 65 лѣтъ. Магометъ плакалъ горько надъ ея гробомъ, и носилъ печальныя одежды по ней и по Абу-Талебу; такъ что этотъ годъ названъ былъ годомъ печали. Въ горѣ своемъ, говоритъ Арабскій писатель Абу-Хорайра, онъ былъ утѣшенъ извѣщеніемъ архангела Гавріила, что Кадиджѣ даны въ раю серебряныя палаты, въ награду за ея крѣпкую вѣру и многія заслуги дѣлу Ислама.

Хотя Кадиджа была гораздо старѣе Магомета, когда шла за него за мужъ, и уже отжила тѣ цвѣтуція лѣта, когда восточныя женщины бываютъ привлекательны, и хотя пророкъ былъ извѣстенъ своею склонностью къ женщинамъ, но говорятъ, что онъ остался ей вѣренъ до конца, и даже не воспользовался Арабскимъ закономъ, допускающимъ многоженство, потому что не хотѣлъ оскорбить Кадиджу. Но когда она уже была въ могилѣ, и прошелъ первый порывъ горести, онъ вздумалъ утѣшиться новой женитьбой, и съ тѣхъ поръ дозволилъ себѣ имѣть многихъ женъ. Въ своемъ законѣ онъ разрѣшилъ послѣдователямъ своимъ имѣть четыре жены, но самъ не ограничился этимъ числомъ; онъ говорилъ, что пророкъ получилъ особенные дары и преимущества, а потому не обязанъ стѣсняться закономъ, который имѣетъ силу для простыхъ смертныхъ.

Его первый выборъ сдѣланъ былъ черезъ мѣсяць послѣ Кадиджиной смерти и палъ на прелестное дитя, по имени *Аешу*, дочь его вѣрнаго приверженца Абу-Бекра. Можетъ быть, онъ этимъ союзомъ хотѣлъ еще сильнѣе привлечь на свою сторону Абу-Бекра, одного изъ самыхъ храбрыхъ и общелюбимыхъ мужей своего племени. Но Аешѣ было только семь лѣтъ отъ роду, и, хотя на востокѣ женщины разцвѣтають и зрѣють рано, однакожъ она была еще слишкомъ молода для замужства. А потому онъ только помолвилъ на ней и отложилъ бракъ на два года, а между тѣмъ распорядился, чтобы ея тщательнo обучили всѣмъ искусствамъ, которыя отличаютъ арабскихъ дѣвушекъ высшаго званія.

Эту жену, выбранную въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, пророкъ любилъ страстно, больше, чѣмъ всѣхъ другихъ, на которыхъ онъ послѣ былъ женатъ. Всѣ прочія уже испытали брачную жизнь; Аеша, говорилъ онъ, одна пришла въ его объятія, какъ чистая, непорочная дѣвственница.

А между тѣмъ, чтобъ не оставаться безъ должнаго утѣшенія, покуда Аеша еще не достигла зрѣлаго возраста, онъ взялъ себѣ въ жены *Савду*, вдову Сокрана, одного изъ своихъ приверженцевъ. Она была кормилицей дочери его Фатимы, и была одна изъ вѣрныхъ, искавшихъ убѣжища въ Абиссиніи отъ первыхъ гоненій Меккскаго народа. Увѣряють, что еще во время изгнанія ей была предсказана честь, которая ее ожидала: ей снилось, будто бы Магометъ положилъ голову къ ней на грудь. Она рассказала сонъ своему мужу Сокрану, а онъ его истолковалъ какъ предвѣщаніе своей скорой смерти и ея брака съ пророкомъ.

Эта женитьба, предсказанная или не предсказанная, была дѣломъ простаго случая. Магометъ никогда не любилъ Савды, какъ любилъ другихъ своихъ женъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ даже хотѣлъ было съ ней развестись, но она умоляла его оставить ей почетное званіе его жены и общала,

что когда дойдетъ ея очередь раздѣлять брачное ложе, то она уступить это право Аешѣ. Магометъ согласился на это условіе, благопріятное для любви его къ Аешѣ, и Савда осталась на всю свою жизнь его женою по имени.

Скоро Магометъ почувствовалъ, какъ много онъ потерялъ со смертію Абу-Талеба, который былъ ему не только нѣжнымъ родственникомъ, но вмѣстѣ и твердымъ, могучимъ покровителемъ, по своему огромному влиянію въ Меккѣ. Послѣ его смерти не осталось никого, кто могъ бы удержать враждебныя дѣйствія Абу-Софіана и Абу-Джахля, и съ ними бороться; а они скоро возбудили между Корейшанами такой духъ гоненія, что Магомету уже не безопасно было оставаться долѣе въ Меккѣ. А потому онъ рѣшился въ сопровожденіи своего отпущенника Зеида, искать убѣжища въ *Таефѣ*, небольшомъ укрѣпленномъ городѣ, миляхъ въ семидесяти отъ Мекки; тамъ жили Такифяне, или Арабы изъ племени Такифа. Это былъ одинъ изъ арабскихъ городковъ, богато одаренный природою, расположенный между виноградниками и садами. Тамъ росли персики и сливы, дыни и гранаты, синія и зеленые фиги, небоковыя деревья, производящія лотосъ, и пальмы съ своими гроздами изъ зеленыхъ и золотыхъ плодовъ. Свѣжія пажити и плодоносныя поля Таефа такъ рѣзко отличались отъ бесплодныхъ окрестныхъ степей, что Арабы придумали, будто онъ прежде составлялъ часть Сиріи, оторванную и перенесенную сюда во время потопа.

Магометъ спокойно вступалъ въ ворота Таефскія въ надеждѣ на покровительство и влияніе своего дяди Аль-Аббаса, у котораго тамъ были владѣнія. Но трудно было найти убѣжище хуже этаго: Таефъ былъ одной изъ твердынь идолопоклонства. Здѣсь господствовало въ полной силѣ поклоненіе одному изъ идоловъ женскаго рода, о которомъ уже было говорено, и который назывался Эль-Латъ. Ея каменное изображеніе было покрыто алмазами и драгоценными ка-

менями, приношеніемъ ея поклонниковъ; народъ вѣрилъ, что она вдохновлена жизнью и прибѣгалъ къ заступничеству Эль-Лать, считая ее одной изъ дочерей Божіихъ.

Магометъ жилъ въ Таефѣ около мѣсяца и напрасно старался найти учениковъ между горожанами. Когда онъ проповѣдывалъ свое ученіе, голосъ его заглушаемъ былъ криками. Не разъ въ него бросали камнями, отъ которыхъ вѣрный Зеидъ напрасно старался его заслонить. Наконецъ ярость народная дошла до того, что его выгнали; даже толпа дѣтей и рабовъ съ ругательствами гналась за нимъ и за стѣнами города.

И такъ, выгнанный съ безчестіемъ изъ убѣжища, на которое онъ рассчитывалъ, и не смѣя воротиться явно въ свой родной городъ, онъ остался въ пустынѣ, покуда Зеидъ отыскивалъ ему тайное пристанище у его друзей въ Меккѣ. Въ такой крайности имѣлъ онъ одно изъ тѣхъ видѣній, или сверхъестественныхъ посѣщеній, которыя, кажется, всегда съ нимъ бывали въ минуты уединенныя и тревожныя, въ состояніи духовнаго напряженія. Это случилось, какъ онъ говоритъ, послѣ вечерней молитвы, въ тихомъ углу долины, называемой Наклахъ, лежащей между Меккою и Таефомъ. Онъ читалъ Коранъ, и его подслушала пролетавшая толпа джиновъ, или духовъ. Это безтѣлесныя существа, которыя подобно человѣку должны получить въ вѣчности награды или наказанія; изъ нихъ иные добрые, иные злые. «Послушай! послушай!» говорили духи одинъ другому. Они остановились и стали слушать, а Магометъ продолжалъ читать. «Воистину, сказали они наконецъ, мы слышали дивную рѣчь, которая ведетъ къ истинному закону, и потому мы ей вѣримъ.»

Это духовное посѣщеніе утѣшило Магомета въ его изгнаніи изъ Таефа и показало ему, что онъ и его ученіе могутъ быть отвергнуты людьми, но уважены существами

духовными. По крайней мѣрѣ, такъ мы можемъ заключить изъ тѣхъ мѣстъ въ сорокъ шестой и семьдесятъ второй главахъ Корана, гдѣ онъ упоминаетъ объ этомъ. Съ тѣхъ поръ онъ объявилъ, что посланъ и для обращенія духовъ такъ же, какъ всего рода человѣческаго.

Примѣчаніе. Вѣра въ духовъ господствовала на востокѣ задолго до временъ Магометовыхъ. Думали, что они посѣщаютъ одинокія мѣста и особенно около ночи: суевѣріе, возникшее изъ обычаевъ и понятій народа, живущаго въ краю малолюдномъ и пустынномъ. Арабы думали, что въ каждой долигѣ, въ каждой бесплодной степи, есть свое племя духовъ, которые подчинены одному господствующему духу; что они бродятъ по ночамъ и нападаютъ на богомольцевъ и странниковъ. А потому, когда Арабы вступали въ одинокую долину при наступленіи ночи, у нихъ былъ обычай обращать просьбы къ старѣйшему изъ духовъ, господствующихъ надъ этимъ мѣстомъ, чтобъ онъ защитилъ ихъ отъ злыхъ духовъ, ему подчиненныхъ.

Они думаютъ, что столбы пыли, которые поднимаются по полямъ и несутся вихремъ по степямъ, произведены какимъ нибудь злымъ гениемъ или духомъ-исполиномъ.

Думаютъ, что и змѣи, которые заводятся въ домахъ, бываютъ иногда духи, либо невѣрные, либо вѣрные. Магометъ предостерегалъ своихъ послѣдователей, чтобъ они не торопились убивать домашнюю змѣю. «Прежде вели ей уйти, а если она не послушается, тогда убей; тогда это значить, что она просто гадъ, или невѣрный духъ.»

Увѣряютъ, будто бы духи прежде допускались на небеса, но изгнаны оттуда за ихъ склонность во все вмѣшиваться. Съ тѣхъ поръ они навсегда сохранили страсть все узнавать и развѣдывать, и часто стараются взобраться на созвѣздія, чтобы оттуда заглянуть на небеса и подслушать что тамъ дѣлается. Однакожь ангелы прогоняютъ ихъ от-

туда пламенными мечами; а Магометане думаютъ о метеорахъ, которые называются падающими звѣздами, что сторожевые ангелы бросаютъ ихъ въ этихъ докучныхъ духовъ.

Другія сказанія увѣряютъ, будто бы земля первоначально была населена этими духами; но что они возмутились противъ Всевышняго и захватили власть надъ землею, которую удержали за собою двѣ тысячи лѣтъ. Наконецъ, посланъ былъ противъ нихъ Азазиль, или Луциферъ; онъ побѣдилъ ихъ и низвергъ ихъ могучаго царя Джіанъ-бень-Джіана, основателя пирамидъ; а его магическій щитъ, имѣвшій силу талисмана, достался послѣ царю Соломону Премудрому, которому онъ далъ власть надъ заклинаніями и чарами волхвовъ и злыхъ духовъ. Мятежные духи, побѣжденные и уничтоженные, изгнаны были въ темный уголъ земли. И тогда Богъ создалъ человѣка, уже не съ такими опасными способностями и силами, и отдалъ ему міръ въ жилище.

Ангелы, по Мусульманскимъ понятіямъ, созданы изъ свѣтлыхъ алмазовъ, духи изъ огня безъ дыму, а Адамъ изъ глины.

Въ семдесятъ второй главѣ Корана, гдѣ Магометъ упоминаетъ о томъ, какъ его посѣщали духи въ Наклахской долинѣ, онъ заставляетъ ихъ откровенно рассказывать о себѣ слѣдующее:

«Нѣкогда мы старались развѣдать, что дѣлается на небесахъ, но увидѣли, что ихъ стерегутъ ангелы съ пламенными остріями. Мы сѣли на нѣкоторыя изъ небесныхъ сѣдалищъ, чтобы подслушать рѣчи небесныхъ жителей; но на каждаго, кто станетъ слушать, готово пламя, охраняющее предѣлы небесные. Есть между нами праведные Мусульмане, есть и такіе, что уклонились отъ правды. Кто принимаетъ Исламъ, тотъ ищетъ праваго пути, а кто уклоняется отъ правды, тотъ будетъ пищею для огня Геенскаго.»

ГЛАВА XII.

НОЧНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ПРОРОКА ИЗЪ МЕККИ ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ, А
ОТТУДА НА СЕДЬМОЕ НЕБО.

Когда для Магомета было найдено убѣжище въ домѣ Мутема-Ибнъ-Ади, одного изъ его учениковъ, онъ опять отважился воротиться въ Мекку. Скоро послѣ сверхъестественнаго явленія духовъ въ долину Наклахской, случилось новое видѣніе, или откровеніе, еще гораздо чудеснѣе, которое съ тѣхъ поръ между набожными Мусульманами осталось предметомъ толкованій и предположеній. Мы говоримъ о знаменитомъ ночномъ путешествіи въ Іерусалимъ, а оттуда на седьмое небо. Хотя подробности путешествія и передаются какъ будто со словъ самаго Магомета, тѣмъ не менѣе они остаются однимъ преданіемъ; иныя, впрочемъ, ссылаются въ подтвержденіе на нѣкоторыя слова и изреченія, разсыянные въ Коранѣ.

Мы не намѣрены пересказывать это видѣніе, или откровеніе, во всей его полнотѣ и дикой несообразности, а стараемся передать его самыя существенныя черты.

Разсказываютъ, будто бы ночь, въ которую оно случилось, была такая мрачная и страшно-безмолвная, какая едва ли когда бывала. Не было ни пѣнія пѣтуховъ, ни лая собакъ, ни воя дикихъ звѣрей, ни крика совы. Замолкли даже журчанье воды и свистъ вѣтра; вся природа казалась мертвою и недвижною. Тогда, въ самую средину ночи, Магомета разбудилъ голосъ: «Встань, ты спящій!» — Передъ нимъ стоялъ Гавріилъ архангелъ. Чело у него было свѣтло и ясно; весь онъ былъ какъ снѣгъ; волосы развѣвались по

плечамъ; крылья блистали множествомъ разноцвѣтныхъ огней, одежда вышита жемчугомъ и золотомъ.

Онъ подвелъ Магомету бѣлую лошадь дивныхъ свойствъ и статей, непохожую ни на одно изъ животныхъ, имъ виданныхъ; и точно она отличалась отъ всѣхъ животныхъ, какія прежде бывали описаны. Лице у нея было человѣчье, а щеки лошадиныя: глаза какъ гіацинты и лучезарны какъ звѣзды. У нея были орлиныя крылья, сіяющія лучами свѣта, и вся она блестѣла алмазами и драгоценными каменьями. Она была кобылица, и по своему ослѣпительному блеску и неизмѣрной быстротѣ называлась Аль-Боракъ, или Молнія.

Магометъ хотѣлъ сѣсть на эту чудесную лошадь; но только что онъ протянулъ было руку, она попятилась и поднялась на дыбы.

«Тише, Боракъ!» сказалъ Гавріиль; почти пророка Божія! Никогда не садился на тебя смертный человѣкъ, выше превознесенный Аллахомъ!»

«О Гавріиль! отвѣчала Аль-Боракъ, которая внезапнымъ чудомъ получила даръ слова; развѣ не садился на меня некогда Авраамъ, другъ Божій, когда онъ ѣхалъ къ сыну своему Измаилу? О Гавріиль! не посредникъ ли это, не заступникъ ли, не творецъ ли исповѣданія вѣры?»

«Это онъ, о Боракъ! это Магометъ-Ибнъ-Абдалахъ, правовѣрная отрасль одного изъ племенъ Счастливой Аравіи. Это глава сыновъ Адамовыхъ, величайшій изъ поклонниковъ Божіихъ, печать пророковъ. Ни одно твореніе не можетъ взойти въ рай безъ его заступничества. У него по правую руку небеса, въ награду тѣмъ, кто въ него вѣруеть; по лѣвую огонь геенны, куда брошены будутъ всѣ противники его ученія.»

«О Гавріиль!—стала его упрашивать Аль-Боракъ,—именемъ вѣры, которая въ тебѣ и въ немъ, склони его, чтобъ онъ былъ моимъ заступникомъ въ день воскресенія!»

«Будь увѣрена, о Боракъ! воскликнулъ Магометъ, что по моему заступничеству ты взойдешь въ рай!»

Только что онъ выговорилъ эти слова, какъ лошадь подошла и дала ему сѣсть на себя, а потомъ поднялась съ Магометомъ на хребтѣ и полетѣла высоко надъ горами Меккскими.

Когда онъ пролеталъ, какъ молнія, между небомъ и землею, Гавріилъ закричалъ ему: «Стой, Магометъ! сойди на землю и сотвори молитву съ двумя земными поклонами.»

Они опустились на землю, и когда сотворена была молитва, Магометъ сказалъ:

«Другъ и любимецъ души моей! за чѣмъ ты велѣлъ мнѣ молиться на этомъ мѣстѣ?»

«За тѣмъ, что это гора Синай, гдѣ Богъ бесѣдовалъ съ Моисеемъ.»

Они опять взлетѣли на воздухъ и быстро понеслись между небомъ и землею, покуда Гавріилъ вторично воскликнулъ: «Стой, Магометъ! сойди и сотвори молитву съ двумя земными поклонами.»

Они опустились; Магометъ совершилъ молитву и опять спросилъ: «За чѣмъ ты велѣлъ мнѣ молиться на этомъ мѣстѣ?»

«За тѣмъ, что это Вилеемъ, гдѣ родился Иисусъ, сынъ Маріинъ.»

Опять они понеслись по воздуху. Тогда раздался голосъ съ права: «Магометъ! остановись на минуту, дай мнѣ поговорить съ тобою; изъ всѣхъ созданныхъ существъ я тебѣ самое преданное.»

Но Боракъ неслась впередъ, и Магометъ не остановился; онъ чувствовалъ, что не ему останавливать свой полетъ, а только Богу всемогущему и всеславному.

Послышался другой голосъ съ лѣва, который тоже просилъ Магомета остановиться; но Боракъ все неслась впе-

редь, и Магометъ не останавливался. Тогда онъ увидѣлъ передъ собою дѣвушку очаровательной красоты, украшенную всѣми сокровищами земли. Она манила его съ обольстительной улыбкой: «Остановись на минуту, Магометъ! дай мнѣ поговорить съ тобою. Изъ всѣхъ тварей я тебѣ самая преданная.» Но Боракъ все несласть впередъ, и Магометъ не останавливался: онъ понималъ, что не ему останавливать свой полетъ, а Богу всемогущему и все-славному.»

Однакожь онъ обратился къ Гавріилу и спросилъ: «Что это за голоса я слышалъ? и кто эта дѣва, что меня манила?»

«Первый голосъ, о Магометъ, былъ голосъ Еврея; и если бъ ты сталъ его слушать, то весь твой народъ обратился бъ въ Иудейство.—Второй голосъ былъ голосъ Христіанина; и если бъ ты сталъ его слушать, то весь твой народъ склонился бы къ Христіанству.»

«Дѣва была—міръ, со всѣми своими богатствами, суетами и обольщеніями; и если бъ ты сталъ ее слушать, то народъ твой избралъ бы наслажденія здѣшней жизни вмѣсто вѣчнаго блаженства, и былъ бы весь осужденъ на погибель.»

Продолжая свой воздушный полетъ, они прилетѣли къ вратамъ священнаго храма Іерусалимскаго, и тамъ Магометъ, сойдя съ Аль-Борака, привязалъ ее къ тому самому кольцу, къ которому ее привязывали пророки, бывшіе прежде его. Тогда онъ вошелъ во храмъ и увидѣлъ тамъ Авраама, Моисея, Іесу (Іисуса), и еще многихъ пророковъ. Черезъ нѣсколько времени, когда онъ тамъ помолился вмѣстѣ съ ними, стала спускаться съ небесъ лѣстница изъ лучей свѣта, и наконецъ оперлась своимъ нижнимъ концемъ на *Шакру*, или основной камень священнаго храма,—камень Іакова. При помощи архангела Гавріила, Магометъ съ быстротою молніи взошелъ по этой лѣстницѣ.

Когда они дошли до перваго неба, Гавріилъ постучался во врата.» Кто тамъ? спросилъ голосъ изнутри. — Гавріилъ.

А кто съ тобою?—Магометъ. Принялъ ли онъ свое по-
ланичество? — Принялъ. Такъ пусть войдетъ! — И тогда
врата отворились.

Первое небо было изъ чистаго серебра; а на его бле-
стящихъ сводахъ звѣзды повѣшены на золотыхъ цѣпяхъ.
Къ каждой звѣздѣ приставленъ сторожевой ангелъ, чтобы
демоны не могли взобраться въ священныя жилища. Ког-
да вступилъ Магометъ, къ нему подошелъ старецъ, и Га-
вріилъ сказалъ: «Вотъ твой отецъ, Адамъ; поклонися ему.»
«Магометъ поклонился, а Адамъ его обнялъ и назвалъ ве-
личайшимъ изъ чадъ своихъ и первымъ изъ пророковъ.

На этомъ небѣ было безчисленное множество животныхъ
всякаго рода, и Гавріилъ сказалъ, что это ангелы, которые
въ такомъ видѣ молятся Аллаху за всѣ различныя породы
земныхъ тварей. Между ними былъ пѣтухъ ослѣпительной
близны, такой огромный, что онъ гребнемъ своимъ касал-
ся до втораго неба, хотя оно было на пять сотъ лѣтъ пу-
ти выше перваго. Эта дивная птица каждое утро привѣт-
ствовала слухъ Аллаха своимъ звучнымъ пѣніемъ. Ея го-
лосъ будить всѣхъ тварей земныхъ, кромѣ человѣка, и всѣ
птицы ея породы поютъ: *Аллилуйя*, подражая звуку ея го-
лоса. ⁽¹⁾

(1) Три голоса, говорятъ Мусульманскіе ученые, всегда благосклонно
услышаны Богомъ: голосъ того, кто чатаетъ Корабль; того, кто
молить о прощеніи; и голосъ пѣтуха, который поетъ во славу
Всевышняго. Когда близокъ будетъ послѣдній день, прибавляютъ
они, Аллахъ велитъ этой птицѣ сложить крылья и не пѣть болѣе:
тогда и всѣ пѣтухи на землѣ перестанутъ пѣть, и ихъ молчаніе
будетъ признакомъ, что великій день суда наступаетъ.

Г. Гумфрій Придо, Викарій (Dean) Норвичскій, въ своемъ
Жизнеописаніи Магомета, обвиняетъ его въ томъ, что этого чуде-
снаго пѣтуха онъ заимствовалъ изъ Вавилонскаго Тазмула. «Тамъ,
говоритъ онъ, въ статьѣ подъ названіемъ *Бава Барта*, есть
разсказъ о такой же чудесной птицѣ, по имени *Зисъ*, которая сто-

Потомъ они подошли ко второму небу. Опять Гавриилъ постучался у вратъ; опять размѣнялись тѣми же вопросами и отвѣтами; отворились врата, и они взошли.

Это небо было все изъ гладкой стали ослѣпительнаго блеска. Тутъ они встрѣтили Ноя, который обнялъ Магомета и привѣтствовалъ его какъ величайшаго изъ пророковъ.

Подойдя къ третьему небу, они взошли съ тѣми же церемоніями. Оно было все облѣчено драгоценными камнями, и слишкомъ блистательно для смертныхъ глазъ.

Тутъ сидѣлъ ангелъ неизмѣримой величины, и глаза у него были одинъ отъ другаго въ семидесяти тысячахъ дней пути. Подъ его начальствомъ находилось сто тысячъ полковъ вооруженныхъ людей. Передъ нимъ была развернута огромная книга, въ которой онъ безпрестанно то писалъ, то вычеркивалъ.

«Это, о Магометъ! сказалъ Гавриилъ, Азраилъ, ангелъ смерти; онъ безпрестанно вписываетъ имена тѣхъ, кто долженъ родиться, и вычеркиваетъ имена тѣхъ, кто уже прожилъ назначенное время, а потому они въ ту же минуту умираютъ.»

Потомъ они взошли на четвертое небо, изъ чистѣйшаго серебра. Между ангелами, жившими тамъ, былъ одинъ во сто дней пути вышиною. На лицѣ его выражалось смущеніе, и рѣки слезъ лились изъ глазъ его. «Это, сказалъ Гавриилъ, ангелъ слезъ. Онъ поставленъ плакать о грѣхахъ

ить ногами на землѣ и головою касается неба, а когда раскинетъ крылья, то закрываетъ весь солнечный шаръ и производитъ совершенное затмѣніе. Эта птица, въ Халдейскомъ толкованіи на Псалмы, названа пѣтухомъ, и рассказываютъ о ней, будто она поетъ передъ Господомъ. Въ Халдейскомъ толкованіи на книгу Іова также сказано, что она каждое утро поетъ передъ Господомъ, и что Богъ даетъ ей на это разумъ.

дтей человѣческихъ и предсказывать бѣды, которыя ихъ ожидаютъ.»

Пятое небо было изъ чистѣйшаго золота. Тутъ встрѣтилъ Магомета Ааронъ объятіями и поздравленіями. На этомъ небѣ живетъ ангелъ мести и править стихіей огня. Изъ всѣхъ ангеловъ, видѣнныхъ Магометомъ, это былъ самый безобразный и страшный. Лице его, мѣднаго цвѣта, покрыто было бородавками и наростами. Изъ глазъ его сверкала молнія, въ рукахъ держалъ онъ пламенное копье. Онъ сидѣлъ на престолѣ, окруженномъ пламенемъ, а передъ нимъ лежала гряда раскаленныхъ цѣпей. Если бъ онъ сошелъ на землю въ своемъ истинномъ видѣ, то горы сгорѣли бы, моря бы высохли, и всѣ жители померли бы со страху. Ему и ангеламъ, подвластнымъ ему, поручено совершеніе божественной мести надъ невѣрными и грѣшниками.

Остави это страшное жилище, Магометъ взошелъ на шестое небо, составленное изъ прозрачнаго камня, который называется Хасала, что можно передать словомъ: карбункулъ. Здѣсь былъ огромный ангелъ, созданный вполонину изъ снѣгу, вполонину изъ огня; однакожь ни снѣгъ не таялъ, ни огонь не гасъ. Вокругъ него былъ хоръ меньшихъ ангеловъ, которые безпрестанно зывали: «О Аллахъ! Ты соединишь снѣгъ съ огнемъ: соедини всѣхъ Твоихъ вѣрныхъ слугъ въ повиновеніи Твоему закону!»

«Это, сказалъ Гавріилъ, ангелъ хранитель неба и земли. Онъ посылаетъ ангеловъ къ людямъ твоего народа, чтобы склонить ихъ къ признанію твоего посланничества и призвать ихъ на служеніе Богу. Онъ и будетъ ихъ посылать до самаго дня воскресенія.»

Тутъ былъ пророкъ Муса (Моисей). Однакожь онъ вмѣсто того, чтобы встрѣтить Магомета съ радостью, какъ другіе пророки, увидѣвши его, заплакалъ.

«О чемъ ты плачешь? спросилъ Магометъ. О томъ, что я вижу себѣ наслѣдника, которому суждено привести въ рай больше людей изъ своего народа, нежели сколько я могъ привести изъ непостоянныхъ сыновъ Израиля.»

Взойдя на седьмое небо, Магометъ былъ встрѣченъ патриархомъ Авраамомъ. Эта блаженная обитель вся соткана изъ небеснаго свѣта, и языкъ человѣческій не въ силахъ выразить ея непостижимую славу. Довольно описать одного изъ жителей этого неба, чтобы дать понятіе о прочемъ. Величиною онъ былъ огромнѣе всей земли, у него было 70 тысячъ головъ, у каждой головы 70 тысячъ ртовъ; у каждого рта 70 тысячъ языковъ; каждый языкъ говорилъ на 70 тысячахъ различныхъ нарѣчій, и всѣ они безпрестанно воспѣвали хвалу Всевышнему.

Пока Магометъ разсматривалъ это странное существо, онъ былъ внезапно вознесенъ къ тому лotosовому дереву, которое называется *Седратъ*, и цвѣтетъ по правую сторону невидимаго престола Аллахова. Вѣтви этого дерева шире, нежели разстояніе между солнцемъ и землею. Ангелы, которыхъ больше, чѣмъ песчинокъ на морскомъ берегу, или чѣмъ всѣхъ рѣкъ и потоковъ, блаженствуютъ подъ его тѣнью. Листья похожи на слоновьи уши; тысячи безсмертныхъ птицъ играютъ въ его вѣтвяхъ, повторяя дивные стихи Корана. Плодъ этого дерева нѣжнѣе молока и слаще меду. Если бы собрать всѣхъ Божьихъ тварей, то и одного изъ этихъ плодовъ было бы довольно для ихъ пропитанія. Въ каждомъ сѣмячкѣ заключается Гурія, или небесная дѣва, созданная для блаженства правовѣрныхъ. Изъ подъ этого дерева вытекають четыре рѣки: двѣ текутъ во внутренность рая, а двѣ за его предѣлы, и обращаются въ Нилъ и Евфратъ.

Тогда Магометъ и его небесный спутникъ пошли къ Аль-Мамуру, или дому поклоненія, который построенъ изъ красныхъ гіацинтовъ или рубиновъ, и окруженъ безчислен-

ными лампадами, вѣчно горящими. Когда Магометъ подошелъ къ преддверію, ему подали три сосуда: въ одномъ было вино, въ другомъ молоко, въ третьемъ медъ. Онъ взялъ и выпилъ изъ того сосуда, что было съ молокомъ.

«Ты хорошо поступилъ, твой выборъ къ добру!»—воскликнулъ Гавриилъ.—«Если бъ ты выпилъ вино, то народъ твой сбился бы съ праваго пути!»

Священный домъ похожъ снаружи на Каабу въ Меккѣ, и стоитъ прямо надъ нею въ седьмомъ небѣ. Его ежедневно посѣщаютъ 70 тысячъ ангеловъ высшаго разряда. Именно тогда они совершали свой священный обходъ, и Магометъ, присоединившись къ нимъ, обошелъ семь разъ вокругъ дома.

Гавриилъ уже не могъ идти дальше. Тогда Магометъ быстрой мысли пролетѣлъ неизмѣримое пространство, черезъ двѣ области ослѣпительнаго свѣта и черезъ одну глубокаго мрака. Когда онъ вынырнулъ изъ этой крайней тьмы, то пораженъ былъ ужасомъ и благоговѣніемъ, очутившись передъ лицомъ Аллаха, въ двухъ полетахъ стрѣлы отъ Его престола. Божественный ликъ былъ освѣненъ двѣнадцатью тысячами покрываль, — иначе челоуѣкъ былъ бы уничтоженъ отъ взгляда на Его славу. Онъ простеръ свои руки и положилъ одну на грудь, а другую на плечо Магомету. Тогда его проникъ острый холодъ до самаго сердца, даже до самаго мозга его костей; холодъ смѣнился чувствомъ восхитительнаго блаженства, и повсюду распространились сладость и благоуханіе, непонятныя никому, кромѣ того, кто бывалъ передъ лицомъ Аллаха.

Тогда Магометъ принялъ отъ самаго Аллаха многія заповѣди, помѣщенные въ Коранѣ, и тогда же предписаны были пятьдесятъ молитвъ, какъ священный, ежедневный долгъ всѣхъ правовѣрныхъ.

Когда онъ нисходилъ отъ присутствія Аллахова и опять встрѣтился съ Моисеемъ, то Моисей спросилъ: «Что пове-

лѣль Аллахъ?»—«Чтобъ я совершалъ пятьдесятъ молитвъ ежедневно.»

«А ты думаешь исполнить этотъ урокъ? Я уже испыталъ это прежде тебя. Я напрасно старался исполнить это вмѣстѣ съ сынами Израиля, и потому воротись, и проси уменьшить число молитвъ.»

Магометъ возвратился и выпросилъ сокращеніе числа молитвъ десятию; но когда онъ разсказалъ Моисею о своемъ успѣхѣ, Моисей снова возражалъ противъ ежедневнаго числа сорока молитвъ. По его совѣту, Магометъ опять возвращался, покуда число молитвъ не уменьшилось до пяти.

Моисей все еще возражалъ. «Развѣ ты надѣешься истребовать отъ твоего народа пять ежедневныхъ молитвъ? Свидѣтель Аллахъ! я уже испыталъ надъ сынами Израиля, что такое требованіе напрасно; а потому возвратись и опять проси уменьшить задачу.»

«Нѣтъ, отвѣчалъ Магометъ, я уже выпросилъ столько облегченій, что мнѣ стыдно.»—Сказавши это, онъ поклонился Моисею и ушелъ.

По лѣстницѣ изъ свѣта онъ опять спустился въ Иерусалимскій храмъ, гдѣ нашель Борахъ, привязанную такъ же какъ онъ ее оставилъ, сѣлъ на нее и въ одно мгновеніе отнесенъ былъ опять на то же мѣсто, откуда былъ взятъ.

Разсказъ объ этомъ видѣніи, или ночномъ путешествіи, взятъ въ главныхъ чертахъ со словъ историковъ Абульфе-ды, Аль-Бохари и Абу-Хорейры, и переданъ подробнѣе у Ганье (Gagnier) въ его *Жизни Магомета*. Самое путешествіе подало поводъ къ безконечнымъ толкованіямъ и спорамъ между учеными. Нѣкоторые утверждаютъ, что это было не что иное, какъ сонъ или ночное видѣніе, и основываютъ свое мнѣніе на преданіи, идущемъ отъ Аеши, жены Магометовой, которая объявила, что въ эту самую ночь,

его тѣло оставалось совершенно спокойно, и только духъ его совершалъ ночное путешествіе. Однакоже, приводя это преданіе, они не приняли въ соображеніе, что въ то время, къ которому обыкновенно относятъ это путешествіе, Аеша была еще дитя, и хотя уже обручилась съ Магометомъ, но еще не стала его женою.

Другіе настаиваютъ на томъ, что онъ совершилъ небесное путешествіе тѣлесно, и все это будто бы исполнилось чудеснымъ образомъ въ такое короткое время, что, возвратясь, Магометъ еще могъ остановить совершенное паденіе сосуда съ водою, который архангелъ Гавриилъ, улетая, задрлъ крыломъ.

Иные говорятъ, что Магометъ рассказывалъ только свое ночное путешествіе въ Іерусалимскій храмъ, а что восхожденіе на небо было видѣніе. Ахметъ-бенъ-Іосифъ увѣряетъ, будто бы ночное посѣщеніе храма было подтверждено даже самимъ Патріархомъ Іерусалимскимъ. Когда Магометъ, говорить онъ, отправилъ пословъ къ Императору Ираклію въ Царьградъ, убѣждая его принять Исламизмъ, Патріархъ находился у Императора. И когда посолье рассказало ночное путешествіе пророка, Патріархъ былъ пораженъ удивленіемъ, и сообщилъ Императору обстоятельства, дополнявшія рассказъ посла. «У меня обычай, сказалъ онъ, никогда не отходить ночью ко сну, покуда я не заперъ всѣхъ дверей храма. И въ эту ночь я заперъ ихъ по обыкновенію, но одну дверь не возможно было сдвинуть съ мѣста. Тогда я послалъ за плотниками, и они, осмотрѣвши дверь, объявили, что перекладыны надъ дверью, и самое зданіе, такъ сѣли, что они не въ силахъ затворить двери. А потому я принужденъ былъ оставить ее незатворенною. Рано поутру, на разсвѣтѣ, я пошелъ туда, и что же? угловой камень храма былъ просверленъ, и оставались еще слѣды того мѣста, гдѣ Аль-Боракъ была привязана. Тогда я сказалъ присутствующимъ, что дверь не осталась бы не-

подвижной, если бы какойнибудь пророкъ не призжалъ сюда молиться.» ⁽¹⁾

Преданія прибавляютъ еще, что когда Магометъ рассказывалъ свое ночное путешествіе передъ большимъ собраніемъ въ Меккѣ, то многіе дивились тому, хотя и вѣрили; иные сомнѣвались, а Корейшане стали насмѣхаться. «Ты говоришь, что ты былъ въ Іерусалимскомъ храмѣ, сказалъ Абу-Джахль, докажи же истину твоихъ словъ: опиши намъ его!»

На минуту Магометъ смутился отъ этого требованія, потому что онъ былъ во храмѣ ночью, когда трудно было рассмотретьъ его; внезапно, однакожь, архангелъ Гавриилъ очутился возлѣ него и развернулъ передъ его глазами вѣрное изображеніе священнаго храма; такъ что онъ тотчасъ же могъ отвѣчать на самыя подробныя распросы.

Но этотъ рассказъ показался невѣроятнымъ даже и для нѣкоторыхъ изъ его учениковъ, покуда Абу-Бекръ, видя, что ихъ вѣра колеблется, и что они въ опасности отпасть отъ вѣры, рѣшительно поручился за истину рассказа. Въ награду за эту помощь, Магометъ далъ ему прозваніе Аль-Седекъ, или свидѣтель истины, которое съ тѣхъ поръ и осталось за нимъ.

Это ночное путешествіе, какъ мы уже замѣтили, основано почти единственно на преданіи, хотя на нѣкоторыя изъ его подробностей и есть смутныя намеки въ Коранѣ. Все оно, можно сказать, возникло изъ фантастическихъ прикрасъ, которыми Мусульманскіе изувѣры разцвѣтили одно изъ видѣній или бредней Магомета, заслужившихъ ему отъ Корейшанъ прозваніе сумасшедшаго.

---

(1) Само собою разумѣется, что все это повѣствованіе о Патриархѣ Іерусалимскомъ и его мнимомъ свидѣтельствѣ есть чистая сказка, ни на чемъ дѣйствительномъ не основанная. *Примѣч. издат.*

ГЛАВА XIII.

Магометъ обращаетъ Мединскихъ богомольцевъ Рѣшается бѣжать въ этотъ городъ. Заговоръ противъ его жизни. Его чудесное спасеніе. Его Геджира или бѣгство. Его приемъ въ Мединѣ.

Положеніе Магометово на родинѣ становилось все тяжеле и тяжеле. Кадиджа, его первая благодѣтельница, вѣрная подруга его изгнанія и одиночества, ревностная исповѣдница его ученія, была въ могилѣ; также и Абу-Талебъ, его вѣрный и крѣпкій защитникъ. Лишившись могущественной помощи Абу-Талеба, Магометъ остался въ Меккѣ какъ бы отверженнымъ; онъ долженъ былъ укрываться и обременять собою тѣхъ, которыхъ его же ученіе подвергло гоненію. Прошло уже больше десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ объявилъ свое пророческое посланничество; десять долгихъ лѣтъ вражды, смуть и несчастій. Онъ стоялъ на своемъ; и теперь, уже въ такихъ годахъ, когда человѣкъ обыкновенно желаетъ насладиться спокойно плодами прошедшаго, а не жертвовать всѣмъ для новыхъ замысловъ въ будущемъ, онъ по прежнему не брежетъ о своемъ спокойствіи, достояніи, друзьяхъ, по прежнему готовъ отказаться и отъ родныхъ, и отъ отечества, лишь бы сохранить и распространить свое ученіе.

Когда наступила пора богомолья, когда прекращалась всякая вражда, онъ опять вышелъ изъ своего убожища и замѣшался въ толпы народа, собравшагося въ Мекку со всѣхъ концовъ Аравіи. Его главное желаніе было отыскать какое нибудь могучее племя, жителей какого нибудь значительнаго города, которые были бы способны и готовы принять его къ

себѣ, и дать защиту въ исповѣданіи и распространеніи его вѣры.

Сначала его труды были напрасны. Богомольцы, которые пришли поклониться Каабѣ, гнушались имъ, какъ признаннымъ отступникомъ; а люди, преданные міру, не хотѣли дружитья съ человѣкомъ, который былъ подъ гоненіемъ сильныхъ на своей родинѣ.

Наконецъ, когда онъ разъ проповѣдывалъ на холмѣ Аль-Акабѣ (въ недалекомъ разстояніи къ сѣверу отъ Мекки), онъ обратилъ на себя вниманіе нѣкоторыхъ богомольцевъ изъ города Ятреба. Этотъ городъ, названный послѣ Мединою, стоялъ во ста семидесяти миляхъ къ сѣверу отъ Мекки. Многіе изъ его жителей были Евреи и Христіане-раскольники. Помянутые богомольцы были чистые Арабы, изъ древняго и могучаго племени Хазрадянь, бывшаго въ дружественныхъ связяхъ съ Кенидянами и Надерянами, двумя Еврейскими племенами, жившими въ Меккѣ, которые гордились тѣмъ, что происходятъ отъ священнаго колѣна Ааронова. Богомольцы слыхали часто, какъ ихъ пріатели Евреи объясняютъ таинства своей вѣры и говорятъ объ ожидаемомъ Мессіи. Краснорѣчіе Магометово ихъ тронуло, а ученіе поразило своимъ сходствомъ съ Еврейскимъ закономъ; услышавъ, что онъ провозглашаетъ себя пророкомъ, небеснымъ посланникомъ для возстановленія древней вѣры, они стали разсуждать между собою: «Это вѣрно тотъ обѣщанный Мессія, о которомъ намъ говорили!»—Чѣмъ больше они слушали, тѣмъ больше увѣрялись въ своей догадкѣ; и наконецъ объявили, что они убѣждены и вполне приняли Магометово исповѣданіе.

Такъ какъ Хазрадяне принадлежали къ одному изъ могущественныхъ племенъ Ятреба, то Магометъ старался упрочить за собою ихъ покровительство, и предложилъ итти за ними на возвратномъ пути; но они ему сказали, что

теперь они въ смертной враждѣ съ Авситянами, другимъ сильнымъ племенемъ ихъ города; а потому совѣтывали ему отложить свое пришествіе, пока у нихъ настанетъ миръ. Онъ согласился; однакожь, когда уходили богомольцы, онъ послалъ съ ними Мусаба-Ибнъ-Омейра, одного изъ самыхъ ученыхъ и даровитыхъ своихъ учениковъ, съ порученіемъ укрѣплять ихъ въ вѣрѣ и проповѣдывать ее ихъ согражданамъ. Такъ были брошены первыя сѣмена Исламизма въ Мединѣ. Сначала они росли медленно. Идолопоклонники возстали противъ Мусаба, и жизнь его была въ опасности; но онъ устоялъ въ своихъ усиліяхъ и мало по малу обратилъ нѣкоторыхъ изъ знатнѣйшихъ гражданъ. Въ числѣ ихъ былъ Саадъ-Ибнъ-Маадъ, князь или старѣйшина Авситянь, и Осайдъ-Ибнъ-Ходейръ, человекъ очень уваженный въ городѣ. Множество Мусульманъ, гонимыхъ въ Меккѣ, также искали убѣжища въ Мединѣ и помогли распространить новую вѣру между ея жителями, а наконецъ она проникла почти въ каждый домъ.

Тогда, уже увѣрившись, что Магомету дано будетъ убѣжище въ городѣ, болѣе семидесяти новообращенцевъ Мединскихъ, подъ предводительствомъ Мусаба-Ибнъ-Омейра, отправились въ Мекку вмѣстѣ съ богомольцами (въ священный мѣсяць тринадцатаго года посланничества), чтобы пригласить его водвориться въ ихъ городѣ. Магометъ назначилъ имъ полуночное свиданіе на холмѣ Аль-Акабѣ. Дядя его Аль-Аббасъ, который такъ же какъ и покойный Абу-Талебъ, принималъ въ немъ нѣжное, родственное участіе, хотя и не вѣрилъ его ученію, провожалъ его на это тайное совѣщаніе, опасаясь, чтобъ оно не причинило ему бѣды. Онъ упрашивалъ Мединскихъ богомольцевъ, чтобъ они не завлекали его племянника къ себѣ въ городъ, пока не будетъ возможности дать ему защиту, и предостерегалъ, что явное обращеніе къ новой вѣрѣ вооружитъ противъ нихъ всю Аравію. Всѣ его предостереженія и просьбы были на-

прасны, — они заключили торжественный договоръ. Магометъ требовалъ, чтобъ они отреклись отъ идолопоклонства и поклонялись явно и безбоязненно единому истинному Богу; себѣ онъ требовалъ повиновенія, и въ счастіи, и въ бѣдѣ; а ученикамъ, которые за ними пойдутъ, защиты, такой же, какую они дали бы собственнымъ женамъ и дѣтямъ. На этихъ условіяхъ онъ обязывался остаться у нихъ, быть другомъ ихъ друзей и враговъ ихъ врагомъ. «А если погибнемъ за твое дѣло, спросили они, что будетъ нашей наградой?»—«Рай!», отвѣчалъ пророкъ.

Условія были приняты; послы Мединскіе вложили свои руки въ руки Магометовы, и поклялись соблюдать договоръ. Тогда Магометъ выбралъ изъ нихъ двѣнадцать человекъ и назначилъ ихъ своими апостолами, подражая, какъ думаютъ, примѣру Спасителя: Въ эту самую минуту послышался голосъ съ вершины холма, который называлъ ихъ отступниками и грозилъ казнью. Звукъ этого голоса, раздавагося въ ночной темнотѣ, смутилъ присутствовавшихъ. «Это голосъ бѣса Иблиса, сказалъ Магометъ презрительно; онъ врагъ Божій, не бойтесь его.»—Вѣроятно это былъ голосъ одного изъ Корейшанскихъ лазутчиковъ или развѣзчиковъ; потому что они въ то же утро показали, что знаютъ обо всемъ, бывшемъ ночью, и очень сурово обращались съ союзниками, когда они выходили изъ города.

За это раннее принятіе вѣры и за помощь, во время предложенную, а послѣ и поданную Магомету и его ученикамъ, Мединскимъ Мусульманамъ дано названіе Ансаріанъ, то есть, союзниковъ, подъ которымъ они послѣ и были извѣстны.

Когда ушли Ансаріане, и прошелъ священный мѣсяцъ, гоненіе на Мусульманъ возобновилось съ прежней силой. Магометъ, видя, что наступаетъ роковое время, и рѣшившись оставить городъ, посовѣтовалъ всѣмъ своимъ привер-

женцамъ заботиться о своей безопасности; но самъ еще оставался въ Меккѣ съ немногими изъ вѣрныхъ друзей.

Его непримиримый врагъ, Абу-Софіанъ, былъ тогда правителемъ города. Раздраженный, встревоженный успѣхами и распространѣніемъ новой вѣры, онъ собралъ совѣтъ Корейшанскихъ старѣйшинъ, чтобъ придумать, какими средствами постановить ей надежную преграду. Одни совѣтовали изгнать Магомета изъ города; но имъ возражали, что онъ можетъ привлечь къ себѣ другія племена, даже весь народъ Мединскій, и потомъ возвратиться во главѣ ихъ, для отмщенія. Другіе предлагали запереть его въ тюрьму и кормить тамъ до самой смерти. На это было замѣчено, что друзья могутъ выручить его. Всѣ эти возраженія представлены были однимъ дерзкимъ и безпокойнымъ старикомъ, пришельцемъ изъ области Неджи, который, какъ говорятъ Мусульманскіе писатели, былъ никто иной, какъ переодѣтый дьяволъ и передавалъ свой злобный духъ всѣмъ присутствовавшимъ.

Наконецъ Абу-Джахль объявилъ, что одно только и есть вѣрное средство остановить зло: убить Магомета. На это всѣ согласились, а чтобъ раздѣлить всѣмъ между собою нареканіе за такое дѣло и дать отпоръ мщению, которое оно возбудитъ въ родныхъ убитаго, было положено, чтобы каждый членъ семьи вонзилъ свой кинжалъ въ грудь Магометову.

На этотъ заговоръ намекаетъ одно мѣсто въ осьмой главѣ Корана: «Вспомни, какъ невѣрные замыслили ковы противъ тебя, чтобъ заключить тебя въ заточеніе, или предать смерти, или изгнать изъ города.»

Въ самомъ дѣлѣ, когда убійцы подходили къ жилищу Магометову, онъ уже былъ предувѣдомленъ о близкой опасности. Это предостереженіе приписывается, по обыкновенію, архангелу Гавріилу; но вѣроятно оно было дано однимъ изъ Ко-

рейшанъ, который не раздѣлялъ кровожадности своихъ товарищей. Оно пришло въ самое время, чтобы спасти Магомета изъ рукъ враговъ. Сии послѣдніе остановились у его дверей, но еще не рѣшались войти. Посмотрѣли въ щель, и увидѣли, какъ имъ показалось, что Магометъ, закутавшись въ свой зеленый плащъ, спитъ на постелѣ. Они на минуту остановились, чтобы рѣшить: напасть ли на него соннаго, или подождать, пока онъ проснется и выйдетъ. Наконецъ они выломали дверь и бросились къ постелѣ. Спавшій вскочилъ; но вмѣсто Магомета передъ ними стоялъ Али. Изумленные и смущенные, они стали спрашивать: «Гдѣ Магометъ?»—Не знаю, отвѣчалъ Али сурово и вышелъ, а изъ нихъ никто не осмѣлился тронуть его. Возбѣщенные тѣмъ, что отъ нихъ укрылась ихъ жертва, Корейшане однакожь обѣщали сто верблюдовъ награды тому, кто представитъ имъ Магомета, живаго или мертваго.

Различно рассказываютъ о томъ, какъ ушелъ Магометъ изъ этого дома, когда вѣрный Али завернулся въ его плащъ и легъ на его постель. По самому чудесному разсказу, онъ молча отворилъ дверь, когда еще Корейшане стояли передъ нею, бросилъ на воздухъ горсть песку и такъ ихъ ослѣпилъ, что невидимо для нихъ прошелъ между ними. Это, какъ говорятъ, подтверждается и однимъ стихомъ въ 30-й главѣ Корана: «Мы нашьлемъ на нихъ такую слѣпоту, чтобы они ничего не видали.» По самому вѣроятному разсказу, онъ сползъ по задней стѣнѣ дома, при помощи слуги, который подставилъ ему спину, чтобы онъ сталъ на нее ногою.

Онъ пошелъ прямо въ домъ Абу-Бекра и тотчасъ вмѣстѣ съ нимъ изготовился къ бѣгству. Рѣшено было, чтобы имъ укрыться въ пещерѣ на горѣ Торъ, на одинъ часъ пути отъ Мекки, и тамъ дожидаться, покуда можно будетъ безопасно пойти въ Медину; а между тѣмъ Абу-Бекровы

дѣти должны были носить имъ пищу. Они оставили Мекку еще ночью, шли пѣшкомъ при сіяніи звѣздъ, и на разсвѣтѣ дошли до подошвы горы Торъ. Только что они вошли въ пещеру, какъ услышали шумъ погони. Даже и мужественный Абу-Бекръ дрожалъ отъ страха. «Ихъ много за нами гонится, сказалъ онъ, а насъ только двое.» «Нѣтъ, отвѣчалъ Магометъ, есть третій: съ нами Богъ!»—И тутъ Мусульманскіе писатели рассказываютъ чудо, драгоцѣнное сердцамъ правовѣрныхъ. Когда Корейшане, говорятъ они, подходили ко входу въ пещеру, передъ ними выросло дерево акація; на его развѣсистыхъ вѣтвяхъ голубица свила гнѣздо и нанесла яицъ, а паукъ обвилъ все дерево своей паутиной. Корейшане увидѣли по этимъ признакамъ, что никто не касался до дерева, подумали, что не могло быть въ пещерѣ недавняго гостя, а потому повернули и погнались по другой дорогѣ.

Чудомъ, или безъ чуда, бѣглецы трое сутокъ оставались въ пещерѣ неоткрытые, и дочь Абу-Бекрова, Асама, въ сумерки приносила имъ пищу.

На четвертый день, когда, по ихъ мнѣнію, уже остыла ревность преслѣдователей, бѣглецы рѣшились выйти и пустились въ Медину на верблюдахъ, которыхъ слуга Абу-Бекровъ привелъ имъ ночью. Оставляя въ сторонѣ большую дорогу, гдѣ обыкновенно ходятъ караваны, они держались береговъ Чермнаго моря. Однако они еще недалеко отѣхали, какъ были настигнуты коннымъ отрядомъ, подъ предводительствомъ Сораки-Ибнъ-Малека. Многочисленность погони опять встревожила Абу-Бекра; но Магометъ опять ободрилъ его. «Не смущайся, Аллахъ съ нами!» — Сорака былъ воинъ свирѣпой наружности, его сѣдые, желѣзнаго цвѣта кудри были всклокочены, голыя жилистыя руки обросли волосами. Когда онъ подскакалъ къ Магомету, конь его сталъ на дыбы и опрокинулся вмѣстѣ съ нимъ. Это поразило суе-

вѣрную душу его, какъ худой знакъ. Магометъ замѣтилъ это чувство, и такъ на него подѣйствовалъ своимъ краснорѣчіемъ, что Сорака, проникнутый благоговѣніемъ, сталъ просить у него прощенія, поворотилъ назадъ вмѣстѣ съ своимъ отрядомъ и оставилъ его ѣхать спокойно.

Путники слѣдовали своей дорогой безъ дальнѣйшаго препятствія и наконецъ подѣхали къ холму Кобѣ, въ двухъ миляхъ отъ Медины. Это было любимое мѣсто прогулки горожанъ, и туда они посылали своихъ больныхъ и разслабленныхъ, дышать чистымъ и здоровымъ воздухомъ. Коба снабжала также городъ плодами: холмъ и его окрестности покрыты были виноградниками и рощами изъ финиковъ и лotosовыхъ деревьевъ, садами, гдѣ росли лимоны, помаранцы, гранаты, фиги, персики и абрикосы; свѣжіе ручьи орошали ихъ.

Приблизившись къ этому плодоносному мѣсту, Аль-Касва, верблюдъ Магометовъ, сталъ на колѣни и не хотѣлъ идти далѣе. Пророкъ объяснилъ, что это къ добру и рѣшился остаться въ Кобѣ, чтобы тамъ готовиться къ вступленію въ городъ. Набожные Мусульмане до сихъ поръ указываютъ мѣсто, гдѣ верблюдъ стоялъ на колѣняхъ, и гдѣ послѣ построена мечеть, которая называется Аль-Таква, въ память этого событія. Иные увѣряютъ, что она точно основана самимъ пророкомъ; не въ далекѣ указываютъ глубокой колодезь, возлѣ котораго Магометъ отдыхалъ въ тѣни деревьевъ и въ который онъ уронилъ свой перстень съ печатью. Думаютъ, что перстень все еще тамъ, и что имъ святится источникъ, вода котораго проведена подземными трубами въ Медину. Въ Кобѣ онъ пробылъ четыре дня въ домѣ одного Авситянина, по имени Колтумъ-Ибнъ-Хадема. Пока онъ оставался въ этомъ селеніи, къ нему присоединился одинъ знатный князь Борейда-Ибнъ-Хосейбъ, съ семидесятью спутниками; всѣ они были изъ племени Сахама. Они сложили исповѣданіе вѣры въ руки Магометовы.

Другой знаменитый приверженецъ, явившійся къ Магомету въ это селеніе, былъ Салманъ-аль-Парси, (или Персъ). Говорятъ, что онъ былъ уроженецъ изъ одной маленькой деревеньки неподалеку отъ Испагани, и что разъ, проходя мимо Христіанской церкви, такъ пораженъ былъ усердіемъ народа и величіемъ богослуженія, что ему опостыгло идолопоклонство, въ которомъ онъ былъ воспитанъ. Послѣ онъ странствовалъ по Востоку, изъ города въ городъ, изъ монастыря въ монастырь, ища вѣры, пока одинъ старый монахъ, согбенный годами и немощами, сказалъ ему о пророкѣ, который явился въ Аравіи, чтобъ возстановить чистую вѣру Авраамову.

Этотъ Салманъ, въ послѣдующіе годы, пріобрѣлъ сильную власть, и невѣрующіе въ Меккѣ говорили о немъ, что онъ помогалъ Магомету сочинять новое ученіе. На это есть намекъ въ шестнадцатой главѣ Корана: «Воистину, идолопоклонники говорятъ, будто-бы одинъ извѣстный человекъ помогалъ сочинять Коранъ; но языкъ этого человека—языкъ Аджамі (т. е. персидскій), а Коранъ изложенъ на чистомъ арабскомъ языкѣ.» (1)

Меккскіе Мусульмане, которые нашли убѣжище въ Мединѣ нѣсколько прежде, услышавъ, что Магометъ близко, вышли къ нему на встрѣчу въ Кобу; между ними былъ Тальха, одинъ изъ раннихъ обращенцевъ, и Зобеиръ, Кадиджинъ племянникъ. Увидя, что одежды Магомета и Абу-Бекра покрыты дорожной пылью, они дали имъ бѣлые

(1) Знаменитый и ученый Гумфрїи Придѣ, Докторъ Богословіи и Деканъ (Dean) Норвичскій, въ своей книгѣ: *Жизнь Магомета*, смѣшиваетъ этого Салмана Перса съ Абдаллахомъ-Ибнъ-Саломомъ, ученымъ Евреемъ, котораго иные называютъ по Еврейскому прозвищенію Абдіасъ-Бенъ-Саланъ, а другіе Абдаллахъ Саланъ. Его-то христіанскіе писатели обвиняютъ въ томъ, что онъ помогалъ Магомету выдумывать откровенія.

плащи для вступленія въ Медину. Множество Ансаріанъ, или союзниковъ изъ Медины, которые за годъ передъ тѣмъ заключили договоръ съ Магометомъ, теперь успѣшили возобновить обѣтъ вѣрности.

Узнавъ отъ нихъ, что число обращенныхъ горожанъ быстро возрастаетъ, и что весь городъ готовъ его принять благосклонно, онъ назначилъ пятницу, мусульманскій праздникъ, шестнадцатый день мѣсяца Раби, для своего торжественнаго вступленія.

И такъ, поутру въ этотъ день, онъ собралъ всѣхъ послѣдователей на молитву, и, сказавъ имъ поученіе, въ которомъ изложилъ главныя основы своей вѣры, сѣлъ на верблюда Аль-Касву и поѣхалъ въ Медину, которой суждено было славиться въ грядущіе вѣка, какъ мѣсту его убѣжища.

Борейда-Ибнъ-аль-Хозейбъ, съ своими семидесятью всадниками изъ племени Сахама, провожалъ его и служилъ охранною стражею. Нѣкоторые изъ учениковъ поочередно держали надъ его головою сѣнь изъ пальмовыхъ листьевъ, а рядомъ съ нимъ ѣхалъ Абу-Бекръ. «Посланникъ Божій! воскликнулъ Борейда, тебѣ не слѣдуетъ вступать въ Медину безъ знамени,»—и говоря это, онъ развернулъ свою чалму, привязалъ однимъ концемъ подъ остріе своего копья и понесъ впереди пророка.

Прекрасна открылась предъ ними Медина. Она славилась красотою мѣстоположенія, здоровымъ климатомъ и плодородіемъ почвы, своими роскошными пальмами и благоуханіемъ кустовъ и цвѣтовъ. Подъ самымъ городомъ толпы новообращенныхъ, не смотря ни на зной, ни на пыль, вышли встрѣтить поѣздъ. Большая часть изъ нихъ не видывали Магомета, и по ошибкѣ кланялись Абу-Бекру; но Абу-Бекръ отодвинулъ сѣнь изъ пальмовыхъ листьевъ и указалъ настоящій предметъ ихъ поклоненія, который они привѣтствовали громкими восклицаніями.

И такъ Магометъ, еще недавно бѣглець изъ родимаго города, гдѣ была положена цѣна за его голову, вступилъ въ Медину не какъ изгнанникъ, просящій прибѣжища, а съ торжествомъ побѣдителя. Онъ остановился въ домѣ одного Хазрадитянина, по имени Абу-Аюба, набожнаго Мусульманина и сверхъ того бывшаго съ нимъ въ дальнемъ родствѣ. Тамъ онъ былъ принятъ радушно и помѣстился въ нижнемъ жильѣ дома.

Вскорѣ послѣ его прїѣзда соединился съ нимъ и вѣрный его Али, который бѣжалъ изъ Мекки пѣшкомъ, скрывался днемъ и шелъ только ночью, чтобъ не попасться въ руки Корейшанъ. Онъ пришелъ усталый и истомленный, съ окровавленными ногами отъ труднаго перехода.

А черезъ нѣсколько дней прїѣхали и Аеша, и всѣ домашніе Абу-Бекровы, вмѣстѣ съ Магометовой семьей, которую привезли вѣрный его отпущенникъ Сеидъ и Абдаллахъ, слуга Абу-Бекровъ.

Такъ совершилось знаменитое «бѣгство пророка,» или Геджира—эпоха Арабскаго календаря, отъ котораго считаютъ время всѣ истинные Мусульмане: она соотвѣтствуетъ 622 году христіанскаго лѣтосчисленія.

ГЛАВА XIV.

МЕДИНСКІЕ МУСУЛЬМАНЕ: МОХАДЖЕРИНЫ И АНСАРИАНЕ. ПАРТІЯ АБДАЛАХА-ИБНЪ-ОББЫ И ЛИЦЕМѢРЫ. МАГОМЕТЪ СТРОИТЬ МЕЧЕТЬ, ПРОПОВѢДУЕТЪ, ПРИОБРѢТАЕТЪ ПОСЛѢДОВАТЕЛЕЙ МЕЖДУ ХРИСТІАНАМИ; ЕВРЕИ МЕДЛЯТЪ ПРИНЯТЬ ВѢРУ. БРАТСТВО, УСТАНОВЛЕННОЕ МЕЖДУ БѢГЛЕЦАМИ И СОЮЗНИКАМИ.

Магометъ скоро сдѣлался главою сильной и могущественной секты, которая состояла отчасти изъ учениковъ его,

бѣжавшихъ изъ Мекки, и потому прозванныхъ Мохадже-ринами или бѣглецами; отчасти изъ Мединскихъ жителей, которые присоединились къ нему и прозваны были Ансаріанами или союзниками. Почти всѣ Ансаріане принадлежали къ сильнымъ племенамъ Авситянь и Хазрадитянь; племена эти происходили отъ двухъ родныхъ братьевъ, Аль-Авса и Аль-Хазраджа, тѣмъ не менѣе уже сто двадцать лѣтъ волновала Медину ихъ закоренѣлая, смертная вражда, и только теперь они соединились подъ знаменемъ вѣры. Съ тѣми племенами, которые еще медлили принять новое ученіе, Магометъ заключилъ союзъ.

Между Хазрадитянами имѣлъ большую силу одинъ князь или старѣйшина, по имени Абдаллахъ-Ибнь-Обба, котораго они, какъ говорятъ, уже готовы были провозгласить царемъ, но появленіе Магометова и волненіе, произведенное его ученіемъ, дали другой оборотъ мыслямъ народа. Абдаллахъ былъ статенъ собою, пріятенъ въ обращеніи и краснорѣчивъ. Онъ хвалился великой дружбой съ Магометомъ, и вмѣстѣ съ другими товарищами, похожими на него и характеромъ, и складомъ ума, и красотой, обыкновенно находился на собраніяхъ Мусульманъ. Магометъ сначала былъ очарованъ ихъ наружностью, ихъ пріятнымъ разговоромъ и мнимымъ уваженіемъ къ нему; но послѣ онъ увидѣлъ, что Абдаллахъ завидовалъ ему въ любви народной, и питалъ противъ него тайную злобу, и что дружба товарищей также лукава; а потому онъ и заклеилъ ихъ именемъ «Лицемеровъ.»—Абдаллахъ-Ибнь-Обба долго оставался его политическимъ соперникомъ въ Мединѣ.

Получивъ наконецъ возможность открыто исповѣдывать и распространять свое ученіе, Магометъ началъ строить мечеть. Онъ выбралъ для того мѣсто на кладбищѣ, оствненномъ финиковыми деревьями. Говорятъ, что на этотъ выборъ указалъ ему случай, который онъ почелъ за доброе предзнаменованіе; потому что противъ этого мѣста его

верблюды стали на колѣни во время его торжественнаго въѣзда въ городъ. Покойниковъ вырыли, а деревья вырубили, чтобы дать мѣсто предполагаемому зданію. Оно было просто, и по виду, и по устройству, сообразно съ чуждой блеска вѣрою, которую онъ проповѣдывалъ, и со слабыми, скудными средствами ея исповѣдниковъ. Стѣны были изъ земли и кирпичей; кражи пальмъ, недавно срубленныхъ, служили поддержкою крыши, а крыша сплетена изъ ихъ вѣтвей и прикрыта ихъ листьями. Въ зданіи было около ста локтей въ квадратѣ и трое дверей: одни на полдень, гдѣ послѣ была установлена кебла, другія назывались вратами Гавріила, а третьи вратами Милосердія. Часть зданія, называемая Софатъ, назначена была пріютомъ для бездомныхъ исповѣдниковъ.

Магометъ помогалъ строить мечеть своими руками. Однако, при всемъ приписываемомъ ему предвѣдніи, ему не приходило въ мысль, что онъ самъ себѣ строитъ могилу и памятникъ: потому что въ этомъ зданіи положены его останки. Послѣ оно нѣсколько разъ было распространено и украшено, но еще до сихъ поръ называется Месджедъ-аль-Неби (Мечеть Пророка), потому что основана была собственными его руками. Онъ нѣсколько времени колебался, какъ призывать своихъ послѣдователей на молитву: звукомъ ли трубы, какъ у Евреевъ, или зажиганьемъ огней на высотахъ, или звукомъ литавръ. Пока онъ еще былъ въ недоумѣніи, Абдаллахъ, сынъ Сеидовъ, предложилъ, чтобы сзывать провозглашеніемъ извѣстныхъ словъ, и объявилъ, что это ему было открыто въ видѣніи. Магометъ тотчасъ принялъ его предложеніе, и съ тѣхъ поръ установился призывный кликъ, который и до сихъ поръ раздается съ высотъ минаретовъ по всему Востоку, сзывая Мусульманъ на молитву: «Богъ великъ! Богъ великъ! Нѣтъ Бога, кромѣ Бога! Магометъ посланникъ Божій! Сходитесь на молитву! Сходитесь на молитву! Богъ великъ! Богъ

великъ! Нѣтъ Бога кромѣ Бога!»—А на разсвѣтъ прибавляется: «Молитва лучше сна! Молитва лучше сна!»

Сначала въ этой скромной мечети все совершалось съ большою простотою. Ночью она освѣщалась лучиною изъ финиковаго дерева; и прошло нѣсколько времени, прежде чѣмъ заведи лампы и масло. Пророкъ стоялъ на землѣ и проповѣдывалъ, прислонясь спиною къ одному изъ пальмовыхъ деревьевъ, которыя служили вмѣсто столбовъ. Послѣ ему поставили амвонъ, или каѳедру, на которую онъ всходилъ по тремъ ступенямъ, чтобы стоять выше народа. Есть преданіе, что когда онъ въ первый разъ всходилъ на эту каѳедру, покинутое финиковое дерево испустило стонъ; а онъ, чтобы его утѣшить, предложилъ ему на выборъ: либо быть пересажену въ садъ и тамъ опять цвѣсти, либо быть перенесену въ рай и тамъ, въ будущей жизни, приносить плодъ для правовѣрныхъ. Финиковое дерево премудро выбрало рай, а потому и было зарыто подъ каѳедру, чтобъ тамъ ждать своего блаженнаго воскресенія.

Иногда Магометъ проповѣдывалъ и молился на каѳедрѣ сидя; иногда стоя и опершись на палку. Его наставленія были тогда еще миролюбивы и доброжелательны, внушали усердіе къ Богу и милосердіе къ человѣку. Кажется, что онъ нѣсколько времени подражалъ челоѣколюбію Христіанской вѣры «Кто не любитъ Божіихъ тварей и своихъ собственныхъ дѣтей, говоритъ онъ, тотъ и Богомъ любимъ не будетъ. Всякій Мусульманинъ, который одѣнетъ нагаго единовѣрца, будетъ одѣтъ ангеломъ въ зеленія одежды рая.»

Въ одной изъ его проповѣдей, сохраненныхъ по преданію учениками его, есть слѣдующая притча о любви: «Когда Богъ сотворилъ землю, она колебалась и трепетала, пока онъ поставилъ на нее горы, чтобы утвердить ее. Тогда ангелы спросили: «Боже! есть ли что въ Твоемъ

твореніи крѣпче этихъ горъ?» — Богъ отвѣчалъ: «Желѣзо крѣпче горъ, потому что оно ихъ пробиваетъ.» — «А есть ли что въ Твоемъ твореніи крѣпче желѣза!»—«Есть; огонь крѣпче желѣза, потому что онъ его расплавляетъ.» — «А есть ли что въ Твоемъ твореніи крѣпче огня?» — «Есть; вода, потому что она тушитъ огонь.» — «Господи! есть ли что въ Твоемъ твореніи крѣпче воды?»—«Есть; вѣтеръ, потому что онъ одолеваетъ воду и движетъ ею.» — «Всодержитель нашъ! есть ли что въ Твоемъ твореніи крѣпче вѣтра?» — «Есть; добрый человѣкъ, который подаетъ милостыню; если онъ правой рукою подастъ ее и скроетъ отъ лѣвой, то будетъ крѣпче и сильнѣе всего сотвореннаго.»

Любовь онъ опредѣляетъ въ обширномъ смыслѣ добраго, благосклоннаго чувства. Каждое доброе дѣло есть любовь; когда вы улыбаются брату, — это любовь, когда склоняете ближняго на доблестныя дѣла, — это равно милостыни; дорогу укажете путнику — это любовь; поможете слѣпому — это любовь; очистите дорогу отъ камней и терній, или другихъ препятствій—это любовь; дадите жаждущему воды—это любовь.

А потому истинное богатство человѣка заключено въ добрѣ, которое онъ дѣлаетъ на этомъ свѣтѣ своему собрату. Когда онъ умретъ, люди спросятъ: Какое имущество онъ оставилъ? Ангелы же, которые испытуютъ его въ могилѣ, спросятъ: Какія добрыя дѣла ты послалъ впередъ себя?

«О Пророкъ! сказалъ одинъ изъ учениковъ, моя мать, Омъ-Садъ, умерла; какую милостыню мнѣ подать на благо ея души?»—«Воды! отвѣчалъ Магометъ, думая о палящемъ зноѣ степей; вырой за нее колодезь и подай воды жаждущимъ.»—Ученикъ выролъ колодезь во имя своей матери, и сказалъ: «Этотъ колодезь за мою мать; пусть и награда за него достигнетъ ея души.»

Любовь въ словѣ, одинъ изъ самыхъ важныхъ и всего чаще пренебрегаемыхъ видовъ любви, также настоятельно

предписывалась Магометомъ. Абу-Джарайя, одинъ изъ жителей Базры, пришелъ въ Медину, и, убѣдившись въ апостольскомъ призваніи Магомета, просилъ у него какого-нибудь правила для жизни. «Ни о комъ не говори худо», сказалъ Магометъ. — «Съ тѣхъ поръ, говоритъ Абу-Джарайя, я никогда не обидѣлъ словомъ никого, ни свободного, ни раба.»

Правила Исламизма распространялись и на учтивость общежитія. «Сотвори *salamъ* (или поклонъ) дому, когда въ него входишь и когда выходишь. Отвѣчай на поклонъ друзей и знакомыхъ и путниковъ на дорогѣ. Кто ѣдетъ верхомъ, долженъ первый поклониться гѣшему; а кто идетъ гѣшкомъ, тому — кто сидитъ; малое общество большому обществу, и молодой — старому.

Вскорѣ послѣ прибытія Магометова въ Медину, нѣкоторые изъ тамошнихъ Христіанъ пристали къ его послѣдователямъ. Они вѣроятно были изъ числа тѣхъ еретиковъ, которые вѣрили въ одно человѣческое естество Христово, и не находили въ ученіи Ислама ничего себѣ враждебнаго, такъ какъ оно почитало Христа величайшимъ изъ пророковъ. Вообще ожесточенные расколы и раздоры тогдашнихъ Христіанъ на Востокѣ ослабили ихъ ревность, и допускали возможность легко увлекаться всякимъ новымъ ученіемъ.

Евреи, которыхъ богатая и могущественная семейства жили въ Мединѣ и ея окрестностяхъ, были не такъ благосклонны. Съ нѣкоторыми изъ нихъ Магометъ заключилъ мирный договоръ, и надѣялся убѣдить ихъ со временемъ, чтобъ они его признали за обѣтованнаго Мессію, или пророка. Подъ безотчетнымъ, можетъ быть, влияніемъ этой надежды, онъ во многомъ сообразовалъ свое ученіе съ догматами ихъ вѣры и соблюдалъ нѣкоторые ихъ посты и установленія. Тѣмъ, которые принимали Исламизмъ, онъ позволялъ соблюдать субботы и многіе изъ Моисеевыхъ законовъ и обрядовъ. На Востокѣ былъ обычай у исповѣд-

никовъ различныхъ вѣръ, чтобъ каждый держался своей келбы, или священной стороны, на которую онъ обращалъ лице во время молитвы: Сабееяне обращались къ полярной звѣздѣ, Персидскіе огнепоклонники на Востокъ, какъ мѣсто солнечнаго восхожденія, Евреи къ своему святому городу Іерусалиму. До сихъ поръ Магометъ еще не предписывалъ ничего подобнаго; но теперь, изъ уваженія къ Евреямъ, онъ назначилъ келбою Іерусалимъ, къ которому всѣ Мусульмане должны были обращаться лицомъ, совершая молитву.

Въ то время, какъ въ Мединѣ новое ученіе ежедневно пріобрѣтало новыхъ поклонниковъ, между выходцами изъ Мекки начали распространяться болѣзни и недовольство. Мединскій климатъ былъ для нихъ не привыченъ; многіе страдали отъ лихорадки и въ болѣзненномъ изнуреніи тосковали по родинѣ, изъ которой были изгнаны.

Чтобы дать имъ новую родину и связать ихъ тѣснѣе съ новыми друзьями и союзниками, Магометъ учредилъ побратимство, въ которое вступили пятьдесятъ четыре чело-вѣка Меккскихъ выходцевъ и столько же Мединскихъ жителей. Соединенные узами побратимства обязаны были стоять другъ за друга и въ бѣдѣ, и въ счастіи; такая связь соединяла ихъ даже тѣснѣе, нежели родство, потому что они должны были наследовать достояніе другъ послѣ друга преимущественно передъ кровными родичами.

Это учрежденіе, возникшее изъ временныхъ обстоятельствъ, имѣло силу лишь до тѣхъ поръ, пока новые пришельцы укоренились въ Мединѣ; оно распространялось только на тѣхъ изъ жителей Мекки, которые бѣжали отъ преслѣдованій, и на него есть намекъ въ слѣдующемъ стихѣ изъ осьмой главы Корана: «Тѣ, которые вѣрили и бѣжали изъ родины, посвятили свое достояніе и себя самихъ битвѣ за вѣру, и тѣ, которые дали у себя пріютъ пророку и помогали ему,—должны быть другъ другу ближе родныхъ»

Такими мудрыми, хотя и простыми, средствами положено было основаніе той власти, которой вскорѣ надлежало возрасти до изумительной силы и потрясти могущественныя царства міра.

ГЛАВА XV.

Магометъ женится на Аешѣ. Дочь его, Фатима, выходить за мужъ за Али. Ихъ домашнее хозяйство.

Домашнія дѣла Магометовы много терпѣли отъ той вражды, которая обратилась противъ него за его ревность къ вѣрѣ. Его дочь, Рокая, все еще жила изгнанницей въ Абиссиніи, вмѣстѣ съ мужемъ Оттманомъ-Ибнъ-Аффаномъ; другая дочь, Зейнабъ, осталась въ Меккѣ съ мужемъ своимъ Абуль Аассомъ, который былъ упорнымъ противникомъ новой вѣры. Семья Магометова, бывшая съ нимъ въ Мединѣ, состояла изъ его жены Савды, на которой онъ недавно женился и дочерей: Фатимы и Умъ-Колтумъ, отъ его первой жены Кадиджи. У него было сердце, склонное къ любви, и доступное женскому влиянію; но онъ никогда не чувствовалъ большой привязанности къ Савдѣ; и, хотя всегда обращался съ нею ласково, тѣмъ не менѣ въ сердцѣ его оставалась большая пустота послѣ смерти его первой жены, Кадиджи.

«Омаръ! — сказалъ онъ однажды — лучшее сокровище человѣка добродѣтельная жена, которая живетъ по закону Божію, повинуется и угождаетъ мужу: онъ радуется ея красотою и доблестями; когда онъ ей что нибудь прикажетъ сдѣлать, она исполнить; а когда онъ отлучится изъ дому, она хранить его права и на собственность, и на честь.

Теперь онъ сталъ думать о своей обрученной невѣстѣ Аешѣ, прекрасной дочери Абу-Бекровой. Прошло уже два

года съ тѣхъ поръ, какъ они были обручены, и въ это время она достигла девятилѣтняго возраста. Хотя такой возрастъ конечно можетъ быть названъ дѣтскимъ, но подъ знойнымъ небомъ Востока женщины созрѣваютъ удивительно рано. Свадьба ихъ совершилась черезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ прибытія въ Медину и праздновалась съ великой простотою: свадебный ужинъ состоялъ изъ молока, а приданое невѣсты изъ двѣнадцати окковъ серебра.

Вскорѣ послѣ того происходило обрученіе Фатимы, меньшей дочери Магомета, съ его вѣрнымъ ученикомъ Али; свадьба ихъ совершилась нѣсколько позднѣе. Фатимѣ было пятнадцать или шестнадцать лѣтъ; она отличалась необыкновенною красотою, и Арабскіе писатели превозносятъ ее, какъ одну изъ четырехъ совершенныхъ женщинъ, которыми Аллахъ удостоилъ благословить землю. Али было около 22-хъ лѣтъ.

Небо и земля, говорятъ Мусульманскіе писатели, соединились, чтобы воздать честь этому счастливому сочетанію. Вся Медина огласилась торжествомъ и освѣтилась радостными огнями, а воздухъ наполнился благовоніями. Когда Магометъ, въ брачную ночь, повелъ дочь свою къ жениху, само небо сопровождало ее своею славю: у ней по правую руку шелъ архангелъ Гавріилъ, по лѣвую Михаилъ; а за ней 70 тысячъ ангеловъ, которые всю ночь охраняли жилище молодой четы.

Таковы неумѣренныя похвалы, которыми Мусульманскіе писатели любятъ подкрашивать каждое событіе въ жизни пророка, разрушая тѣмъ истинное величіе его поприща, которое именно состоитъ въ простотѣ. По другому, болѣе достовѣрному, разсказу, видно, что свадебный пиръ состоялъ изъ финиковъ и оливъ; брачная постель изъ овчины; приданое невѣсты изъ двухъ скатертей, головного убора, двухъ серебряныхъ запястьевъ, кожаной подушки, набитой

пальмовыми листьями, кубка или чаши для питья, ручной мельницы, двухъ большихъ кувшиновъ для воды, и одного горшка для варенья пици. Все это сообразно съ простотою арабскаго хозяйства и съ обстоятельствами молодой четы; говорятъ даже, что Али для того, чтобы собрать это необходимое вѣно, долженъ былъ продать нѣсколько верблюдовъ и кольчугъ.

Образъ жизни самаго пророка ничѣмъ не отличался отъ образа жизни его ученика. Аеша, рассказывая объ этомъ въ послѣдующіе годы, говорила, что «по цѣлому мѣсяцу они не разводили огня, чтобъ готовить кушанье, а пици у нихъ не было другой кромѣ финиковъ и воды, развѣ кто нибудь присылалъ имъ мяса.» Прислугѣ въ домѣ пророка никогда не давалось пшеничнаго хлѣба два дни сряду.

Его обыкновенной пищею были финики и ячменный хлѣбъ съ молокомъ и медомъ. Онъ самъ мель свою комнату, разводилъ огонь, чинилъ платье, и вообще былъ себѣ самъ слугою. Каждой изъ своихъ двухъ женъ онъ отвелъ по особенному дому, рядомъ съ мечетью. Онъ жилъ съ ними по очереди, однакожъ Аеша всегда была его любимщицею.

Мусульманскіе писатели превозносили Магомета за его цѣломудріе въ молодости. И въ самомъ дѣлѣ, замѣчательно, что, не смотря на многоженство, обычное у Арабовъ, которое въ послѣдствіи времени онъ и самъ позволялъ себѣ; не смотря на его природную склонность къ женщинамъ, онъ оставался нераздѣльно преданъ Кадиджѣ до самой ея смерти, никогда не допуская ей соперницы ни въ домѣ, ни въ сердцѣ. Даже и свѣжая, разцвѣтающая красота Аеши, которая скоро такъ овладѣла имъ, не могла въ немъ изгладить глубокаго чувства любви и благодарности къ прежней его благодѣтельницѣ. Однажды, услышавъ, какъ онъ

предавался этимъ нѣжнымъ воспоминаніямъ, Аеша обиди-лась. «Помазанникъ Божій!—спросила молодая красавица,—развѣ Кадиджа не была уже обременена годами? Развѣ Аллахъ тебѣ не далъ вмѣсто нея жену, которая лучше ея?»— «Никогда! — воскликнулъ Магометъ съ искреннимъ порывомъ чувства,—никогда Богъ не давалъ мнѣ жены лучше ея? Когда я былъ бѣденъ, она обогатила меня; когда я былъ признанъ лжецомъ, она мнѣ вѣрила; когда весь міръ былъ противъ меня, она мнѣ одна осталась вѣрна!»

ГЛАВА XVI.

Мечъ объявленъ орудіемъ вѣры. Первая стычка съ Корейшанами. Нападеніе на караванъ.

Теперь мы приступаемъ къ важной эпохѣ въ жизни Магомета. До сихъ поръ онъ проповѣдывалъ, опираясь на доводы и на убѣжденія; тоже самое внушалъ и своимъ приверженцамъ. Можно сказать, что поучая ихъ смиренно и терпѣливо сносить злобу враговъ, онъ подражалъ чело-вѣколюбивой заповѣди Спасителя: «Когда ударятъ тебя въ ланиту, подставь другую.» Но настало время, когда онъ вполне отступилъ отъ небеснаго духа Христіанской вѣры, и на его ученіи отразились суетность и несовершенство чело-вѣческаго вымысла. По чело-вѣческой природѣ своей онъ не силахъ былъ вполне постигнуть и исполнить заповѣдь смиренія, хотя доселѣ и старался проповѣдывать ее. Тринадцать лѣтъ безотвѣтнаго терпѣнія не принесли ему видимыхъ плодовъ, а навлекли ему еще больше обидъ и оскорбленій. Самые ожесточенные его гонители были его же соплеменники, Корейшане, преимущественно изъ отрасли соперническаго колѣна Абдъ-Шемсова. Главный представитель этого колѣна, мстительный Абу-Софіанъ, теперь

правиль Меккою. Отъ ихъ безпощадной вражды погибло все его достояніе; семейство его было унижено, разорено и разсѣяно, а самъ онъ сталъ изгнанникомъ. Все это, можетъ быть, онъ еще продолжалъ бы сносить съ благодушіемъ, вынуждаемымъ необходимостью; но неожиданно представились ему средства къ отмщенію. Онъ прибылъ въ Медину, какъ изгнанникъ, и просилъ только о мирномъ пристанищѣ. Но здѣсь въ короткое время, и вѣроятно къ собственному изумленію, очутился онъ во главѣ цѣлаго войска, потому что между множествомъ новообращенныхъ, число которыхъ ежедневно прибавлялось въ Мединѣ, между бѣглецами, собравшимися къ нему изъ Мекки и изъ степей, нашлись люди отважные, храбрые, испытанные въ искусствѣ владѣть оружіемъ и страстные къ войнѣ. Этотъ внезапный приливъ могущества пробудилъ въ Магометѣ человѣческія страсти и вмѣстѣ съ ними память о смертельныхъ обидахъ. Они сочетались въ немъ съ ревностью къ преобразованію вѣры, которая все еще оставалась господствующимъ стремленіемъ души его. Въ порывахъ своего восторженнаго духа онъ самъ себя старался увѣрить, а, можетъ быть, и точно вѣрилъ, что власть, доставшаяся ему въ руки, дана ему какъ средство исполнить свое великое намѣреніе, и что самъ Богъ повѣляетъ ему пользоваться этимъ средствомъ. Таковъ, по крайней мѣрѣ, былъ смыслъ того достопамятнаго объявленія, которое онъ издалъ въ это время и которое совершенно перемѣнило и характеръ, и судьбы его вѣроученія.

«Различные пророки, говорилъ онъ, были посланы Богомъ, чтобъ выразить Его различныя свойства. Моисей прославилъ Его милосердіе и промыслъ; Соломонъ — Его премудрость, величіе и славу; Иисусъ Христосъ Его правду, всевѣдніе и могущество; правду чистотою жизни, всевѣдніе—познаніемъ сокровенныхъ тайнъ всѣхъ сердецъ, могущество—чудесами, Имъ сотворенными. Ни одного, однакожъ, изъ этихъ

свойствъ не достаточно было, чтобы совершенно убѣдить людей: даже и чудеса Моисеевы и Иисусовы приняты были съ невѣріемъ. А потому я, послѣдній пророкъ, посланъ съ мечемъ! Проповѣдникамъ моей вѣры не слѣдуетъ прибѣгать къ доказательствамъ и разсужденіямъ; пусть поражаютъ они всякаго, кто откажется повиноваться закону. Сражающійся за правую вѣру, надеть ли онъ, или побѣдить, несомнѣнно получить награду и прославленіе!»

«Мечъ, прибавилъ онъ, есть ключъ къ небесамъ и къ аду; всѣ, обнажающіе его за вѣру, будутъ награждены временными благами; каждая капля ихъ крови, каждое страданіе, перенесенное ими, записаны будутъ на небесахъ, какъ заслуги, которыя превъшаютъ даже и постъ, и молитву. Если они падутъ въ битвѣ, всѣ ихъ грѣхи будутъ разомъ прощены; а сами они вознесутся въ рай, чтобы тамъ блаженствовать въ вѣчной радости, въ объятіяхъ черно-окихъ гурій.»

Это воинственное ученіе опиралось на другое ученіе о предопредѣленіи. Каждое событіе, по словамъ Корана, предназначено было отъ вѣка и неизбѣжно. Не можетъ человѣкъ умереть ни ранѣе, ни позднѣе своего опредѣленнаго часа; а когда часъ придетъ, тогда все равно, застанетъ ли его ангелъ смерти на покойной постелѣ, или въ пылу битвы.

Таковы были правила и откровенія, которыя внезапно преобразовали Исламизмъ изъ вѣры кроткой и человѣколюбивой въ проповѣдь насилія и меча. Сія послѣдняя особенно была по сердцу Арабамъ, согласна съ ихъ обычаями и освящала ихъ склонность къ разбоямъ. Не удивительно, что они, бывши уже на дѣлѣ степными разбойниками, когда торжественно была проповѣдана вѣра, основанная на мечѣ, толпами стекались подъ знамя пророка. Магометъ пока еще не позволялъ употреблять насиліе противъ тѣхъ, которые оставались въ невѣрїи, лишь бы только они без-

прекословно покорились его временной власти и согласились платить ему дань. И здѣсь мы уже видимъ первый признакъ мірскаго честолюбія и желанія временнаго господства, которыя загорѣлись въ его душѣ. Но читатели замѣтятъ, что дань, которой онъ требовалъ, еще должна была служить удовлетворенію его главной страсти: она вся почти тратилась на распространеніе вѣры.

Первыя воинскія предпріятія Магометовы обнаруживаютъ то затаенное чувство мщенія, о которомъ мы говорили. Они обращены были противъ Меккскихъ каравановъ, принадлежавшихъ его непримиримымъ врагамъ, Корейшанамъ. Три раза ходилъ на нихъ самъ Магометъ, однакожь безъ всякаго существеннаго успѣха. Въ четвертый разъ онъ послалъ одного Мусульманина, по имени Абдаллаха-Ибнъ-Джаша, который отправился съ осьюю или десятью смѣлыми товарищами на дорогу къ южной Аравіи. Тогда былъ священный мѣсяць Раджебъ, въ теченіи котораго воспрещались насилія и разбои, и потому Абдаллаху дано было запечатанное предписаніе, которое онъ долженъ былъ вскрыть не прежде третьяго дня. Слова предписанія были темны, но многозначительны. Абдаллаху повелѣвалось ѣхать къ долинѣ Наклахъ, что между Меккою и Таефомъ, (той самой, гдѣ Магомету было откровеніе духовъ) и тамъ сторожить проѣздъ Корейшанскаго каравана. «Можетъ быть, — лукаво сказано въ предписаніи, — можетъ быть, тебѣ удастся привезти намъ о немъ вѣсти.»

Абдаллахъ понялъ настоящій смыслъ этихъ словъ, и поступилъ въ этомъ смыслѣ. Когда онъ пріѣхалъ въ долину Наклахъ, то высмотрѣлъ караванъ изъ нѣсколькихъ верблюдовъ, нагруженныхъ товарами, съ четырьмя провожатыми. Слѣдуя за ними издалека, онъ послалъ одного изъ своихъ людей, переодѣтаго богомольцемъ, догнать караванъ. Онъ умѣлъ убѣдить Корейшанъ, что и товарищи его также богомольцы, которые будто ѣдутъ въ Мекку; повѣ-

рить было легко; они думали, что пока идетъ мѣсяць Раджебъ, можно ѣздить въ степяхъ безопасно. Но не успѣли они остановиться на отдыхъ, какъ вдругъ Абдаллахъ и его товарищи напали на нихъ: одного убили, двухъ взяли въ плѣнъ, а четвертый ушелъ. Побѣдители возвратились въ Медину съ плѣнниками и добычей.

Вся Медина пришла въ ужасъ отъ такого нарушенія священнаго мѣсяца. Магометъ, увидя, что зашелъ слишкомъ далеко, показалъ видъ, будто сердится на Абдаллаха: онъ отказался отъ части въ добычѣ, которую ему предлагали. Опираясь на неопредѣленность своего письма, онъ увѣрялъ, что не приказывалъ Абдаллаху проливать кровь, или употреблять насилія въ священный мѣсяць.

Но крики не умолкали и отзывались между Корейшанами въ Меккѣ; по поводу ихъ сочиненъ былъ слѣдующій стихъ въ Коранѣ:

«Они спросятъ у тебя о священномъ мѣсяцѣ: можно ли воевать въ это время? отвѣчай: воевать въ это время преступно; но не признавать Бога, заграждать народу пути къ Богу, изгонять правовѣрныхъ изъ Его святаго храма и поклоняться идоламъ—такіе грѣхи, которые гораздо преступнѣе, нежели убивать въ священные мѣсяцы.»

Провозгласивъ такимъ образомъ божественное одобреніе поступка, Магометъ уже рѣшился принять свою долю добычи. Одного изъ плѣнниковъ онъ отпустилъ за выкупъ, другой принялъ Исламъ.

Приведенное нами мѣсто изъ Корана, какъ бы ни казалось оно удовлетворительнымъ для усердныхъ Мусульманъ, едва ли могло оправдать пророка въ глазахъ иноверцевъ. Походъ Абдаллаха-Ибнъ-Джаша былъ печальнымъ образцемъ практическаго приложенія новой вѣры, основанной на мечѣ. Это было не только разбой и мщеніе (дѣла простительныя въ глазахъ Арабовъ и въ новомъ ученіи

оправдываемыя тѣмъ, что они обращены были противъ враговъ вѣры); но вмѣстѣ съ тѣмъ и нарушеніе священнаго мѣсяца, который съ незапамятныхъ временъ ограждался отъ насилія и кровопролитія. Самъ Магометъ гласно не осуждалъ этого установленія. Кромѣ того, лукавство и тайна, съ которыми все дѣло было задумано и ведено, запечатанное письмо и предписаніе Абдаллаху не прежде его распечатать, какъ черезъ три дни, на самомъ мѣстѣ задуманнаго преступленія, и неопредѣленные, двусмысленныя, но довольно понятныя исполнителю слова повелѣнія, — все это прямо противурѣчило прежнему поведенію Магомета, въ раннюю эпоху его поприща, когда онъ отважно и прямо слѣдовалъ по пути долга, «хотя бы солнце шло противъ него по правую руку, а мѣсяцъ по лѣвую.» Все показываетъ, что онъ самъ понималъ гнусность этого дѣла. Онъ отрекся отъ преступленія Абдаллахова, а между тѣмъ оправдывалъ его Кораномъ, чтобъ можно было безнаказанно воспользоваться плодами преступленія. Все это показываетъ, какъ быстро и какъ далеко сбился онъ съ дороги, какъ скоро отступилъ отъ челоуѣколюбиваго духа Христіанства, которому вначалѣ старался подражать. Мірскія страсти и мірскія выгоды мгновенно взяли верхъ надъ религіознымъ энтузіазмомъ, который прежде одушевлялъ его. Справедливо было замѣчено, что «первая капля крови, пролитая во имя его на священнои недѣлѣ, вполнѣ обнаружила въ немъ челоуѣка, и земная грязь обличила отсутствіе священнаго огня пророчества.»

ГЛАВА XVII.

БЕДЕРСКАЯ БИТВА.

На второмъ году Геджиры, Магометъ получилъ извѣстіе, что его главный врагъ, Абу-Софіанъ, съ тридцатью всадниками, возвращается въ Мекку, и что съ нимъ идетъ ка-

раванъ въ тысячу верблюдовъ, нагруженныхъ Сирийскими товарами. Они шли черезъ Мединскую область, между горнымъ хребтомъ и моремъ. Магометъ рѣшился перехватить ихъ. Около половины мѣсяца Рамадана онъ выступилъ съ войскомъ въ триста четырнадцать человекъ: тутъ находилось 83 Мохаджериновъ или изгнанниковъ изъ Мекки, 61 Авситянинъ и 170 Хазрадитянъ. У каждаго отряда было свое знамя. Во всемъ войскѣ было только два коня ⁽¹⁾; но недостатокъ ихъ замѣняли 70 быстрыхъ верблюдовъ, на которыхъ люди пересаживались поочередно, чтобы сдѣлать быстрой переходъ безъ большой усталости.

Отманъ-Ибнъ-Аффанъ, зять Магометовъ, уже возвратился вмѣстѣ съ своею женою, Рокаею, изъ Абиссини, и готовъ былъ принять участіе въ этомъ предпріятіи, но его жена лежала при смерти, и потому онъ по неволѣ долженъ былъ остаться въ Мединѣ.

Магометъ сначала поѣхалъ по большой дорогѣ въ Мекку, а потомъ, оставя ее въ лѣвѣ, повернулъ къ Черному морю и вступилъ въ плодоносную долину, которую орошаетъ ручей Бедеръ. Здѣсь онъ расположился на сторожѣ, не въ далекѣ отъ одного брода, черезъ который обыкновенно переправляются караваны. Онъ велѣлъ своимъ людямъ вырыть глубокой ровъ и отвести туда воду, чтобы у нихъ было чѣмъ утолить жажду безопасно отъ непріятеля.

---

(1) Степные Арабы, говоритъ Буркгардтъ, не богаты лошадьми; у многочисленныхъ племенъ по берегамъ Черпаго моря, между Акабой и Меккою, а также на Югъ, и на Юго-Востокъ отъ Мекки, до самаго Емена, лошади очень рѣдки; особенно въ горныхъ областяхъ. У осѣдлыхъ жителей Геджаза и Емена почти не въ обычаѣ держать лошадей. Всѣхъ богаче лошадьми тѣ племена, которые живутъ на сравнительно плодоносныхъ равнинахъ Месопотаміи, по берегамъ рѣки Евфрата и на Сирийскихъ равнинахъ.» (Burckhardt II, 50).

Между тѣмъ, до Абу-Софіана заблаговременно дошла вѣсть, что Магометъ вышелъ подстерегать его съ превосходными силами; онъ послалъ въ Мекку гонца, по имени Омайра, на быстромъ верблюдѣ и требовалъ немедленной помощи изъ Мекки. Гонецъ прискакалъ въ Каабу въ смятеніи и едва переводя духъ. Абу-Джахль взошелъ на крышу и затрубилъ тревогу. Вся Мекка пришла въ смятеніе и ужась. Хенда, жена Абу-Софіанова, женщина свирѣпаго и неустрашимого характера, призвала своего отца Оту, брата Аль-Велида, дядю Шаибу, и всѣхъ воиновъ изъ своего родства, требуя, чтобъ они вооружились и спѣшили выручать ея мужа. Братья Корейшанина, убитаго Абдаллахомъ-Ибнъ-Джашемъ въ долину Наклахъ, также взяли за оружіе, желая отмстить его смерть. Опасеніе за имущество соединилось съ жаждою мести, потому что у всѣхъ почти Корейшанъ были товары въ этомъ караванѣ. Въ короткое время сто всадниковъ на коняхъ и семь сотъ на верблюдахъ, выступили на Сирийскую дорогу. Во главѣ ихъ былъ семидесяти-лѣтній Абу-Джахль, старый степной боецъ, сохранившій еще весь огонь и даже почти всю силу и дѣятельность юности, и соединявшій ихъ съ ожесточеніемъ старчества.

Пока Абу-Джахль съ войскомъ спѣшилъ съ одной стороны, Абу-Софіанъ приближался съ другой. Подъѣзжая къ опасному мѣсту, онъ далеко опередилъ свой караванъ, и тщательно осмотрѣлъ каждую тропу и каждый слѣдъ. Наконецъ онъ напалъ на слѣды малочисленнаго Магометова войска, по финиковымъ косточкамъ, которыя войско мимоходомъ бросало по сторонамъ дороги: Мединскіе финики отличаются необыкновенно мелкими косточками. Подобные ничтожные признаки бываютъ очень важны для Арабовъ, когда они слѣдятъ за врагами въ степи.

Замѣтивъ то направленіе, которое взялъ Магометъ, Абу-Софіанъ своротилъ на другую дорогу и поѣхалъ вдоль бе-

рега Чермнаго моря, до того мѣста, гдѣ, по его сображеніямъ, ему уже нечего было опасаться. Тогда онъ послалъ другаго гонца на встрѣчу выѣхавшимъ Корейшанамъ, съ извѣстіемъ, что караванъ уже внѣ опасности, и что они могутъ возвратиться въ Мекку.

Гонецъ встрѣтилъ Корейшанъ на дорогѣ. Узнавъ отъ него, что караванъ внѣ опасности, они не пошли далѣе и стали обдумывать, какъ имъ поступить. Нѣкоторые совѣтывали идти впередъ, чтобы наказать Магомета и его послѣдователей, другіе считали лучшимъ воротиться. Въ нерѣшимости они послали лазутчика, развѣдать о силахъ непріятелей, и узнали, что ихъ около трехъ сотъ человекъ: это извѣстіе усилило рвеніе тѣхъ, которые хотѣли драться. Другіе имъ отсовѣтывали. «Подумайте, говорили они, что все это люди, которымъ терять нечего; у нихъ только и есть, что мечи; ни одинъ не ляжетъ, не положивши противника. А кромѣ того, между ними есть наши родные; если мы побѣдимъ, то намъ не лзя будетъ смотрѣть другъ на друга, потому что мы другъ у друга перебьемъ родныхъ.» Эти слова произвели дѣйствіе; но братья того Корейшанина, который былъ убитъ въ долинѣ Наклахъ, подстрекаемые Абу-Джахлемъ, съ крикомъ требовали мщенія. Пламенный старый Арабъ поджигалъ ихъ. «Впередъ!» закричалъ онъ, достанемъ воды изъ ручья Бедера, къ тому пиру, на которомъ повеселимся за избавленіе каравана!» Большая часть войска подняла знамена и пошла впередъ; многіе, однако, повертели назадъ въ Мекку.

Лазутчики Магомета принесли ему вѣсть о приближеніи этого войска. Нѣкоторые изъ его бойцевъ упали духомъ. Они выступали въ надеждѣ на легкую борьбу и на богатую добычу, и теперь смущались извѣстіемъ о такой огромной силѣ непріятеля. Но Магометъ сказалъ имъ, чтобъ они не робѣли, потому что Аллахъ обѣщалъ ему легкую побѣду.

Мусульмане стали на скатѣ холма, у подножія котораго находился источникъ. На вершинѣ холма поставили наскоро шалашъ, или сѣнь изъ древесныхъ вѣтвей для Магомета; возлѣ стоялъ верблюдъ, на которомъ онъ могъ ускакать въ Медину въ случаѣ пораженія.

Передовой отрядъ непріятеля, вступая въ долину, изнемогалъ отъ жажды и своротилъ съ дороги, чтобъ напиться; но Хамза, Магометовъ дядя, бросился на нихъ съ своими людьми и собственноручно убилъ ихъ предводителя. Изъ всего передоваго отряда ушелъ только одинъ человекъ, который послѣ обращалъ всѣхъ въ Исламъ.

Тогда при звукѣ трубъ подошла главная сила непріятеля. Трое изъ Корейшанскихъ воиновъ выѣхали впередъ, и вызывали самыхъ храбрыхъ изъ Мусульманъ на равный бой. Это были Ота, тестъ Абу-Софіана, Аль-Велидъ, его шурина и Шайба, братъ Оты. Они, какъ вѣроятно читатель помнитъ, высланы были изъ Мекки Хендой, женой Абу-Софіана. Всѣ они были люди значительные въ своемъ племени.

Трое Мединскихъ воиновъ выступили впередъ и приняли вызовъ. «Нѣтъ! закричали Корейшане, пусть выйдутъ наши Меккскіе отступники, если только смѣютъ!» Тогда Хамза и Али, дядя и зять Магометовы, и Обейдахъ-Ибнъ-аль-Харетъ вышли на поединокъ. Послѣ яростной и упорной схватки, и Хамза, и Али убили своихъ противниковъ. Тогда они бросились на помощь къ Обейдаху, который, былъ тяжело раненъ и почти побѣжденъ Отою. Они убили Корейшанина и унесли товарища; но онъ тотчасъ умеръ отъ ранъ.

Началась общая битва. Мусульмане, видя свою малочисленность, сначала только оборонялись, удерживали свое мѣсто на высотѣ, и осыпали непріятеля тучами стрѣлъ, когда онъ приближался къ ручью, чтобы утолить нестер-

пимую жажду. Магометъ оставался въ шалашѣ, на холму, вмѣстѣ съ Абу-Бекромъ, и усердно молился. Пока шло сраженіе, съ нимъ сдѣлался обычный припадокъ, и онъ впалъ въ изнеможеніе. Опомнившись, онъ объявилъ, что Богъ въ видѣннѣи обѣщаль ему побѣду. Онъ выскочилъ изъ шалаша, схватилъ горсть пыли и бросилъ на воздухъ къ Корейшанамъ, воскликнувъ: «Да обратится смятеніе на лицо ихъ!» Потомъ велѣлъ своимъ приверженцамъ двинуться впередъ на непріятеля. «Деритесь и не бойтесь! закричалъ онъ, райскія двери подъ сѣнью мечей! тотъ несомнѣнно и тотчасъ будетъ допущенъ, кто ляжетъ въ битвѣ за вѣру!»

Въ первой схваткѣ, которая послѣдовала послѣ этихъ словъ, Абу-Джахль, поскакавшій въ самую густую свалку, раненъ былъ саблей подъ мышку и упалъ съ коня. Абдаллахъ-Ибнъ-Масудъ сталъ ему колѣномъ на грудь, и пока старый боецъ осыпалъ Магомета ругательствами и проклятіями, отсѣкъ ему голову отъ туловища.

Корейшане дрогнули и побѣжали. Семьдесятъ мертвыхъ тѣлъ осталось на мѣстѣ битвы, и столько же взято плѣнныхъ. Мусульманъ было убито четырнадцать; имена ихъ остались въ преданіи, какъ имена мучениковъ за вѣру.

Эта блестящая побѣда легко объясняется естественными причинами: Мусульмане были свѣжи и не истомлены, на ихъ сторонѣ было выгодное, возвышенное мѣстоположеніе; они имѣли вдоволь воды; между тѣмъ какъ Корейшане были истомлены быстрымъ походомъ и жаждою, самое число ихъ значительно убавилось, потому что многіе изъ нихъ возвратились въ Мекку. Мусульманскіе писатели, однакожь, приписываютъ такое блестящее торжество вѣры сверхъестественнымъ силамъ. Когда Магометъ бросилъ пыль на воздухъ, говорятъ они, три тысячи ангельскаго воинства, въ бѣлыхъ и желтыхъ чалмахъ, въ длинныхъ, ослѣпительныхъ одеждахъ, на вороныхъ и бѣлыхъ коняхъ, пронесли какъ вихоръ и опрокинули передъ собою Корейшанъ.

И это подтверждают они не только свидѣтельствомъ Мусульманъ, но приводятъ слова одного идолопоклонника—пастуха, который стерегъ овецъ на одномъ изъ ближнихъ холмовъ. «Я стоялъ съ товарищемъ, двоюроднымъ братомъ, сказалъ пастухъ, на уступѣ горы, смотрѣлъ на битву и хотѣлъ пристать къ побѣдителямъ, чтобы взять часть добычи. Вдругъ мы увидѣли, что на насъ несется огромное облако, а изъ облака слышались ржанье коней и звуки трубныя. Когда оно подлетѣло, вышелъ изъ него полкъ ангеловъ, и услышали мы страшный голосъ архангела, какъ онъ торопилъ свою кобылицу Хайзумъ: «Скорѣе, скорѣе Хайзумъ!» При этомъ грозномъ голосѣ у моего товарища сердце разорвалось отъ страха, и онъ тутъ же умеръ; и со мною чуть не случилось того же (1).

Когда затихла битва, Абдаллахъ-Ибнъ-Масудъ принесъ голову Абу-Джахля. Магометъ съ восторгомъ смотрѣлъ на этотъ страшный трофей и воскликнулъ: «Человѣкъ этотъ былъ Фараономъ нашего народа!» Настоящее имя стараго воина было Амру-Ибнъ-Хашамъ. Корейшане, за его умъ, прозвали его Абу-Эльхоемъ, что значитъ Отецъ премудрости; а Мусульмане перемѣнили это прозваніе на Абу-Джахль: Отецъ безумія. Последнее прозваніе за нимъ

(1) Въ Коранѣ нѣсколько разъ упоминается объ этой чудесной помощи: «Богъ уже далъ вамъ побѣду Бедерскую, когда васъ было меньше числомъ. Когда ты сказалъ правовѣрному: Развѣ мало вамъ, что Господь вамъ помогъ тремя тысячами ангеловъ, ниспосланныхъ съ неба? Воистинну, если вы не поколеблетесь и будете бояться Бога, и на васъ нападуть внезапно ваши враги, то Господь вамъ поможетъ пятью тысячами ангеловъ, отличныхъ убранствомъ и конями....»

«О правовѣрные! не сами вы убили тѣхъ, кто были убиты у Бедера, а Богъ убилъ ихъ. И не ты, Магометъ, въ глаза имъ бросилъ песокъ, когда казалось, будто ты бросилъ его, а Богъ его бросилъ.» (Коранъ глава III).

сталось въ исторіи, и никогда правовѣрные не поминають его имени безъ восклицанія: «Да будетъ онъ проклятъ Богомъ!»

Мусульманъ, убитыхъ въ сраженіи, схоронили съ почетомъ; а тѣла Корейшанъ съ презрѣніемъ бросили въ яму, нарочно для того вырытую. Оставалось рѣшить, какъ поступить съ плѣнными. Омаръ предложилъ отсѣчь имъ головы; но Абу-Бекръ совѣтывалъ отпустить ихъ за выкупъ. Магометъ замѣтилъ, что Омаръ уподоблялся Ною, который молился объ истребленіи грѣшныхъ потопомъ; а Абу-Бекръ Аврааму, который молился за грѣшниковъ. Онъ рѣшилъ въ пользу милосердія. Однакоже, двое изъ плѣнныхъ были преданы смерти; одинъ, по имени Надхаръ, за то, что онъ смѣялся надъ Кораномъ, какъ надъ собраніемъ Персидскихъ сказокъ и басенъ; другой, по имени Окба, за покушеніе на жизнь Магометову, когда онъ въ первый разъ проповѣдывалъ въ Каабѣ и былъ спасенъ Абу-Бекромъ. Нѣсколько плѣнниковъ, которые были бѣдны, получили свободу съ условіемъ чтобъ они поклялись не поднимать оружія противъ Магомета и его послѣдователей. Прочіе были удержаны до выкупа, котораго ждали отъ друзей ихъ.

Въ числѣ самыхъ значительныхъ плѣнниковъ былъ Аль-Аббасъ, Магометовъ дядя. Взялъ его Абу-Ясеръ, человекъ очень небольшого роста. А такъ какъ стоявшіе кругомъ смѣялись надъ неравенствомъ ихъ роста, то Аль-Аббасъ сталъ увѣрять, будто онъ сдался огромному всаднику, который будто былъ на такомъ конѣ, какого онъ и не видавалъ. Абу-Ясеръ увѣрялъ, что взялъ его онъ, но Магометъ, чтобы не пристыдить дядю, объявилъ, что Гавриилъ архангелъ помогалъ Абу-Ясеру.

Аль-Аббасъ хотѣлъ было избѣгнуть отъ уплаты выкупа, и говорилъ, что онъ самъ въ душѣ Мусульманинъ, а драться долженъ былъ по неволѣ; но этого оправданія не при-

нали. Многие думаютъ, что онъ дѣйствительно былъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ племянникомъ и служилъ ему лазутчикомъ въ Меккѣ, и прежде, и послѣ Бедерской битвы.

Другой плѣнникъ, очень важный для Магомета, былъ Абуль-Аасъ, мужъ его дочери Зейнабъ. Пророкъ очень желалъ привлечь къ себѣ зятя и присоединить его къ числу своихъ учениковъ; но Абуль-Аасъ упорно оставался въ невѣрніи. Тогда Магометъ предложилъ отпустить его на томъ условіи, чтобъ онъ возвратилъ ему дочь. На это невѣрный согласился, и Сеидъ, вѣрный отпущенникъ Магомета, посланъ былъ въ Мекку, съ нѣсколькими товарищами, чтобы привести Зейнабъ въ Медину, а между тѣмъ, ея мужъ, Абуль-Аасъ, оставался заложникомъ до исполненія условія.

Прежде чѣмъ войско возвратилось въ Медину, стали дѣлить добычу; хотя караванъ Абу-Софіановъ и ушелъ, но въ сраженіи взято было значительное число оружія и верблюдовъ, а выкупъ плѣнныхъ долженъ былъ принести также значительную сумму денегъ. При этомъ случаѣ, Магометъ велѣлъ раздѣлить добычу поровну между всѣми Мусульманами, бывшими въ походѣ, и хотя существовалъ старинный обычай у Арабовъ отдавать четвертую часть добычи вождю, но онъ удовольствовался равной частью со всѣми. Между вещами, доставшимися на его долю, былъ знаменитый мечъ, удивительнаго закала, который назывался *Дуль-Факаръ*, или Пронзитель. Съ тѣхъ поръ Магометъ всегда носилъ его при себѣ въ сраженіи, а по его смерти онъ достался въ наслѣдство его зятю Али.

Этотъ равный раздѣлъ добычи произвелъ большой ропотъ въ войскѣ. Тѣ, которые находились въ самомъ пылу сраженія и были главными при взятіи добычи, жаловались, что должны дѣлиться поровну съ тѣми, которые стояли въдалекѣ, и съ стариками, которые оставались стеречь ихъ станъ. Этотъ споръ—какъ замѣчаетъ Сель — напоминаетъ

споръ Давидовыхъ воиновъ за добычу, взятую у Амалекитянъ, когда бывшіе въ дѣлѣ настаивали, чтобъ оставшимся при обозѣ не давать добычи. Рѣшеніе было тоже: дѣлить поровну (1 кн. Цар. гл. XXX. 21—25.). Можетъ быть, свѣдѣнія Магомета въ библейской исторіи руководили имъ при этомъ рѣшеніи. Установить правила относительно раздѣла добычи было дѣломъ важнымъ для вождя, который готовился выступить на поприще хищнической войны. По счастью, вскорѣ послѣ возвращенія въ Мекку, онъ очень кстати имѣлъ новое откровеніе, которое установило на будущее время раздѣлъ всякой добычи, взятой на войнѣ за вѣру.

Таковы подробности знаменитой Бедерской битвы, первой побѣды Сарациновъ подъ знаменемъ Магометовымъ. Можетъ быть, она и не значительна сама по себѣ, но имѣла чрезвычайно важныя послѣдствія, потому что ею начался рядъ побѣдъ, измѣнившихъ судьбы вселенной.

ГЛАВА XVIII.

СМЕРТЬ МАГОМЕТОВОЙ ДОЧЕРИ РОКАИ. ВОЗВРАЩЕНІЕ ЕГО ДОЧЕРИ ЗЕЙНАБЪ. ДѢЙСТВІЕ МАГОМЕТОВА ПРОКЛЯТІЯ НА АБУЛАХАБА И ЕГО СЕМЬЮ. ИСТУПЛЕННОЕ БЪШЕНСТВО ХЕНДЫ, ЖЕНЫ АБУ-СОФИАНОВОЙ. МАГОМЕТЪ ЕДВА СПАСАЕТСЯ ОТЪ СМЕРТИ.

ПОСОЛЬСТВО КЪ КОРЕЙШАНАМЪ. ЦАРЬ АБИССИНСКІЙ.

Магометъ торжественно возвратился въ Медину, съ добычею и плѣнниками, отбитыми въ его первомъ сраженіи. Но радость его нарушена была семейнымъ горемъ. Его любимая дочь Рокая, такъ недавно ему возвращенная изъ изгнанія, умерла. Гонецъ, который ѣхалъ впереди Магомета съ вѣстью о побѣдѣ, встрѣтился у городскихъ воротъ съ погребальнымъ шествіемъ: тѣло Рокзи несли въ могилу.

Горестъ пророка скоро облегчена была пріѣздомъ изъ Мекки другой его дочери Зейнабъ, которую провожалъ вѣр-

ный Сеидъ. Сей послѣдній выполнилъ данное ему порученіе, но съ немалыми трудностями. Народъ въ Меккѣ раздраженъ былъ недавней бѣдою и необходимостью выкупать плѣнныхъ; а потому Сеидъ остался за городскими стѣнами и отправилъ посланца къ Кенанаху, брату Абуль-Ааса, извѣщая его о договорѣ и назначая мѣсто, куда привести Зейнабъ.

Тотъ хотѣлъ доставить ее туда на носилкахъ. На дорогѣ его окружила толпа Корейшанъ, и, узнавъ въ чемъ дѣло, не выпускала изъ города. Завязалась ссора, и одинъ Арабъ, по имени Хабберъ-Ибнъ-Асвадъ, ударилъ копьемъ въ носилки, и если бъ Кенанахъ не отвелъ этого удара своимъ лукомъ, то онъ убилъ бы Зейнабъ. На шумъ и крикъ подоспѣлъ Абу-Софіанъ, и сдѣлалъ выговоръ Кенанаху, за чѣмъ онъ такъ явно возвращаетъ дочь Магометову, потому что эту уступку могутъ приписать его трусости. Зейнабъ опять отнесли домой, но въ слѣдующую ночь Кенанахъ выдалъ ее тайно Сеиду.

Узнавъ объ опасности, которой подвергалась Зейнабъ, Магометъ пришелъ въ такое бѣшенство, что велѣлъ, если кому попадется въ руки Хабберъ, сжечь его живаго. Нѣсколько успокоившись, онъ смягчилъ приказаніе. «Одинъ, Богъ, сказалъ онъ, можетъ наказывать человѣка огнемъ. Если возмутъ Хаббера, то предать его смерти мечемъ».

Недавняя побѣда Мусульманъ при Бедерѣ изумила и оскорбила Меккскихъ Корейшанъ. Человѣкъ, который такъ недавно еще долженъ былъ бѣжать, какъ изгнанникъ, изъ ихъ города, вдругъ сдѣлался могущественнымъ врагомъ. Многіе изъ самыхъ храбрыхъ и значительныхъ гражданъ погибли отъ меча его; другіе попались въ плѣнъ и ждали унижительнаго выкупа. Абу-Лахабъ, дядя Магометовъ и его постоянный, ревностный противникъ, не могъ, по болѣзни, участвовать въ сраженіи. Онъ умеръ черезъ нѣсколько дней

послѣ того, какъ узналъ о побѣдѣ: волненіе духа ускорило смерть его. Но благочестивые Мусульмане приписываютъ смерть его проклятію, которое Магометъ произнесъ надъ нимъ, и надъ его семьею, въ ту минуту, когда онъ поднялъ руку, чтобъ бросить камень въ пророка на холмѣ Сафѣ. Это проклятіе, говорятъ Мусульмане, отяготѣло на его сынѣ, Ота, который развелся съ дочерью пророка, Рокаю: его разорвалъ на части левъ, на дорогѣ въ Сирію, въ присутствіи всего каравана. Но никто изъ жителей Мекки тамъ не огорчался несчастнымъ пораженіемъ при Бедерѣ, какъ Абу-Софіанъ. Правда, онъ безопасно доѣхалъ въ Мекку съ своимъ караваномъ, но какъ будто только для того, чтобы услышать о торжествѣ ненавистнаго ему чело-вѣка и найти свой домъ запустѣлымъ. Жена его, Хенда, встрѣтила его воплями и вѣстью о смерти своего отца, дяди и брата. Ея горе перешло въ бѣшенство, и она день и ночь кричала объ отмщеніи Хамзѣ и Али, руками которыхъ они были убиты. (1)

Абу-Софіанъ собралъ двѣсти всадниковъ на быстрыхъ коняхъ, и каждый изъ нихъ привязалъ къ лукѣ сѣдла по мѣшку муки,—не прихотливый запасъ Араба во время по-

(1) У Арабовъ существуетъ законъ, по которому всякая пролитая кровь отмщается кровью же семейству убійцы. Этотъ древній законъ освященъ Кораномъ: «О правовѣрные! законъ возмездія предписанъ вамъ за убитыхъ: свободный долженъ умереть за свободнаго.» — Кровная месть, или *таръ*, какъ она называется по арабски, принадлежитъ родственникамъ всѣхъ убитыхъ въ открытой войнѣ и обращается не только противъ настоящаго убійцы, но и противъ всѣхъ его родственниковъ. За убійство на войнѣ между двумя племенами, цѣна крови требуется отъ тѣхъ, о комъ точно извѣстно, что онъ убійца. Арабъ почитаетъ эту кровную месть однимъ изъ самыхъ священныхъ своихъ чувствъ и обязанностей: никакое земное соображеніе не заставитъ его отказаться отъ нихъ. У него есть пословица: «Хотя бы суждено горѣть адскимъ огнемъ, а не оставлю тары. (см. Burckhardt. т. I. 314. Notes.)

хода. Выступая въ походъ, Абу-Софіанъ далъ обѣтъ не умащать головы, не лить благовоній на бороду и не прикасаться къ женщинѣ, покуда не встрѣтитъ Магомета лицомъ къ лицу. Онъ опустошилъ область на три мили отъ воротъ Мединскихъ, убилъ двоихъ изъ приверженцевъ пророка, разорилъ поля и пожегъ финиковыя деревья.

Магометъ вышелъ къ нему на встрѣчу въ превосходныхъ силахъ. Абу-Софіанъ, забывши свой обѣтъ, не дождался его, а поворотилъ назадъ и бѣжалъ. Отрядъ его поскакалъ за нимъ, побросавъ въ торопливомъ бѣгствѣ мѣшки съ мукою, отчего это дѣло и прозвано было въ насмѣшку: «Войною мучныхъ мѣшковъ.»

Мусульманскіе писатели рассказываютъ, что во время похода противъ Абу-Софіана пророку ихъ грозила страшная опасность. Разъ онъ заснулъ подъ деревомъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ стана. Его разбудилъ шумъ, и онъ увидѣлъ Дуртура, одного изъ непріятельскихъ воиновъ, стоявшаго надъ нимъ съ поднятымъ мечемъ. «Магометъ! закричалъ онъ, теперь есть ли здѣсь кто, чтобы спасти тебя?»—«Богъ!» отвѣчалъ пророкъ.—Пораженный такимъ словомъ, Дуртуръ уронилъ свой мечъ, а Магометъ проворно схватилъ его. Онъ взмахнулъ мечемъ и также воскликнулъ: «Теперь есть ли здѣсь кто, чтобы спасти тебя, о Дуртуръ!» — Увы! никого! отвѣчалъ воинъ.—«Такъ научись же отъ меня милосердію!» — Съ этимъ словомъ онъ отдалъ ему мечъ. Сердце воина покорилося: онъ призналъ Магомета пророкомъ Божимъ и принялъ новую вѣру.

Другіе набожные Мусульмане, какъ бы не довольствуясь этимъ чудеснымъ рассказомъ, утверждаютъ, что Магометъ обязанъ былъ своимъ спасеніемъ помощи архангела Гавріила, который будто въ ту самую минуту, какъ Дуртуръ готовился нанести ударъ, такъ его толкнулъ въ грудь невидимой рукою, что онъ выронилъ мечъ.

Около этого времени Меккскіе Корейшане вспомнили о родственникахъ и ученикахъ Магометовыхъ, нашедшихъ себя убѣжище отъ ихъ гоненій въ Абиссиніи; они всѣ почти оставались тамъ подъ покровительствомъ Наджашія, или царя Абиссинскаго. Корейшане отправили посольство къ этому царю съ просьбою о выдачѣ бѣглецовъ. Однимъ изъ посланниковъ былъ Абдаллахъ-Ибнъ-Рабія, другимъ Амру-Ибнъ-аль-Азсъ, тотъ самый знаменитый поэтъ, который сочинялъ на Магомета грозныя сатиры и насмѣшки при началѣ его пророческаго поприща. Теперь онъ созрѣлъ годами и столько же отличался проникательностью и благоразуміемъ, какъ и стихотворческимъ даромъ. Онъ тогда былъ еще страшнымъ противникомъ Ислама; а впоследствии сдѣлался однимъ изъ самыхъ храбрыхъ и самыхъ знаменитыхъ его поборниковъ.

Амру и Абдаллахъ, прибывъ въ Абиссинію, по восточному обычаю, прежде всего торжественно поднесли богатые дары, и потомъ уже начали просить, во имя Корейшанскихъ властей Мекки, чтобъ имъ выдали бѣглецовъ. Царь былъ человѣкъ справедливый и велѣлъ привести къ себѣ Мусульманъ, чтобъ они объяснили ему новую и опасную ересь, въ которой ихъ обвиняли. Между ними находился Джафаръ, сынъ Абу-Талеба и братъ Али, слѣдовательно двоюродный братъ Магометовъ. Онъ отличался убѣдительнымъ краснорѣчіемъ и самой привлекательной наружностью. Онъ явился и изложилъ ученіе Ислама съ убѣжденіемъ и внутренней силою. Царь, какъ уже замѣчено, былъ Христіаниномъ-Несторіанцемъ; ему показалось это новое ученіе столь сходнымъ съ собственнымъ его вѣроисповѣданіемъ, столь противоположнымъ грубому идолопоклонству Корейшанъ, что онъ не захотѣлъ выдать изгнанниковъ; напротивъ оказалъ имъ особенную милость и покровительство, и возвратилъ дары Амру и Абдаллаху, которые должны были такимъ образомъ уѣхать назадъ ни съ чѣмъ.

ГЛАВА XIX.

Власть Магометова возрастаетъ. Гнѣвъ его на Евреевъ. Еврейское племя Кайнока оскорбляетъ Арабскую дѣвушку. Ссора. Племя Бени-Кайнока укрывается въ замкъ. Оно покорено и наказано пенею и изгнаніемъ. Отманъ женится на дочери пророка Оммъ-Колтумъ, а пророкъ на Хлфзѣ.

Бедерская битва совершенно перемѣнила положеніе Магометова: онъ уже былъ побѣдоноснымъ вождемъ, и его могущество возрастало. Новая вѣра льстила страсти Арабскихъ идолопоклонниковъ въ хищничеству и подавала имъ надежду на добычу; сверхъ того, они думали, что возвращаются къ первобытному ученію предковъ, и потому Исламъ быстро распростанялся между ними. Когда первый отрядъ всадниковъ вступилъ въ ворота Медины, съ добычей разграбленнаго стана, почти всѣ ея языческіе жители обратились къ новой вѣрѣ, и городъ совершенно перешелъ во власть Магомета. Съ тѣхъ поръ Магометъ сталъ говорить другимъ языкомъ, уже какъ законодатель и государь. Первымъ знакомъ этой перемѣны былъ поступокъ его съ Евреями. Въ Мединѣ жили три богатые и могущественныя Еврейскія семейства. Какъ ни старался онъ привлечь къ себѣ упрямое племя разными уступками, все было напрасно. Евреи не только оставались въ упорномъ невѣрїи, но даже смѣялись надъ Магометомъ и надъ его ученіемъ. Еврейская женщина-поэтъ Асма, дочь Мерванова, писала на него сатиры. Одинъ изъ его изувѣрныхъ учениковъ убилъ ее. Сто-двадцати-лѣтній Израильтянинъ, Абу-Афакъ, былъ также убитъ за сатиру на пророка. Другой Еврейскій поэтъ, Каабъ-Ибнъ-Ашрафъ, поѣхалъ въ Мекку послѣ Бедерской битвы и старался возбудить Корейшанъ къ отмщенію, восхваляя въ стихахъ доблести и оплакивая смерть

ихъ воинствъ, падшихъ въ битвѣ. Онъ былъ до того ослѣпленъ, что, и воротясь въ Медину, торжественно читалъ эти стихи, и даже при одномъ изъ приверженцевъ пророка, родственникѣ убитаго. Оскорбленный столь сильною враждою, Магометъ однажды воскликнулъ въ досадѣ: «Кто меня избавить отъ этого сына Ашрафова?» Черезъ нѣсколько дней Еврей заплатилъ жизнью за свое стихотворство: его убилъ одинъ изъ ревностныхъ Ансаріанъ, Авсаитскаго племени.

Наконецъ произошло событіе, послѣ котораго гнѣвъ Магометовъ на Евреевъ перешелъ въ явную вражду. Одной дѣвушкѣ изъ пастушескихъ племенъ Аравіи, которая носила въ Медину молоко, случилось быть въ той части города, гдѣ жили Бени-Кайнока (или дѣти Кайнока), одно изъ трехъ главныхъ семействъ Еврейскихъ. Тамъ ее окружила толпа молодыхъ Израильтянъ; они слышали объ ея необыкновенной красотѣ и требовали, чтобъ она открыла лице. Дѣвушка не хотѣла, потому что это противно было законамъ приличія, господствовавшимъ въ ея племени. Тогда одинъ молодой золотыхъ дѣлъ мастеръ, державшій лавку недалеко отъ того мѣста, потихоньку прикрѣпилъ конецъ ея покрывала къ скамейкѣ, на которой она сидѣла; и когда она встала, чтобъ уйти, покрывало соскочило, и она остановилась съ открытымъ лицомъ. Молодые Израильтяне подняли смѣхъ и начали шутить надъ нею, а дѣвушка, стоя между ними, не могла произнести слова отъ смущенія и стыда. Но одинъ Мусульманинъ, свидѣтель всего происходившаго, рѣшился защитить дѣвушку; онъ выхватилъ мечъ, прокололъ насквозь золотыхъ дѣлъ мастера, и самъ, въ свою очередь, былъ тотчасъ убитъ Израильтянами. Мусульмане, жившіе въ сосѣдствѣ, бросились къ оружію; и Бени-Кайнови также; но Израильтянъ было меньше, и они сочли нужнымъ укрыться въ одномъ укрѣпленномъ строеніи. Магометъ вступился въ это дѣло и унялъ тревогу; но, будучи ожесточенъ противъ Израильтянъ, онъ сталъ требо-

вать, чтобъ виновное племя приняло новую вѣру. Евреи ссылались на договоръ, который онъ заключилъ съ ними, когда вступалъ въ Медину, и по которому они могли свободно исповѣдывать свою вѣру, но Магометъ былъ непреклоненъ. Нѣсколько времени Бени-Канойки противились и упорно держались въ своемъ замкѣ: голодъ принудилъ ихъ сдаться. Вождь Хазрадитянъ, Абдаллахъ-Шибъ-Обба-Солуль, который былъ покровителемъ Еврейскаго племени, вступился за нихъ и не дозволилъ предать ихъ мечу; тѣмъ не менѣе все ихъ имущество и богатство было у нихъ отнято, а сами они, числомъ до 700 человекъ, были сосланы въ Сирію.

Оружіе и сокровища, доставшіяся Магомету и его приверженцамъ послѣ этого племени, много помогли имъ въ послѣдующихъ войнахъ за вѣру. Въ числѣ оружія, которое досталось на часть Магомету, находилось, говорятъ, три меча: *Мдсеизъ*—Острый, *Аль-Биттаръ*—Разсѣкатель, и *Хатесъ*—Смертоносный; два копья, *Аль-Монтари*—Уничтожитель и *Аль Монтави*—Разрушитель; серебряная броня, *Аль-Фадха*, и другая *Аль-Саадія*, которую будто бы Сауль далъ Давиду, когда Давидъ шелъ на Голиаѳа. Былъ тутъ также лукъ, прозванный *Аль-Катуизъ*, т. е. Крѣпкій, но онъ не оправдалъ своего имени, потому что въ первомъ же сраженіи пророкъ натянулъ его такъ сильно, что онъ разлетѣлся въ куски. Вообще Магометъ употреблялъ только луки, согнутые по Арабскому способу, также стрѣлы и копья, и запрещалъ своимъ приверженцамъ стрѣлять изъ Персидскаго лука.

Съ этихъ поръ Магометъ уже не думалъ болѣе привлекать къ себѣ Евреевъ: напротивъ, они сдѣлались предметомъ его религіозной вражды. Онъ отмѣнилъ свое прежнее постановленіе, по которому Іерусалимъ назначенъ былъ кеблюю, или точкой поклоненія, а вмѣсто него назначилъ

Мекку, къ которой, съ тѣхъ поръ и до сего времени, Мусульмане обращаютъ лице свое, когда совершаютъ молитву.

Смерть Магометовой дочери Рокаи была какъ слѣдуетъ оплакана ея мужемъ Отманомъ. Чтобы утѣшить Отмана, Омаръ, его братъ по оружію, предложилъ ему жениться на его дочери Хафзѣ. Она осталась вдовою послѣ Сухамитянина Хобаша, ей было осмнадцать лѣтъ, и красота ея была очаровательна; однакожъ Отманъ не принималъ предложенія. Омаръ оскорбился этимъ отказомъ, почелъ его за обиду своей дочери и себѣ, и жаловался Магомету. «Не печалься, Омаръ!—отвѣчалъ пророкъ—Отману назначена жена лучше твоей дочери, а твоей дочери мужъ лучше Отмана.» И въ самомъ дѣлѣ онъ отдалъ за Отмана свою собственную дочь, Омму-Колтумъ, а самъ взялъ себѣ въ жены прекрасную Хафзу. Этими расчетливыми связями онъ еще больше приблизилъ къ себѣ и Отмана, и Омара, а между тѣмъ удовлетворилъ собственной всегдашней склонности къ женской красотѣ. Послѣ Аеши Хафза была его любимой женою, и ея храненію порученъ былъ ящикъ, въ который складывались главы и стихи Корана, по мѣрѣ того, какъ они были внушаемы откровеніемъ.

ГЛАВА XX.

Хенда возбуждаетъ Абу-Софана и Корейшанъ къ отмщенію за смерть своихъ родныхъ, убитыхъ въ Бедерскомъ сраженіи. Корейшане выступаютъ въ походъ, а за ними Хенда съ своими подругами. Сраженіе при Оходѣ. Свирыное торжество Хенды. Магометъ утѣшается женитьбой на Оменной дочери, Хендѣ.

Между тѣмъ какъ въ Мединѣ возрастало могущество Магометово, въ Меккѣ разгоралась вражда Корейшанъ. Абу-Софанъ былъ главою священнаго города, а жена его Хенда неотступно требовала отъ него начать войну. Ея сви-

рѣпая душа не могла оставаться спокойною, пока не совершилась *кровавая мѣсть* надъ убійцами ея отца и брата Сынъ Абу-Джахлевъ, Акрема, также наследовалъ ненависть отца своего къ пророку и громко требовалъ мщенія. Наконецъ, въ третьемъ году Геджиры, черезъ годъ послѣ Бедерской битвы, Абу-Софіанъ вывелъ въ поле три тысячи воиновъ, большую частью Корейшанъ, хотя между ними были и другіе Арабы, изъ племенъ Кенаны и Техамы. Тутъ было семь сотъ человекъ въ броняхъ и двѣсти всадниковъ. Въ числѣ военачальниковъ находились Акрема и Каледъ-Ибнъ-аль-Веледъ, неустрашимый воинъ, который послѣ приобрѣлъ себѣ громкую славу. Впереди шли знаменосцы изъ рода Абдъ-аль-Даръ: это была одна изъ вѣтвей Корейшанъ, сохранявшая наследственное право занимать первыя мѣста въ совѣтѣ, передовые ряды въ сраженіяхъ и носить знамена впереди полковъ.

Позади войска ѣхала метительная Хенда съ пятнадцатью знатнѣйшими женщинами Меккскими, родственницами убитыхъ на Бедерскомъ полѣ. По временамъ они принимались плакать и наполняли воздухъ воплями и стономъ по убитыхъ; а иногда воспламеняли усердіе воиновъ звуками тимпановъ и воинственными пѣснями. Въ селеніи Абвѣ, гдѣ была погребена Амина, мать Магометова, Хенда хотѣла выбросить кости ея изъ могилы; едва удержали ее отъ такого поступка.

Дядя Магометовъ, Аль-Аббасъ, тогда еще жилъ въ Меккѣ, гдѣ его почитали врагомъ новой вѣры. Онъ понялъ, что его племяннику не избѣжать бѣды, если это войско застанетъ его въ расплохъ, и потому тайно послалъ гонца предупредить его объ опасности. Гонецъ нашелъ Магомета въ деревнѣ Кобъ. Онъ тотчасъ поспѣшилъ назадъ въ Медину и созвалъ на совѣтъ своихъ главныхъ приверженцевъ. Онъ представилъ имъ, что силы ихъ слишкомъ слабы для встрѣчи въ полѣ съ неприятельскими, и подаль

мнѣніе, что благоразумнѣе будетъ ждать нападенія на Медину, гдѣ въ случаѣ нужды даже и женщины и дѣти могутъ оказать помощь при оборонѣ, бросая камни съ кровлей домовъ. Старѣйшіе изъ совѣтниковъ согласились съ этимъ мнѣніемъ, но молодые люди, одушевленные недавней побѣдою при Бедерѣ, въ безразсчетной отвагѣ, громко требовали рѣшительной битвы въ открытомъ полѣ.

Магометъ уступилъ ихъ крикамъ; но, когда стали считать войско, не оказалось и полной тысячи человекъ, изъ нихъ лишь сто воиновъ имѣли доспѣхи, а всадниковъ набралось только двѣсти. Тогда упало сердце у тѣхъ, которые недавно такъ громко требовали открытой битвы; теперь они готовы были дожидаться врага за стѣнами города. «Нѣтъ! сказалъ Магометъ, если пророкъ разъ извлекъ мечъ свой, онъ уже не можетъ вложить его въ ножны; если онъ уже вышелъ, не можетъ идти назадъ, пока Богъ не разсудилъ его съ врагами его!» Съ этими словами онъ вывелъ въ поле свое ополченіе. Часть его состояла изъ Евреевъ и Хазрадитянъ, подъ предводительствомъ Абдаллахъ-Ибнъ-Обба-Солула. Магометъ потребовалъ отъ нихъ, чтобы они приняли Исламъ; они не соглашались, и онъ отослалъ ихъ назадъ въ Медину. Велѣдъ за тѣмъ и покровитель ихъ Абдаллахъ уѣхалъ назадъ съ своими Хазрадитянами: въ войскѣ осталось всего на все около семи сотъ человекъ.

Съ этимъ малочисленнымъ войскомъ Магометъ сталъ на холмѣ Оходѣ, часа на два съ половиною пути отъ Медины. Мѣсто, гдѣ онъ расположился, было отчасти защищено каменистымъ скатомъ и крутизною холма; для защиты боковъ и тыла отъ непріятельской конницы выставлены были стрѣлки. Самъ Магометъ надѣлъ шлемъ и облекся въ двойную броню. На его мечѣ было вырѣзаны слова: «Страхъ влечетъ за собою позоръ, честь впереди. Робость не спасетъ никого отъ судьбы.» Онъ не хотѣлъ лично принимать участіе въ битвѣ, и потому ввернулъ свой

мечъ храброму воину Абу-Дуджанъ, который далъ клятву рубить имъ, пока онъ не притупѣтъ и не изсѣчется. Самъ Магометъ, по обычаю полководцевъ, сталъ на пригоркѣ, откуда могъ обозрѣть все поле.

Корейшане, ободренные своимъ численнымъ перевѣсомъ, шли съ распущенными знаменами къ подножію холма. Абу-Софианъ велъ середину; на обоихъ крылахъ находилось по сту всадниковъ; лѣвымъ предводительствовалъ Акрема, сынъ Абу-Джахлевъ, а правымъ Калель-Ибнъ-аль-Веледъ. Когда они двинулись впередъ, Хенда и ея спутницы ударили въ свои тимпаны и заплѣли боевую пѣснь; вмѣсто припѣвовъ онѣ возглашали имена убитыхъ въ Бедерскомъ сраженіи. «Смѣло впередъ! сыны Абдъ-аль-Дара! кричали онѣ знаменосцамъ; впередъ на битву! ближе къ врагу! рубите съ плеча и не давайте пощады! да будутъ ваши мечи остры, а сердца ваши неумолимы!»

Магометъ удержалъ нетерпѣливый порывъ своихъ полковъ и приказалъ не начинать битвы, а стоять неподвижно, пользуясь выгодою возвышеннаго мѣстоположенія. Особенно стрѣлкамъ велѣно было держаться на своихъ мѣстахъ, во что бы то ни стало, и стараться, чтобы неприятельская конница не обогнула холмъ и не ударила съ тылу.

Конница лѣваго крыла, подъ предводительствомъ Акрема, попыталась напасть на Мусульманъ съ боку, но была отбита стрѣлками и отступила въ замѣшательствѣ. Тогда Хамза съ боевымъ кликомъ Мусульманъ: Амиль! амиль! (смерть! смерть!) устремилъ свой отрядъ на середній полкъ непріятели. По правую руку былъ у него Абу-Дуджана, съ мечемъ Магометовымъ и съ красной лентой вокругъ головы, на которой написано было: «Помощь отъ Бога! побѣда наша!»

Неприятель поколебался отъ этого нападенія. Абу-Дуджана проникъ въ толпу враговъ и наносилъ повсюду смертельные удары, восклицая: «Мечъ Божій и его пророка!» Семь знаменосцевъ, изъ племени Абдъ-аль-Дара, пали одинъ

за другимъ, и срединный полкъ началъ колебаться. Но тутъ Мусульманскіе стрѣлки, думая, что побѣда уже рѣшена, забыли приказаніе Магометова, оставили свои мѣста и бросились за добычею съ кликомъ: «Добыча! добыча!» Тѣмъ временемъ Халедъ собралъ разсѣянную конницу, занялъ высоты, оставленные стрѣлками, напалъ на Мусульманъ съ тылу, часть ихъ обратилъ въ бѣгство, а остальныхъ привелъ въ замѣшательство. Среди всеобщаго смятенія, одинъ всадникъ, по имени Оббиджъ-Ибнъ-Калафъ, протѣсняясь сквозь толпу, восклицалъ: «Гдѣ Магометъ? нѣтъ безопасности, пока онъ живъ!» Но Магометъ схватилъ копье изъ руки оруженосца и пронзилъ имъ горло идолопоклонника, который упалъ съ коня мертвый. «Такъ, говоритъ набожный Аль-Джаннаби, такъ палъ этотъ врагъ Божій, который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ грозилъ пророку, говоря: Я найду тотъ день, когда убить тебя! Берегись! отвѣчалъ ему Магометъ; если угодно будетъ Аллаху, ты самъ умрешь отъ руки моей!»

Въ общей сумятицѣ камень изъ пращи попалъ Магомету въ нижнюю часть лица, разсѣкъ губу и вышибъ одинъ изъ переднихъ зубовъ; въ это же время онъ раненъ былъ въ лице стрѣлою, остріе которой осталось въ ранѣ. Хамза также, въ ту минуту, какъ убивалъ Корейшанина, былъ проколотъ насквозь копьемъ Ваксы, Эѳіопскаго раба; ему обѣщана была свобода, если онъ отменитъ за смерть своего господина, убитаго Хамзою въ Бедерскомъ сраженіи. Мосаабъ-Ибнъ-Омайръ, который несъ Магометова знамя, былъ также убитъ; но Али подхватилъ священное знамя, и оно развѣвалось высоко въ его рукѣ въ продолженіи всей битвы.

Мосаабъ походилъ лицомъ на Магомета, и потому въ непріятельскомъ войскѣ раздавался крикъ, что Магометъ убитъ. При этомъ словѣ одушевленіе Корейшанъ удвоилось; Мусульмане побѣжали въ отчаяніи, неся за собою раненыхъ Абу-Бекра и Омара. Но Раабъ, сынъ Малековъ, увидѣлъ

Магомета во рву среди раненыхъ и узналъ его по доспѣхамъ. «О правовѣрные! закричалъ онъ, Божій пророкъ еще живъ! на помощь! на помощь!»—Магомета взяли изъ рва и вынесли на вершину скалы, гдѣ Мусульмане готовились къ отчаянной оборонѣ. Корейшане, увѣренные, что Магометъ убитъ, уже не хотѣли ихъ преслѣдовать, а бросились грабить и уродовать мертвыхъ. Хенда и ея спутницы яростнѣе всѣхъ выражали чувство мщенія; свирѣпая Хенда хотѣла вырвать и съѣсть сердце Хамзы. Абу-Софианъ торжественно несъ часть изуродованнаго трупа на своемъ конѣ и, спускаясь съ холма, восклицалъ въ восторгѣ: «Судьбы войны перемѣнились! послѣ Бедерской битвы побѣда Оходская!»

Когда Корейшане отступили, Магометъ сошелъ съ утеса и сталъ осматривать поле сраженія. Увидѣвши трупъ своего дяди Хамзы, варварски изувѣченный и обезображенный, онъ далъ обѣтъ поступить также съ семидесятью врагами, когда они попадутся ему въ руки. Въ горѣ своемъ, какъ рассказываютъ, онъ былъ утѣшенъ архангеломъ Гаврииломъ, которой увѣрилъ его, что Хамза записанъ въ жители седьмаго неба подъ названіемъ: «Левъ Божій и Его пророка.»

Тѣла мертвыхъ схоронили по два и по три на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они были убиты. Магометъ запретилъ своимъ послѣдователямъ обрѣзывать волосы, раздирать на себѣ одежду и выказывать свое горе какими бы то ни было способами, какъ было въ обычаѣ у Арабовъ; но онъ позволилъ имъ плакать о мертвыхъ, потому что слезами облегчается тяжесть сердца.

Ночь, наступившая послѣ сраженія, полна была тревоги; боялись, чтобъ Корейшане не возобновили нападенія и не бросились въ распахъ на Медину. На другой день Магометъ направилъ свой путь къ Мединѣ и проходилъ вблизи непріятели; а когда опять наступила ночь, то прика-

заль засвѣтитъ множество сторожевыхъ огней. Между тѣмъ до Абу-Софіана дошла вѣсть, что Магометъ еще живъ; но онъ не почиталъ себя довольно сильнымъ, чтобы напасть на городъ, къ которому Магометъ могъ подоспѣть на помощь; опасаясь сразиться съ нимъ и въ полѣ, ибо Мединцы могли присоединиться къ Магомету, и тогда численное превосходство было бы уже на сторонѣ сего послѣдняго; а потому, довольный своею побѣдою, онъ заключилъ съ Мусульманами перемиріе на годъ, и съ торжествомъ возвратился въ Мекку.

Испытавъ столь горестную неудачу, Магометъ искалъ утѣшенія въ новомъ бракѣ съ Хендъ, дочерью Омеи, чело-вѣка, который пользовался большимъ уваженіемъ въ Мединѣ. Хендъ была двадцати-пяти-лѣтняя вдова, и вмѣстѣ съ покойнымъ мужемъ жила изгнанницею въ Абиссиніи. У нея былъ сынъ, по имени Сальма, и потому ее звали обыкновенно Оммъ-Сальма, т. е. мать Сальмы. Она была такъ хороша и привлекательна, что и Омаръ, и Абу-Бекръ искали руки ея, но безъ успѣха. Даже и Магометъ сначала встрѣтилъ затрудненіе. «Ахъ—сказала она—какого счастья пророкъ Божій можетъ ожидать со мною? Я ужъ не молода, у меня сынъ, а къ тому же я ревнива.»—«Лѣтами, отвѣчалъ Магометъ, ты гораздо моложе меня: твоему сыну я буду отцемъ; а о ревности я буду молить Аллаха, чтобъ онъ искоренилъ ее изъ твоего сердца.»

Невѣстѣ приготовили отдѣльное жилие возлѣ мечети. Все хозяйство ея, по свидѣтельству Мусульманскихъ писателей, состояло изъ мѣшка ячменю, ручной мельницы, сковороды и горшка для сала или масла. Такъ еще не велики были средства пророка, или лучше сказать, такъ умѣренъ былъ онъ въ своихъ привычкахъ и такова была простота арабскаго быта.

ГЛАВА XXI.

Измена нѣсколькихъ Еврейскихъ племенъ; ихъ наказаніе. Преданность Магометова отпущенника Сеида. Онъ разводится съ своею прекрасною женою Зейнабъ и отдаетъ ее въ жены пророку.

Неудача Оходскаго сраженія подѣйствовала на Арабскія и Еврейскія племена, неблагопріятно для Магомета, и на нѣкоторое время ослабила его вліяніе. Жители двухъ городовъ, Адхаля и Кары, отправили къ нему пословъ съ изъявленіемъ желанія принять Исламъ и съ просьбою о высылкѣ знающихъ людей, чтобъ научить ихъ новой вѣрѣ. Магометъ послалъ имъ шестерыхъ учениковъ своихъ, которые и поѣхали вмѣстѣ съ возвращавшимися домой послами. Дорогой, когда они остановились отдохнуть у ручья Раджи, въ области Ходсентянъ, послы внезапно напали на беззаботныхъ Мусульманъ, убили четырехъ, а остальныхъ двухъ увезли въ Мекку и выдали Корейшанамъ, которые предали ихъ смерти.

Жители области Неджедъ поступили подобнымъ же измѣнническимъ образомъ. Они увѣряли, что они Мусульмане и просили помощи у Магомета противъ враговъ своихъ. Магометъ послалъ къ нимъ отрядъ своихъ приверженцевъ, но племя Бени-Сулеймъ, или Сулеймитяне, напали на нихъ не въ далекомъ отъ ручья Манны, въ четырехъ дняхъ пути отъ Медины, и перебили почти всѣхъ до послѣдняго. Одному изъ Мусульманъ, Амру-Ибнъ-Омеъ, удалось спастись отъ смерти и бѣжать въ Медину. На дорогѣ онъ встрѣтилъ двухъ безоружныхъ Евреевъ изъ племени Бени-Амиръ, и, полный бѣшенства за смерть своихъ товарищей, а можетъ быть, и потому что счелъ ихъ тоже врагами, онъ бросился на нихъ и убилъ ихъ. Все племя, до того вре-

мени бывшее въ мирѣ съ Магометомъ, обратилось теперь къ нему съ требованіемъ возмездія. Магометъ передалъ дѣло на судъ другому Еврейскому племени Бени-Надхеръ, у котораго были богатые владѣнія и замокъ Зохра, въ трехъ миляхъ отъ Медины. Это племя заключило съ нимъ договоръ, еще въ то время, какъ онъ пришелъ бѣглецомъ изъ Мекки, по которому обязалось не принимать никакого участія въ распряхъ Магомета съ его врагами. Теперь Магометъ обратился къ предводителю этого племени, какъ къ посреднику, и тотъ пригласилъ его на свиданіе. Магометъ пріѣхалъ въ сопровожденіи Абу-Бекра, Омара, Али и немногихъ другихъ. Приготовили обѣдъ на открытомъ воздухѣ, передъ жилищемъ предводителя. Магометъ однакожъ тайно былъ увѣдомленъ, что его заманили туда предательски, и что его хотятъ убить во время обѣда: говорятъ, будто съ крыши дома хотѣли сбросить мельничный жерновъ и имъ раздавить гостя. Но Магометъ, не показавъ виду, что узналъ объ измѣнѣ, вдругъ всталъ изъ за обѣда и поспѣшилъ назадъ въ Медину.

Тогда онъ обратилъ гнѣвъ свой противъ всего племени Надхера, и приказалъ, чтобы въ продолженіи десяти дней оно оставило землю, иначе будетъ истреблено. Они хотѣли было уйти, но Хазрадитянинъ Абдаллахъ тайно уговорилъ ихъ остаться, обѣщая свою помощь. Племя Бени-Надхеръ, поставленное въ недоумѣніе *главою лицемпровъ*, заперлось въ своемъ замкѣ Зохрѣ, и Магометъ осадилъ его, срубилъ и пожегъ всѣ финиковыя деревья, которыя доставляли имъ пропитанье. Послѣ шестидневной осады, они вступили въ переговоры, и Магометъ ихъ выпустилъ съ условіемъ, чтобъ каждый изъ нихъ навьючилъ только по одному верблюду, но не бралъ оружія. Нѣкоторые были сосланы въ Сирію, другіе въ Хлайберъ, крѣпкій Еврейскій городъ, въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ Медины. Такъ какъ племя было богатое, то послѣ него осталась большая добыча, которую Ма-

гометъ все взялъ себѣ. Мусульмане роптали на это, говоря, что такой поступокъ противенъ закону раздѣла, откровенному въ Коранѣ; но Магометъ объявилъ имъ, что по другому откровенію, всякая добыча, взятая, какъ эта, безъ битвы, не пріобрѣтена человѣкомъ, а есть даръ Божій, и потому должна быть отдана пророку на добрыя дѣла: на помощь сиротамъ, нищимъ и странникамъ. Въ самомъ дѣлѣ, Магометъ не присвоилъ ее себѣ, а раздѣлилъ между Мохаджеринами, или Меккскими изгнанныками, двумя Евреями-Надхеритянами, принявшими Исламъ, и двумя или тремя Ансаріанами, или Мединскими союзниками, которые были бѣдны и заслужили награду.

Мы не будемъ подробно рассказывать о малозначительныхъ походахъ, совершенныхъ Магометомъ около этого времени. Такъ, на пр., онъ ходилъ въ окрестности Табука, на границы Сиріи, чтобы наказать одну орду, ограбившую Мединскіе караваны. Эти походы были не все удачны, хотя всегда почти доставляли богатую добычу, которою Мусульмане уже привыкли дорожить почти столько же, какъ и распространеніемъ вѣры. По всему вѣроятію богатство, такъ быстро пріобрѣтенное, произвело развратъ и беспорядки; въ одной изъ главъ Корана есть откровеніе, запрещающее вино и азартныя игры, всегдашніе источники ссоръ и неповиновенія въ воинскомъ станѣ.

Въ этотъ періодъ своей жизни Магометъ не разъ спасся отъ руки убійцы. Говорятъ, что и самъ онъ не пренебрегалъ низкими средствами для избавленія отъ врага, что онъ тайно посылалъ въ Мекку Амру-Ибнъ-Омею, убить Абу-Софіана, но что этотъ умыселъ былъ открытъ, и убійца нашелъ спасеніе только въ быстромъ бѣгствѣ. Впрочемъ обвиненіе это не основано на достовѣрныхъ доказательствахъ, и не согласно ни съ характеромъ Омеи, ни съ его поступками въ другихъ случаяхъ.

Если у Магомета были непримиримые враги, то были и преданные друзья, какъ, на примѣръ, его отпущенникъ, усыновленный имъ Сеидъ-Ибнъ-Хореть. Онъ одинъ изъ первыхъ принялъ вѣру и принадлежалъ къ числу самыхъ мужественныхъ ея поборниковъ. Магометъ всегда съ нимъ совѣтывался и поручалъ ему свои домашнія дѣла. Одинъ разъ онъ вошелъ къ Сеиду въ домъ, куда всегда ходилъ также свободно, какъ отецъ ходитъ къ сыну. Сеида не было дома, а Зейнабъ, жена его, на которой онъ недавно женился, оставалась дома. Она была дочь Джасеха, изъ области Каибы и почиталась первой красавицей своего племени. Никого къ себѣ не ожидая, она сидѣла безъ покрывала, полуодѣтая; и Магометъ, войдя нечаянно, увидѣлъ ее въ полномъ блескѣ красоты. Онъ не могъ удержаться, чтобъ не выразить своего удивленія и восторга; она не отвѣчала ни слова, но потомъ обо всемъ рассказала мужу. Сеидъ зналъ, какъ сердце Магомета было доступно чувству любви и понялъ, что красота Зейнабъ плѣнила пророка. Онъ поспѣшилъ въ слѣдъ за нимъ и тотчасъ предложилъ развестись съ женою; Магометъ ему запретилъ разводъ, какъ дѣло, противное закону. Но Сеидъ былъ не преклоненъ и, хотя любилъ свою прекрасную жену, но изъ привязанности къ пророку, самъ развелся съ нею немедленно. Когда прошелъ послѣ развода законный срокъ, Магометъ принялъ эту жертву съ благодарностью. Свадьба его съ Зейнабъ превзошла великолѣпнѣемъ все его прочія свадьбы. Двери его отворены были для всѣхъ пришельцевъ; всѣхъ угощали бараниной и ягнятиной, ячменными пирогами, медомъ, плодами и всякими любимыми напѣтками; гости ѣли и пили досыта и разошлись съ ропотомъ на постыдный разводъ и нечестивый бракъ.

Изъ такихъ затруднительныхъ обстоятельствъ выручило Магомета новое откровеніе (въ 33-ей главѣ Корана), которымъ поставлено было различіе между родными по усыно-

влению и родными по крови, и объявлено, что не грѣхъ вступать въ бракъ съ женою сына по усыновленію. Это своевременное откровеніе успокоило правовѣрныхъ; но, чтобъ не оставалось и малѣйшей тѣни сомнѣнія, Магометъ уничтожилъ свое усыновленіе и велѣлъ Сеиду опять называться Ибнъ-Харетомъ, по своему родному отцу. Съ тѣхъ поръ прекрасная Зейнабъ гордилась своимъ преимуществомъ надъ прочими женами Магомета, видя въ этомъ откровеніи ясное доказательство, что бракъ ея совершенъ по велѣнію самаго неба ⁽¹⁾.

ГЛАВА XXII.

Походъ Магомета противъ племени Бени-Мосталекъ. Онъ женится на плѣнницѣ Баррѣ. Измѣна Абдаллахъ-Ибнъ-Оббы. Аеша оклеветана. Ея оправданіе. Ея невинность доказывается откровеніемъ.

Въ числѣ Арабскихъ племенъ, державшихъ воевать противъ Магомета послѣ Оходскаго пораженія, было сильное племя Бени-Мосталекъ, которое вело свое происхожденіе отъ Корейшанъ. Магометъ узналъ, что оно вооружилось и собирается, подъ предводительствомъ своего князя Аль-Харета, не въ далекъ отъ источника Мораизи, въ области Кедаидъ, миляхъ въ пяти отъ Чермнаго моря. Онъ тотчасъ же вышелъ въ поле съ отборною дружиною вѣрныхъ и съ отрядомъ Хазрадитянъ, которыхъ велъ ихъ глава Абдаллахъ-Ибнъ-Обба. Стрѣла, пущенная на удачу, убила Харета въ самомъ началѣ сраженія; войско его, послѣ слабаго отпора, обратилось въ бѣгство, и только немногіе были убиты. Двѣсти плѣнныхъ, пять тысячъ овецъ и тысяча верблюдовъ, были плодомъ этой легкой побѣды. Въ числѣ плѣн-

⁽¹⁾ Она была вторая жена Магометова по имени Зейнабъ; первая, которая за нѣсколько времени передъ тѣмъ умерла, была дочь Джузимы.

ныхъ находилась Барра, дочь Аль-Харета, жена одного молодого Араба изъ того же племени. При раздѣлѣ добычи она досталась по жеребью Табетъ-Ибнъ-Рейсу, который потребовалъ за нее огромный выкупъ. Пророкъ взглянулъ на нее очами желанія, потому что она была красавица «Я могу сдѣлать для тебя больше, чѣмъ уменьшить выкупъ, сказалъ онъ; будь мнѣ женою.» Прекрасная Барра тотчасъ же согласилась; пророкъ заплатилъ за нее выкупъ Табету; Мусульмане отпустили на волю всѣхъ ея родственниковъ, которые достались имъ по жеребью; большая часть изъ нихъ обратилась къ Исламу, и Барра, по возвращеніи въ Медину, стала женою Магометовой.

Послѣ сраженія войско столпилось около источника Моранзи, чтобъ утолить свою жажду. Изъ тѣсноты возникла ссора между Мохаджеринами, или Меккскими изгнанниками и Хазрадитянами, и одинъ изъ Мохаджериновъ нанесъ ударъ Хазрадитянину. Его товарищи бросились мстить за обиду, и если бы Магометъ не вступился, то дошло бы до крови. Однакоже Хазрадитяне все еще были раздражены, и многіе Мединцы пристали къ нимъ. Абдаллахъ-Ибнъ-Обба радовался всякому случаю, неблагопріятному для возникающаго могущества Магометова; онъ отвелъ въ сторону своихъ родственниковъ и согражданъ. «Вотъ какъ васъ обижаютъ, сказалъ онъ, за то, что вы къ себѣ приняли этихъ бѣглецовъ-Корейшанъ. Вы ихъ приняли въ дома и подѣлились съ ними своимъ добромъ, а они теперь пошли противъ васъ и васъ оскорбляютъ. Они хотятъ у васъ же въ домахъ быть вашими господами; да, свидѣтель Аллахъ! когда мы возвратимся въ Медину, посмотримъ, кто одолѣеть!»

Возмутительная рѣчь тайно была пересказана Магомету. Омаръ совѣтывалъ тотчасъ же избавиться отъ Абдаллаха, но Магометъ боялся возбудить мщеніе родственниковъ и приверженцевъ сильнаго Хазрадитянина. Чтобы не дать времени образоваться возстанію, онъ тотчасъ же, не смотря на

знойный день, выступилъ въ обратный походъ, шель всю ночь и остановился не прежде полудня, когда истомленное войско уже только и думало, что объ отдыхѣ.

Когда пришли въ Медину, онъ позвалъ Абдалаха къ отвѣту за его возмутительныя слова. Абдаллахъ просто отперся и объявилъ своего обвинителя лгуномъ. Но небесное откровеніе подтвердило то, въ чемъ обвиняли его и его приверженцевъ. «Это тѣ люди, гласить Коранъ, чтó говорятъ жителямъ Медины: ничего не давайте изгнанникамъ, сопутствующимъ посланнику Божьему, чтобы ихъ принудить къ отступленію отъ него. Воистинну, говорятъ они, когда возвратимся въ Медину, большій выгонитъ меньшаго. Божіе проклятiе надъ ними! Какъ они далеко отступили отъ истины!»

Нѣкоторые друзья Абдаллаховы, убѣжденные этимъ откровеніемъ, совѣтывали ему просить у пророка прощенья, но онъ не принялъ совѣта. «Вы ужъ и такъ меня уговорили, сказалъ онъ, быть этому человѣку помощникомъ и другомъ; а теперь хотите, чтобы я совѣмъ былъ у него подъ ногами.»

Ничто не могло его убѣдить, что Магометъ не идолопоклонникъ въ душѣ, и что его откровенія не обманъ и не выдумка. Онъ почиталъ его за врага опаснаго и всячески старался досаждать и вредить ему. Этой непримиримой враждѣ приписываютъ соблазнительную исторію, когорую онъ распространилъ объ Аешѣ, любимой женѣ Магометовой.

У Магомета былъ обычай брать съ собою въ походъ одну изъ женъ, какъ подругу и утѣшительницу въ скукѣ. жена выбиралась по жеребью, а при послѣднемъ походѣ жеребій палъ на Аешу. Она ѣхала въ паланкинѣ, закрытомъ занавѣсами, на верблюдѣ, котораго велъ одинъ изъ прислужниковъ. На возвратномъ пути, когда войско остановилось отдыхать, прислужники Аешины вдругъ съ изумле-

нѣмъ увидѣли, что паланкинъ пустъ. Прежде чѣмъ они опомнились отъ удивленія, Аеша прїѣхала на верблюдѣ, котораго велъ молодой Арабъ, по имени Сафванъ-Ибнъ-аль-Моаттель. Абдаллахъ, по возвращеніи къ Медину, сталъ разглашать повсюду объ этомъ происшествіи, обвиняя Аешу въ преступленіи съ молодымъ Сафваномъ.

Хамна, сестра прекрасной Зейнабъ, новой жены Магометовой, очень обрадовалась этой исторіи и ревностно ее распространяла, надѣясь услужить сестрѣ паденіемъ ея ненавистой соперницы, Аеши. Эту же сплетню повторялъ Мистахъ, родственникъ Абу-Бекровъ, и воспѣвалъ сатирическими стихами одинъ поэтъ, по имени Хасанъ.

Прошло нѣсколько времени, прежде чѣмъ Аеша узнала, какіе слухи о ней распространились. Возвратившись въ Медину, она по нездоровью не выходила изъ дому, и никто не смѣлъ ей сказать, въ чемъ ее обвиняли. Она однакожь замѣтила, что пророкъ сталъ мраченъ и молчаливъ и не такъ ласковъ съ нею, какъ прежде. Когда она выздоровѣла, то съ ужасомъ узнала, въ какомъ преступленіи ее обвиняютъ и стала доказывать свою невинность, Вотъ какъ она сама рассказывала объ этомъ происшествіи:

Войско, на обратномъ походѣ, расположилось станомъ нѣвъдалекѣ отъ Медины, когда ночью былъ отданъ приказъ итти далѣе. Прислужники, какъ водится, привели верблюда къ палаткѣ Аешиной, поставили паланкинъ на землю и отошли, чтобы дать ей время сѣсть въ него. Только что она хотѣла садиться, какъ хватилась своего ожерелья и пошла за нимъ назадъ въ палатку. А между тѣмъ прислужники подняли паланкинъ на верблюда и привязали его, не замѣчая въ немъ пустоты, потому что Аеша была тонка и легка. Когда она возвратилась съ ожерельемъ, верблюда уже не было, и войско уже выступило въ походъ. Тогда она завернулась въ свой плащъ и сѣла, въ той надеждѣ, чт

кого нибудь пришлютъ за нею, какъ скоро замѣтятъ ея отсутствіе.

Пока она сидѣла, подъѣхалъ Сафванъ Ибнъ-аль-Моаттель, молодой Арабъ, находившійся въ сторожевомъ полку; онъ узналъ ее и обратился къ ней съ обыкновеннымъ Мусульманскимъ привѣтствіемъ: «Всѣ мы Божьи и возвратимся къ Богу! Жена пророка! за чѣмъ ты здѣсь осталась?»

Аеша не отвѣчала ни слова, только крѣпче задернула покрывало на своемъ лицѣ. Тогда Сафванъ сошелъ съ верблюда, помогъ ей сѣсть на него и велъ его за поводъ, поспѣшая за войскомъ. Однакожъ солнце уже взошло, прежде чѣмъ онъ успѣлъ догнать войско подъ самыми стѣнами Медины.

Эти подробности, рассказанныя Аешей и подтвержденные Сафваномъ, удовлетворили ея родныхъ и друзей; но Абдаллахъ и его приверженцы — «лицемѣры» смѣялись надъ ними. По этому случаю, возникло два мнѣнія, и завязалась ожесточенная вражда. А сама Аеша заперлась у себя въ комнатѣ, не пила, не ѣла, день и ночь горько плакала.

Магометъ въ тяжкомъ смущеніи просилъ у Али совѣта, какъ ему поступить. Но Али смотрѣлъ на это дѣло легко и сказалъ, что на долю человека нерѣдко выпадаетъ такое горе. Пророка это замѣчаніе не утѣшило. Цѣлый мѣсяцъ онъ не хотѣлъ видѣть Аеши: сердце его по ней тосковало, не только за ея красоту, но и потому, что онъ любилъ съ ней дѣлиться мыслями. Въ порывѣ горя съ нимъ сдѣлался одинъ изъ тѣхъ припадковъ, которые невѣрующіе приписываютъ падучей болѣзни; ему было утѣшительное откровеніе, которое и описано въ одной изъ главъ Корана:

«Кто честную женщину обвинить въ прелюбодѣяніи, и не подтвердить обвиненія четырьмя свидѣтелями, тому дать 80 ударовъ, а его обвиненіе отвергнуть. А развѣ Аешины

обвинители представили четырехъ свидѣтелей? Если не представили, то они лгуны передъ лицомъ Божиимъ. Пусть же они за грѣхъ свой примуть и наказаніе.»

Какъ скоро невинность прекрасной Аеши была дознана, Магометъ опять принялъ ее въ свои объятія, и съ удвоенной нѣжностью. Онъ не медлилъ и съ предписаннымъ наказаніемъ. Правда, что Абдаллахъ-Ибнъ-аль-Обба, какъ лице слишкомъ сильное, не могъ быть подвергнутъ ударамъ, но тѣмъ тяжелѣ обрушилось наказаніе на его сообщниковъ. Поэтъ Хасанъ былъ на нѣсколько времени выгченъ отъ своей склонности писать сатирическіе стихи; даже и Хамна, хотя и женщина, и при томъ одаренная необыкновенною красотою, не избѣгла ударовъ. Магометъ сказалъ, что, при такой красотѣ, ей слѣдовало быть добрѣе.

Мнимое откровеніе тотчасъ же убѣдило благочестиваго Али въ Аешиной невинности, но она никогда ему не забыла и не простила его сомнѣній, и ненависть, зародившаяся въ ея сердцѣ, принесла ему послѣ много вреда, въ самыхъ важныхъ случаяхъ его жизни.

ГЛАВА XXIII.

Сраженіе у рва. Храбрость Саадъ-Ибнъ-Моада. Побѣда надъ Корейшанами. Взятіе Еврейскаго замка Кораиды. Саадъ рѣшаетъ наказаніе Евреевъ. Магометъ женится на Реханѣ, Еврейской плѣнницѣ. Его жизнь въ опасности отъ волшебства, но его спасаетъ новое, мнимое откровеніе.

Въ продолженіи годоваго перемирія, которое послѣдовало за Оходскимъ сраженіемъ, Абу-Софіанъ, неутомимый глава Корейшанъ, заключилъ союзъ съ Арабами изъ племени Га-тафанъ и съ другими степными племенами, также съ Евреями изъ племени Надхеръ, которыхъ Магометъ выгналъ изъ ихъ земли. Какъ скоро кончилось перемиріе, Абу-Софіанъ, вмѣстѣ съ этими союзниками, снова сталъ готовиться

къ походу на Медину, и силы ихъ въ сложности простирались до десяти тысячъ человекъ.

Магометъ скоро узналъ о замышленномъ нападеніи, но послѣ бывшей неудачи подъ Оходомъ, онъ остерегался выйти въ поле противъ такой силы; кромѣ того онъ боялся, нѣтъ ли у враговъ тайныхъ приверженцевъ въ Мединѣ, гдѣ онъ не довѣрялъ Евреямъ и «лицемѣрамъ,» многочисленнымъ и сильнымъ приверженцамъ Абдаллаха.

Употреблены были большія усилія на укрѣпленіе города Персіанинъ Салманъ, принявшій вѣру, совѣтывалъ вырыть глубокій ровъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ стѣны, съ той стороны, откуда долженъ былъ подходить непріятель. Этотъ способъ защиты, до того времени еще неизвѣстный въ Аравіи, былъ съ радостью одобренъ Магометомъ, который приставилъ множество работниковъ рыть этотъ ровъ, и даже самъ лично участвовалъ въ этой работѣ. Разсказываютъ, будто однажды онъ накормилъ множество народа изъ одной корзины финиковъ, и корзина осталась полна, когда все наѣлись. Въ другой разъ, онъ угостилъ тысячу человекъ однимъ ягненкомъ и однимъ ячменнымъ хлѣбомъ, и при томъ еще довольно осталось на вѣсѣхъ его товарищей, рывшихъ ровъ. Не лзя также не вспомнить и объ его чудесныхъ ударахъ желѣзнымъ молотомъ по скалѣ: искры отъ этихъ ударовъ съ одной стороны освѣтили весь Емень, или Счастливую Аравію, съ другой озарили императорскій дворецъ въ Царьградѣ, а съ третьей—башни царской столицы въ Персіи. Все это были знаменія и предвѣщанія будущихъ завоеваній Ислама.

Только что ровъ былъ выкопанъ, непріятель появился въ огромномъ числѣ на сосѣднихъ холмахъ. Магометъ оставилъ въ городѣ надежнаго человека, Ибнъ-Оммъ-Мактума, чтобы оберегать его и внимательно слѣдить за недовольными, а самъ выступилъ съ тремя тысячами войска, которое онъ

поставилъ въ боевой порядокъ, лицомъ ко рву. Абу-Софианъ съ бодрымъ духомъ велъ соединенныя силы Корейшанъ и Гатафанитянъ; но былъ неожиданно остановленъ рвомъ и сильнымъ огнемъ, который Мусульмане за нимъ разложили. Тогда непріятель остановился и разбилъ свой станъ: Корейшане въ нижней части долины, а Гатафанитяне въ верхней; оба войска нѣсколько дней оставались по обѣ стороны рва, издалека бросая камни и пуская стрѣлы.

А между тѣмъ лазутчики увѣдомили Магомета, что одно Еврейское племя, Бени-Кораида, которое владѣло крѣпкимъ замкомъ не вдалекѣ отъ города и заключило съ нимъ мирный договоръ, вступило въ тайный союзъ съ непріятелемъ. Магометъ увидѣлъ, что съ такими незначительными силами трудно защищать ровъ по всему его протяженію, оберегаться отъ вѣроломнаго нападенія Кораидитянъ, и поддерживать спокойствіе въ городѣ, гдѣ у Евреевъ должны быть тайные союзники. Онъ созвалъ военный совѣтъ и предложилъ своимъ старѣйшинамъ склонить Гатафанитянъ къ отдѣльному миру, и за это предложить имъ третью долю всего сбора Мединскихъ финиковъ. Тогда Саадъ-Ибнъ-Моадъ, мужественный вождь Мединскихъ Авситянъ, спросилъ:

«Это ты предлагаешь по волѣ Аллаха, или по своей собственной мысли?»—«Если бъ это было Аллахово повелѣніе, отвѣчалъ Магометъ, то я и не спрашивалъ бы у васъ совѣта; вижу, что насъ окружили со всѣхъ сторонъ и думаю, какъ бы разрушить этотъ союзъ.»—«О пророкъ Божій! отвѣчалъ Саадъ, когда мы были еще такими же идолопоклонниками, какъ эти Гатафанитяне, они должны были платить намъ за каждый финикъ; какъ же теперь, когда мы исповѣдуемъ истинную вѣру, и когда ты самъ ведешь насъ, мы отдадимъ имъ даромъ наши финики? Нѣтъ! Аллахъ намъ свидѣтель! если они хотятъ нашихъ финиковъ, то пусть возьмутъ ихъ съ бою!»

Вскорѣ Сааду представился случай доказать свое мужество. Летучій отрядъ Корейшанскихъ всадниковъ, и въ числѣ ихъ Акрема, сынъ Абу-Джахлевъ, и Амру, дядя первой жены Магометовой, Кадиджи, высмотрѣли одно мѣсто, гдѣ ровъ былъ узокъ и, ударивши по лошадямъ, перескочили черезъ него, вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами. Тогда они вызвали храбрѣйшихъ изъ Мусульманъ на поединокъ. Саадъ-Ибнъ-Моадъ, Али и нѣкоторые изъ ихъ товарищей приняли вызовъ. Али схватился съ Амру; они бились и на коняхъ, и пѣшие, пока оба, обхвативши другъ друга, не повалились на землю. Али наконецъ одолѣлъ и убилъ противника. Всѣ бились упорно; многіе были убиты съ обѣихъ сторонъ, а Саадъ-Ибнъ-Моадъ получилъ тяжелую рану. Наконецъ Корейшане отступили и погнали своихъ коней назадъ, черезъ ровъ; у одного изъ нихъ, Навфаль-Ибнъ-Абдаллаха, конь не допрыгнулъ; и тутъ на него полетѣли въ ровъ множество камней, а онъ вызвалъ Мусульманъ биться на благородномъ оружіи. Тотчасъ Али спрыгнулъ въ ровъ, и скоро Навфаль палъ отъ меча его. Тогда Али опять возвратился къ товарищамъ, преслѣдовалъ отступающаго непріятеля и ранилъ Акрему сулицею. Эта стычка почтена была именемъ: «Битвы у рва».

Магометъ все еще не отваживался на рѣшительной бой, и послалъ Руейма, тайно обращеннаго Араба изъ племени Гатафанъ, чтобъ осмотрѣть станъ союзниковъ и хитростью посѣять раздоръ между ними. Сначала Руеймъ отправился къ Кораидитянамъ, съ которыми онъ былъ въ давнихъ дружескихъ связяхъ. «Какое это безуміе, сказалъ онъ, что вы позволяете Меккскимъ Корейшанамъ впутывать васъ въ свои ссоры. Подумайте, что вы совсѣмъ не въ такомъ положеніи, какъ они. Если они будутъ разбиты, то стоить имъ только возвратиться въ Мекку, и тамъ они безопасны. Степные союзники ихъ тоже уйдутъ въ свои далекія земли; а вамъ придется однимъ испытать разъяренное мщеніе Ма-

гомета и народа Мединскаго. А потому, прежде чѣмъ вы рѣшитесь стать съ ними за одно, пусть они васъ обезпечать и дадутъ заложниковъ, чтобъ не отступать, пока сила Магометова не будетъ сломлена.»

Потомъ онъ пошелъ къ Корейшанамъ и къ племени Гатафанъ и сталъ ихъ предостерегать, чтобъ они не вѣрили Евреямъ-Кораидитянамъ, потому что они хотятъ взять заложниковъ, чтобъ выдать ихъ Магомету.

Недовѣріе, коварно посянное между союзниками, принесло плоды свои. Въ пятницу вечеромъ, Абу-Софіанъ послалъ сказать Кораидитянамъ, чтобъ они готовы были на слѣдующее утро къ рѣшительному приступу. Евреи отвѣчали, что у нихъ въ этотъ день празднуется суббота, и что имъ не лзя будетъ принять участіе въ битвѣ; въ то же время они объявили, что будутъ уклоняться отъ всякаго поступка, враждебнаго Магомету, пока союзники не обезпечатъ ихъ заложниками въ удостовѣреніе, что до конца отъ нихъ не отстанутъ.

Тогда Корейшане и Гатафанитяне убѣдились въ измѣнѣ Кораидитянъ и не рѣшились на предположенный приступъ, изъ опасенія, чтобы Кораидитяне не напали на нихъ съ тылу. Пока весь станъ ихъ оставался въ бездѣйствіи, случилась сильная, холодная буря, съ проливнымъ дождемъ и страшнымъ степнымъ вихремъ. Палатки ихъ были сорваны, и сторожевые огни потушены; среди всеобщей тревоги распространился слухъ, что Магометъ поднялъ эту бурю волшебствомъ и самъ идетъ на нихъ съ своимъ войскомъ. Тогда все пришли въ ужасъ и смятеніе. Абу-Софіанъ, видя въ отчаяніи, что все усилія къ возстановленію порядка напрасны, сѣлъ на своего верблюда и велѣлъ отступать. Союзники обратились въ бѣгство въ ужасѣ и тревогѣ: Корейшане въ Мекку, а прочіе въ свои родныя степи.

Абу-Софіанъ, въ бѣшенствѣ и досадѣ, написалъ письмо къ Магомету; онъ упрекалъ его въ трусости, говоря, что

онъ спрятался за ровомъ, о чемъ Арабы и не слыхивали въ прежнихъ войнахъ; и грозился отмстить, когда они встрѣтятся въ открытомъ сраженіи, какъ на Оходскомъ полѣ. Магометъ отвѣчалъ ему тоже вызовомъ и предсказывалъ, что уже близокъ тотъ день, когда онъ разобьетъ въ дребезги всѣхъ Корейшанскихъ идоловъ.

По отступленіи непріятеля, Магометъ пошелъ противъ племени Бени-Кораида, чтобы отмстить имъ; Кораидитяне заперлись въ своемъ замкѣ и долго выдерживали осаду; наконецъ изнуренные голодомъ, они стали просить посредничества у Авситянъ, своихъ старинныхъ друзей и покровителей. Авситяне умоляли пророка, чтобъ онъ заключилъ съ этими Евреями тѣ же условія, на которыхъ прежде онъ даровалъ миръ племени Бени-Кайнока, по прозвѣбъ Хазрадитянина Абдаллаха. Магометъ подумалъ немного и предложилъ предоставить ихъ судьбу на рѣшеніе Саада-Ибнъ-Моада, главы Авситянъ. Кораидитяне согласились охотно, зная, что прежде онъ былъ ихъ другомъ; въ числѣ семи сотъ человѣкъ они сдались, и были въ цѣпяхъ отведены къ Магомету. Саадъ, на ихъ бѣду, почиталъ ихъ предательскій союзъ съ непріятелемъ за единственную причину недавней войны. Онъ еще страдалъ отъ раны, которую получилъ въ битвѣ у рва, и не разъ, въ минуты боли и гнѣва, молилъ Бога продлить его жизнь для отмщенія Кораидитянамъ: въ такомъ расположеніи духа находился онъ, когда его пригласили рѣшить ихъ участь.

Такъ какъ онъ былъ человѣкъ тучный и полнокровный, то его съ трудомъ посадили на осла, на спину котораго положили кожаную подушку, и пока онъ ѣхалъ до судилища, его поддерживали съ боковъ.

Еще не занимая судейскаго мѣста, онъ потребовалъ клятвы отъ всѣхъ присутствующихъ, что его приговоръ будетъ исполненъ. Евреи охотно дали клятву, ожидая благопріятнаго приговора. Но только что его взвели на судей-

ское мѣсто, онъ протянулъ руку и приговорилъ мужчинъ къ смерти, женщинъ и дѣтей къ рабству, а все ихъ имущество къ раздѣлу между побѣдителями.

Бѣдные Евреи остолбѣли; но оспоривать приговора не могли. Ихъ повели на народную площадь, которая послѣ была названа Площадью Кораидитянъ, и вырыли тамъ огромныя могилы. Въ эти могилы ихъ заставляли сходить по одиночкѣ, не исключая и князя ихъ, Хояя-Ибнъ-Ахтаба, и одного за другимъ предавали смерти. Молитва Саадъ-Ибнъ-Моада о мщеніи надъ Кораидитянами исполнилась. Онъ видѣлъ казнь тѣхъ людей, которымъ сказалъ приговоръ; но онъ до того взволновался, что раны его опять открылись, и скоро послѣ того онъ умеръ. Въ замкѣ у Кораидитянъ нашли множество копій, сулицъ, доспѣховъ и всякаго оружія; а ихъ поля были покрыты стадами овецъ, гуртами рога-таго скота и верблюдовъ. При раздѣлѣ добычи на каждаго пѣшаго воина дано было по одному жеребью, а на каждаго коннаго по три, по два на коня и по одному на всадника. Пятая часть всей добычи выдѣлена пророку.

Дороже всего, что досталось на часть Магометову, была для него Рихана, дочь Симеона, богатаго и могущественнаго Еврея, первая красавица изъ всего племени. Онъ ее взялъ себѣ, обратилъ къ Исламу и принялъ въ число своихъ женъ. Хотя Магометъ и былъ чувствителенъ къ прелестямъ женъ Израильскихъ, но ненависть и злоба противъ ихъ мужей въ немъ возрастали: онъ ужъ не вѣрилъ ихъ договорамъ, и подозрѣвалъ ихъ въ самыхъ предательскихъ замыслахъ на его жизнь. Мусульманскіе историки приписываютъ колдовству Еврейскихъ волшебниковъ долгую, изнурительную болѣзнь, отъ которой Магометъ страдалъ около того времени, и которая, казалось, не уступала никакимъ лѣкарствамъ. Они даже описываютъ и волшебство, которое было ея причиной. Въ волшебствѣ этомъ они обвиняютъ одного Еврейскаго кудесника, жителя горъ, и до-

черей его, искусныхъ въ дѣвольской наукѣ. Они слѣпили изъ воску маленькое изображеніе Магомета, обвили эту куклу его волосами и прокололи насквозь одинадцать иглами; потомъ завязали одинадцать узловъ на лучной тетивѣ, и на каждый изъ нихъ подули; наконецъ, обвивши тетиву около куклы, бросили все вмѣстѣ въ колодезь.

Магометъ чахъ подѣ влияніемъ этого могучаго заклинанія, пока его покровитель, Гавріиль архангелъ, не открылъ ему тайны въ сновидѣніи. Проснувшись, онъ послалъ Али къ колодезю, гдѣ и найдена была эта кукла. Когда ее принесли къ Магомету,—продолжаетъ легенда,—онъ прочелъ надъ нею двѣ послѣднія главы изъ Корана, которыя были ему сообщены въ недавнемъ видѣніи. Онѣ состоятъ изъ одинадцати слѣдующихъ стиховъ:

«Во имя всемогущаго Бога! прибѣгну подѣ кровь Господа, свѣта дневнаго.

«Чтобъ избавилъ меня отъ злобы существъ и вещей, Имъ созданныхъ.

«Отъ злобы мрачной ночи и мѣсяца въ затмѣніи.

«Отъ злобы кудесниковъ, что вяжутъ узлы и дуютъ на нихъ своимъ дыханіемъ.

«Отъ злобы завистниковъ, что куютъ смертоносные замыслы.

«Прибѣгну подѣ кровь Аллаха, Господа надъ людьми.

«Аллаха, царя надъ людьми.

«Аллаха, Бога людей.

«Чтобъ онъ избавилъ меня отъ злаго духа, который бѣжитъ отъ поминовенія Его святаго имени.

«Который вселяетъ злые помыслы въ сердца дѣтей человѣческихъ.

«И отъ злыхъ духовъ, и отъ людей, преданныхъ кудесничеству.»

При повтореніи каждаго изъ сихъ стиховъ, говоритъ легенда, одинъ изъ узловъ тетивы развязывался,

одна игла выпадала изъ куклы, и сила Магометова возростала. Послѣ одиннадцатаго стиха онъ всталъ, обновленный въ здоровьѣ и силѣ, какъ человѣкъ, выпущенный на свободу, который прежде былъ связанъ.

Последнія двѣ главы Корана, которыя заключаютъ въ себѣ эти стихи, называются амулетами, и суевѣрные Мусульмане почитаютъ ихъ дѣйствительными талисманами противъ колдовства и волшебной силы.

За поступки, о которыхъ разсказано у насъ выше, многіе обвиняютъ Магомета въ слабости, нерѣшительности и недостаткѣ быстроты дѣйствія, приличной полководцу; въ его распоряженіяхъ видятъ отсутствіе истиннаго величія духа и въ доказательство приводятъ многіе примѣры: когда ему угрожали внѣшніе враги, внутренняя измѣна, онъ готовъ былъ склонить подкупомъ часть союзныхъ враговъ къ отдѣльному миру; послѣ этого послушался угрозъ Саада-Ибнъ-Моада и прекратилъ свою коварную политику, а потомъ опять, еще хитрѣе и коварнѣе, сталъ сѣять раздоръ между непріятелями. Особенно поступки его съ Евреями заслуживаютъ строгаго осужденія. Передать участь племени Бени-Кораиды, когда оно просило пощады, на рѣшеніе человѣку, въ мысляхъ котораго онъ не сомнѣвался, было жестокой насмѣшкой, а убійство этихъ несчастныхъ на Мединской площади—одна изъ самыхъ черныхъ страницъ въ Исторіи. И въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ въ рукахъ его была власть, его отношенія къ Еврейскому племени противорѣчили общему настроенію его духа, которое склонно было къ прощенію обидъ и къ человѣколюбію. Можетъ быть, онъ особенно былъ раздраженъ противъ Евреевъ, испытавшихъ ихъ предательство и непримиримую ненависть; но и тутъ, также какъ и въ другихъ его поступкахъ въ эту пору его жизни, мы видимъ примѣры того, какъ примѣсь земныхъ страстей—съ тѣхъ поръ какъ онъ сдѣлался апостоломъ меча—унизилъ духъ его.

ГЛАВА XXIV.

Магометъ идетъ на богомолье въ Мекку. Избѣгаетъ Халеда съ отрядомъ конницы, который посланъ былъ противъ него. Разбиваетъ свой станъ подъ Меккою. Ведетъ переговоры съ Корейшанами о позволеніи войти и совершить свое поклоненіе. Договоръ на десять лѣтъ, по которому ему дозволено ежегодно приходить на богомолье въ Мекку, на три дни. Онъ возвращается въ Медину.

Шесть уже лѣтъ прошло со времени бѣгства Магомета изъ Мекки. А такъ какъ Мекка была для Арабовъ священнымъ городомъ и главнымъ предметомъ ихъ богомольныхъ странствованій, то его долгое изгнаніе отсюда, и явная война съ Корейшанами, хранителями Каабы, вредили ему во мнѣніи многихъ племенъ и затрудняли распространеніе его вѣры. Даже приверженцы, которые послѣдовали за нимъ въ бѣгство, тосковали по родинѣ, и, можетъ быть, самая вѣра ихъ могла поколебаться отъ долгаго изгнанія.

Магометъ все сильнѣе и живѣе чувствовалъ необходимость соединить священный городъ съ своей вѣрой, и поддержать древніе обычаи своего племени. Кромѣ того, онъ всегда объявлялъ, что онъ только преобразователь и хочетъ возстановить простоту и неиспорченность патриаршеской вѣры. Наступалъ мѣсяцъ Дуль-Каада, мѣсяцъ набожныхъ странствованій, когда всякія войны прекращались, и враги могли мирно встрѣчаться внутри священныхъ предѣловъ. Своевременное видѣніе убѣдило Магомета, что и онъ, и приверженцы его, безопасно могутъ довѣриться покровительству священнаго обычая и снова посѣтить древнюю святыню Арабскаго поклоненія. Это откровеніе было съ радостью принято его послѣдователями, и въ священный мѣсяцъ, онъ выступилъ изъ Медины на богомолье, во главѣ тысячи че-

тырехъ сотъ человекъ, частью Мохаджериновъ, или изгнанниковъ, частью Ансаріанъ, или союзниковъ. Онъ взялъ съ собою семьдесятъ верблюдовъ, чтобы заколоть ихъ на жертву въ Каабъ. А дабы всѣмъ было извѣстно, что они идутъ съ миромъ, а не съ войной, они остановились въ Дсу-Хулейфъ, селеніи на день пути отъ Медины; тамъ они сложили съ себя все оружіе кромѣ мечей, вложенныхъ въ ножны, и потомъ пошли дальше въ одеждѣ богомольцевъ.

Между тѣмъ смутные слухи объ ихъ походѣ дошли до Мекки. Корейшане, боясь нападенія, выслали Халеда-Ибнъ-Веледа съ сильнымъ отрядомъ конницы, чтобы занять долину около двухъ дней пути отъ Мекки, и остановить Мусульманъ.

Магометъ, узнавши, что большая дорога ему отрѣзана, пошелъ по другой дорогѣ, трудной и утомительной, черезъ горныя тѣснины, обошелъ Халеда съ его отрядомъ, спустился на равнину подъ Меккою и разбилъ свой станъ въ Ходейбъ, внутри священныхъ предѣловъ. Оттуда онъ послалъ объявить Корейшанамъ о своихъ мирныхъ намѣреніяхъ и требовать неприкосновенности и правъ, принадлежащихъ богомольцамъ.

Послы отъ Корейшанъ пришли осмотрѣть его станъ. Ихъ удивило, съ какимъ почтеніемъ обходятся съ Магометомъ его послѣдователи. Вода, которою онъ совершалъ свои омовенія, становилась для нихъ священна; волосъ съ его головы, или обрѣзокъ съ ногтя, они хранили какъ драгоценность. Одинъ изъ пословъ, нечаянно въ разговорѣ, дотронулся до длинной бороды пророка. тотчасъ ученики его оттолкнули и стали упрекать въ нечестіи такого поступка. Когда онъ возвратился, то рассказалъ обо всемъ Корейшанамъ. «Я видѣлъ, сказалъ онъ, царя Персидскаго и Царградскаго императора во всемъ ихъ величій; но никогда не видалъ, чтобы такъ уважали подданные своего государя, какъ Магомета его послѣдователи».

Тѣмъ непріятнѣе было для Корейшанъ допустить въ свой городъ этого противника ихъ вѣры, имѣвшаго столь сильное вліяніе на умы и сердца людей. Магометъ уже нѣсколько разъ отправлялъ пословъ договариваться о безопасномъ доступѣ къ священному храму, но все напрасно. Последнимъ посломъ былъ его зять, Отманъ-Ибнъ-Аффанъ. Прошло нѣсколько дней, а онъ не возвращался, и разнесся слухъ, что его убили. Магометъ рѣшился отомстить за него. Стоя подъ деревомъ, онъ созвалъ всѣхъ своихъ спутниковъ и взялъ съ нихъ клятву защищать его до самой смерти и ни за что не отступать отъ знамени вѣры. Это происшествіе извѣстно между Мусульманами подъ именемъ «Добровольнаго посвященія.»

Возвращеніе Отмана въ лагерь возстановило спокойствіе. Его провожалъ Солхаиль, посоль отъ Корейшанъ, снабженный полномочіемъ заключить мирный договоръ. Они поняли, какъ не благоразумно воевать съ человѣкомъ, котораго могущество постоянно возрастало, и которому повиновались съ такою фанатической преданностью. Предложенъ былъ мирный договоръ на десять лѣтъ; въ продолженіе этого времени Магометъ и его приверженцы могли имѣть свободный доступъ въ Мекку, какъ богомольцы, оставаться тамъ три дня, всѣ въ одно время, и совершать свои молитвенные обряды. Эти условія были охотно приняты, и Али было поручено написать договоръ. Магометъ диктовалъ его. «Пиши, сказалъ онъ: таковы условія мира, заключеннаго Магометомъ, апостоломъ Божьимъ.»—«Стой! закричалъ посоль Солхаиль, если бъ я вѣрилъ, что ты апостоль Божій, то не поднималъ бы противъ тебя оружія; а потому пиши просто имя и отчество.» Магометъ согласился охотно, потому что на это время онъ не довольно былъ силенъ, чтобы спорить о формахъ, и потому онъ просто назвалъ себя въ договорѣ: Магометъ-Ибнъ-Абдаллахъ (Магометъ, сынъ Абдаллаховъ), хотя эта уступка была нѣсколько не пріятна его привер-

женцамъ. Еще неприятнѣе было для нихъ повелѣніе обрѣчь головы и тутъ же заколоть верблюдовъ, приведенныхъ для принесенія жертвы въ Каабѣ: изъ этого было видно, что онъ не хотѣлъ вступать въ Мекку, потому что эти обряды обыкновенно совершались богомольцами въ заключеніе всѣхъ прочихъ обрядовъ. Они ему напомнили объ его видѣніи, которое обѣщало безопасное вступленіе въ священный городъ; но онъ отвѣчалъ, что договоръ, имъ заключенный, служить залогомъ того, что видѣніе исполнится, и что это исполненіе безъ сомнѣнія совершится въ слѣдующемъ году. Этимъ объясненіемъ они должны были довольствоваться. Обрядъ совершили; принесли предписанныя жертвы, а потомъ станъ былъ снятъ, и богомольцы, нѣсколько недовольные и печальные, возвратились въ Медину.

ГЛАВА XXV.

Походъ противъ города Хайбара; осада. Подвиги Магометовыхъ полководцевъ. Поединокъ Али съ Мархабомъ. Приступъ къ крепости. Али несетъ ворота вмѣсто щита. Крепость взята. Магометъ отравленъ. Онъ женится на плѣнницѣ Сафии и на вдовѣ Омъмъ-Хабибѣ.

Чтобы утѣшить своихъ приверженцевъ въ неудачѣ, которую набожность ихъ испытала въ Меккѣ, Магометъ предпринялъ новый походъ; онъ рассчитывалъ на любовь ихъ къ грабежу, которая, уже почти наравнѣ съ изувѣрствомъ, начинала привязывать ихъ къ его знамени.

Почти въ пяти дняхъ пути на сѣверо-востокъ отъ Медины находились городъ и область Хайбаръ. Тамъ жили Евреи, разбогатѣвшіе торговлей и земледѣліемъ. Роскошныя владѣнія ихъ были частію засѣяны хлѣбомъ и засажены

пальмовыми деревьями, частью обращены въ пастбища, покрыты стадами скота и защищены многими замками. Городъ Хайбаръ былъ такъ древень, что по словамъ Абуль-Феды, Арабскаго историка, еще Моисей, перейдя черезъ Черное море, посылалъ войско противъ Амалекитянъ, которые жили въ Готребъ (Мединъ) и въ крѣпкомъ городѣ Хайбарѣ.

Область Хайбарская стала убѣжищемъ для всѣхъ враждебныхъ Евреевъ, которыхъ Магометъ выгналъ изъ Медины и изъ ея окрестностей, и для всѣхъ тѣхъ, кто навлекъ на себя его мщеніе. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ съ процвѣтаніемъ и богатствомъ города, указывали на него, какъ на самый годный предметъ войны, которую Магометъ объявилъ всѣмъ врагамъ новой вѣры.

Въ началѣ седьмага года Геджиры онъ выступилъ въ походъ противъ Хайбара, во главѣ 12-ти тысячъ пѣшихъ воиновъ и 2 сотъ всадниковъ, вмѣстѣ съ Абу-Бекромъ, Али, Омаромъ, и другими своими главными полководцами. У него было два знамени: на одномъ изображено было солнце, а на другомъ черный орелъ. Последнее прославилось потомъ, какъ знамя Халедово.

Вступивъ въ область Хайбарскую, Магометъ началъ войну осадою небольшихъ замковъ, которыми она была устьяна. Нѣкоторые изъ нихъ сдались безъ сопротивленія, и признаны были за Божій даръ; вся добыча отдавалась про року, чтобъ онъ распорядился ею, какъ было выше сказано. Другіе замки, у которыхъ стѣны были крѣиче, а защитники мужественнѣе, надлежало брать приступомъ.

Взявши эти меньшія крѣпости, Магометъ пошелъ на городъ Хайбаръ. Онъ былъ прикрытъ внѣшними укрѣпленіями, и его дѣтинецъ, Аль-Камусъ, построенный на крутой скалѣ, почитался неприступнымъ; такъ что Кенана-Ибнъ-аль-Раби, глава или предводитель племени, сложилъ туда всѣ свои сокровища.

Осада Хайбара была важнѣе всего, что до сихъ поръ было предпринимаемо Мусульманами. Когда Магометъ въ первый разъ увидѣлъ его крѣпкія, грозныя стѣны и его дѣтинецъ на отвѣсной скалѣ, онъ, говорятъ, сложилъ слѣдующую молитву:

«О Аллахъ, владыка семи небесъ и всего, надъ чѣмъ они распростерты! владыка семи земель и всего, что они содержатъ въ себѣ! владыка злыхъ духовъ и всѣхъ, кого они совлекаютъ съ пути! владыка вѣтровъ и всего, что они низвергаютъ и разсѣваютъ! Молимъ тебя: предай въ наши руки этотъ городъ и все, что онъ содержитъ въ себѣ, съ богатствами всей его области. Отъ тебя мы ждемъ помощи противъ этихъ племенъ и помощи противъ всѣхъ опасностей, которыя насъ окружаютъ!»

Чтобы молитвамъ своимъ придать еще больше торжественности, онъ выбралъ мѣсто поклоненія на высокой скалѣ, въ каменистомъ мѣстѣ, которое называется Мансела, и во все время, пока стояли подъ Хайбаромъ, онъ совершалъ ежедневно вокругъ него семь обхожденій, какъ вокругъ Каабы. Въ послѣдствіи на этомъ мѣстѣ была воздвигнута мечеть, на память этого набожнаго обряда, и сдѣлалась предметомъ великаго уваженія для всѣхъ благочестивыхъ Мусульманъ.

Осада дѣтинца была продолжительна и подвергала тяжелому испытанію искусство и терпѣніе Магомета и его войска, тѣмъ больше, что они въ осадѣ крѣпостей еще не были опыты. Они страдали также и отъ недостатка въ продовольствіи; потому что Арабы въ послѣднихъ своихъ походахъ рѣдко отягощаются запасами, а Евреи передъ ихъ приближеніемъ опустошили равнины и истребили всѣ пальмовыя деревья вокругъ своего города.

Магометъ самъ повелъ приступить; Мусульмане прикрылись окопами и подвели къ стѣнамъ стѣнобитныя орудія; наконецъ имъ удалось пробить проломъ; однакожь нѣсколь-

ко дней всякая попытка вломиться была мужественно отбиваема. Одинъ приступъ велъ Абу-Бекръ, неся передъ собою знамя пророка; но послѣ упорной битвы, онъ долженъ былъ отступить. За нимъ повелъ приступъ Омаръ-Ибнъ-Хаттабъ, и бился до самой ночи также безуспѣшно. Третій приступъ повелъ Али, которому Магометъ далъ мечъ свой, по имени Дуль-Факаръ, или Разсѣкатель. Когда онъ передавалъ въ его руки священное знамя, онъ назвалъ его «человѣкомъ, который любитъ Бога и его пророка и который любимъ Богомъ и его пророкомъ; человѣкомъ, который не знаетъ страха и никогда не обращалъ тыла врагамъ.»

Здѣсь кстати разсказать преданіе о наружности и о характерѣ Али. Онъ былъ средняго роста, но крѣпокъ, широкоплечъ и необыкновенно силенъ. Лице у него было веселое, ярко румяное, съ окладистою бородою. Онъ отличался пріятливостью, остроуміемъ и набожной ревностью; а за неукротимую храбрость прозванъ былъ Львомъ Божьимъ.

Арабскіе писатели съ пристрастіемъ и преувеличеніемъ распространяются о подвигахъ своего любимаго героя подъ Хайбаромъ. Онъ былъ, какъ они разсказываютъ, въ аломъ кафтанѣ, а сверху кафтана въ стальной бронѣ.

Вмѣстѣ съ своими воинами онъ взлѣзъ на огромную кучу камней и мусора у пролома, и на вершинѣ ея водрузилъ свое знамя, съ тѣмъ, чтобъ не отступать покуда не будетъ взята дѣтинаецъ. Евреи бросились на нихъ, думая отгнѣснить ихъ. Въ жаркой схваткѣ Али вступилъ въ рукопашный бой съ вождемъ Еврейскимъ Аль-Харетомъ и убилъ его. Тогда выступилъ братъ убитаго мстить за брата. Ростомъ онъ былъ великанъ; на немъ была двойная броня, и двойная чалма обвивала крѣпкій шлемъ его, на челѣ котораго сверкала огромный алмазь. Съ обѣихъ сторонъ у его подпояски было по мечу, а въ рукахъ копье съ тремя остріями, какъ трезубецъ. Бойцы смѣрили другъ

друга глазами и обмѣнялись привѣтствіями въ самохвальномъ, восточномъ вкусѣ.

«Я Мархабъ, сказалъ Еврей, съ ногъ до головы обложенъ доспѣхами и страшень въ битвѣ.»

«А я Али, котораго мать при рожденіи назвала Аль-Хайдара (мохнатый левъ).»

Мусульманскіе писатели разомъ рѣшаютъ судьбу Еврейскаго бойца. Онъ хотѣлъ ударить въ Али своимъ трезубцемъ, но Али ловко отвелъ ударъ и прежде чѣмъ успѣлъ Мархабъ оправиться, ударъ меча Дуль-Факара разсѣкъ его щитъ, прошелъ сквозь крѣпкій его шлемъ, сквозь двойную чалму и упрямый черепъ, и раздвоилъ ему голову по самымъ зубамъ. Великанъ повалился мертвый на землю.

Тогда Еврей отступили въ дѣтинець, и начался рѣшительный приступъ. Въ жару дѣла сорванъ былъ съ руки Али его щитъ, и онъ остался неприкрытый; тогда онъ сорвалъ съ петель ворота и несъ ихъ вмѣсто щита до самаго конца сраженія. Абу-Рафъ, слуга Магометовъ, свидѣтельствуешь объ этомъ событіи. «Послѣ, говоритъ онъ, я вмѣстѣ съ семью товарищами разсматривалъ эти ворота, и всѣ мы восьмеро напрасно старались поднять ихъ (1).

Когда дѣтинець былъ взятъ, стали во всѣхъ подвалахъ и погребахъ искать сокровищъ, которыя, какъ говорятъ, сложилъ туда Еврейскій князь Кенана. Не нашли ничего, и Магометъ спросилъ у него самаго, куда онъ спряталъ сокровища? Онъ объявилъ, что истрачено все на содержаніе войска и на приготовленія къ оборонѣ. Однакожь одинъ изъ

(1) Объ этомъ удивительномъ дѣлѣ повѣствуетъ историкъ Абульфеда, гл. 24 «Абу-Рафъ, замѣчаетъ Гиббонъ, былъ очевидцемъ, но кто же намъ ручается за Абу-Рафа?»—Мы то же раздѣляемъ сомнѣніе знаменитаго историка; но если такъ строго повѣрять свидѣтельство очевидца, то что же станетъ съ исторіей?

его невѣрныхъ подданныхъ показалъ мѣсто, гдѣ было скрыто значительное богатство. Оно не соответствовало ожиданію побѣдителей, и тогда Кенану поставили на пытку, чтобъ онъ открылъ, гдѣ спрятана остальная часть его предполагаемаго богатства. Кенана либо не могъ, либо не хотѣлъ ничего сказать и отданъ былъ на отмщеніе одному Мусульманину, у котораго онъ убилъ брата мельничнымъ жерновомъ, брошеннымъ со стѣны: Мусульманинъ однимъ ударомъ сабли срубилъ ему голову (1).

Въ Хайбарѣ Магометъ едва не погибъ отъ мщенія Евреевъ. Онъ спросилъ себѣ чего нибудь поѣсть, и передъ нимъ поставили ягначью лопатку. Только что онъ взялъ кусокъ въ ротъ, какъ замѣтилъ во вкусѣ что-то необыкновенное и выплюнулъ, но въ ту же минуту почувствовалъ острую внутреннюю боль. Одинъ изъ его послѣдователей, Башаръ, который ѣлъ больше, упалъ и умеръ въ судорогахъ. Тогда всѣ пришли въ ужасъ и смятеніе; по тщательнымъ распросамъ открылось, что ягненка жарила одна изъ плѣнницъ, Зейнабъ, племянница Мархаба, того великана, котораго убилъ Али. Когда ее привели къ Магомету, и обвиняли, что она подмѣшала яду въ кушанье, она смѣло во всемъ призналась, и оправдывала свой поступокъ, какъ простительное мщеніе за все зло, причиненное Магометомъ ея племени и ея семьѣ. «Я думала, сказала она, что если ты въ самомъ дѣлѣ пророкъ, то ты узнаешь опасность, а если ты просто Арабскій вождь, то ты умрешь, и мы избавимся отъ тирана».

---

(1) Евреи, живущіе въ области, которая называется Хайбаръ, до сихъ поръ извѣстны въ Аравіи подъ именемъ Бени-Хейбаръ. Они раздѣляются на три племени съ независимыми шейхами: Бени-Месіадъ, Бени-Шаханъ и Бени-Анаэссъ. Ихъ обвиняютъ въ грабительствѣ каравановъ. (Niebuhr, v. II p. 43).

О судьбѣ этой героини, Арабскіе писатели рассказываютъ различно. Иные говорятъ, что она была отдана на отмщеніе родственникамъ Башара, который умеръ отъ яду; а другіе, что ея красота спасла ее, и что Магометъ безнаказанно ее отпустилъ къ роднымъ.

Арабскіе писатели не пропускаютъ почти ни одного событія въ Магометовой жизни, чтобы не рассказать чуда. При этомъ случаѣ они увѣряютъ, будто бы отравленная ягнучья лопатка получила даръ слова и предостерегла Магомета отъ опасности. Если такъ, то она говорила слишкомъ медленно, потому что яду, имъ принятаго, было достаточно, чтобы разстроить его здоровье на всю остальную жизнь; онъ часто страдалъ припадками боли и въ послѣднія минуты жизни жаловался, что жилы сердца его бьются отъ яду Хайбарскаго. Другая пѣвница Сафія (или Софья), у которой было еще больше поводовъ къ мщенію, чѣмъ у Зейнабъ, обошлась съ нимъ не такъ жестоко; хотя не за долго передъ тѣмъ она была женою Кенаны, погибшаго за свое богатство, и отецъ ея былъ Хоя-Ибнъ-Ахтабъ, князь племени Бени-Кораида, который, вмѣстѣ съ семьюстами своихъ соплеменниковъ, преданъ былъ смерти на Мединской площади, какъ мы видѣли выше.

Эта Сафія была красоты необыкновенной; а потому и не мудрено, что она съ перваго взгляда приобрѣла Магометову благосклонность. и что онъ захотѣлъ, по обычаю, присоединить ее къ своему гарему; но удивительно то, что этой судьбой и она сама была довольна. Впрочемъ, Мусульманскіе писатели объясняютъ намъ это тѣмъ, что она еще прежде была чудеснымъ образомъ приготовлена къ этой судьбѣ.

Когда Магометъ еще стоялъ подъ стѣнами города и велъ осаду, она видѣла ночью сонъ, что будто бы солнце сошло съ небесъ и приютилось у ней на груди. Поутру, когда

она рассказала сонъ своему мужу Кенанѣ, онъ ударилъ ее въ лице и воскликнулъ: «Женщина! Это ты притчами говоришь объ Арабскомъ вождѣ, что пришелъ осаждать насъ!»

Сафинъ сонъ сбылся; потому что Магометъ, обративши ее со всей приличной поспѣшностью къ вѣрѣ, взялъ ее себѣ въ жены еще до выступленія изъ Хайбара. Свадьба ихъ праздновалась на возвратномъ пути, въ Аль-Сахбѣ, гдѣ войско отдыхало три дни. Абу-Аюбъ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ учениковъ пророка и его дворецкій (marshall of his household), ходилъ на сторожѣ вокругъ брачной палатки, съ мечемъ въ рукѣ. Сафія была одна изъ любимыхъ женъ Магометовыхъ и пережила его сорока годами вдовства.

Кромѣ браковъ по склонности, о которыхъ мы говорили, пророкъ, около того же времени, вступилъ еще въ одинъ бракъ по расчету. Вскорѣ по возвращеніи въ Медину, онъ былъ обрадованъ прибытіемъ изъ Абиссиніи остальныхъ изгнанниковъ. Между ними была хорошенькая вдова, тридцати лѣтъ, мужъ которой, Абдаллахъ, умеръ въ изгнаніи. Ее всѣ знали подъ именемъ Оммъ-Хабибы, т. е. матери Хабибиной, потому что у нея была дочь, которая такъ называлась. Эта вдова была дочь злѣйшаго врага Магометова, Абу-Софіана; и пророкъ думалъ, что бракъ съ дочерью можетъ смягчить вражду отца. Говорятъ, что этотъ политическій расчетъ былъ либо внушенъ, либо оправданъ откровеніемъ въ одной изъ главъ Корана.

Когда Абу-Софіанъ услышалъ объ этой свадьбѣ: «Клянусь небесами, воскликнулъ онъ, этотъ верблюдъ такой за дорный, что его никакой намордникъ не удержитъ!»

ГЛАВА XXVI.

Посольства къ разнымъ государямъ: къ царю Ираклю, къ Хозрою II-му, къ префекту Египетскому. Что изъ того произошло.

Остатокъ этого года Магометъ провелъ въ Мединѣ, и многими походами, въ которые посылалъ своихъ вѣрнѣйшихъ учениковъ, сдѣлавшихся уже опытными полководцами, скоро успѣлъ усмирить племена, отъ него отпадавшія. вмѣстѣ съ распространеніемъ владѣній его виды становились обширнѣе. Хотя и провозглашалъ онъ, когда ему было нужно, что вѣру свою распространяетъ мечемъ, однакожъ не пренебрегалъ и мирными средствами переговоровъ, и отправлялъ пословъ къ различнымъ царямъ и владѣтелямъ, которыхъ области граничили съ его политическимъ горизонтомъ. Онъ убѣждалъ ихъ принять вѣру Мусульманскую, а на дѣлѣ это значило признать его своимъ главою, по его мнимому апостольскому значенію.

Два самыя значительныя изъ этихъ посольствъ отправлены были къ Хозрою II-му, царю Персидскому, и къ Римскому императору Ираклю, въ Царьградъ. Войны между Римлянами и Персами за владычество на Востокѣ возгорались часто въ продолженіи многихъ столѣтій, съ перемѣнными успѣхами той и другой державы; царства и племена переходили изъ рукъ въ руки и подвергались нашествіямъ съ той и съ другой стороны, смотря по тому, за кѣмъ оставалась побѣда. На эту пору Хозрой, съ тремя войсками, изъ которыхъ одно было хвастливо названо «пятидесятью тысячами золотыхъ копій», отбилъ у Римскаго императора Палестину, Каппадокію, Арменію и многія другія, обширныя и богатая области; овладѣлъ Іерусалимомъ и увезъ въ Персію св. Крестъ Господень; вступилъ въ Африку, завоевалъ

Ливію и Египеть и распространилъ свою власть до самаго Карфагена.

Среди такихъ блестящихъ подвиговъ, прибылъ къ нему Мусульманскій посоль съ письмомъ отъ Магомета. Хозрой послалъ за своимъ письмоводцемъ, или переводчикомъ, и велѣлъ ему прочесть письмо. Оно начиналось такъ:

«Во имя всемилосердаго Бога! Магометъ, сынъ Абдаллаховъ и Божій посланникъ, Хозрою, царю Персидскому».

«Какъ! закричалъ Хозрой, вскочивши съ гордымъ негодованіемъ; рабъ мой осмѣлился поставить свое имя первымъ въ письмѣ ко мнѣ?» Онъ схватилъ письмо, изорвалъ его въ куски, не заботясь объ его содержаніи, а самъ написалъ къ намѣстнику Еменьскому: «Мнѣ сказывали, что въ Мединѣ есть сумасшедшій изъ племени Корейша, который выдаетъ себя за пророка: образумь его, а если не можешь, то пришли мнѣ его голову.»—Когда Магомету сказали, какъ Хозрой изорвалъ его письмо: «Такъ Аллахъ, сказалъ онъ, разорветъ на куски его царство».

Письмо пророка къ Ираклію принято было благосклоннѣе, вѣроятно потому, что пришло къ нему во время неудачъ. Оно подписано было серебряными буквами: *Магометъ Аззарель*, Магометъ посланникъ Божій; и въ немъ онъ убѣждалъ императора отречься отъ Христіанства и принять вѣру Ислама. Говорятъ, будто Ираклій почтительно положилъ письмо на свою подушку, съ честью принявъ посла и отпустилъ съ богатыми дарами. Однакожь, озабоченный Персидскою войною, онъ ужъ больше не обращалъ вниманія на посольство, прибывшее отъ человѣка, котораго онъ почиталъ, вѣроятно, простымъ Арабскимъ изувѣромъ, и не довольно высоко цѣнилъ его военныя дѣйствія, вѣроятно казавшіяся ему простыми разбойничьими набѣгами дикихъ, степныхъ племенъ.

Другое посольство Магометово отправлено было къ Муковкису, или правителю Египта, который первоначально былъ посланъ туда отъ Пракля собирать подати, но воспользовался смятеніями войны Римлянъ съ Персами, присвоилъ себѣ самодержавную власть и свергъ съ себя почти всякую подчиненность императору. Онъ принялъ посла съ великими почестями, однакожь уклонился отъ прямого отвѣта на приглашеніе принять вѣру и сказалъ, что такой важный предметъ требуетъ долгаго размышленія. А между тѣмъ онъ послалъ въ даръ Магомету драгоценные алмазы, одежды изъ Египетскаго льну, превосходнѣйшаго меду и масла, бѣлую ослицу, по имени Яфуръ; бѣлаго мула, по имени Далдала, и быстрого коня, по имени Лазлоса, или скакуна. Но лучшимъ изъ его даровъ были двѣ Коптскія дѣвы, сестры, по имени Марія и Ширень.

Красота Маріина сильно взволновала духъ Магометовъ. Онъ хотѣлъ бы взять ее себѣ въ наложницы, но ему препятствовалъ его же собственный законъ въ 19-й главѣ Корана, который предписываетъ наказывать блудъ розгами.

Изъ этого затрудненія выручило его снова откровеніе, которое уничтожало законъ только для него одного, и позволяло ему сожителство съ рабыней. Однакожь для всѣхъ прочихъ Мусульманъ законъ остался въ полной силѣ. Чтобы избѣгнуть соблазна, а еще больше, чтобъ не возбудить ревности въ своихъ женахъ, онъ выдался съ прекрасной Маріей не иначе, какъ тайно, и это, можетъ быть, одна изъ причинъ, что она оставалась долго его любимицей.

ГЛАВА XXVII.

Магометъ отправляется на богомолье въ Мекку. Его жентьба на Маймунѣ. Халедъ-Ибнъ-аль-Валедъ и Амру-Ибнъ-аль-Аасъ обращаются къ Исламу.

Наступило время, когда, по договору съ Корейшана-

ми, Магометъ и его послѣдователи могли придти на богомолье въ Мекку и неприкосновенно провести три дни въ священномъ храмѣ. Онъ отправился туда съ многочисленнымъ, хорошо вооруженнымъ войскомъ, и съ семидесятью верблюдами для жертвоприношенія. Старые враги хотѣли было остановить его на пути, но не успѣли и при его приближеніи молча отступили къ сосѣднимъ холмамъ. Вступая въ предѣлы Меккскіе, богомольцы, по договору и по обычаю, сложили съ себя все доспѣхи и все оружіе кромѣ мечей, которые они оставили при себѣ въ ножнахъ.

Велика была радость ихъ, когда они опять увидѣли стѣны и башни священнаго города. Они вступили въ ворота въ одеждѣ богомольцевъ, съ сердцемъ, полнымъ усердія и благодарности, и Магометъ совершилъ все древніе, обычные обряды съ такою ревностью и съ такимъ усердіемъ, что все очевидцы были тронуты, и многіе обратились. По совершеніи всехъ обрядовъ, онъ сбросилъ съ себя *Ирамъ*, или одежду богомольцевъ, и удалился въ Сарифъ, то есть, хижину въ двухъ миляхъ отъ Мекки, за чертою священнхъ предѣловъ. Тамъ еще оставалось ему исполнить обрядъ другаго рода, который однакожь онъ хотѣлъ совершить съ непритворнымъ усердіемъ, а именно свой бракъ съ Маймуною, дочерью Аль-Харета, Хелалитянина. Онъ помолвилъ на ней по своему прибытію въ Мекку, но отложилъ сватьбу до окончанія всехъ обрядовъ богомольнаго странствія. Безъ всякаго сомнѣнія это тоже былъ бракъ по расчету, потому что Маймуна была вдова пятидесяти одного года; за то этимъ бракомъ онъ приобрѣлъ двухъ могучихъ приверженцевъ. Одинъ изъ нихъ былъ Халедъ-Ибнъ-аль-Валедъ, племянникъ вдовы, неустрашимый воинъ, отъ котораго Магометъ чуть не погибъ въ сраженіи подъ Оходомъ. Теперь онъ сталъ однимъ изъ самыхъ побѣдоносныхъ бойцевъ Пелама и храбростью приобрѣлъ прозвание: «Меча Божьяго».

Другой новообращенецъ былъ Амру-Ибнъ-аль-Аасъ, тотъ самый, что въ началѣ поприща Магометова напалъ на него стихами и сатирами, что приводилъ посольство Корейшанъ къ царю Абиссинскому, когда они требовали выдачи укрывшихся Мусульманъ. А съ этихъ поръ суждено ему было мечемъ своимъ побѣдоносно распространять въ чужихъ земляхъ ту самую вѣру, съ которой онъ прежде ревностно боролся.

Примѣчаніе. Маймуна была послѣдней женою пророка и, не смотря на старость, пережила всѣхъ его прочихъ женъ. Она умерла уже много лѣтъ послѣ него, въ Сарифской бѣсѣдкѣ, подъ самымъ тѣмъ деревомъ, подъ сѣнью котораго стояла ея брачная палатка. Тамъ же и похоронена она. Набожный историкъ Аль-Джаннаби, который называетъ себя «бѣднымъ слугою Аллаха, надѣющимся на прощенье своихъ грѣховъ по милосердію Божію, » посѣщалъ ея могилу по возвращеніи съ богомолья изъ Мекки, въ 963-мъ году Геджирѣ, 1555-мъ отъ Р. Х. «Я видѣлъ тамъ, говоритъ онъ, мечеть изъ чернаго мрамора, воздвигнутую въ память Маймуны, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ посланникъ Божій съ нею покоился. Богу извѣстна истина, а также и причина, почему камень чернаго цвѣта. Тамъ есть мѣсто для омовенія и для молитвы (ораторія); но зданіе разрушается.»

ГЛАВА XVIII.

Посоль Мусульманскій убитъ въ Сиріи. Походъ для отмщенія его смерти. Сраженіе подъ Муттою. Его послѣдствія.

Въ числѣ различныхъ посольствъ, которыя Магометъ отправилъ за предѣлы Аравіи, призывая всѣхъ окрестныхъ владѣтелей обратиться къ его вѣрѣ, было одно и къ пра-

вителью Босры, важнаго торговаго средоточія на границахъ Сиріи, куда онъ, еще юношей, совершилъ свое первое кавалерійское путешествіе. Сирія попеременно была то подъ Римскимъ, то подъ Персидскимъ владычествомъ, а тогда находилась подъ властью императора, хотя, вѣроятно, весьма непрочною. Посла Магометова убили въ городѣ Муттѣ, около трехъ дней пути на Востокъ отъ Іерусалима; убійца былъ одинъ Арабъ изъ Христіанскаго племени Гассана, сынъ эмира Шорхаила, который, во имя царя Ираклія, правилъ Муттою.

Чтобы отомстить за смерть своего посла и на будущее время внушить уваженіе къ своимъ посольствамъ, Магометъ собралъ войско изъ трехъ тысячъ человекъ, и отправилъ его противъ преступнаго города. Многозначителенъ былъ этотъ походъ, какъ первая встрѣча оружія Мусульманскаго съ оружіемъ Римской имперіи; но Магометъ полагался на свое возрастающее могущество, на мужество своихъ войскъ и на разстроенное положеніе Сирійскихъ дѣлъ. Онъ поручилъ начальство своему отпущеннику Сеиду, который уже такъ разительно доказалъ ему преданность, когда уступилъ ему свою прекрасную жену, Зейнабъ. Съ нимъ отправлены были еще нѣсколько извѣстныхъ вождей. Одинъ изъ нихъ былъ Магометовъ двоюродный братъ, Джаафаръ, сынъ Абу-Талемовъ и братъ Алиевъ, тотъ самый, что своимъ краснорѣчіемъ отстаивалъ ученіе Ислама передъ царемъ Абиссинскимъ и одержалъ верхъ надъ посольствомъ Корейшанъ. Онъ еще былъ въ цвѣтѣ лѣтъ и славился своею храбростью и мужественной красотою. Другимъ товарищемъ Сеидовымъ былъ Абдаллахъ-Ибнъ-Каваха, поэтъ, который столько же прославился оружіемъ, сколько и поэзіею. Третьимъ былъ новообращенный Халедъ. Онъ присталъ къ походу охотникомъ и горѣлъ желаніемъ доказать мечемъ искренность своего обращенія.

Сеиду приказано было итти поспѣшно, чтобы застать Мутту въ расплохъ; онъ долженъ былъ предложить жителямъ, чтобъ они приняли вѣру и обращаться съ ними снисходительно; во всякомъ случаѣ, пощадить женщинъ, дѣтей, монаховъ и слѣпцовъ, не разрушать домовъ и не рубить деревьевъ.

Малочисленное войско Мусульманское вышло изъ Медины въ полной увѣренности, что подойдетъ къ непріятелю неожиданно. Въ походѣ, однакожь, получено было извѣстие, что на встрѣчу идутъ Римляне, или лучше сказать, Греки и Арабы, въ силахъ гораздо большихъ. Созванъ былъ военный совѣтъ. Нѣкоторые думали, что лучше остановиться и ожидать дальнѣйшихъ приказаній отъ Магомета; но поэтъ Абдаллахъ настаивалъ, чтобы смѣло итти впередъ, не смотря на число. «Мы бьемся за вѣру! воскликнулъ онъ, если ляжемъ, то будемъ въ раю. Впередъ! на побѣду, или на мученичество!»

Сердце закипѣло у всѣхъ отъ огня поэта, или, лучше сказать, отъ его изувѣрства. Недалеко отъ Мутты они встрѣтили непріятеля и бросились на него, не то-что съ храбростью, а съ изступленіемъ. Въ жару сраженія Сеидъ былъ раненъ смертельно. Священное знамя выпало изъ его руки; но его подхватилъ Джаафаръ и поднялъ высоко. Битва закипѣла вокругъ него; знамя стало предметомъ жаркой схватки. Онъ его защищалъ съ отличной храбростью. Рука, которой онъ держалъ его, была отрублена: онъ его схватилъ другой рукою. Другая также была отрублена: онъ обнялъ его окровавленными локтями. Сабельный ударъ раскололъ ему черепъ; онъ мертвый упалъ на землю, все еще прижимая къ груди знамя вѣры. Поэтъ Абдаллахъ поднялъ знамя, но и онъ палъ подъ ударами мечей. Тогда новообращенный Халедъ, видя, что трое изъ Мусульманскихъ вождей убиты, схватилъ роковое знамя. въ его рукѣ оно уцѣлѣло. Голосъ его собралъ поколебавшихся Мусульманъ; его могучая рука прорубила себѣ дорогу въ

самую чащу враговъ. Если вѣрить собственному его разсказу, — а его дѣла не нужно было преувеличивать, — то девять сабель сломалось въ его рукѣ отъ сильныхъ ударовъ, которые онъ наносилъ въ этой убійственной схваткѣ.

Ночь разлучила бойцевъ. Поутру Халедъ, котораго войско признало своимъ главою, доказалъ, что военное искусство его равняется храбрости. Ловкими переходами и движеніями по разнымъ мѣстамъ онъ умѣлъ обмануть непріятелей: войско показалось непріятелямъ гораздо многочисленнѣе, и они подумали, что пришло сильное подкрѣпленіе. А потому, когда Халедъ возобновилъ нападеніе, непріятели отступили, и скоро ихъ отступленіе обратилось въ бѣгство, а Халедъ преслѣдовалъ ихъ съ страшнымъ кровопролитіемъ. Онъ ограбилъ ихъ станъ, въ которомъ была найдена огромная добыча. Въ числѣ убитыхъ нашли на полѣ сраженія тѣло Джаафара, покрытое ранами, которыя всѣ были спереди. Изъ уваженія къ его храбрости и къ его родству съ пророкомъ, Халедъ не велѣлъ его погребать на мѣстѣ, а отнести назадъ въ Медину, чтобы тамъ совершить почетныя похороны.

Хотя войско возвратилось обремененное добычею, но его вступленіе въ городъ больше было похоже на погребальное шествіе, нежели на торжество побѣдителей; и встрѣчено оно было криками радости, смѣшанными съ воплями. Народъ радовался успѣхамъ своего оружія и горевалъ о потерѣ трехъ любимыхъ полководцевъ. Всѣ оплакивали участь Джаафара, котораго обезображенный трупъ принесенъ былъ въ тотъ самый городъ, гдѣ еще такъ недавно видѣли, какъ онъ выступалъ съ гордой осанкой мужества, и всѣ почтительно имъ любовались. Послѣ него осталась жена-красавица съ маленькимъ сыномъ. Сердце Магометово тронуто было ея горестью. Онъ взялъ къ себѣ на руки дитя-сироту и облилъ его слезами. Но онъ еще больше былъ тронутъ, когда подошла къ нему молодая дочь его вѣрнаго Сеи-

да. Онъ бросился къ ней на шею, и плакалъ въ безмолвномъ горѣ. Одинъ изъ стоявшихъ возлѣ него выразилъ свое удивленіе, что онъ плачетъ о такой смерти, которая, по Мусульманскому ученію, ведетъ прямо въ рай. «Ахъ! — отвѣчалъ пророкъ,—это слезы дружбы о потерѣ друга!»

Похороны Джаафара совершены были на третій день по возвращеніи войска. Магометъ между тѣмъ успѣлъ придти въ себя, и опять сталъ пророкомъ. Онъ ласково упрекалъ народъ въ его изступленныхъ вопляхъ, и старался, при этомъ случаѣ, внушить одинъ изъ самыхъ политическихъ и утѣшительныхъ догматовъ своей вѣры. «Перестаньте плакать, сказалъ онъ, о смерти моего брата. Онъ лишился обѣихъ рукъ, охраняя знамя вѣры; за то ему даны два крыла, которыя отнесутъ его въ рай, чтобы тамъ наслаждаться безконечнымъ блаженствомъ,—вѣрной наградою всѣхъ правовѣрныхъ, падшихъ на полѣ битвы».

За храбрость и распорядительность, которыми Халедъ отличился въ этомъ опасномъ дѣлѣ, Магометъ почтилъ его названіемъ: «*Божьяго Меча*», подъ которымъ онъ послѣ былъ славенъ.

ГЛАВА XXIX.

Замыслы на Мекку. Посольство Абу-Софіана. Его послѣдствія.

Силой оружія и краснорѣчія Магометъ приобрѣлъ господство надъ множествомъ Арабскихъ племенъ. Подъ его властію были многія тысячи воиновъ, сыновъ степей, закаленныхъ въ голодѣ, жакдѣ и зноѣ солнечномъ, для которыхъ война была не трудомъ, а забавою. Онъ умѣлъ укротить неводержность ихъ и подчинить изъ закону. Много-

кратными побѣдами они приобрѣли довѣренность къ самимъ себѣ и къ вождямъ своимъ, за знаменами которыхъ слѣдовали съ безусловнымъ повиновеніемъ воиновъ и слѣпымъ изувѣрствомъ исповѣдниковъ.

Виды Магометовы распространялись по мѣрѣ его могущества, и наконецъ великое предпріятіе зародилось въ его душѣ. Мекка, его родимый городъ, жилище его племени въ продолженіе многихъ поколѣній, мѣсто, гдѣ провелъ онъ лучшіе годы своей жизни,—все еще оставалась въ рукахъ непримиримыхъ враговъ его. Кааба, предметъ поклоненія и богомольныхъ странствованій для всѣхъ сыновъ Измаиловыхъ, храмъ, гдѣ онъ съ дѣтства возносилъ молитвы свои,—все еще былъ оскверняемъ символами и обрядами идолопоклонства. Водрузить знамя вѣры на стѣнахъ родимаго города, очистить священный храмъ отъ оскверненія, возвратить его духовной молитвѣ Единому Богу, и въ немъ утвердить средоточіе для всѣхъ поклонниковъ Ислама, — стало теперь главнымъ предметомъ его стремленій.

Договоръ, заключенный съ Корейшанами, препятствовалъ всякому военному предпріятію; но скоро нѣкоторые частные раздоры и стычки, дали предлогъ обвинить ихъ въ нарушеніи мирныхъ условій. А между тѣмъ Корейшане поняли, какъ страшно для нихъ могущество Мусульманъ, возрастающее такъ быстро. Они старались всеми силами объяснить или загладить все ссоры и обиды немногихъ легкомысленныхъ частныхъ людей, и даже заставили главу своего, Абу-Софіана, ѣхать посломъ въ Медину, надѣясь, что черезъ дочь его, Омму-Хабибу, удастся склонить пророка къ миру.

Тяжкое было испытаніе гордому главѣ Корейшанъ ѣхать почти что въ видѣ просителя къ тому самому человѣку, котораго онъ осмѣивалъ какъ обманщика и преслѣдовалъ съ закоренѣлой враждою; но гордой его душѣ суждено было

подвергнуться еще большому уничтоженію; потому что Магометъ, тайно желавшій войны и увидѣвшій въ этомъ посольствѣ слабость противниковъ, не удостоивалъ его отвѣта.

Скрывая свое бѣшенство, Абу-Софіанъ обратился къ посредничеству Абу-Бекра, Омара и Али; но они все его отвергли, потому что знали о настоящихъ намѣреніяхъ Магомета. Потомъ онъ старался приобрести благосклонность Фатимы, дочери Магометовой, жены Алиевой; и думая польстить ей материнской гордости, просилъ, чтобы шести-лѣтній Хасанъ, ея сынъ, былъ ему покровителемъ. Но Фатима отвѣчала гордо: «Мой сынъ еще слишкомъ молодъ, чтобы быть покровителемъ; да и никакое покровительство не поможетъ противъ воли пророка Божія.» Даже дочь его, Омгъ-Хабиба, жена Магометова, на вліяніе которой Абу-Софіанъ рассчитывалъ, оскорбила его. Онъ хотѣлъ было сѣсть на коверъ въ ея комнатѣ, а она поспѣшно свернула коверъ и воскликнула: «Это постель пророка Божія! она священна и нельзя на ней отдыхать идолопоклоннику.»

Чаша уничтоженія переполнилась, и Абу-Софіанъ, въ горечи сердца, проклиная дочь. Тогда онъ опять обратился къ Али и просилъ его совѣта въ безнадежномъ положеніи своего посольства.

«Не знаю, что посоветовать,—отвѣчалъ Али—кромѣ того, чтобы ты, какъ глава Корейшанъ, обѣцалъ продолженіе охраны, а потомъ ѣхалъ домой.»

«Развѣ ты думаешь, что отъ этого обѣщанія будетъ польза?»

«Не думаю,—отвѣчалъ Али сухо—да и не знаю, что бы было иначе.»

Исполняя этотъ совѣтъ, Абу-Софіанъ пошелъ въ мечеть и объявилъ всенародно, отъ имени Корейшанъ, что съ ихъ стороны мирный договоръ будетъ сохраненъ ненарушимо,

потомъ онъ возвратился въ Мекку, глубоко униженный худымъ успѣхомъ своего посольства.

Корейшане приняли его съ насмѣшками и замѣтили ему, что его объявленіе ничего не значитъ безъ согласія Магомета.

ГЛАВА XXX.

Нежданное нападеніе на Мекку и взятіе ея.

Магометъ сталъ готовиться къ тайному походу, чтобы взять Мекку неожиданно. Оговсюду онъ созвалъ союзниковъ своихъ въ Медину, но ничего не объявлялъ о своихъ замыслахъ. Всѣ дороги, ведущія въ Мекку, были заперты, чтобы не дошла до Корейшанъ вѣсть объ его движеніяхъ. Однакоже, не смотря на всѣ предосторожности, тайна едва не открылась. Въ числѣ его послѣдователей, бѣжавшихъ изъ Мекки, былъ одинъ по имени Хатебъ; семья его осталась въ Меккѣ, безъ родныхъ и безъ друзей, которые бы о ней заботились. Хатебъ задумалъ приобрести ей благосклонность Корейшанъ, выдавши Магометову тайну. Съ этимъ намѣреніемъ онъ написалъ письмо, въ которомъ извѣщалъ о задуманномъ предпріятіи, и поручилъ его одной пѣвицѣ, по имени Сарфъ, Хашемитянской невольницѣ, которая взялась его доставить въ Мекку.

Она уже была на дорогѣ, когда Магомета извѣстили объ измѣнѣ. Али съ пятью товарищами, на добрыхъ коняхъ, посланы были за нею въ погоню. Они скоро догнали ее; стали обыскивать, но ничего не находили. Пятеро товарищей уже хотѣли оставить поиски и возвратиться; но Али не сомнѣвался, что Божій пророкъ не можетъ ни ошибиться, ни быть обманутъ. Онъ вынулъ саблю и поклялся,

что отрубить голову посланницѣ, если письмо не отыщется. Угроза подѣйствовала: она достала письмо у себя изъ волосѣ.

Когда Хатеба стали допрашивать объ его измѣнѣ, онъ сознался; но извинялъ себя желаніемъ приобрести покровительство для своей безпомощной семьи, и своею увѣренностію, что письмо останется безвредно и нисколько не помѣшаетъ намѣреніямъ посланника Божія. Омаръ пришелъ въ негодованіе отъ его оправданій и хотѣлъ отрубить ему голову; но Магометъ припомнилъ, что Хатебъ храбро сражался за вѣру въ Бедерской битвѣ, принялъ оправданіе и простилъ его.

Пророкъ съ десятью тысячами войска выступилъ въ этотъ достопамятный походъ. Омаръ, которому было поручено завѣдывать походомъ и назначать мѣста для стана, повелъ войска по уединеннымъ горнымъ дорогамъ. Онъ запретилъ бить въ атабалы, трубить въ трубы, и шумѣть, чтобы не обнаружить ихъ движенія. Уже на походѣ присталъ къ Магомету его дядя, Аль-Аббасъ, выѣхавшій изъ Мекки со всѣмъ семействомъ, чтобы стать подъ знамя вѣры. Магометъ ласково его принялъ, хотя и намекнулъ на его поздній пріѣздъ. «Ты послѣдній выходецъ, сказалъ онъ, также какъ я послѣдній пророкъ.» Аль-Аббасъ послалъ свое семейство впередъ въ Медину, а самъ остался. Войска, не будучи никѣмъ замѣчены, дошли до долины Марръ-Аззахранъ, лежащей не далеко отъ священнаго города. Наступала ночь, когда оно молча разбило свои палатки, и тогда Омаръ въ первый разъ позволилъ зажечь сторожевые огни.

Между тѣмъ, хотя Аль-Аббасъ и присоединился къ знамени вѣры совершенно искренно, однакожъ онъ былъ глубоко встревоженъ, видя, что его племянникъ подходитъ къ

Меккѣ съ такими огромными силами и съ такимъ враждебнымъ намѣреніемъ. Онъ боялся, что Корейшане будутъ совершенно истреблены, если не убѣдятъ ихъ во время вступить въ переговоры. Въ глухую ночь онъ сѣлъ на Магометова бѣлаго мула, Фадду, и поѣхалъ въ разъѣздъ. Обѣзжая станъ, онъ слышалъ шаги и голоса. Дозорный отрядъ велъ двухъ плѣнниковъ, взятыхъ недалеко отъ города. Аль-Аббасъ подѣхалъ, и узналъ, что плѣнники были Абу-Софіанъ съ однимъ изъ подчиненныхъ ему вождей. Ихъ повели къ сторожевому огню Омарову, который узналъ Абу-Софіана при свѣтѣ его. «Слава Богу! сказалъ онъ, что такой непріятель въ моихъ рукахъ, и безъ всякихъ условій.» Его обнаженная сабля готова была дать этимъ словамъ роковое значеніе, если бы не подѣхалъ Аль-Аббасъ и не взялъ Абу-Софіана подъ свое покровительство, пока участь его не будетъ рѣшена пророкомъ. Омаръ бросился впередъ, чтобы узнать это рѣшеніе, или лучше сказать, чтобы требовать казни плѣнника; но Аль-Аббасъ посадилъ его на торока своего сѣдла, погналъ своего мула, и первый подѣхалъ къ палаткѣ пророка; а вслѣдъ за нимъ спѣшили и Омаръ, громко требуя головы Абу-Софіановой.

И такъ Магометъ увидѣлъ въ своей власти непримиримаго врага, который изгналъ его изъ дома и родины, преслѣдовалъ его семью и друзей. Но онъ видѣлъ въ немъ отца своей жены, Омму-Хабибы, и чувствовалъ склонность къ милосердію. Онъ отложилъ свое рѣшеніе до утра и отдалъ Абу-Софіана подъ храненіе Аль-Аббасу.

На другой день, когда привели къ нему плѣнника, «Абу-Софіанъ,—сказалъ онъ,—не пора ли узнать, что нѣтъ Бога, кромѣ Бога?»

«Я это зналъ,»—отвѣчалъ Абу-Софіанъ.

«Хорошо! а не пора ли тебѣ признать меня посланникомъ Божіимъ?»

«Ты мнѣ дороже отца и матери—отвѣчалъ Абу-Софіанъ, употребляя восточный складъ рѣчи,—но я еще не готовъ признать тебя пророкомъ.»

«Долой его!—закричалъ Омаръ;—либо сейчасъ исповѣдай истину; либо голова твоя слетитъ!»

Къ этимъ угрозамъ присоединились совѣты и просьбы Аль-Аббаса, который въ бѣдѣ показалъ себя истиннымъ другомъ. Ожесточеніе Абу-Софіаново было нѣсколько смягчено неожиданною мягкостью Магомета, и наконецъ онъ призналъ божественность его посланничества, явивъ собою примѣръ того, въ какой мѣрѣ справедливъ догматъ Мусульманскій, что и для убѣжденія упорныхъ нѣтъ доказательства сильнѣе меча.

Когда Абу-Софіанъ принялъ Исламъ, ему сообщили снисходительныя условія для народа Меккского, если онъ покорится. Обѣщана была неприкосновенность всѣмъ, кто, либо останется спокойно въ своемъ домѣ, либо укроется въ домахъ Абу-Софіана и Хакима, либо подъ знаменемъ Абу-Равайхи.

Чтобы дать Абу-Софіану полное понятіе о силѣ, угрожающей Меккѣ, его нарочно поставили вмѣстѣ съ Аль-Аббасомъ въ узкой тѣснинѣ, гдѣ проходило передъ ними все войско. Когда шли различныя Арабскія племена, въ своемъ разнообразномъ вооруженіи и съ разнообразными своими знаменами,—Аль-Аббасъ называлъ ихъ имена и земли. Абу-Софіанъ былъ изумленъ многочисленностію, порядкомъ и вооруженіемъ войска, потому что Мусульмане быстро усовершенствовались въ военномъ искусствѣ; но когда приблизился Магометъ, среди своихъ отборныхъ тѣлохранителей, вооруженныхъ съ ногъ до головы и блестящихъ стальными доспѣхами, его удивленіе превзошло всякую мѣру. «Противъ этого не устоитъ никто!—воскликнулъ онъ, об-

ратясь къ Аль-Аббасу,—да! твой племянникъ владѣеть великимъ могуществомъ!»!

«Такъ!—отвѣчалъ Аль-Аббасъ;—а потому ты ступай назадъ къ своему народу, старайся его избавить отъ опасности, и предостереги, чтобы онъ не противился посланнику Божию».

Абу-Софіанъ поспѣвши назадъ въ Мекку, собралъ жителей и рассказалъ имъ о могучемъ войскѣ, которое стоитъ у города, подъ предводительствомъ Магомета; о снисходительныхъ условіяхъ, предложенныхъ въ случаѣ ихъ покорности, и о бесполезности всякаго сопротивленія. Такъ какъ Абу-Софіанъ былъ душою борьбы противъ Магомета и его ученія, то слова его тотчасъ подѣйствовали и склонили умы примириться съ событіемъ, которое, какъ казалось, не оставляло никакого инаго исхода. А потому большая часть жителей приготовилась быть мирными зрителями вступленія пророка.

Магометъ, между тѣмъ, не зная, какое сопротивленіе онъ могъ встрѣтить, заботливо распредѣлилъ свои силы, подходя къ городу. Покуда главные полчища шли прямо впередъ, большіе отряды подвигались черезъ холмы съ обѣихъ сторонъ. Али, съ сильнымъ отрядомъ конницы, несъ священное знамя, которое онъ долженъ былъ водрузить на горѣ Хаджунѣ и тамъ охранять, покуда подойдетъ къ нему самъ пророкъ. Строгое приказаніе отдано было всѣмъ вождямъ, чтобы они удалялись отъ ссоры и ни въ какомъ случаѣ не нападали первые; потому что Магометъ непременно желалъ взять Мекку умѣренностью и милосердіемъ, а не покорить силою. Правда, что велѣно было изрубить всѣхъ, кто станетъ сопротивляться съ оружіемъ въ рукахъ; но никого не трогать, кто покорится мирно. Услышавши разъ, что одинъ изъ начальниковъ, въ жару своего усердія, воскликнулъ, что «никакое мѣсто не священно въ день сра-

женія,» онъ тотчасъ же смѣнилъ его другимъ, болѣе умѣреннымъ.

Главная масса войска шла впередъ и не встрѣчала сопротивленія. Магометъ, въ красной одеждѣ, на любимомъ своемъ верблюдѣ Аль-Касвѣ, велъ сторожевой полкъ. Онъ подвигался однако же медленно, потому что его движенія были задержаны огромной толпою, которая тѣснилась вокругъ него. Когда онъ доѣхалъ до горы Хаджуна, гдѣ Али водрузилъ знамя вѣры, для него разбита была палатка. Тамъ онъ сошелъ съ верблюда, снялъ свою красную одежду, и надѣлъ черную чалму и одежду богомольца. Но взглянувши внизъ, на долину, онъ увидѣлъ съ горестью и негодованіемъ блескъ мечей и копій, и Халеда, который велъ лѣвое крыло. Тамъ шла жаркая схватка. Отрядъ Халеда, состоявшій изъ Арабскихъ племенъ, обращенныхъ къ вѣрѣ, раздраженъ былъ тучею стрѣлъ, пущенныхъ толпою Корейшанъ; и пылкій воинъ бросился въ самую середину толпы съ мечемъ и копьемъ; отрядъ его пустился за нимъ, обратилъ непріятеля въ бѣгство, перемѣшавшись съ нимъ, ворвался въ ворота, и только быстрыя приказанія Магометовы могли спасти городъ отъ всеобщей рѣзни.

Когда удалось остановить кровопролитіе, и уже не было сопротивленія, пророкъ спустился съ горы и на верблюдѣ своемъ подѣхалъ къ воротамъ. По правую сторону его ѣхалъ Абу-Бекръ, а за нимъ Осама, сынъ Сеидовъ. Солнце только что взошло, когда онъ вступилъ въ ворота своего родимаго города, со славою побѣдителя, въ одеждѣ и со смиреніемъ богомольца. Въѣзжая, онъ повторялъ стихи изъ Корана, которые, какъ онъ говорилъ, были сообщены ему свыше въ Мединѣ, и заключали въ себѣ пророчество объ этомъ событіи. Онъ торжествовалъ въ духѣ ревнителя вѣры, а не война. «Во власти Божіей,—говорилъ онъ,—всѣ воинства небесныя и земныя; а Богъ всемогущъ и пре-

мудръ; теперь оправдалъ Богъ видѣніе своего посланника, въ которомъ сказалъ онъ ему: воистинну ты вступишь во храмъ Меккскій вполне безопасно».

Не сходя съ верблюда, Магометъ поѣхалъ прямо къ Каабѣ, храму, гдѣ съ дѣтства привыкъ молиться, который былъ священнымъ мѣстомъ поклоненія со временъ патріарховъ, и который онъ почиталъ первобытнымъ храмомъ единого истиннаго Бога. Тамъ онъ совершилъ семь обходовъ вокругъ священнаго зданія, — почтительный обрядъ изъ временъ чистой вѣры; и съ тѣмъ же набожнымъ чувствомъ каждый разъ онъ прикасался своимъ посохомъ къ черному камню, который почиталъ священнымъ. Онъ было хотѣлъ войти въ Каабу, но ея старейшій стражъ, Отманъ-Ибнъ-Тальха, заперъ двери. Али выхватилъ у него ключи; но Магометъ велѣлъ опять отдать ихъ почтенному старику, и такъ очаровалъ его своимъ ласковымъ обхожденіемъ, что онъ не только открылъ ему настежь двери, но принялъ и Мусульманскую вѣру; его оставили при прежней должности.

Тогда Магометъ приступилъ къ исполненію главнаго предмета своихъ намѣреній въ отношеніи къ вѣрѣ: къ очищенію священнаго храма отъ символовъ идолопоклонства, которыми онъ былъ наполненъ. Всѣ идолы внутри и снаружи храма, числомъ триста шестьдесятъ, были сброшены съ мѣстъ и разрушены. Самый знаменитый изъ нихъ былъ Хобалъ, идолъ, перенесенный изъ Сирійскаго города Балки, о которомъ рассказывали, будто бы онъ имѣетъ власть ниспосылать дожди; а потому онъ, разумѣется, былъ предметомъ усерднаго поклоненія у жителей безводныхъ степей. Тамъ находились также истуканы Авраама и Измаила, которые были изображены съ гадзельными стрѣлами въ рукахъ. «Это ругательство надъ ихъ памятью, — сказалъ Магометъ, — потому что это символы дѣвольскаго искусства, которое было имъ всегда чуждо». А потому, изъ уваженія

къ ихъ памяти, эти статуи были разрушены. Были тамъ также картины, изображавшія ангеловъ въ видѣ прекрасныхъ женщинъ. «Ангелы, сказалъ Магометъ съ негодованіемъ, не такія существа. Есть въ раю небесныя гуріи для утѣшенія правовѣрныхъ; но ангелы—духи, служащіе Есевышнему; ихъ естество такъ чисто, что у нихъ нѣтъ пола.» А потому и картины эти были изглажены.

Даже голубя, искусно изсѣченнаго изъ дерева, онъ разломалъ своими руками и бросилъ на землю, какъ вещь близкую къ идолопоклонству.

Изъ Каабы онъ пошелъ къ источнику Земъ-Зему. Онъ былъ для него священнымъ, потому что онъ вѣрилъ, что это тотъ самый источникъ, который ангелъ открылъ Агари и Измаилу, когда они погибали; обряды, къ нему относящіеся, онъ почиталъ чистыми и святыми и сохранилъ въ своей вѣрѣ. Когда онъ подошелъ къ источнику, дядя его, Аль-Аббасъ, подалъ ему чашу съ водою, чтобы онъ отпилъ изъ нея и совершилъ обычное омовеніе. Въ память этой благочестивой услуги, онъ назначилъ своего дядю хранителемъ чаши при источникѣ. Эта священная должность сохранилась въ его потомствѣ и до нашего времени.

Въ полдень одинъ изъ его послѣдователей, по его приказанію, созвалъ народъ на молитву съ вершины Каабы,—и съ тѣхъ поръ навсегда удержался обычай, во всѣхъ Мусульманскихъ земляхъ, сзывать народъ на молитву съ минаретовъ, или башенъ, устроенныхъ при каждой мечети. Тогда-же онъ установилъ и кеблу, къ которой правовѣрные, во всѣхъ концахъ міра, должны обращаться лицомъ во время молитвы.

Послѣ того онъ обратился къ народу съ проповѣдью, въ которой изложилъ главные догматы своего ученія, и возвѣстилъ торжество вѣры, какъ исполненіе пророческаго обѣ-

щанія. Толпа отозвалась громкими восклицаніями: «Аллахъ Акбаръ! Великъ Богъ! Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ Его!»

Совершивши молитвенные обряды, Магометъ отошелъ на холмъ Аль-Сафу, и тамъ народъ Меккскій, мужчины и женщины, проходили мимо его, принося клятву въ вѣрности ему, какъ пророку Божію, и отрекаясь отъ идолопоклонства. Это совершено было, чтобы исполнить откровеніе Корана: «Богъ послалъ своего апостола, съ указаніемъ истины и вѣрою въ истину, чтобы онъ вознесъ эту вѣру выше всѣхъ вѣръ. Воистину тѣ, кто поклянутся ему въ вѣрности, поклянутся въ вѣрности Богу; рука Божія надъ ихъ рукою.»—Однакоже, среди своего торжества, онъ отвергалъ всякое поклоненіе ему самому исключительно, и всякую царственную власть. «Отъ чего жъ ты дрожишь?—сказалъ онъ одному человѣку, который подошелъ къ нему робко и трепетными шагами.—Передъ чѣмъ же ты такъ благоговѣешь? Я не царь, я сынъ женщины-Корейшанки, которая питалась мясомъ, сушеннымъ на солнцѣ».

Замѣчательна также была его мягкость. Главы Корейшанскіе, нѣкогда гордые, явились передъ человѣкомъ, котораго они преслѣдовали, съ униженіемъ на лицахъ, потому что жизнь ихъ была въ его рукахъ.

«Чего вы отъ меня можете ожидать?» — спросилъ онъ сурово.

«Милосердія, великодушный братъ! Милосердія, сынъ великодушнаго племени!»

«Быть такъ!—воскликнулъ онъ съ презрѣніемъ, смѣшаннымъ съ состраданіемъ.—Прочь! ступайте! вы свободны!»

Нѣкоторые изъ его послѣдователей, раздѣлявшіе съ нимъ гоненія, желали кровавой мести и роптали на его мило-

сердіе; но онъ отнюдь не колебался, и объявилъ Мекку неприкосновеннымъ святилищемъ, или убѣжищемъ на вѣки, до послѣдняго воскресенія. Для себя однакоже онъ удержалъ право, на этотъ случай и на этотъ именно день, наказать немногихъ изъ жителей города, которые слишкомъ тяжело его оскорбили, и осудилъ ихъ на изгнаніе; послѣ, впрочемъ, и они были по большей части прощены.

Въ числѣ Корейшанскихъ женщинъ, подходившихъ принимать присягу, онъ увидѣлъ Хенду, жену Абу-Софіанову, эту свирѣпую женщину, которая возбуждала невѣрныхъ въ Оходскомъ сраженіи и глодала сердце Хамзы въ отмщеніе за смерть своего отца. Теперь она была передѣта, чтобы ея не узнали; но увидѣвши, что глаза пророка устремлены на нее, она бросилась къ его ногамъ и воскликнула: «Я Хенда! прости! прости меня!» Магометъ ее простилъ; а она послѣ заплатила за это великодушіе презрительными насмѣшками надъ его ученіемъ.

Въ числѣ обреченныхъ къ наказанію былъ Египтянинъ Вакса, убившій Хамзу; при вступленіи войска онъ бѣжалъ изъ Мекки. Черезъ нѣсколько времени онъ явился къ пророку и принялъ исповѣданіе вѣры прежде, нежели его узнали. Онъ былъ прощенъ и долженъ былъ рассказать подробности Хамзиной смерти; потомъ Магометъ отпустилъ его, съ приказаніемъ никогда не являться ему на глаза. Онъ дожилъ до Халифата Омарова, при которомъ былъ нѣсколько разъ подвергаемъ тѣлесному наказанію за пьянство.

Другой изгнанникъ былъ Абдаллахъ-Ибнъ-Саадъ, молодой Корейшанинъ, замѣтный по уму, веселости и по своимъ воинственнымъ доблестямъ. Такъ какъ онъ хорошо владѣлъ перомъ, то Магометъ поручалъ ему записывать откровенія Корана. А онъ, записывая, часто измѣнялъ текстъ; замѣчено было даже, что онъ, по небрежности ли,

или съ намѣреніемъ, иногда его переименовывалъ до безсмыслицы. Часто онъ самъ шутилъ и смѣялся съ товарищами надъ своими поправками и перемѣнами, и говорилъ, что если Коранъ доказываетъ, что Магометъ пророкъ, то и онъ долженъ быть полу-пророкомъ. Когда открылись его подлоги, онъ бѣжалъ отъ гнѣва Магометова въ Мекку и возвратился къ идолопоклонству. При взятіи города, его молочный братъ скрывалъ его у себя въ домѣ, пока все успокоилось; а потомъ повелъ къ пророку и просилъ объ его прощеніи. Это было самое тяжелое испытаніе для мягкосердечія Магометова. Преступникъ употребилъ во зло его довѣренность, старался его осмѣять, заподозрить его пророческое посланничество и подрывалъ самыя основанія его вѣры. Нѣсколько времени Магометъ хранилъ суровое молчаніе, надѣясь, какъ самъ онъ говорилъ послѣ, что кто нибудь изъ ревностныхъ его учениковъ отрубитъ преступнику голову. Никто однакоже не пошевелился; и онъ, уступая просьбамъ Отмана, простилъ его. Абдаллахъ тотчасъ же возобновилъ свое исповѣданіе вѣры и остался добрымъ Мусульманиномъ. Имя его встрѣчается въ войнахъ Халифовъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ ловкихъ наѣзниковъ своего племени, и до послѣдней минуты обнаруживалъ свою господствующую страсть: онъ умеръ, повторяя сотую главу Корана, подъ заглавіемъ «Боевые кони»; можетъ быть, одну изъ тѣхъ главъ, которыя подверглись его передѣлкамъ.

Третьимъ изгнанникомъ былъ Акрема-Ибнъ-Абу-Джахль, который при многихъ случаяхъ обнаруживалъ смертельную вражду къ пророку, наслѣдованную отъ отца. Когда Магометъ вступалъ въ Мекку, Акрема бросился на быстрого коня и усакалъ въ противоположныя ворота, а въ городѣ оставилъ свою прекрасную жену Омму-Хакему, на которой онъ не задолго передъ тѣмъ женился. Она приняла Исламъ; но скоро послѣ того узнала, что ея мужъ пытался

моремъ уплыть въ Емень, и бурю былъ занесенъ назадъ, къ пристани. Она поспѣшила явиться къ пророку, бросилась передъ нимъ на колѣни, безъ покрывала, съ распущенными волосами, и умоляла оказать милосердіе ея мужу. Пророкъ, вѣроятно еще больше тронутый ея красотою, нежели ея горемъ, ласково поднялъ ее, и сказалъ, что ея просьба исполнена. Тогда она поспѣшила къ пристани, и поспѣла въ ту самую минуту, когда ея мужъ готовъ уже былъ снова отплыть въ море. Она вмѣстѣ съ нимъ, на торокахъ его коня, возвратилась въ Мекку, и привела его, уже правовѣрнаго, передъ пророка. При этомъ случаѣ однакоже ея лице было такъ тщательно скрыто, что только ея черные глаза видѣлись изъ подъ покрывала. Магометъ принявъ Акремино исповѣданіе вѣры; поставилъ его, за красоту и за преданность его жены, начальникомъ надъ отрядомъ Хавазенитянъ и щедро одарилъ молодую чету. Акрема, такъ же какъ и многіе другіе изъ обращенныхъ враговъ, вышелъ храбрымъ бойцемъ въ войнахъ за вѣру, и, отличившись во многихъ дѣлахъ, палъ на полѣ сраженія, изрубленный саблями и пронзенный копьями. \

Все поступки Магометовы, когда онъ овладѣлъ Меккою, показывали, что это было больше торжество ревнителя вѣры, нежели война. Сердце его смягчилось къ родимому городу, какъ скоро онъ былъ въ его власти; успѣхъ потушилъ въ немъ чувство мщенія, и онъ вполне былъ склоненъ забыть обиды.

Ансариане, или Мединскіе союзники, которые помогали ему въ походѣ, стали бояться, чтобы этотъ успѣхъ не обратился ко вреду ихъ. Они заботливо слѣдили за Магометомъ, когда онъ однажды, совершивъ молитву на холмѣ Альсафскомъ, сидѣлъ задумчиво и смотрѣлъ на Мекку, поприще его ранней борьбы и недавняго торжества. «Воистинну! — сказалъ онъ, — ты краса городовъ, любимица Аллаха! Если бы не былъ я изгнанъ моимъ же племенемъ, никогда бы я

тебя не оставилъ!»—Услышавши это, Ансаріане сказали другъ другу: «Смотрите! теперь Магометъ завоеватель и властелинъ своего родимаго города; онъ, вѣрно, останется здѣсь и покинетъ Медину!»—Слова ихъ дошли до его слуха, и онъ обратился къ нимъ съ горячію упрека: «Нѣтъ! сказалъ онъ, когда вы обязались стоять за меня, я поклялся, что буду жить и умру съ вами. Не былъ бы я Божій слуга и посланникъ, если бы оставилъ васъ!»

Слово свое онъ сдержалъ и остался въ Мединѣ, давшей пріютъ изгнаннику, до самой смерти.

Магометъ не довольствовался тѣмъ, что очистилъ Каабу и въ родномъ своемъ городѣ истребилъ идолопоклонство; онъ послалъ полководцевъ съ вооруженными отрядами, чтобы разрушить кумиры различныхъ племенъ, стоявшіе по сосѣднимъ городамъ и деревнямъ, и обратить къ вѣрѣ ихъ поклонниковъ.

Самый ревностный изъ всѣхъ этихъ воинственныхъ апостоловъ былъ Халедъ, у котораго душа еще кипѣла отъ недавняго обращенія. Вступивши въ Наклахъ, гдѣ Корейшане-язычники собирались на поклоненіе въ храмъ Уззы, онъ вошелъ въ священную роццу, опустошилъ храмъ и сбросилъ кумиръ на землю. Безобразная старуха, черная и нагая, съ растрепанными волосами, выскочила съ воплемъ, ломая руки, но Халедъ разсѣкъ ее поперекъ однимъ ударомъ сабли. Онъ рассказывалъ поступокъ свой Магомету и выразилъ сомнѣніе, старица ли она была или злой духъ. «Точно!—отвѣчалъ Магометъ—это была сама Узза!»

Во время одного изъ подобныхъ походовъ въ сосѣдную область Техаму, съ Халедомъ было триста пятьдесятъ человекъ, изъ которыхъ многіе принадлежали къ племени Сулейма; и съ нимъ же былъ Абдальрахманъ, принадлежавшій къ числу самыхъ раннихъ исповѣдниковъ вѣры. Про-

рокъ велѣлъ ему проповѣдывать миръ и добровольную покорность, внушать вѣру и воздерживаться отъ насилія, если не будетъ нападенія со стороны жителей. Послѣ двухдневнаго похода по дорогѣ къ Техамѣ, онъ долженъ былъ проходить черезъ область племени Джадсима. Большая часть жителей приняла Исламъ, но нѣкоторые остались въ Сабейской вѣрѣ. При одномъ изъ прежнихъ случаевъ это племя ограбило и убило дядю Халедова, отца Абдальрахмана и нѣсколькихъ Сулеймитянъ, когда они возвращались изъ Счастливой Аравіи. Изъ страха, чтобы Халедъ и войско его не стали мстить за эти обиды, они вооружились при ихъ приближеніи.

Халедъ въ тайнѣ радовался, видя, что они выѣзжаютъ къ нему на встрѣчу въ полномъ оружіи. Онъ гордо ихъ привѣтствовалъ и спросилъ, Мусульмане ли они, или невѣрные. Они отвѣчали дрожащимъ голосомъ, что они Мусульмане. «За чѣмъ же вы выѣзжаете къ намъ на встрѣчу съ оружіемъ въ рукахъ?»—«За тѣмъ, что между нѣкоторыми племенами у насъ есть враги, которые могутъ напасть на насъ неожиданно.»

Халедъ сурово приказалъ имъ спѣшиться и сложить оружіе. Нѣкоторые повиновались и тотчасъ же были схвачены и связаны; остальные бѣжали. Принимая это бѣгство за сознание въ винѣ, онъ ихъ преслѣдовалъ съ страшнымъ кровопролитіемъ, опустошилъ область и даже, въ пылу своей ревности, убилъ нѣсколько плѣнниковъ.

Когда Магометъ услышалъ о такой жестокости, ничѣмъ не заслуженной, онъ поднялъ руки къ небу, и призвалъ Бога въ свидѣтели, что онъ въ этомъ не виновенъ. А когда онъ упрекалъ Халеда послѣ его возвращенія, Халедъ старался было свалить вину на Абдальрахмана; но Магометъ съ негодованіемъ отвергъ обвиненіе одного изъ самыхъ раннихъ и заслуженныхъ своихъ послѣдователей. Великодуш-

ный Али посланъ былъ возвратить народу Джадсимскому все, что Халедъ отнял у него, и отдать денежное вознагражденіе родственникамъ убитыхъ. Это посольство было по немъ, и онъ его вѣрно исполнилъ. Онъ спрашивалъ каждаго объ его потеряхъ и страданіяхъ и всемъ заплатилъ, сколько кто требовалъ. Когда уже все потери были возвращены, и за всю пролитую кровь отдано вознагражденіе, онъ роздалъ народу оставшіяся деньги и привлекъ къ себѣ все сердца своей добротою. И такъ Али получилъ отъ пророка и благодарность, и похвалы; а мстительный Халедъ возбудилъ гнѣвъ, даже и въ тѣхъ, кому онъ надѣялся угодить.

«Видишь ли,—сказалъ онъ Абдальрахману—я отомстилъ за смерть твоего отца.»—«Скажи лучше,—отвѣчалъ Абдальрахманъ съ негодованіемъ,—что ты отомстилъ за смерть твоего дяди. Ты запятналъ вѣру поступкомъ, достойнымъ идолопоклонника.»

ГЛАВА XXXI.

Враждебныя движенія горцевъ. Неприятельскій станъ въ долину Аутасской. Сраженіе при проходѣ Хонейнской долины. Взятіе неприятельскаго стана. Свиданіе Магомета съ его кормилицею. Раздѣлъ добычи. Магометъ у могилы матери.

Пока воинственные проповѣдники Магометовы остріемъ меча распространяли его ученіе въ долинахъ, въ горахъ собиралась враждебная буря. Такефитяне, Гавазитяне, Джошмитяне, Саадитяне и другія воинственныя горныя племена Бедуиновъ составили союзъ, чтобы удержать силу, которая грозила поработить всю Аравію. Саадитяне или Бени-Сааль, о которыхъ здѣсь говорится, были то самое пасту-

шеское племя Арабовъ, среди котораго Магометъ воскормленъ былъ въ своемъ дѣтствѣ: въ ихъ долинѣ, какъ гласятъ преданія, ангелъ вынулъ и очистилъ ему сердце. Такефитяне, главные предводители союза, были могучимъ племенемъ и владѣли крѣпкимъ городомъ Таефомъ, съ его плодородною областью. Они были закоренѣлые идолопоклонники и хранили въ своей столицѣ далеко знаменитый храмъ богини Эль-Латъ. Читателю памятенъ тѣ оскорбленія, которыми встрѣченъ былъ Магометъ, когда онъ пытался проповѣдывать свое ученіе въ Таефѣ; его закидали камнями на городской площади, и наконецъ съ безчестіемъ выгнали за ворота. Вѣроятно, боясь его мщенья, Такефитяне такъ ревностно составили противъ него союзъ.

Старѣйшина Такефитянскій, Малекъ-Ибнъ-Ауфъ, былъ главою союзниковъ. Онъ назначилъ всѣмъ собраться и расположиться станомъ въ долинѣ Аутасской, между Хонепномъ и Таефомъ; а такъ какъ ему извѣстенъ былъ непостоянный характеръ Арабовъ, и готовность ихъ разойтись по домамъ по малѣйшей прихоти, то онъ велѣлъ имъ взять съ собою семейства и имущество. Они собрались изъ различныхъ сторонъ, въ числѣ четырехъ тысячъ воиновъ, но станъ ихъ былъ наполненъ женщинами, дѣтьми, загроможденъ стадами и табунами.

Противъ этой мѣры, которую принялъ Малекъ-Ибнъ-Ауфъ, чтобы быть увѣрену въ своихъ войнахъ, сильно возставалъ Дорандъ, глава Джошмитянъ. Онъ былъ старый воинъ, за сто лѣтъ отъ роду, высохшій какъ скелетъ, почти слѣпой, и до того уже слабый, что его возили въ паланкинѣ, на верблюдѣ. Но онъ, хотя уже не могъ участвовать въ сраженіяхъ, все еще силенъ былъ на совѣтахъ по своей военной опытности. Этотъ старецъ, житель пустынь, совѣтовалъ немедленно отослать назадъ всѣхъ женщинъ и дѣтей, и облегчить войско отъ лишнихъ тягостей. Совѣтъ его не былъ

принять, и долина Аутасская осталась больше похожа на пастушескій таборъ, чѣмъ на военный станъ.

А Магометъ между тѣмъ, узнавши о предстоящемъ дѣлѣ, вышелъ въ походъ, чтобы предупредить опасность, во главѣ почти двѣнадцатитысячнаго войска, составленнаго частью изъ Меккскихъ изгнанниковъ и Мединскихъ союзниковъ, частью же изъ степныхъ Арабовъ, изъ которыхъ не всѣ еще приняли вѣру.

Выступая въ походъ, онъ надѣлъ блестящую стальную броню и шлемъ, сѣлъ на своего любимаго бѣлаго мула Далдала: онъ рѣдко принималъ самъ участіе въ сраженіяхъ, и рѣдко садился на коня. Недавніе успѣхи и перевѣсъ въ силахъ обѣщали ему легкую побѣду; онъ вступилъ въ горы безо всякихъ предосторожностей, и подвигаясь впередъ на непріятельскій станъ въ Аутасѣ, вошелъ въ глубокую и мрачную долину на границѣ Хонеина. Войско шло въ безпорядкѣ черезъ утесистую тѣснину; всякій по своей тропинкѣ. Вдругъ полетѣла на нихъ цѣлая туча камней, сулицъ и стрѣлъ, отъ которыхъ двое или трое изъ Магометовыхъ воиновъ упали мертвые къ его ногамъ, и многіе другіе были ранены. Малекъ, съ отборной дружиной, занялъ всѣ высоты, господствующія надъ этимъ узкимъ проходомъ; каждая скала и пещера были заняты стрѣлками и пращеносцами; а многіе бросились внизъ на рукопашный бой.

Объятые внезапнымъ страхомъ, Мусульмане дрогнули и побѣжали. Напрасно Магометъ удерживалъ ихъ, какъ полководецъ и взывалъ къ нимъ, какъ Божій пророкъ. Каждый думалъ только о своей жизни и бѣжалъ изъ этой ужасной долины.

Была минута, когда все казалось потеряннымъ, и нѣкоторые изъ недавнихъ невольныхъ обращенцевъ уже радовались мнимой гибели пророка.

«Свидѣтель Богъ! воскликнулъ Абу-Софіанъ, смотря на бѣгущихъ Мусульманъ, теперь ихъ никакая сила не остановитъ, пока они добѣгутъ до моря».

«Да! воскликнулъ другой, теперь конецъ Магометовой волшебной силѣ»

Третій, который затаилъ въ сердцѣ мщеніе за смерть отца, убитаго Мусульманами при Оходѣ, готовъ былъ убить пророка въ этомъ смятеніи, если бѣ не окружали его и не охраняли немногіе вѣрные исповѣдники. Самъ Магометъ, въ порывѣ отчаянія, ударилъ своего мула и поскакалъ въ толпу непріятелей; но Аль-Аббасъ схватилъ мула за узду, не далъ ему броситься на вѣрную смерть, и вмѣстѣ съ тѣмъ крикнулъ такъ, что голосъ его раздался по всей узкой долинѣ. Аль-Аббасъ былъ славенъ своимъ громкимъ голосомъ, и это въ роковую минуту спасло войско. Мусульмане, услышавши этотъ знакомый голосъ, остановились, и видя, что ихъ никто не преслѣдуетъ, вернулись снова драться. Непритель сошелъ съ высоты, и тогда началась въ тѣснинѣ кровавая схватка. «Печь разгорается!» воскликнулъ Магометъ съ восторгомъ, когда увидѣлъ блескъ доспѣховъ и сверканіе оружія. Нагнувшись съ сѣдла, онъ схватилъ горсть пыли и бросилъ на воздухъ противъ непріятеля. «Смятеніе на лицо ихъ!—воскликнулъ онъ, — да ослѣпнуть они отъ этой пыли!» Такъ и случилось, говорятъ Мусульманскіе писатели; они ослѣпли и побѣжали въ смятеніи; хотя легче объяснить ихъ бѣгство перевѣсомъ силъ Мусульманскихъ и ревностью, которую внушали воззванія пророка. Малекъ и Такефитяне укрылись въ отдаленномъ городѣ Таефѣ, а прочіе отступили къ стану, въ долину Аутасскую.

Магометъ, оставаясь въ Хонеинской долинѣ, послалъ Абу-Амира, съ сильнымъ отрядомъ, на непріятельскій станъ. Хавазиняне дали крѣпкій отпоръ. Абу-Амиръ былъ убитъ;

но его племянникъ, Абу-Муса, принялъ начальство, одержалъ рѣшительную побѣду и перебилъ множество непріятелей. Въ станѣ была взята огромная добыча и множество плѣнныхъ, по неблагоразумному распоряженію Малека-Ибнъ-Ауфа, который обременилъ его семействами, пожитками, стадами и гуртами союзниковъ, не принявъ въ уваженіе мудрый совѣтъ старца Дораида. Судьба этого стараго воина Аравійскихъ степей заслуживаетъ упоминовенія. Когда Мусульмане разсѣялись по стану за добычей, одинъ молодой Сулеймитянинъ, Рабіа-Ибнъ-Рафи, замѣтилъ верблюда, который несъ на спинѣ паланкинъ, и пустился за нимъ въ погоню, предполагая, что въ паланкинѣ какая нибудь красавица. Догнавши верблюда, онъ отдернулъ занавѣсъ паланкина и увидѣлъ изсохшую фигуру старца Дораида. Съ досады онъ хотѣлъ ударить его мечемъ, но мечъ сломался у него въ рукѣ. «Мать твоя,—сказалъ старикъ съ усмѣшкою, — дала тебѣ плохое оружіе; у меня за сѣдломъ ты найдешь саблю получше».

Юноша схватилъ эту саблю; но когда онъ вынималъ ее изъ ноженъ, Дораидъ увидѣлъ, что онъ Сулеймитянинъ, и воскликнулъ: «Скажи своей матери, что ты убилъ Дораида-Ибна-Симму, который спасъ много женъ изъ ея племени, въ день битвы. »Однакожь эти слова были напрасны; голова старика была разсѣчена его собственной саблею. Когда Рабіа, возвратившись въ Мекку, разсказалъ матери о своемъ поступкѣ: «Ты въ самомъ дѣлѣ убилъ благодѣтеля нашего племени—сказала она съ упрекомъ,—Дораидъ-Ибнъ-Симма выручилъ изъ плѣна трехъ женщинъ твоего семейства».

Абу-Амиръ со славою возвратился къ Магомету, и съ торжествомъ показывалъ огромную добычу, взятую въ Аутасскомъ станѣ, плѣнныхъ женъ и дѣтей. Одна изъ плѣнницъ бросилась къ ногамъ пророка и просила его милости.

сердія, говоря, что она молочная его сестра, Аль-Шима, дочь его кормилицы Халемы, воспитавшей его въ Саадитской долині. Магометъ напрасно старался узнать въ ея увядшихъ чертахъ свѣтлую подругу дѣтства; но она открыла спину, и показала ему рубецъ, который остался у нея съ тѣхъ поръ, какъ онъ ее ударилъ, во время дѣтскихъ игръ. Тогда онъ не могъ болѣе сомнѣваться, ласково съ ней обошелся и предоставилъ на ея выборъ, либо остаться съ нимъ, подъ его покровительствомъ, либо возвратиться домой, къ роднымъ.

О плѣнницахъ возникло между Мусульманами недоумѣніе: могли ли они брать себѣ замужнихъ, не впадая въ грѣхъ прелюбодѣянiя? Откровеніе новаго текста Корана рѣшило затрудненіе. «Не берите себѣ въ жены свободныхъ замужнихъ женщинъ, если правая ваша рука не обратила ихъ въ рабынь.» По этому тексту всѣ женщины, взятыя на войнѣ, могутъ быть женами побѣдителей, хотя бы ихъ прежніе мужья и были живы. Побѣдители Хонейнскіе не замедлили воспользоваться этимъ закономъ.

Оставя плѣнныхъ и добычу въ безопасномъ мѣстѣ и подъ достаточнымъ прикрытіемъ, Магометъ пошелъ въ погоню за Такефитянами, которые укрылись въ Таефѣ. Къ его набожной ревности примѣшивалось чувство мщениа, когда онъ подходилъ къ этой твердынѣ идолопоклонниковъ, гдѣ онъ столько испыталъ обидъ и оскорбленій, и когда увидѣлъ городскія ворота, въ которыя со стыдомъ былъ когда-то выгнанъ. Стѣны однакоже были такъ крѣпки, что не лзя было идти на приступъ, и сверхъ того еще защищены были укрѣпленнымъ замкомъ. А потому онъ въ первый разъ долженъ былъ прибѣгнуть къ катапультамъ таранамъ и разнымъ другимъ стѣнобитнымъ орудіямъ, которыя употреблялись при осадахъ, но Арабамъ прежде не были извѣстны. Они изготовлены были подъ надзоромъ Салмана-аль-Фарси, обращеннаго Персіянина.

Однакоже осажденные отбили нападеніе; они пускали въ осаждающихъ сулицы и стрѣлы и лили растопленный чугунь на ихъ щиты изъ воловьихъ кожъ, подъ прикрытіемъ которыхъ они подходили къ стѣнамъ. Магометъ опустошилъ поля, огороды и виноградники, и объявилъ, что даруетъ свободу всемъ рабамъ, которые выдутъ изъ города. Двадцать дней онъ безуспѣшно велъ осаду и ежедневно молился, на полудорогѣ, между палатками своихъ женъ Омгъ-Саламы и Зейнабъ, которымъ досталось по жеребью провожать его въ этомъ походѣ. Онъ уже начиналъ отчаяваться въ успѣхѣ, тѣмъ больше, что видѣлъ сонъ, неблагоприятно объясненный Абу-Бекромъ, который славился искусствомъ толковать сны. Онъ готовъ былъ снять осаду; но войско ронтало; а потому онъ велѣлъ идти на приступъ къ однимъ изъ воротъ города. Городъ, по обыкновенію, защищался упорно; множество было убитыхъ съ обѣихъ сторонъ; Абу-Софіанъ, который храбро дрался, на этомъ приступѣ лишился одного глаза, и Мусульмане были отбиты окончательно.

Тогда Магометъ снялъ свой станъ, обѣщалъ войску возобновить осаду въ другое время, и отошелъ къ тому мѣсту, гдѣ оставлена была добыча, забранная въ этомъ походѣ. Эта добыча, какъ говорятъ Арабскіе писатели, состояла изъ 24,000 верблюдовъ, 40,000 овецъ, 4,000 унцій серебра и 6,000 плѣнныхъ.

Вскорѣ явились послы отъ Хавазинянъ, съ объясненіемъ, что племя ихъ покоряется, и проситъ возвратить его семейства и имущества. Съ ними пришла и Халема, кормилица Магометова, уже согбенная старостью. Сердце его опять было тронуто воспоминаніями дѣтства. «Что вамъ дороже?—спросилъ онъ у Хавазинянъ,—семьи или имущества?»—Они отвѣчали: «Семьи».

«Хорошо! отвѣчалъ онъ, я и Аль-Аббасъ готовы отдать нашу долю плѣнныхъ; но еще нужно склонить и другихъ».

Приходите ко мнѣ послѣ полуденной молитвы, и скажите: «Мы умоляемъ посланника Божія, чтобы онъ посовѣтовалъ своимъ послѣдователямъ отдать намъ нашихъ женъ и дѣтей; и умоляемъ его послѣдователей быть передъ нимъ нашими заступниками».

Послы исполнили его совѣтъ. Магометъ и Аль-Аббасъ тотчасъ же отказались отъ своей доли плѣнныхъ; и примѣру ихъ послѣдовали всѣ, исключая племя Тамимъ и Фазара; но Магометъ уговорилъ и ихъ согласиться, обѣщая имъ шестую долю плѣнницъ, которыя взяты будутъ въ слѣдующемъ походѣ. И такъ заступленіе Халемы освободило всѣхъ плѣнныхъ ея племени. Преданіе сохранило одинъ случай, который показываетъ, съ какимъ уваженіемъ Магометъ обходился съ этой бѣдной хранительницей его дѣтства. «Я сидѣлъ съ пророкомъ—говорить одинъ изъ его учениковъ—какъ вдругъ подошла къ намъ какая-то женщина; онъ всталъ и разостлалъ ей коверъ, чтобы она на немъ сѣла. Когда же она ушла, мнѣ сказали, что эта женщина кормила пророка».

За тѣмъ Магометъ отправилъ посла къ Малеку, который заперся въ Таефѣ, и предложилъ отдать назадъ всю добычу, взятую у него въ Хонейнѣ, и сверхъ того подарить ему сто верблюдовъ, ежели онъ покорится и приметъ вѣру. Малекъ былъ побѣжденъ и обращенъ этимъ щедрымъ предложеніемъ и привелъ съ собою еще нѣсколько изъ союзныхъ племенъ подъ знамена пророка. Онъ тотчасъ же былъ поставленъ ихъ главою и послѣ, какъ поборникъ Ислама, сдѣлался жестокимъ бичемъ своихъ прежнихъ союзниковъ Такефитянъ.

Между тѣмъ Мусульмане стали болтаться, чтобы Магометъ, въ порывахъ великодушія, не роздалъ всего, что они добыли въ послѣднихъ походахъ; а потому они столпились вокругъ него и громко стали требовать раздѣла добычи и

плѣнныхъ. Онъ взглянулъ на нихъ съ негодованіемъ. «Развѣ когда нибудь,—сказалъ онъ,—вы меня знали за корыстолюбца, или за лицемеръ, или за обманщика!»—Потомъ вырвалъ волосъ изъ спины верблюда и, возвысивши голосъ, воскликнулъ: «Аллахъ мнѣ свидѣтель, что я никогда изъ общей добычи не бралъ, ни на этотъ волосъ, больше своей пятой доли; а эту пятую долю я всегда тратилъ для вашего же блага».

Тогда онъ, по обычаю, раздѣлилъ добычу: четыре пятыхъ между войскомъ, а свою пятую долю роздалъ тѣмъ, которыхъ вѣрность онъ хотѣлъ утвердить. Корейшанъ онъ почиталъ за сомнительныхъ союзниковъ; можетъ быть, до слуха его и дошла радость нѣкоторыхъ изъ нихъ, когда думали, что онъ будетъ разбитъ; ихъ онъ старался привязать къ себѣ подарками. Абу-Софіану онъ далъ сто верблюдовъ и сорокъ окковъ серебра, въ вознагражденіе за глазъ, котораго онъ лишился на приступѣ къ воротамъ Таефскимъ; Акрему-Ибнъ-Абу-Джахля, и другихъ, подобныхъ ему, онъ одарилъ сообразно съ достоинствомъ cadaго, все изъ своей же собственной доли.

Въ числѣ обращенцевъ, еще не твердыхъ въ вѣрѣ, которыхъ онъ одарилъ, былъ одинъ поэтъ, Аббасъ-Ибнъ-Мардасъ. Онъ былъ не доволенъ тѣмъ, что ему досталось и недовольство свое излилъ въ сатирическихъ стихахъ. Магометъ услышалъ о томъ. «Возьмите этого челоуѣка,—сказалъ онъ—и отрѣжьте ему языкъ!» Омаръ, всегда готовый на строгія мѣры, хотѣлъ, чтобы приговоръ былъ исполненъ буквально и на мѣстѣ; но другіе лучше поняли мысль пророка; они повели Аббаса, дрожащаго отъ страха, на площадь, гдѣ отбитыя стада были собраны, и вели ему выбирать изъ нихъ, что захочетъ.

«Какъ! воскликнулъ поэтъ съ радостью, избавившись отъ страха быть изуродованнымъ, развѣ пророкъ этимъ средствомъ хочетъ связать мой языкъ? Клянусь Аллахомъ, что

я ничего не возьму.» Однакожь Магометъ настоялъ на своемъ политическомъ великодушии и послалъ ему шестьдесятъ верблюдовъ. Съ тѣхъ поръ поэтъ не переставалъ воспѣвать щедрость пророка.

Возбуждая приверженность еще не утвердившихся обращенцевъ Меккскихъ, Магометъ произвелъ ропотъ въ своихъ Мединскихъ союзникахъ. «Смотрите,—говорили они,—какъ щедро онъ награждаетъ Корейшанъ-измѣнниковъ; а мы ему были вѣрны при всѣхъ опасностяхъ и не получили ничего, кромѣ нашей законной доли. За что же онъ насъ ставить ниже ихъ?»

Магометъ узналъ объ ихъ ропотѣ и призвалъ ихъ вождей къ себѣ въ палатку. «Послушайте, мужи Мединскіе! сказалъ онъ имъ, не правда ли, что у васъ были междоусобныя ссоры, а я водворилъ согласіе? что были вы въ заблужденіи, а я васъ навелъ на истинный путь? что вы были бѣдны, а я васъ обогатилъ?»

Они подтвердили истину его словъ. «Смотрите же!» продолжалъ онъ, я къ вамъ пришелъ оглашенный лжецомъ, вы мнѣ повѣрили; меня преслѣдовали, а вы защитили. Я былъ изгнанникъ, а вы приютили меня; я былъ беспомощенъ, а вы помогли. Развѣ вы думаете, что этого я не чувствую? Развѣ думаете, что я могу быть неблагодаренъ? Вы жалуетесь, что я этимъ людямъ даю подарки, а вамъ не даю. Правда, что я отдаю имъ мірскія блага; но это за тѣмъ, чтобы привлечь ихъ мірскія сердца. А вамъ, за то, что вы были мнѣ вѣрны, я отдаю самого себя. Они возвратятся домой съ овцами и верблюдами, а вы съ пророкомъ Божиимъ. Потому что—свидѣтель мнѣ Тотъ, въ Чьихъ рукахъ душа Магометова—хотя бы весь міръ пошелъ въ одну сторону, а вы въ другую, я все бы остался съ вами! Чья же награда больше?»

Союзники тронуты были до слезъ его словами. «О пророкъ Божій! воскликнули они, мы нашей долей довольны!»

Когда подѣлили добычу, Магометъ опять возвратился въ Мекку, не какъ побѣдитель, съ торжествомъ и радостными кликами; а въ одеждѣ странника, чтобы довершить поклоненіе богомольца. Когда всѣ обряды тщательно были исполнены, онъ назначилъ Моада-Ибнъ-Джебала *иманомъ* или первосвященникомъ, чтобъ утверждать въ народѣ ученіе Ислама; а управление городомъ поручилъ Отабу, осьмнадцатилѣтнему юношѣ; потомъ простился съ родиной, и выступилъ съ войскомъ своимъ назадъ въ Медину.

Когда подходилъ онъ къ деревнѣ Аль-Абвѣ, гдѣ была схоронена его мать, сердце внушило ему желаніе отдать сыновнюю дань ея памяти; но его собственный законъ запрещалъ воздавать честь могилѣ чловѣка, умершаго въ невѣріи. Въ сильномъ волненіи чувствъ, онъ умолялъ небеса смягчить законъ. Можно думать, что онъ въ семь случаевъ обманывалъ самъ себя, и что въ самомъ дѣлѣ онъ вѣрилъ небесному внушенію, которое будто бы на этотъ разъ смягчило законъ и дозволило ему посѣтить могилу. Онъ залился слезами самой нѣжной сыновней привязанности, когда подошелъ къ этому мѣсту; но говорятъ, ему были позволены однѣ эти слезы. «Я просилъ у Бога, сказалъ онъ съ грустью, чтобы мнѣ было позволено посѣтить могилу матери, и мнѣ позволено; а когда я просилъ позволенія за нея молиться, — мнѣ отказано!»

ГЛАВА XXXII.

СМЕРТЬ МАГОМЕТОВОЙ ДОЧЕРИ ЗЕЙНАБЪ. У НЕГО РОДИТСЯ СЫНЪ ИБРАГИМЪ. ПОСОЛЬСТВО ОТЪ ДАЛЬНИХЪ ПЛЕМЕНЪ ПОЭТИЧЕСКОЕ СОСТЯЗАНИЕ ВЪ ПРИСУТСТВИИ ПРОРОКА. ЕГО ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ КЪ КРАСОТАМЪ ПОЭЗИИ. ВЪЯТІЕ ГОРОДА ТАЕФА, РАЗРУШЕНІЕ ИДОЛОВЪ. ПЕРЕГОВОРЫ СЪ АМИРОМЪ-ИБНЪ-ТАФИЕЛЕМЪ, ГОРДЫМЪ БЕДУИНСКИМЪ ВОЖДЕМЪ. НЕЗАВИСИМЫЙ ДУХЪ АМИРА. СВИДАНІЕ МАГОМЕТОВО СЪ ДРУГИМЪ ВОЖДЕМЪ, АДИ.

Вскорѣ послѣ возвращенія въ Медину, Магометъ былъ огорченъ смертью своей дочери Зейнабъ, той самой, что была ему возвращена въ обменъ за своего мужа, невѣрнаго Абуль-Аасса, плененнаго въ Бедерской битвѣ. Семейныя привязанности Магометовы были сильны, и онъ глубоко чувствовалъ свою потерю. Но его утѣшило рожденіе сына, отъ любимой наложницы, Маріи. Онъ назвалъ младенца Ибрагимомъ, и утѣшался надеждою, что этотъ сынъ его старости, его единственный сынъ, сохранить его имя въ будущихъ поколѣніяхъ.

Слава его, какъ пророка и завоевателя, разнеслась до самыхъ далекихъ предѣловъ Аравіи, и посольства отъ племенъ отдаленныхъ безпрестанно являлись въ Мединѣ. Одни признавали его пророкомъ и принимали Исламъ; другіе покорялись ему, какъ земному владыкѣ и соглашались быть его данниками. Дарованія Магометовы росли вмѣстѣ съ требованіями времени; его замыслы становились шире, по мѣрѣ успѣховъ; и онъ, съ проницательностію государственнаго мужа, началъ устроить финансовыя отношенія своего быстро возрастающаго царства. Правовѣрные, подъ названіемъ милостыни, платили подать, которая состояла изъ десятой доли всѣхъ произведеній земли, тамъ, гдѣ ручьи и дожди

давали ей плодородіе; а тамъ, гдѣ ея плодородіе зависѣло отъ искусственнаго орошенія, изъ двадцатой доли. Съ каждаго десятка верблюдовъ требовалось по двѣ овцы; съ сорока головъ рогатаго скота по одной коровѣ; съ тридцати головъ по двухлѣтнему теленку; съ каждаго сорока овецъ по одной овцѣ; а кто давалъ больше этого, тотъ доказывалъ больше усердія и вѣры, и соразмѣрно съ пожертвованіемъ считалась заслуга его передъ Богомъ.

Дань, которая собиралась съ племень, покорившихся его земной власти, но еще оставшихся въ невѣрїи, состояла изъ одного динарїя, деньгами или натурой, съ каждаго взрослого человѣка, какъ свободнаго, такъ и раба.

Встрѣтилось нѣкоторое затрудненіе въ сборѣ милостыни; гордое племя Тамимъ явно отказалось платить и прогнало сборщика. Конный отрядъ Арабовъ былъ посланъ противъ него и захватилъ въ плѣнъ нѣсколькихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Посольство отъ Тамимитянъ явилось требовать выдачи плѣнныхъ. Четверо изъ пословъ славилась какъ ораторы и поэты, и вмѣсто того, чтобы смириться передъ Магометомъ, они начали декламировать въ прозѣ и стихахъ, вызывая Мусульманъ на поэтическое состязаніе.

«Я не посланъ Богомъ, какъ поэтъ, отвѣчалъ Магометъ, я не ищу славы оратора.»

Однакожъ нѣкоторые его послѣдователи приняли вызовъ, и началась война чернильная, въ которой Тамимитяне признали себя побѣжденными. Магомету такъ полюбился ихъ вызовъ, ихъ поэзія и откровенное сознаніе, что они побѣждены, что онъ не только имъ отдалъ назадъ плѣнныхъ, а еще отпустилъ ихъ съ подарками.

Приводятъ другой примѣръ его чувствительности къ красотахъ поэзіи. Каабъ-Ибнъ-Зохаиръ, одинъ изъ славныхъ поэтовъ Меккскихъ, сложилъ на него сатирическіе стихи, попалъ за то въ число осужденныхъ на изгнаніе, но бѣжалъ во время взятія священнаго города.

Теперь Каабъ явился въ Медину для примиренія, и подойдя къ Магомету въ мечети, началъ пѣть ему хвалу въ поэмѣ, которая послѣ прославилась между Арабами какъ мастерское произведеніе. Въ заключеніе онъ особенно восхвалялъ его милосердіе, «потому что прощеніе обидъ есть та изъ всѣхъ доблестей пророка Божія, на которую каждый можетъ положиться съ величайшей увѣренностію».

Очарованный стихами и услаженный лестію, Магометъ оправдалъ слова поэта и не только простилъ его, но даже снялъ съ себя плащъ и набросилъ ему на плеча. Поэтъ сохранилъ эту священную одежду до самой смерти и не принялъ грудь золота, которыя ему предлагали за нее. Халифъ Моавія купилъ этотъ плащъ у его наслѣдниковъ за десять тысячъ драхмъ, и съ тѣхъ поръ Халифы носили его при торжественныхъ случаяхъ, пока въ тридцать шестое Халифство, Татарскій завоеватель Холагу сорвалъ его съ плечъ Халифа Аль-Мостасема-Биллаха и сжегъ въ пепель.

Городъ за городомъ и замокъ за замкомъ въ племенахъ Арабскихъ принимали вѣру и покорялись Магомету; а твердыня Такефитянь, Таефъ, упорно оставался при поклоненіи своему прославленному кумиру, Эль-Лать. Жители полагались на неприступность горъ, на крѣпость стѣнъ и замка. Но хотя и обезпеченный отъ приступа, онъ мало по малу былъ окруженъ и запертъ Мусульманами, такъ что жители не могли наконецъ показаться за воротами города, не подвергаясь нападеніямъ. Наконецъ они отправили посольство къ Магомету, чтобы вступить въ переговоры о мирѣ.

Пророкъ былъ сильно ожесточенъ противъ этого упрямаго идолопоклонническаго города, который разъ его выгналъ за свои ворота, а въ другой разъ отбилъ отъ своихъ стѣнъ. Онъ требовалъ обращенія и безусловной покорности. Послы тотчасъ же согласились сами принять Исламъ;

но представляли, какъ опасно требовать прямо отъ народа Таефскаго, чтобы онъ отрекся отъ своей древней вѣры. А потому они просили, отъ имени народа, чтобы ему было позволено еще три года поклоняться своему древнему идолу, Эль-Латъ. Эта просьба была рѣшительно отвергнута. Потомъ они просили, чтобы имъ дать по крайней мѣрѣ мѣсяць сроку, и приготовить народъ. Въ этомъ также было отказано, потому что всякое идолопоклонство несовмѣстно съ богопочитаніемъ. Они просили избавить ихъ отъ соблюденія ежедневныхъ молитвъ. «—Не можетъ быть истинной вѣры безъ молитвы», отвѣчалъ Магометъ. Наконецъ, они были принуждены покориться безусловно.

Абу Софіанъ, Ибнъ-Харбъ и Аль-Могейра, посланы были въ Таефъ разрушить каменный идолъ Эль-Латъ. Абу-Софіанъ хотѣлъ его ударить чеканомъ, но промахнулся и упалъ ничкомъ на землю. Народъ поднялъ крикъ, видя въ этомъ доброе предзнаменованіе; но Аль-Могейра однимъ ударомъ молота сокрушилъ его надежды и его кумирь. За тѣмъ онъ снялъ съ него дорогія одежды, запястья, ожерелья, серьги и другія украшенія изъ золота и драгоценныхъ камней, которыми украсили его поклонники, и оставилъ на землѣ его обломки, съ Таефскими женщинами, которыя плакали надъ нимъ и вопили (4).

Въ числѣ тѣхъ, которые не покорялись могуществу Магометову, былъ Бедуинскій вождь Амиръ-Ибнъ-Туфіель, глава могучаго племени Амира. Онъ славился красотою и

(4) Такефитяне до сихъ поръ еще существуютъ, какъ сильное племя, и владѣютъ тою же самою плодородной областью, на восточномъ склонѣ Хеджазскаго горнаго хребта. Часть ихъ живетъ въ древнемъ городѣ Таефѣ; другая часть живетъ въ шатрахъ и держитъ стада козъ и овецъ. Они могутъ выставить двѣ тысячи (matchlocks), и отстаивали свою Таефскую твердыню въ войнахъ съ Вахабіями. Burckhardt, Notes, vol. 2).

царственнымъ великолѣпьемъ; но онъ былъ человекъ надменный, а его великолѣпіе отзывалось тщеславіемъ. На большой ярмаркѣ въ Оказѣ, межъ Таефомъ и Наклахъ, куда стекались купцы, странники и поэты со всѣхъ концевъ Аравіи, обыкновенно глашатаи провозглашалъ: «Кому нуженъ рабочій скотъ, пусть идетъ къ Амиру; кто голоденъ, пусть идетъ къ Амиру, и будетъ накормленъ; кого преслѣдуютъ, тотъ пусть бѣжить къ Амиру, и найдетъ защиту».

Амиръ ослѣпилъ всѣхъ своей щедростью; а честолюбіе въ немъ росло вмѣстѣ съ его славою. Возрастающее могущество Магомета возбудило въ немъ ревность. Когда ему совѣтовали вступить съ нимъ въ переговоры: «Я поклялся, — отвѣчалъ онъ, — не знать покоя, пока вся Аравія не будетъ моя: и мнѣ покориться этому Корейшанину?»

Однакоже послѣднія завоеванія Мусульманъ убѣдили его слѣдовать совѣту друзей. Онъ поѣхалъ въ Медину, и подходя къ Магомету, спросилъ прямо: «Будешь ли ты мнѣ другомъ?»

«Никогда, Алахъ мнѣ свидѣтель! — былъ отвѣтъ, — если не примешь Ислама».

«А если приму? — Будешь ли ты доволенъ господствомъ надъ городскими Арабами, и оставишь ли мнѣ степныхъ Бедуиновъ?»

Магометъ отвѣчалъ, что не оставитъ.

«Такъ, что жъ я приобрѣту, принявши твою вѣру?»

«Товарищество всѣхъ правовѣрныхъ».

«Мнѣ ихъ товарищество не нужно», — отвѣчалъ гордый Амиръ, и съ воинскою угрозою возвратился къ своему племени.

Совсѣмъ не таковъ былъ другой Бедуинскій вождь, Ади, князь племени Таи. Отецъ его, Хатимъ, не только славился своими воинскими подвигами, но и безпредѣльной щедростію; такъ что Арабы говаривали: «щедръ какъ Хатимъ.» А его сынъ, Ади, былъ Христианинъ; и хотя, можетъ быть, онъ и наследовалъ щедрость своего отца, но не наследовалъ его мужества. Встревоженный опустошительными походами Мусульманъ, онъ приказалъ одному молодому Арабу, который пасъ въ степи его верблюдовъ, всегда имѣть наготовѣ самыхъ крѣпкихъ и быстрыхъ, и тотчасъ дать ему знать, если покажется непріятель.

Случилось разъ, что Али, разѣзжая не въ далекѣ отсюда съ отрядомъ всадниковъ, показался въ виду съ двумя знаменами, однимъ бѣлымъ и другимъ чернымъ. Молодой Бедуинъ увидѣлъ ихъ издалека и побѣжалъ къ Ади, съ крикомъ: «Мусульмане идутъ! я видѣлъ ихъ знамена!» Ади тотчасъ же посадилъ на верблюдовъ свою жену и дѣтей, и бѣжалъ въ Сирію. Сестра его, по имени Саффана, или жемчужина, досталась въ руки Мусульманъ, и отвезена была вмѣстѣ съ другими плѣнными въ Медину. Видя, что Магометъ проходитъ не въ далекѣ отъ мѣста ея заключенія, она закричала ему;

«Сжался надо мною, посланникъ Божій! Отецъ мой умеръ; а тотъ, кто бы долженъ быть моимъ покровителемъ, бросилъ меня. Сжался надо мною, посланникъ Божій, чтобы и Богъ надъ тобою сжалился!»

«А кто же твой покровитель?» спросилъ Магометъ.

«Ади, сынъ Хатимовъ».

«Онъ бѣглець отъ Бога и отъ его пророка», отвѣчалъ Магометъ, и прошелъ мимо.

На другой день, когда Магометъ опять проходилъ, Али, тронутый красотою и горестію этой женщины, шепнулъ

ей, чтобы она встала и опять просила пророка. Она повторила свою просьбу: «О, пророкъ Божій! отецъ мой умеръ; а тотъ, кто бы долженъ быть моимъ покровителемъ, бросилъ меня. Будь ко мнѣ милосердъ, чтобы и Богъ къ тебѣ былъ милосердъ!»

Магометъ обратился къ ней благосклонно. «Быть такъ!»—сказалъ онъ, и не только освободилъ ее, но снабдилъ одеждою и верблюдомъ и отправилъ съ первымъ караваномъ, который шелъ въ Сирію.

Пріѣхавши къ брату, она стала его упрекать въ его бѣгствѣ. Онъ сознался въ своей винѣ и получилъ прощеніе. Потомъ она стала его уговаривать, чтобы онъ покорился Магомету. «Онъ точно пророкъ,—сказала она—и скоро будетъ править всѣмъ міромъ; а потому спѣши пріобрѣсти его милость заблаговременно».

Осторожный Ади принялъ ея совѣтъ, посѣщилъ въ Медину, и поклонился пророку, когда онъ былъ въ мечети. Его собственный разсказъ объ этомъ свиданіи представляетъ разительную картину простоты обычаевъ и образа жизни Магомета, въ то время, когда онъ уже вполне овладѣлъ верховной властью и быстро шелъ отъ завоеванія къ завоеванію. «Онъ спросилъ у меня мое имя, — говоритъ Ади; — а когда я сказалъ, то пригласилъ меня идти вмѣстѣ съ нимъ къ нему въ домъ. На дорогѣ подошла къ нему слабая, изнуренная женщина. Онъ остановился и сталъ говорить съ нею объ ея дѣлахъ. Это — подумалъ я самъ про себя — не совсѣмъ по царски. Когда мы пришли къ нему въ домъ, онъ далъ мнѣ кожаную подушку, набитую пальмовыми листьями, чтобы я сѣлъ; а самъ сѣлъ на полу. Это — подумалъ я — не совсѣмъ по царски!

Потомъ онъ сказалъ мнѣ три раза, чтобы я принялъ Исламъ. Я отвѣчалъ, что у меня есть своя вѣра. «Я твою

вѣру знаю, сказалъ онъ, лучше нежели ты самъ. Ты, какъ князь, берешь у своего народа четвертую долю добычи. Это ли Христіанское ученіе? Изъ этихъ словъ я увидѣлъ, что онъ пророкъ и знаетъ больше другихъ людей.

«Ты не хочешь принять Исламъ—продолжалъ онъ—потому, что видишь нашу бѣдность. А близко время, и у правовѣрныхъ будетъ столько богатства, что они не будутъ знать, куда дѣвать его. Тебя, можетъ быть, пугаетъ, что Мусульманъ такъ мало въ сравненіи съ толпами ихъ враговъ. Клянусь Аллахомъ! скоро можно будетъ каждой Мусульманкѣ, одной и безъ страху, ѣхать на своемъ верблюдѣ изъ Кадесіи, на поклоненіе въ храмъ Божій, въ Мекку. Ты, можетъ быть, думаешь, что сила въ рукахъ невѣрныхъ; такъ знай же, что не далеко то время, когда мы водрузимъ наши знамена на бѣлыхъ зѣмкахъ Вавилонскихъ» (1).

Политикъ Ади повѣрилъ въ пророчество и тогда же принялъ вѣру.

ГЛАВА XXXIII.

Приготовленія къ походу въ Сирію. Пронски Абдалаха-Пенгъ-Оббы. Пожертвованія правовѣрныхъ. Походъ. Проклятая область Хаджарская. Станъ при Табукъ. Покореніе окрестныхъ областей. Халедъ беретъ въ распахъ Окайдоръ и его замокъ. Возвращеніе войска въ Медину.

Наконецъ Магометъ, силою слова и завоеваніями, господствовалъ почти надъ всею Аравіею. Разсѣянные племена, прежде опасныя другъ для друга, но безсильныя противъ остальнаго міра по своему разъединенію, сплотились

(1) См. Weil, Mohammed, p. 247.

въ одинъ народъ, и стали способны быть завоевателями. Званіе пророка давало Магомету непрекословную власть надъ огромною силою, возникшею въ пустынѣ, и онъ теперь былъ готовъ вывести ее въ поле, для проповѣданія вѣры и для распространенія Мусульманскаго могущества въ чужихъ земляхъ.

Его многочисленныя побѣды и недавнее сраженіе подъ Мutoю обратили наконецъ на него вниманіе царя Иракля, который началъ собирать войско на границахъ Аравіи, чтобы сокрушить этого новаго врага. Магометъ рѣшился предупредить его нападеніе и внести знамя вѣры въ самое сердце Сиріи.

До сихъ поръ онъ всё походы свои предпринималъ тайно, никому не говорилъ о своихъ замыслахъ и намѣреніяхъ, и его послѣдователи не знали, въ какія опасныя предпріятія они пускались. Но теперешній походъ былъ не то, что прежніе разбойничьи набѣги Арабовъ; онъ требовалъ большихъ приготовленій: нужно было собрать войска больше обыкновеннаго, и заготовить всякаго рода припасы на далекіе переходы и на долгое время. А потому онъ объявилъ всенародно о цѣли и свойствахъ предпріятія.

На этотъ разъ подъ его знамена стекались не такъ охотно, какъ прежде. Многіе помнили несчастную битву подъ Мutoю и боялись новой встрѣчи съ устроеннымъ Римскимъ войскомъ. Время года было также не благоприятно для такого дальняго, продолжительнаго похода. Стояло знойное лѣто; земля истрескалась, а ключи и ручьи пересохли. Подходило также и время сбора финиковъ, когда народу было нужнѣе быть дома и собирать финики, чѣмъ пускаться въ даль за добычею.

На всё эти обстоятельства искусно старался обратить вниманіе народное Хазрадитянинъ Абдаллахъ-Ибнъ-Обба, который оставался тайнымъ врагомъ Магометовымъ, и пользовался всякимъ случаемъ, чтобы вредить его замысламъ.

«Теперь настоящая пора, восклицалъ онъ, затѣвать такой дальній походъ, не смотря на дороговизну, на засуху, на палящій зной степей. Магометъ, кажется, думаетъ, что война съ Греками шутка; а вы увидите, что это совсѣмъ не то, что война Арабовъ съ Арабами. Аллахъ свидѣтель! мнѣ кажется, какъ будто я уже всѣхъ васъ вижу въ цѣпяхъ.»

Такими насмѣшками и внушеніями онъ возбудилъ страхъ и неудовольствіе съ своихъ приверженцахъ, Хазрадитянахъ, и вообще распространилъ въ народѣ нерасположеніе къ этому предпріятію. «Тѣ, которые хотятъ остаться, и не посвящаютъ себя на служеніе Богу,—гласитъ глава Корана, кстати тогда явившаяся,—думаютъ оправдаться лѣтнимъ зноемъ. Скажи имъ, что адскій огонь горячѣе. Они погрязнуть въ наслажденіяхъ временной безопасности; а послѣ безконечныя слезы будутъ имъ наказаніемъ.»

Въ эту минуту колебанія, нѣкоторые изъ усердныхъ приверженцевъ Магомета доказали свою ревность. Омаръ, Аль-Аббасъ и Абдальрахманъ пожертвовали огромныя суммы денегъ; многія изъ женщинъ-ревнительницъ принесли свои наряды и драгоценныя камни. Отманъ отдалъ Магомету тысячу, а иные говорятъ десять тысячъ динаровъ, и получили прощеніе всѣхъ грѣховъ, прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ. Абу-Бекръ отдалъ четыре тысячи драхмъ. Магометъ было задумался, принять ли ему эту жертву, зная, что тутъ все его достояніе. «А что же останется, сказалъ онъ, тебѣ и твоей женѣ?»—«Богъ и пророкъ Его» — былъ отвѣтъ.

Такіе примѣры ревности произвели сильное впечатлѣніе; однакожъ съ большимъ трудомъ удалось собрать войско изъ десяти тысячъ конницы и двадцати тысячъ пѣхоты. Тогда Магометъ назначилъ Али правителемъ Медины на время своего отсутствія и хранителемъ обоихъ семействъ. Это по-

рученіе было ему совсѣмъ не по сердцу, потому что онъ привыкъ не отставать нигдѣ отъ пророка и дѣлить всѣ его опасности. Когда всѣ приготовления были кончены, Магометъ выступилъ изъ Медины въ этотъ роковой походъ. Часть его войска состояла изъ Хазрадитянъ и ихъ союзниковъ, которыхъ велъ Абдаллахъ-Ибнъ-Обба. Недаромъ называлъ его Магометъ «вождемъ лицемѣровъ.» Онъ съ своими союзниками ночью разбилъ станъ отдѣльно, въ нѣкоторомъ разстояніи позади главнаго войска; а поутру, когда главное войско двинулось впередъ, отсталъ отъ него, и повелъ свой отрядъ назадъ въ Медину. Отправившись къ Али, которому такъ же, какъ и его приверженцамъ, было не пріятно начальство надъ городомъ, онъ старался возбудить въ немъ неудовольствіе, говоря, что Магометъ за тѣмъ только и поручилъ ему Медину, чтобы отъ него избавиться. Обиженный этимъ внушеніемъ, Али поспѣшилъ вслѣдъ за Магометомъ, и спросилъ у него: правду ли говорятъ Абдаллахъ и его приверженцы?

«Эти люди—отвѣчалъ Магометъ—лжецы. Они составляютъ кругъ Лицемѣровъ и Маловѣрныхъ, которые стараются возмутить Медину. Я тебя оставилъ тамъ, чтобы смотрѣть за ними, и быть хранителемъ нашихъ обоихъ семействъ. Я хотѣлъ, чтобы ты былъ мнѣ тѣмъ же, чѣмъ былъ Ааронъ Моусею, съ тою разницею, что ты не можешь быть пророкомъ, какъ Ааронъ, потому что я послѣдній пророкъ.» Довольный этимъ объясненіемъ, Али возвратился въ Медину.

Послѣ изъ этихъ словъ многіе заключали, что Магометъ назначалъ Али своимъ Халифомъ, или преемникомъ; потому что таково значеніе Арабскаго слова, которое употребляется для выраженія отношеній Аароновыхъ къ Моусею.

Войско, шедшее впередъ съ Магометомъ, скоро узнало, какъ трудно пускаться въ пустыню въ эту знойную пору. Многіе возвратились назадъ на другой же день, другіе на третій и на четвертый. Когда извѣщали пророка объ ихъ

бѣгствѣ, «оставьте ихъ — отвѣчалъ онъ — если они на чтонибудь годны, то Богъ опять приведетъ ихъ къ намъ; а если не годны, то мы избавились отъ лишней тяжести.»

Между тѣмъ какъ многіе, среди похода, упали духомъ, другіе, оставшіеся въ Мединѣ, раскаялись въ своемъ малодушіи. Одинъ изъ нихъ, по имени Абу-Хайтама, во время дневнаго зноя, пошелъ къ себѣ въ садъ и увидѣлъ обѣдъ изъ мясныхъ блюдъ и свѣжей воды, приготовленный для него въ прохладной тѣни шатра его двумя женами. Онъ сталъ на порогъ и задумался. «Въ эту минуту, воскликнулъ онъ, Божій пророкъ страдаетъ отъ зноя и вѣтра въ пустынѣ; а тутъ Хайтама будетъ сидѣть въ тѣни съ своими женами-красавицами? Клянусь Аллахомъ! что я не пойду въ шатеръ!» Онъ тотчасъ же взялъ копье и саблю, сѣлъ на верблюда и быстро понесся за знаменами вѣры.

А между тѣмъ войско, послѣ труднаго семидневнаго перехода, вступало въ горную область Хаджарскую, гдѣ жили въ древности Тамудитяне, одно изъ погибшихъ племенъ Аравіи. Это была проклятая сторона, преданіе о которой было рассказано выше ⁽¹⁾. Передовые полки, ничего не зная объ этомъ преданіи, истомленные зноемъ и усталостію, съ восторгомъ увидѣли ручей, который бѣжалъ по зеленой долинѣ, и прохладныя пещеры, изсѣченныя по скатамъ окрестныхъ холмовъ, гдѣ жили нѣкогда Тамудитяне, пораженные небеснымъ гнѣвомъ. Остановившись у береговъ ручья, иные хотѣли купаться, другіе стали варить кушанье и печь хлѣбы, и всѣ надѣялись на прохладный ночлегъ въ пещерахъ.

Магометъ, на походѣ, оставался, по своему обычаю, въ сторожевомъ полку, чтобы помогать слабымъ; иногда сажая съ собою какогонибудь отсталого, истомленнаго воина. Подойдя къ тому мѣсту, гдѣ остановились передовые отряды,

(1) См. стр. 26.

онъ вспомнилъ старину и преданія объ этомъ мѣстѣ, которыя рассказывали ему, когда онъ тутъ проѣзжалъ, еще въ дѣтствѣ. Боясь подвергнуться проклятію, отяготѣвшему надъ всей этой стороною, онъ велѣлъ войску бросить все яствы, которыя сварены были на водѣ изъ ручья; хлѣбъ, который былъ замѣшенъ на ней, отдалъ верблюдамъ и спѣшилъ прочь отъ мѣста, проклятаго небомъ. Потомъ, закрывши лице складками плаща, онъ ударилъ по своему мулу и во всю прыть пустился черезъ эту грѣшную сторону; а войско послѣдовало за нимъ, какъ будто въ бѣгствѣ отъ непріятеля.

Наступившая ночь была мучительна. Войско должно было разбить свой станъ въ безводномъ мѣстѣ; зной былъ нестерпимый, съ горячимъ пустыннымъ вѣтромъ; весь станъ томился несносной жаждою, какъ будто еще лежало на немъ проклятіе Тамудитское. Но на другой день обильный дождь освѣжилъ и укрѣпилъ людей и животныхъ. Они пустились въ походъ съ новыми силами, и войско, уже безъ препятствій, дошло до Табука, небольшого города на границахъ Римскаго царства, почти на полудорогѣ между Мединою и Дамаскомъ и около десяти дней пути отъ того и другаго города.

Тутъ Магометъ разбилъ свой станъ, вблизи водомета, среди роцъ и пастбищъ. Арабскія преданія утверждаютъ, что водометъ уже почти пересохъ, такъ что, когда налили одинъ сосудъ для пророка, то не осталось ни капли; что Магометъ однакоже напившись и совершивъ свои омовенія, плеснулъ остатокъ воды опять въ водометъ; и что тогда брызнула струя, которой было достаточно и для войска, и для скотины.

Изъ этаго стана Магометъ отправилъ своихъ вождей, чтобы провозгласить и вынудить вѣру и собрать дань. Нѣкоторые изъ окрестныхъ князей прислали посольства, либо признавая божественность его посланія, либо покаяясь

его временной власти. Одинъ изъ нихъ былъ Джоханна-Ибнъ-Руба, князь Эйлы, Христіанскаго города не въ дале-къ отъ Чермнаго моря. Объ этомъ городѣ преданіе раз-сказываетъ, что въ древнія времена въ немъ жили Евреи, что тамошніе старики обращены были въ свиней, а мо-лодые люди въ обезьянъ, за то, что ловили рыбу въ суб-боту. Объ этомъ приговорѣ торжественно повѣствуетъ Коранъ.

Князь Эйльскій заключилъ съ Магометомъ мирный дого-воръ, и согласился платить ежегодную дань въ три тыся-чи динаровъ (of crowns) золотомъ. Форма этого договора послужила образцомъ для переговоровъ съ другими влас-телями.

Въ числѣ Арабскихъ князей, которые исповѣдывали Хри-стіанскую вѣру и отказались покориться Магомету, былъ Окайдеръ-Ибнъ-Малекъ, изъ племени Кенды. Онъ жилъ въ замкѣ у подножія горы, среди своихъ владѣній. Халедъ былъ посланъ съ отрядомъ конницы, чтобъ принудить его къ покорности. Видя, что замокъ крѣпокъ, и что не лъзя его взять приступомъ, онъ прибѣгнулъ къ хитрости. Однаж-ды въ мѣсячную ночь, Окайдеръ и его жена наслаждались свѣжимъ воздухомъ на плоской крышѣ замка, и вдругъ уви-дѣли, что вблизи пасется какое-то животное, которое имъ показалось дикимъ осломъ изъ сосѣднихъ горъ. Окайдеръ былъ смѣлый ловець; онъ велѣлъ подать коня и копье, и выѣхалъ на охоту, взявъ съ собою брата Хассана и еще нѣсколько человекъ. Вышло, что дикой оселъ былъ только приманкой. Онъ еще не далеко отѣхалъ, какъ выскочилъ изъ засады Халедъ съ отрядомъ своимъ, и напалъ на не-го. Онъ былъ вооруженъ такъ легко, что долго защищать-ся было не возможно. Хассана убили на мѣстѣ, а Окай-дера взяли въ плѣнъ; прочіе бѣжали въ замокъ, который за тѣмъ скоро сдался. Послѣ этому князю возвращена была свобода за тяжелый выкупъ и съ условіемъ платить дань.

Въ знакъ побѣды, Халедъ послалъ Магомету одежду, снятую съ убитаго Хассана. Она была шелковая, богато вышитая золотомъ. Мусульмане столпились и разсматривали ее съ удивленіемъ. «Вы дивитесь этой одеждѣ? сказалъ пророкъ, а я вамъ клянусь Тѣмъ, въ Чьихъ рукахъ душа Магометова, что одежда, которую Саадъ, сынъ Маадіевъ, носить теперь въ раю, гораздо драгоцѣннѣе». Этотъ Саадъ, какъ судья, приговорилъ къ смерти семь сотъ Еврейскихъ плѣнныхъ въ Мединѣ послѣ одного изъ прежнихъ походовъ.

Когда войско освѣжилось отдыхомъ въ Табукѣ, и вся окрестная сторона приведена была въ покорность, Магометъ рѣшился продолжать походъ, и идти въ самую средину Сиріи. Но его послѣдователи не раздѣляли такого рвенія. Извѣстіе о томъ, что огромныя непріятельскія силы собираются на границахъ Сиріи, произвело въ войскѣ упадокъ духа. Магометъ замѣтилъ всеобщее уныніе; но ему не хотѣлось оставить походъ полуоконченнымъ. Онъ созвалъ военный совѣтъ, и предложилъ вопросъ, идти ли впередъ, или возвратиться? Омаръ сказалъ сухо: «Если тебѣ самъ Богъ велитъ, иди впередъ.—Тогда бы я не спрашивалъ у тебя совѣта,»—отвѣчалъ Магометъ.

Омаръ почувствовалъ этотъ упрекъ, и представилъ ему почтительно, какъ неосторожно было бы идти на встрѣчу огромной силѣ, которая, какъ говорили, была собрана на Сирійской границѣ; онъ представилъ также, сколько уже было приобретено Магометомъ въ этомъ походѣ; что онъ остановилъ угрожавшее нападеніе царскаго войска и принялъ изъявленіе покорности отъ многихъ племенъ и народовъ, отъ Чермнаго Моря до Евфрата. А потому онъ совѣтовалъ довольствоваться на этотъ годъ тѣмъ, что сдѣлано и отложить довершеніе предпріятія до будущаго похода.

Совѣтъ его былъ принять; потому что Магометъ всегда,—когда не былъ подѣ влияніемъ какого нибудь сильнаго влеченія или мнимаго вдохновенія,—охотно подчинялъ свое мнѣніе о военныхъ дѣлахъ, мнѣнію полководцевъ. И такъ, пробывши почти двадцать дней въ Табукѣ, онъ снялъ свой станъ и повелъ войско назадъ въ Медину.

ГЛАВА XXXIV.

Торжественное вступленіе въ Медину. Наказаніе тѣхъ, кои не захотѣли участвовать въ походѣ. Последствія отлученія. Смерть Абдаллаха—Ибнъ—Оббы. Раздоръ въ гаремъ пророка.

Когда Магометъ возвращался въ Медину послѣ своихъ побѣдъ, его вступленіе всегда отличалось тою же простотою и тѣмъ же отсутствіемъ блеска, какъ и всѣ его дѣйствія. Когда онъ подъѣзжалъ къ городу и всѣ его домоладцы, вмѣстѣ съ толпою народа, выходили къ нему на встрѣчу, онъ останавливался, чтобы съ ними поздороваться и сажалъ дѣтей позади себя на коня. Точно съ тою же простотою онъ вступилъ въ Медину, и возвратясь изъ похода противъ Табука.

Возвращеніе войска, обремененнаго добычею, изъ дальнаго похода, въ какой еще не хаживали войны Ислама,—было такимъ важнымъ событіемъ, что народъ не преминулъ встрѣтить его изъявленіями восторга. Повѣсили головы только тѣ, которые не захотѣли идти въ походъ, или ушли изъ войска. Сначала всѣ они были наказаны отлученіемъ: Магометъ запретилъ правовѣрнымъ всякое сообщеніе съ ними. Смягчившись однакоже ихъ горемъ и извиненіями, онъ мало по малу простилъ почти всѣхъ. Семеро изъ отлученныхъ, видя, что они лишены всякаго сообщенія съ своими знакомыми, и заклеяены позоромъ среди всеоб-

щаго народнаго торжества,—пришли въ отчаяніе; прико-
вали себя цѣпами къ стѣнамъ мечети, и поклялись, что
они такъ и останутся, покуда не будутъ прощены. А Ма-
гометъ поклялся тоже, что онъ ихъ такъ и оставитъ, по-
куда онъ отъ самаго Бѣга не получитъ разрѣшенія. По
счастью онъ получилъ разрѣшеніе въ новооткровенномъ
стихѣ Корана; однакожъ, снимая съ нихъ добровольныя
цѣпи, онъ взялъ треть ихъ имущества на издержки для
пользы вѣры.

Каабъ-Ибнъ-Малекъ, Мурара-Ибнъ-Рабіа и Хилаль-
Ибнъ-Омея еще оставались подъ отлученіемъ. Нѣкогда
они были въ числѣ самыхъ ревностныхъ исповѣдниковъ
Ислама; и ихъ измѣна была для пророка въ десятеро не-
навистнѣе, чѣмъ измѣна другихъ, которыхъ вѣра и пре-
жде была слаба и сомнительна. А потому онъ былъ непре-
клоненъ. Сорокъ дней они оставались подъ отлученіемъ, и
даже запрещено имъ было сообщеніе съ женами.

Разсказъ Кааба-Ибнъ-Малека о времени его отлученія
живо представляетъ Магометову власть надъ умами его при-
верженцевъ. Каабъ говоритъ, что все его сторонились, или
смотрѣли на него не попржнему. Двое его товарищей,
бывшихъ также подъ наказаніемъ, не выходили изъ до-
мовъ; а онъ бродилъ вездѣ, но съ нимъ никто не хотѣлъ
говорить. Онъ пошелъ въ мечеть, сѣлъ не въ далекѣ отъ
пророка и поклонился ему; но его поклонъ остался безъ
отвѣта. На сорокъ первый день ему запрещено сообщаться
съ женою. Тогда онъ вышелъ изъ города и разбилъ ша-
теръ на холму Сальскомъ, съ тѣмъ, чтобы выдержать воз-
ложенное на него наказаніе во всей строгости. Но сердце
его изнывало; весь Божій міръ, какъ онъ говоритъ, сталъ
ему тѣсенъ. На пятьдесятъ первый день пришелъ послан-
ный, съ извѣстіемъ, что есть надежда на прощеніе. Онъ
поспѣшилъ въ Медину, и пошелъ въ мечеть, къ пророку,
который принялъ его съ лицомъ свѣтлымъ, и сказалъ, что

Богъ простилъ его. Душа Каабова была восхищена изъ бездны отчаянія, и онъ, въ восторгѣ благодарности, отдалъ часть имущества, чтобы загладить проступокъ.

Скоро послѣ возвращенія войска въ Медину, Абдаллахъ-Ибнъ-Обба, Хазрадитянинъ, «вождь лицемѣровъ,» занемогъ безнадежно. Магометъ коротко зналъ его коварство и постоянные тайные происки; однакожъ онъ нѣсколько разъ навѣщалъ больного, присутствовалъ при его смерти, и провожалъ его тѣло до могилы. Даже, по усердной просьбѣ сына его, онъ совершалъ молитвы о прощениі грѣховъ умершаго.

Когда Омаръ сталъ наединѣ укорять Магомета за то, что онъ молился о лицемѣрѣ, и напомнилъ, какъ часто Абдаллахъ клеветалъ на него, то Магометъ ловко отвѣчалъ ему текстомъ Корана: «За лицемѣровъ молись, или не молись, какъ хочешь; а имъ, хоть будешь молиться и семьдесятъ разъ, прощенья не будетъ».

И такъ, онъ только изъ разчета молился надъ могилою Абдаллаха, чтобы привлечь на свою сторону Хазрадитянъ и сильныхъ друзей умершаго. Въ этомъ смыслѣ молитвы его были успѣшны; потому что друзья умершаго все почти ревностно предалися пророку, и онъ съ тѣхъ поръ уже безпрекословно господствовалъ надъ Мединою. Послѣ онъ объявилъ еще новое откровеніе, по которому онъ уже не долженъ былъ ни молиться у постели, ни стоять у могилы человѣка, умершаго въ невѣрїи.

Но, не смотря на то, что власть Магометова такъ была велика надъ его учениками и надо всеѣмъ народомъ, ему очень было трудно сладить съ своими женами и сохранить тишину у себя въ гаремѣ. Кажется, что въ супружескихъ отношенїяхъ онъ поступалъ довольно справедливо; каждой изъ женъ онъ назначилъ особенное жилище, гдѣ она одна была хозяйкою, и проводилъ съ ними каждыя сутки по

очередно. Случилось разъ, что когда онъ былъ у Хафзы, Хафза отлучилась изъ дому, чтобы навѣстить отца. Возвратившись нечаянно, она застала пророка съ его любимой и счастливой рабынею, Марією, матерью его сына Ибрагима. Ревность Хавзы выразилась громкими воплями. Магометъ боялся, чтобы эти вопли не возмутили всего гарема, и напрасно старался ее успокоить; она успокоилась только тогда, когда онъ далъ ей клятву впередъ никогда не прикасаться къ Маріи. Съ этимъ только условіемъ она простила ему и обѣщала никому не сказывать.

Однакожь она не сдержала слова: рассказала Аешѣ о невѣрности Магометовой, и скоро вѣсть разнеслась по всему гарему. Тогда всѣ жены подняли страшную бурю упрековъ; наконецъ Магометъ вышелъ изъ терпѣнія, развелся съ Хафзою и разорвалъ всѣ сношенія съ прочими. Цѣлый мѣсяцъ онъ лежалъ одинъ на коврѣ, въ отдельной комнатѣ; наконецъ Аллахъ скалился надъ его одиночествомъ, ниспослалъ первую и шестую главы Корана, въ которыхъ дано ему разрѣшеніе отъ клятвы въ отношеніи къ Маріи, и Марія стала подругой его уединенія.

Тогда мятежныя жены почувствовали свою ошибку и узнали, изъ того же самага откровенія, что правила, возложенныя на обыкновенныхъ людей, не относятся къ пророку. Кончилось тѣмъ, что онъ опять взялъ раскаявшуюся Хафзу, помирился съ Аешею, которую нѣжно любилъ, и мало по малу всѣмъ остальнымъ возвратилъ свою благосклонность; однакожь онъ удержалъ при себѣ Марію, потому что она была прекрасна и была матерью его единственнаго сына.

ГЛАВА XXXV.

Абу-Бекру поручено вести богомольцевъ въ Мекку. Али посланъ возвѣстить новое откровение.

Наступалъ священный мѣсяцъ ежегоднаго странствованія, а Магометъ былъ такъ занятъ дѣлами общественными и домашними, что самъ не могъ отлучиться изъ Медины; и потому вмѣсто себя онъ назначилъ Абу-Бекра эмиромъ, или вождемъ богомольцевъ, которые готовились идти изъ Медины въ священный городъ; Абу-Бекръ отправился въ путь, во главѣ трехъ сотъ богомольцевъ, съ двадцатью верблюдами для жертвоприношенія.

Недолго спустя послѣ того, Магометъ призвалъ своего зятя и ревностнаго ученика, Али, велѣлъ ему съѣздить на Аль-Аду (или *разрѣзныя уши*), быстрѣйшаго изъ своихъ верблюдовъ и ѣхать въ Мекку со всей возможной поспѣшностью, чтобы тамъ, передъ толпой богомольцевъ, собравшихся отовсюду, возвѣстить новую, важную суру, или главу Корана, только что полученную съ неба.

Али исполнилъ порученіе съ обычною своею ревностью и вѣрностью. Онъ пріѣхалъ въ священный городъ въ самый развалъ великаго религіознаго торжества. Въ тотъ самый день, когда совершались обряды набожнаго странствованія, когда жертвы закалались на холмѣ Минѣ, когда Абу-Бекръ проповѣдывалъ народу ученіе и обряды Ислама,—всталъ Али, и передъ огромной толпою народа, собравшагося на холмѣ Аль-Акабѣ, возвѣстилъ, что онъ посланникъ пророка и что привезъ важное откровеніе. За тѣмъ онъ прочелъ суру, или главу Корана, съ которою онъ былъ посланъ, и гдѣ религія меча была провозглашена въ полной силѣ. Эта

глава разрѣшила Магомета отъ всякаго перемирія, или союза съ идолопоклонниками и другими невѣрными, если они хотя въ чемъ нибудь не исполнять договора, или помогутъ его врагамъ. Невѣрнымъ дано четыре мѣсяца срока со времени этого возвѣщенія, и въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ они могли безопасно ходить по всей землѣ, а когда минетъ назначенный срокъ, тогда со всѣми, кто станетъ упорствовать въ невѣрїи, начнется война, всегда, вездѣ и всѣми способами, и явной силою, и хитростью: тогда имъ останется только либо принять вѣру, либо платить дань. Ни священные мѣсяцы, ни святыя мѣста уже не будутъ имъ охраною. «Какъ скоро минуютъ тѣ мѣсяцы, въ которые вамъ не позволено нападать на нихъ, говоритъ откровеніе — предавайте идолопоклонниковъ смерти вездѣ, гдѣ ихъ встрѣтите или берите ихъ въ плѣнъ; нападайте на нихъ или подстерегайте ихъ.» Всѣ связи крови и дружбы должны расторгнуться; правовѣрные не должны сообщаться даже и съ ближайшими родственниками и друзьями, если они будутъ упорствовать въ невѣрїи. По истеченіи года ни одному невѣрному уже не позволено вступать въ священные предѣлы Мекки, или въ храмъ Алаховъ. Этотъ запретъ продолжается и до нашего времени.

Думаютъ, что однимъ изъ главныхъ поводовъ къ этой строгой главѣ Корана были поступки нѣкоторыхъ Арабовъ Еврейской и языческой вѣры, съ которыми Магометъ заключилъ союзъ, но которые нѣсколько разъ ему измѣняли и даже предательски покушались на его жизнь. Во всякомъ случаѣ это доказываетъ, что онъ созналъ, до какой степени возрасла его сила, съ тѣхъ поръ какъ умеръ его коварный и могучій врагъ, Абдаллахъ-Ибнъ-Обба, съ тѣхъ поръ какъ Арабскія племена такъ быстро были обращены или завоеваны. И въ самомъ дѣлѣ, это былъ рѣшительный ударъ, который установилъ исключительное господство Магометовой вѣры.

Когда Абу-Бекръ и Али возвратились въ Медину, первый выразилъ свое удивленіе и неудовольствіе, что не онъ былъ избранъ возвѣстителемъ такого важнаго откровенія, которое, казалось, было въ связи съ его недавнимъ посольствомъ; но его успокоили тѣмъ, что всякое новое откровеніе должно быть возвѣщено либо самимъ пророкомъ, либо ближайшимъ членомъ его семьи.

ГЛАВА XXXVI.

Магометъ посылаетъ своихъ полководцевъ въ дальніе походы. Ставитъ намѣстниковъ для управленія Счастливой Аравіею. Посылаетъ Али усмирять возмущеніе въ этой области. Смерть единственнаго Магометова сына, Ибрагима. Магометъ у смертнаго одра и у могилы сына. Его изнеженіе. Его прощальное путешествіе въ Мекку; поступки и проповѣдь въ Меккѣ.

Провозглашеніе этой главы Корана, вмѣстѣ съ объявленіемъ безопадной войны противъ всѣхъ, кто не согласится увѣровать или покориться, — образовало цѣлыя толпы обращенцевъ и данниковъ; такъ что къ концу мѣсяца и къ началу десятаго года Геджиры, въ Мединскія ворота безпрестанно вступали посольства отъ отдаленныхъ племенъ и князей. Въ числѣ покорившихся временной власти пророка былъ Фарва, Сирійскій намѣстникъ императора Ираклія и правитель Амона, древней столицы Амонитянь. Покорность его однакоже не была признана императоромъ и наказана заточеніемъ.

Магометъ все больше и больше становился государемъ и въ чувствахъ, и въ дѣйствіяхъ; но всѣ самые смѣлые завоевательные замыслы его были всегда проникнуты

ревностью къ своей вѣрѣ. Онъ посылалъ полководцевъ въ такіе далекіе походы, въ какіе прежде не хаживали Арабы, и всегда за тѣмъ, чтобы разрушить идоловъ и покорить племена идолопоклонниковъ; такъ что его временная власть росла вмѣстѣ съ распространеніемъ его вѣры. Онъ поставилъ двухъ намѣстниковъ, чтобы во имя его править Счастливою Аравіею; а когда часть этой богатой и важной области возмутилась, послалъ туда Али, во главѣ трехъ сотъ всадниковъ, чтобы усмирить жителей.

Юноша Али выразилъ справедливое недоумѣніе, какъ ему исполнить это порученіе, и вести дѣло съ такими людьми, которые гораздо старше и умнѣе его; Магометъ положилъ одну руку ему на уста, а другую на грудь, и возведши глаза къ небу, воскликнулъ: «О, Аллахъ! развяжи языкъ его и наставь сердце!»—Онъ сообщилъ ему одно правило, какъ поступать въ званіи судьи: «Когда придуть къ тебѣ судиться, ты никогда не рѣшай въ пользу одного, покуда не выслушалъ другаго.» Потомъ онъ далъ ему въ руки знамя вѣры, надѣлъ на него чалму и простился съ нимъ.

Когда воинственный проповѣдникъ прибылъ въ еретическую область Емень, его всадники, увлеченные своими старинными Арабскими склонностями, стали бить, грабить, предавать все разоренію. Али прекратилъ ихъ разбой, остановилъ разбѣгавшихся жителей и началъ проповѣдывать имъ учене Ислама. Но рѣчи его, хотя и заповѣданныя еще такъ недавно самимъ пророкомъ, не произвели на нихъ успѣшнаго дѣйствія: они отвѣчали на нихъ стрѣлами и сулицами. Тогда онъ обратился къ старому доказательству,—къ мечу, и опровергнулъ ихъ такъ разительно, что человѣкъ двадцать невѣрныхъ было убито, а прочіе всѣ объявили себя вполне убѣжденными. За этимъ подвигомъ набожной ревности слѣдовали другіе подобные, и послѣ

каждаго онъ отправлялъ гонцевъ къ пророку, съ увѣдомленіемъ о торжествѣ вѣры.

Въ то самое время, какъ Магометъ радовался приходившимъ со всѣхъ сторонъ извѣстіямъ объ успѣхѣ, онъ былъ пораженъ во глубинѣ сердца одною изъ самыхъ тяжелыхъ семейныхъ утратъ. Ибрагимъ, его сынъ отъ любимой наложницы Маріи, пятнадцатимѣсячный младенецъ, его единственная отрасль мужескаго пола, на которомъ основана была его надежда передать свое имя потомству, занемогъ смертельно и умеръ передъ его глазами. Чувство родительское вполне овладѣло Магометомъ; онъ въ отчаяніи стоялъ, наклонившись надъ этимъ поблекшимъ цвѣтомъ своихъ надеждъ. Однакожь, и въ этотъ искуcительный часъ, онъ показалъ ту же преданность волѣ Божіей, которая положена въ основаніе его вѣры. «Сердце мое печально, сказалъ онъ тихо, и слезы льются изъ глазъ моихъ, расставаясь съ тобою, мой сынъ! Но горе мое было бы еще тяжелѣе, если бы я не зналъ, что скоро послѣдую за тобою. Мы все отъ Бога; отъ Него пришли, и къ Нему должны возвратиться».

Абдальрахманъ, видя его въ слезахъ, спросилъ: «Развѣ ты не запретилъ намъ плакать о мертвыхъ?» — «Нѣтъ, — отвѣчалъ пророкъ, — я запретилъ вамъ стоны и вопли; бить себя по лицу и рвать одежду: все это внушенія лукаваго; а слезы въ горѣ то же, чтó бальзамъ на сердце; онѣ намъ посланы милосердіемъ».

Онъ провожалъ сына до могилы, и тамъ въ тоскѣ разлуки опять доказалъ, что основы вѣры его никогда не выходили у него изъ памяти. «Сынъ мой! сынъ мой! — воскликнулъ онъ, когда опускали младенца въ могилу, — скажи: Богъ мой владыка; пророкъ Божій былъ мнѣ отцемъ, а вѣра моя Исламъ.» — Такъ онъ готовилъ младенца къ отвѣту передъ ангелами, которые, по Мусульманской вѣрѣ, бу-

дуть испытывать умершихъ въ вѣрѣ, покада они въ могилѣ (1).

Около этого времени случилось солнечное затмѣніе; нѣкоторые изъ ревностныхъ приверженцевъ Магомета изъясняли его какъ небесное знаменіе печали о смерти Ибрагимовой; но огорченный отецъ отвергнулъ такую грубую лесть. «Солнце и мѣсяць — сказали онъ — принадлежать къ числу чудесъ Божіихъ, черезъ которые онъ иногда выражаетъ свою волю слугамъ своимъ; но въ ихъ затмѣніи нѣтъ ничего общаго съ рожденіемъ и смертію какого-бы то ни было смертнаго.»

Смерть Ибрагимова была для Магомета такимъ ударомъ, который склонилъ его къ могилѣ. Силы его уже были потрясены необыкновеннымъ напряженіемъ, порывами его духа и тѣлесными его трудами; а ядъ, который данъ былъ ему въ Хайбарѣ, повредилъ въ немъ источники жизни, по временамъ отзывался страшными болями и состарѣлъ его преждевременно. Возрастаніе тѣлесныхъ недуговъ встревожило

---

(1) У Мусульманъ, при ихъ похоронномъ обрядѣ, муллакенъ или священникъ, долженъ обращать къ умершему, когда онъ положенъ въ могилу, слѣдующія слова: «О слуга Божій! О сынъ рабыни Божіей! знай, что теперь къ тебѣ слетятъ два ангела, съ порученіемъ къ тебѣ и тебѣ подобнымъ. Когда они спросятъ у тебя: Кто твой владыка? ты отвѣчай: Богъ мой владыка, во истину. А когда они спросятъ тебя о пророкѣ, или о томъ человѣкѣ, что къ вамъ былъ посланъ, ты отвѣчай: Магометъ посланникъ Божій, по правдѣ. А когда спросятъ о твоей вѣрѣ, скажи: моя вѣра Исламъ. А когда спросятъ о книгѣ твоего назиданія, ты имъ скажи: Коранъ книга моего назиданія, а Мусульмане мнѣ братья. А когда они спросятъ о твоей кеблѣ, ты скажи: Кааба мнѣ кебла; и въ жизни, и въ смерти исповѣдывалъ я, что нѣтъ божества кромѣ Бога, и Магометъ посланникъ Божій. Тогда они скажутъ: Спи, слуга Божій, подъ кровомъ Божіимъ!» — (См. Lane, *Modern Egyptians*, vol. II. p. 338).

его набожную ревность, и онъ рѣшился употребить остатокъ силъ на послѣднее богомольное странствіе въ Мекку, съ тѣмъ, чтобы подать примѣръ всѣмъ будущимъ подобнымъ обрядамъ.

Слухъ объ его благочестивомъ намѣреніи собралъ со всѣхъ концовъ Аравіи богомольцевъ, пожелавшихъ идти вслѣдъ за богомольцемъ-пророкомъ. На Мединскихъ улицахъ толпились различныя племена изъ городовъ и деревень, изъ горныхъ тѣсинъ и изъ далекихъ степей, и подгородныя долины уставлены были ихъ шатрами. Разительно было торжество новой вѣры, когда эти варварскія враждебныя племена, еще такъ недавно разъединенныя, собрались вмѣстѣ, какъ братья, и одушевились однимъ чувствомъ набожнаго усердія.

Девять женъ Магометовыхъ слѣдовали за нимъ въ паланкинахъ. Онъ выступалъ во главѣ огромной толпы, иные говорятъ пятидесяти пяти, иные девяноста, а иные ста четырнадцать тысячъ богомольцевъ. Было съ нимъ также огромное число верблюдовъ, украшенныхъ вѣнками изъ цвѣтовъ и развѣвающимися лентами; эти верблюды назначены были для жертвоприношеній.

Первый ночлегъ былъ въ пяти миляхъ отъ Медины, въ деревнѣ Дуль-Холайфѣ, гдѣ прежде того Магометъ и его спутники снимали съ себя оружіе и надѣвали одежду богомольцевъ. На другой день рано поутру, помолвившись въ мечети, пророкъ сѣлъ на своего верблюда Аль-Асву, и въѣзжая въ долину Байдскую, произнесъ молитву, или слово-словіе, которое по Арабски называется Талбиджахъ; всѣ его спутники за нимъ повторяли ее. Вотъ слова этой торжественной молитвы: «Я здѣсь, на службѣ Твоей, о Боже! я здѣсь, на службѣ Твоей! Нѣтъ Тебѣ равнаго. Тебѣ одному достоинъ поклоненіе. Отъ Тебя исходитъ все, что добро. Твое единого царство, нѣтъ Тебѣ совластника.»

Эта молитва, по преданію Мусульманскому, была произнесена праотцемъ Авраамомъ, когда съ вершины холма Кубейса, подъ Меккою, онъ проповѣдывалъ истинную вѣру всему роду человѣческому; и въ его голосѣ была такая дивная сила, что онъ былъ внятень всѣмъ живымъ существамъ, по всей вселенной; такъ что и дѣти въ утробѣ матерей отвѣчали: «Я здѣсь на службѣ Твоей, о Боже!»

Толпа богомольцевъ продолжала свой путь, извиваясь окольными дорогами, по горамъ и долинамъ и по временамъ оглашая пустыню общими молитвами и восклицаніями. Теперь уже не было враждебныхъ засадъ войска, которыя бы могли остановить, или потревожить ее, потому что Исламъ уже нераздѣльно господствовалъ во всей Аравіи. Магометъ приблизился къ священному городу съ тѣхъ же самыхъ высотъ, которыя онъ проходилъ, когда овладѣлъ Меккою, и вступилъ въ ворота Бени-Шейба, извѣстныя и до сихъ поръ подъ названіемъ Святыхъ воротъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ Магомета пріѣхалъ Али, который спѣшилъ изъ Емена, и привелъ съ собою табунъ верблюдовъ для жертвоприношеній.

Дабы богомолье это впоследствии служило образцовымъ, Магометъ соблюдалъ строго всѣ обряды, которые онъ утвердилъ согласно съ обычаемъ праотцевъ, или ввелъ вновь согласно съ своимъ мнимымъ откровеніемъ. Онъ такъ ослабѣлъ, что уже не могъ идти пѣшкомъ; а потому сѣлъ на верблюда, и на верблюдѣ совершилъ шествіе вокругъ Каабы и переезды между холмами Сафою и Мервою.

Когда настала пора заколотъ верблюдовъ на жертву, онъ самъ закололъ шестьдесятъ три, по одному на каждый годъ своей жизни; и въ то же время Али закололъ тридцать семь за себя.

Тогда Магометъ обрилъ себя голову, начавъ съ правой стороны и окончивъ лѣвою. Обритые локоны раздѣлены по-

ровну между его учениками и сохранены какъ святыня. Халедъ послѣ всегда носилъ одинъ изъ нихъ на чалмѣ, и увѣрялъ, будто онъ ему сообщаетъ сверхъестественную силу въ сраженіяхъ.

Чувствуя, что жизнь его изнемогаетъ, Магометъ, во время послѣдняго пребыванія въ священномъ городѣ Меккѣ, старался глубоко запечатлѣть свое ученіе въ умахъ и сердцахъ своихъ послѣдователей. Съ этой цѣлью онъ часто проповѣдывалъ либо въ Каабѣ съ кафедры, либо подъ открытымъ небомъ съ верблюда. «Слушайте слова мои,— говорилъ онъ,— потому, что я не знаю, на будущій годъ сойдемся ли мы здѣсь опять. О, мои слушатели! Я человекъ, такой же, какъ вы; ангелъ смерти можетъ явиться во всякое время, и я долженъ повиноваться его призыву».

Тутъ онъ старался внушать не только ученіе и исполненіе обрядовъ Меккѣ, а также и правила для всѣхъ отношеній жизни, общественной и домашней; и эти правила, изложенныя и подтвержденныя при этомъ случаѣ, имѣли сильное и прочное вліяніе на нравы, обычаи и привычки всего Мусульманскаго міра.

Безъ сомнѣнія ожидая близкаго конца и заботясь о судьбѣ своихъ родныхъ и друзей послѣ своей смерти, особенно о своемъ любимцѣ Али, который, какъ было извѣстно, произвелъ недовольство своими поступками въ недавнемъ Еменскомъ походѣ,—Магометъ воспользовался минутою сильного одушевленія и восторга своихъ слушателей, чтобы возложить на нихъ слѣдующую торжественную обязанность.

«Вы вѣруете,—сказалъ онъ,—что Богъ единъ, что Магометъ Его пророкъ и посланникъ; что рай и адъ не ложны; что смерть и воскресеніе вѣрны; и что есть время опредѣленное, когда всѣ, возставшіе изъ гробовъ, должны быть поставлены передъ судомъ».

Всѣ отвѣчали: «Вѣруемъ.» Тогда, во имя всѣхъ этихъ догматовъ Меккѣ, онъ торжественно возложилъ на нихъ обя-

занность соблюдать семейство его, а особенно Али, въ любви и почтеніи. «Кто любить меня,—сказалъ онъ,—тотъ и Али приметъ за друга. Да поддержитъ Богъ его друзей, и да отвратится отъ враговъ его».

Говорять, будто бы въ заключеніе одной изъ такихъ проповѣдей подь открытымъ небомъ, съ верблюда, посланъ былъ съ небесъ знаменитый стихъ Корана, произнесенный голосомъ самаго Божества: «Горе тѣмъ, въ нынѣшній день, кто отрекся отъ вашей вѣры. Ихъ не бойтесь, бойтесь Меня. Въ этотъ день я довершилъ вашу вѣру и исполнилъ надъ вами мою благодать. Мнѣ угодно, чтобы Исламъ былъ вашей вѣрой».

Услыша эти слова,—говорять Арабскіе историки, — верблюдъ Аль-Карва, на которомъ сидѣлъ пророкъ, въ благоговѣніи упалъ на колѣна. Эти слова, прибавляютъ они, были печатью и заключеніемъ закона; послѣ нихъ уже не было откровеній.

Наконецъ, исполнивши всѣ обряды и обязанности богомолья, и довершивъ изложеніе своей вѣры, Магометъ въ послѣдній разъ простился съ родимымъ городомъ, и отправился, во главѣ своего воинства богомольцевъ, назадъ въ Медину.

Когда передъ ними открылася Медина, онъ возвысилъ голосъ и воскликнулъ: «Богъ великъ! Богъ великъ! Его есть царство. Ему одному достоинъ хвала. Онъ всемогущій. Онъ исполнилъ обѣтъ свой. Онъ былъ заступникомъ слуги своего, и Онъ единый разсѣялъ враговъ его. Теперь возвратимся въ дома наши и воздадимъ Ему поклоненіе и хвалу.»

Такъ совершилось «прощальное странствіе,» послѣднее путешествіе Мусульманскаго пророка.

ГЛАВА XXXVII.

Два соперника: Аль-Асвадь и Мосейльма.

По возвращеніи въ Медину силы Магометовы все упадали; но его ревность къ распространенію своего религіознаго владычества не ослабла, и онъ готовилъ, въ большихъ размѣрахъ, походъ на Сирію и Палестину. Но пока онъ задумывалъ новыя завоеванія, явились два пророка-соперника оспаривать его господство въ Аравіи. Одного звали Аль-Асвадь, а другаго Мосейльма; правовѣрные справедливо ихъ назвали «двумя лжецами.»

Аль Асвадь, человекъ съ живымъ умомъ и съ даромъ убѣдительнаго краснорѣчія, былъ сначала идолопоклонникомъ, потомъ обратился къ Исламу, а послѣ и отъ него отступилъ, чтобы выдать себя за пророка и завести свою вѣру. Его прозвали, за измѣнчивость въ вѣрѣ, Аильхала, или флюгеръ. Вступая въ соперничество съ Магометомъ, онъ увѣрялъ, что ему бывають откровенія съ неба черезъ двухъ ангеловъ. Владѣя искусствомъ фокусника и естественной магіею, онъ изумлялъ и пугалъ толпу различными призраками, которые онъ выдавалъ за чудеса; такъ что нѣкоторые изъ Мусульманскихъ писателей вѣрили, что ему точно помогаютъ два генія, или демона. Его затѣи на нѣсколько времени увѣнчались большимъ успѣхомъ, который доказываетъ, какъ Арабы были тогда еще не тверды въ своихъ убѣжденіяхъ, и какъ готовы были принять всякую новую вѣру.

Персіянинъ Будханъ, котораго Магометъ оставилъ намѣстникомъ въ Счастливой Аравіи, умеръ въ этомъ году. Тогда Аль-Асвадь, стоявшій уже во главѣ могучей секты, убилъ его сына и наследника, женился на его вдовѣ, пре-

давши смерти отца ея, и захватилъ бразды правленія. Жители Наджрана призвали его въ свой городъ; столица Емена, Санаа, также отворила ему ворота; такъ что въ короткое время вся Счастливая Аравія покорилась его власти.

Вѣсть объ этомъ завладѣніи застала Магомета въ началѣ опасной болѣзни и въ заботахъ о приготовленіи къ походу Сирійскому. Досадуя на всякую задержку своихъ предприятий и видя, что вся опасность и трудность вопроса зависитъ отъ жизни одного человѣка, онъ послалъ приказаніе къ нѣкоторымъ изъ своихъ приверженцевъ, которые окружали Аль-Асвада, чтобы они избавились отъ него, либо открытою силою, либо хитростью; потому что оба способа разрѣшены противъ враговъ вѣры, по недавнему откровенію, которое провозгласилъ Али. Это порученіе взяли на себя двое, однакожь не столько изъ ревности къ вѣрѣ, сколько изъ мщенія. Одинъ изъ нихъ, Раисъ, былъ смертельно обиженъ похитителемъ; другой, по имени Фирузъ, Дайлемитянинъ, былъ двоюродный братъ новобрачной жены Аль-Асвадовой, племянникъ ея убитаго отца. Они пошли къ этой женщинѣ, которой бракъ вѣроятно совершенъ былъ насильственно, и представили ей обязанность, по Арабскому закону кровной мести, отмстить за смерть своего отца и перваго мужа. Они уговорили ее, съ большимъ трудомъ, чтобы она помогла имъ, въ глухую полночь, войти въ комнату спящаго Аль-Асвада. Фирузъ ударилъ его кинжаломъ въ горло; ударъ былъ не удаченъ: Аль-Асвадъ вскочилъ, и крикъ его встревожилъ стражу. Но жена его сама вышла къ стражѣ и успокоила ее. «Пророкъ — сказала она — теперь подъ влияніемъ божественнаго откровенія.» А между тѣмъ его крики замолкли, потому что убійцы отрѣзали голову своей жертвѣ. Когда разсвѣло, Магометово знамя снова развѣвалось на стѣнахъ города, и вѣстникъ провозгласилъ при звукѣ трубномъ смерть Аль-Асвада, иначе прозваннаго «лжецомъ, или обманщикомъ.» Его мо-

гущество успѣло и возрасти и рушиться не больше какъ въ четыре мѣсяца. Народъ, зыбкій въ вѣрѣ, такъ же легко опять принялъ Исламъ, какъ прежде его оставилъ.

Другой обманщикъ, Мосейльма, былъ Арабъ изъ племени Хонейфа, и господствовалъ въ городѣ и области Ямамѣ, между Чермнымъ моремъ и Персидскимъ заливомъ. Въ девятый годъ Геджиры онъ пришелъ въ Мекку во главѣ посольства отъ своего племени и сложилъ исповѣданіе вѣры въ руки Магометовы; но возвратившись на родину, онъ объявилъ, что Богъ и ему ниспослалъ даръ пророчества, и поставилъ его помогать Магомету въ обращеніи человѣческаго рода. Для этого онъ также написалъ Коранъ, который выдавалъ за вдохновенную истину. Вѣра его была тѣмъ замѣчательна, что назначала душѣ унижительное мѣстопребываніе въ задницѣ.

Онъ, какъ человѣкъ даровитый и ловкій, скоро обратилъ цѣлья толпы своихъ легковѣрныхъ одноплеменниковъ, и ободренный успѣхомъ, написалъ письмо къ Магомету, которое начиналось такъ:

«Отъ Мосейльмы, пророка Аллахова, къ Магомету, пророку Аллахову! Приди, подѣлимъ вселенную; половина будетъ твоя, половина моя.»

Это письмо также пришло къ Магомету, когда онъ изнемогалъ отъ болѣзни и озабоченъ былъ воинственными приготовлениями. На этотъ разъ онъ удовольствовался слѣдующимъ отвѣтомъ:

«Отъ Магомета, пророка Божія, къ Мосейльмѣ, лжецу. Земля Божья, а Богъ ее отдаетъ въ наслѣдіе тѣмъ изъ рабовъ своихъ, кто Ему угоденъ. Счастливы будутъ тѣ, которые живутъ во страхѣ Его.»

По важности другихъ дѣлъ, власть, захваченная Мосейльмой, осталась при немъ, а его наказаніе было отложено до другаго времени.

ГЛАВА XXXVIII.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ ВОЙСКА КЪ ПОХОДУ ВЪ СИРІЮ. ВОЖДЕМЪ НАЗНАЧЕНЪ ОСАМА. ПРОЦАЛЬНАЯ РЕЧЬ ПРОРОКА КЪ ВОЙСКУ. ЕГО ПОСЛѢДНЯЯ БОЛѢЗНЬ. ЕГО ПРОПОВѢДЬ ВЪ МЕЧЕТИ. ЕГО СМЕРТЬ И БЫВШІЯ ПРИ НЕЙ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА.

Въ самомъ началѣ одиннадцатаго года Геджиры, послѣ необыкновенныхъ сборовъ, могущественное войско было готово къ походу въ Сирію. Можно почти было принять за доказательство упадка умственныхъ силъ Магометовыхъ, что начальство надъ такимъ войскомъ, въ такомъ походѣ, онъ далъ не старому, испытанному полководцу, а Осамѣ, двадцатилѣтнему юношѣ. Кажется, поводомъ къ этому было пристрастіе, основанное на нѣжныхъ и благодарныхъ воспоминаніяхъ. Осамъ былъ сынъ Сеида, вѣрнаго Магометова отпущенника, который такъ убѣдительно и пріятно доказалъ пророку свою приверженность, когда уступилъ ему свою прекрасную жену, Зейнабъ. Сеидъ сохранилъ до конца жизни ту же вѣрность и то же самопожертвованіе, и палъ, сражаясь мужественно за вѣру, въ битвѣ подъ Мутою.

Магометъ зналъ, какъ опасенъ былъ его выборъ, и боялся, что войско не станетъ повиноваться такому молодому начальнику. А потому, на всеобщемъ смотрѣ, онъ увѣщевалъ войско повиноваться, и напомнилъ, что Сеидъ, отецъ Осамы, былъ начальникомъ въ точно такомъ же походѣ, противъ того же самага народа, и былъ убитъ; а потому справедливо почтить его память и дать его сыну случай отмстить за смерть его. Потомъ онъ передалъ знамя свое въ руки молодого вожда, и сказалъ ему, что онъ долженъ сражаться мужественно въ битвѣ за вѣру противъ всѣхъ, кто отрицаетъ единство Божіе. Войско выступило въ тотъ же день и разбило свой станъ подъ Джорфомъ, въ нѣсколь-

нихъ миляхъ отъ Медины; вскорѣ встрѣтились обстоятельства, которыя остановили походъ.

Въ ту же ночь съ Магометомъ сдѣлался сильный припадокъ той болѣзни, отъ которой онъ съ нѣкотораго времени страдалъ, и которую иные приписывали послѣдствіямъ отравы, что была ему дана въ Хайбарѣ. Болѣзнь начиналась сильной головной болью съ головокруженіемъ и бредомъ, который, кажется, сопровождалъ и всѣ другіе припадки его болѣзни. Въ полночь онъ вскочилъ отъ тревожнаго сна, велѣлъ одному изъ рабовъ своихъ идти за собою, и сказалъ, что мертвецы, которые лежатъ на Мединскомъ общественномъ кладбищѣ, призываютъ его помолиться о нихъ. Въ сопровожденіи раба, онъ прошелъ въ потемкахъ по безмолвному городу, гдѣ всѣ спали, къ большому кладбищу за городскими стѣнами.

Дойдя до половины кладбища, онъ возвысилъ голосъ и обратилъ торжественную рѣчь къ мертвецамъ. «Радуйтесь, жители могилъ!—воскликнулъ онъ;—утро, въ которое вы проснетесь, спокойнѣе того, что разсвѣнетъ для живыхъ. Ваша доля счастливѣе. Богъ васъ избавилъ отъ бурь, которыя ихъ ожидаютъ и будутъ одна смѣняться другою, какъ сторожа въ бурную ночь, все мрачнѣй и мрачнѣе.»

Помолившцесь о мертвыхъ, онъ обратился къ рабу и сказалъ ему: «Мнѣ дано на выборъ, либо остаться въ здѣшнемъ мірѣ до конца временъ, и наслаждаться всеми его блаженствами, либо скорѣй возвратиться въ присутствіе Божіе. Я выбралъ послѣднее.»

Съ этихъ поръ его болѣзнь стала быстро усиливаться, хотя онъ и старался выходить всюду по прежнему и проводилъ дни по очереди у каждой изъ женъ, по своему обычаю. Онъ былъ у Маймоны, когда болѣзнь его такъ усилилась, что онъ почувствовалъ близость смерти. Сердце влекло его къ любимой женѣ, Аешѣ, съ которой онъ хотѣлъ

провести послѣднія минуты. Али и сынъ Аль-Аббасовъ, Фадль, повели его къ Аешѣ, слабаго и съ повязанной головою. Она также страдала отъ сильной головной боли, и стала у него просить лекарства.

«За чѣмъ лекарство?—сказаль онъ.—Лучше тебѣ умереть прежде меня. Тогда бы я закрыль тебѣ глаза; надѣль бы на тебя погребальную одежду; положилъ бы въ могилу, и сталъ бы за тебя молиться».

«Да!—отвѣчала она,—а потомъ бы пошелъ въ мой домъ и сталъ бы тамъ жить съ другою женою, которая бы рада была моею смертію».

Магометъ улыбнулся этому выраженію ревнивой любви, и отдалъ себя на ея попеченіе. Фатима, жена Али, послѣдняя изъ его дочерей, оставшихся въ живыхъ, пришла навѣстить его. Аеша всегда говорила, что она никого не видывала, кто бы такъ похожъ былъ на пророка кротостію характера, какъ эта его дочь. Онъ всегда обращался съ нею съ почтительной нѣжностію. Когда она приходила къ нему, онъ обыкновенно вставалъ, шелъ къ ней на встрѣчу, цѣловалъ у ней руку и сажалъ ее на свое мѣсто. Разсказъ Аеши объ этомъ свиданіи сохранился по преданію, у Абульфеды.

«Здравствуй, дитя мое!», сказалъ пророкъ и посадилъ ее возлѣ себя. Потомъ онъ ей пошепталъ что-то на ухо; а она заплакала. Видя, что она огорчилась, онъ ей пошепталъ еще что-то, и тогда лице ея просвѣтлѣло. «Что̀ это значигь?—спросила я у Фатимы,—пророкъ тебя почтилъ такою довѣренностію, какою не пользуется ни одна изъ женъ его.» — «Я не могу открыть тайну пророка Божія», отвѣчала Фатима. Однакожъ, послѣ смерти его, она разсказала, что онъ повѣдалъ ей о своей близкой кончинѣ, а глядя на слезы ея, утѣшилъ ее тѣмъ, что и она скоро за нимъ послѣдуетъ и будетъ на небѣ царицею надъ вѣрными женами.

На другой день болѣзни Магометъ страдалъ отъ сильнаго жара, и велѣлъ себѣ на голову и на все тѣло лить воду, восклицая въ припадкахъ боли: «Теперь я чувствую, какъ Хайбарскій ядъ раздражаетъ мнѣ внутренности».

Когда ему стало полегче, онъ приказалъ повести себя въ находившуюся недалеко отъ дому мечеть. Тамъ, сѣвши на свое кресло или каедрю, онъ молился усердно; а потомъ обратился къ народу, котораго набралось много, и сказалъ: «Если есть что на совѣсти у кого изъ васъ, то говорите, потому что я буду просить у Бога прощенія».

Тогда одинъ Арабъ, котораго онъ почиталъ за ревностнаго Мусульманина, выступилъ впередъ и объявилъ про себя, что онъ лицемеръ, лжецъ и ученикъ недостойный. «Вонъ отсюда!—закричалъ Омаръ — зачѣмъ ты открываешь то, чему Богъ допускалъ оставаться въ тайнѣ?» Но Магометъ обратился къ Омару съ упрекомъ. «О сынъ Хаттабовъ, сказалъ онъ, лучше краснѣть отъ стыда въ здѣшнемъ мѣрѣ, чѣмъ страдать въ будущемъ». Потомъ онъ поднялъ глаза къ небу и сталъ молиться за этого Араба. «Боже!—воскликнулъ онъ—дай ему правоту вѣры и отжени отъ него всякую слабость въ исполненіи тѣхъ изъ Твоихъ повелѣній, которыя внушаетъ ему совѣсть».

Снова обратившись къ народу, онъ сказалъ: «Если есть ктонибудь между вами, кого я ударилъ, то вотъ моя спина, пусть онъ бьетъ меня. Если я кого опозорилъ, то пусть онъ самъ укоряетъ меня. Если я чтонибудь взялъ у кого несправедливо, то пусть онъ выступитъ и получить должное».

Одинъ человекъ изъ толпы напомнилъ Магомету, что онъ ему долженъ три динара серебромъ, и тотчасъ же получилъ свои деньги съ лихвою. «Гораздо легче, сказалъ пророкъ, терпѣть наказаніе въ здѣшнемъ мѣрѣ, нежели вѣчно».

Потомъ онъ сталъ усердно молиться за вѣрныхъ, которые пали возлѣ него въ Оходской битвѣ, и за тѣхъ, которые пострадали за вѣру въ другихъ сраженіяхъ. Онъ молился за нихъ въ силу союза, существующаго между живыми и мертвыми.

За тѣмъ онъ обратился къ Мохаджеринамъ, или изгнанникамъ, которые послѣдовали за нимъ изъ Мекки, и увѣщевалъ ихъ воздавать честь Ансаріанамъ, или союзникамъ Мединскимъ. «Число вѣрующихъ возрастетъ, сказалъ онъ, а число союзниковъ останется тоже. Они были моей семьей; у нихъ я нашелъ пріютъ. Благотворите ихъ благотворителямъ, и разорвите дружбу со врагами ихъ».

Потомъ онъ отдалъ, на прощанье, три приказанія:

1. Изгоните изъ Аравіи всѣхъ идолопоклонниковъ.
2. Дайте всѣмъ обращеннымъ права равныя съ собою.
3. Посвятите себя безпрестанной молитвѣ.

Когда онъ кончилъ проповѣдь и увѣщанія, его съ любовью отвели назадъ, къ Аешѣ; но пришедши туда, онъ такъ утомился, что упалъ въ обморокъ.

Его болѣзнь росла со дня на день, и, кажется, онъ по временамъ впадалъ въ бредъ, потому что говорилъ о посѣщеніяхъ архангела Гавріила, котораго Богъ будто бы посылалъ справляться объ его здоровьѣ, и который будто бы говорилъ, что ему самому предоставляется назначить минуту кончины; потому что Аллахъ запретилъ ангелу смерти являться къ нему безъ его позволенія.

Въ одинъ изъ припадковъ, онъ потребовалъ свой письменный приборъ, чтобы оставить нѣкоторыя правила для поведенія своихъ послѣдователей. Всѣ окружающіе смутились, отъ опасенія, чтобъ онъ не сдѣлалъ чегонибудь, что можетъ ослабить силу Корана. Услышавши, что они раз-

суждаютъ между собою, исполнить ли его требованіе, онъ велѣлъ имъ выйти изъ комнаты; а когда они возвратились, ничего болѣе не говорилъ объ этомъ.

Въ пятницу, день богослужебныхъ собраній, онъ хотѣлъ, не смотря на болѣзнь, служить въ мечети, и велѣлъ опять лить на себя воду, чтобы освѣжиться и подкрѣпиться; но едва сдѣлалъ усиліе, чтобы идти, какъ упалъ въ обморокъ. Придя въ себя, онъ просилъ Абу-Бекра совершить все-народныя молитвы; и сказалъ, что «Аллахъ даровалъ своему слугѣ право назначить на свое мѣсто, кого онъ хочетъ». Послѣ иные утверждали, что этими словами онъ назначалъ своего испытаннаго друга и приверженца преемникомъ своей власти; но такое буквальное толкованіе словъ Магометовыхъ привело Абу-Бекра въ большое смущеніе.

Скоро донесли Магомету, что появленіе Абу-Бекра на кафедрѣ произвело сильное волненіе, и что разнесся слухъ о смерти пророка. А потому, собравши послѣднія силы и опираясь на плеча Али и Аббаса, онъ еще разъ пошелъ въ мечеть; его появленіе произвело радость во всемъ городѣ. Абу-Бекръ пересталъ говорить молитву; но Магометъ велѣлъ ему продолжать, и сѣвши позади его на кафедрѣ, повторялъ за нимъ слова молитвы. Потомъ, обратившись къ народу, онъ сказалъ: «Я узналъ, что слухъ о смерти пророка вашего встревожилъ васъ. Но развѣ былъ хоть одинъ пророкъ прежде меня, который бы жилъ вѣчно; что вы думаете, будто я васъ никогда не оставляю? Все совершается по волѣ Божіей, и всему свое время, котораго не лзя ни ускорить, ни замедлить! Я возвращаюсь къ Тому, кто послалъ меня; а мое послѣднее завѣщаніе вамъ заключается въ томъ, чтобы вы хранили ваше единство; чтобы вы любили, почитали и поддерживали другъ друга; чтобы вы назидали другъ друга въ вѣрѣ и постоянствѣ, и въ совершеніи добрыхъ дѣлъ; этимъ однимъ люди счастливы, прочее все ведетъ къ гибели.»

Въ заключеніе своего увѣщанія онъ прибавилъ: «Я только умру прежде васъ; скоро и вы за мною послѣдуете. Смерть ожидаетъ насъ всѣхъ; а потому никто не старайся отворотить ее отъ меня. Жизнь моя была на ваше добро; равно и смерть моя.»

Это были послѣднія слова, которыя онъ говорилъ народу. Али и Аль-Аббасъ опять отвели его къ Аешѣ.

Послѣ того былъ одинъ день, когда ему стало такъ хорошо, что Али, Абу-Бекръ, Омаръ и прочіе, находившіеся при немъ безотлучно, разошлись на время по домамъ, чтобъ заняться своими дѣлами. Одна Аеша осталась съ нимъ. Но это облегченіе было обманчиво. Страданія возвратились съ удвоенной силою. Чувствуя, что смерть приближается, Магометъ приказалъ дать свободу всѣмъ рабамъ своимъ и всѣ деньги, бывшія въ домѣ, раздать бѣднымъ; а потомъ, обративши глаза къ небу, воскликнулъ: «Боже! не оставь меня въ смертной борьбѣ?»

Тогда Аеша поспѣшила послать за своимъ отцемъ и Хафзою. Оставшись одна съ Магометомъ, она поддерживала его голову у себя на колѣняхъ, наблюдая за нимъ съ нѣжной заботливостью и стараясь облегчить его смертныя страданія. Отъ времени до времени онъ опускалъ руку въ сосудъ съ водою и слегка опрыскивалъ себѣ лице. Наконецъ онъ поднялъ глаза къверху, и недвижно смотря нѣсколько времени, воскликнулъ перерывающимся голосомъ: «О Аллахъ! да будетъ такъ, среди прославленныхъ сожителей, въ раю!»

«Тогда я узнала, — говорила Аеша, рассказывая объ его смерти, — что его послѣдняя минута пришла, и что онъ выбралъ высшую жизнь.»

Черезъ нѣсколько мгновений рука его похолодѣла, и жизнь угасла. Аеша положила голову его на подушку, и стала

себя бить по головѣ и по груди, съ громкимъ воплемъ. На ея крики сбѣжались прочія жены Магометовы, и скоро громкіе вопли ихъ разнеели горестную вѣсть по всему городу. Ужасъ овладѣлъ народомъ, какъ будто совершилось какое-то великое чудо. Всѣ дѣла были брошены. Войску, которое уже сняло было свои шатры, велѣно было остановиться, и Осама, уже готовый двинуться въ походъ, повернулъ коня своего къ воротамъ Медины и воткнулъ свое знамя у дверей пророка.

Народъ толпился взглянуть на тѣло; волненіе и ссоры господствовали даже и въ комнатѣ умершаго. Иные не вѣрили своимъ глазамъ. «Какъ онъ можетъ умереть?—воскликали они.—Развѣ онъ не ходатай нашъ передъ Богомъ? Какъ же онъ можетъ умереть? Быть не можетъ! Онъ только въ забытїи, и вознесся на небо, какъ Иса и другіе пророки».

Толпы увеличивались передъ домомъ и громко кричали, что тѣла не должно хоронить, когда явился Омаръ, до котораго только что дошли эти вѣсти. Онъ выхватилъ саблю и, продираясь сквозь толпу, грозилъ обрубить и руки, и ноги всякому, кто вздумаетъ увѣрять, будто бы пророкъ умеръ. «Онъ только отошелъ на время,—говорилъ онъ,—какъ Муса (Моисей), сынъ Имрамовъ, отходилъ на гору на сорокъ дней; онъ также возвратится!»

Абу - Бекръ, находившійся въ отдаленной части города, подоспѣлъ еще во время, чтобы успокоить народъ и остановить восторги Омаровы. Онъ взошелъ въ комнату, приподнял покровъ, бывшій надъ усопшимъ, поцѣловалъ Магомета въ блѣдное лице, и воскликнулъ: «Ты былъ мнѣ отцемъ и матерью! Ты прекрасенъ и мертвый, благовоніе жизни отъ тебя исходитъ! Теперь ты живешь въ вѣчномъ блаженствѣ, и никогда уже Аллахъ не подвергнетъ тебя второй смерти!»

Потомъ онъ опять опустилъ покровъ, и вышелъ, чтобы остановить возгласы Омаровы; но, видя бесполезность своихъ увѣщаній, онъ обратился къ толпѣ: «Да! сказалъ онъ, если вы поклонялись одному Магомету, то Магометъ умеръ; а если вы поклоняетесь Богу, Богъ умереть не можетъ. Магометъ былъ только пророкомъ Божиимъ, и совершилось надъ нимъ тоже, что надъ апостолами и святыми мужаами, бывшими прежде него. Самъ Аллахъ сказалъ въ Коранѣ своемъ, что Магометъ только его посланникъ и подверженъ смерти. Такъ что же? Развѣ вы оставите его и бросите его ученеіе за то, что онъ умеръ? Вспомните, что ваше отступничество не повредитъ Богу, а только васъ подвергнетъ вѣчному осужденію; тогда какъ Божіе благословеніе будетъ излито надъ тѣмъ, кто Ему останется вѣренъ.»

Народъ слушалъ Абу-Бекра со слезами и рыданіями, и покуда онъ слушалъ, отчаяніе его утихло. Даже Омаръ былъ убѣжденъ, хотя и не утѣшенъ. Онъ бросился на землю и рыдалъ по Магометъ, которой былъ ему вождемъ и другомъ.

Смерть лжепророка, по свидѣтельству Мусульманскихъ историковъ, Абульфеды и Аль-Джаннаби, совершилась въ день его рожденія, когда ему исполнилось шестьдесятъ три года. Это былъ одиннадцатый годъ Геджиры и 632 годъ Христіанскаго лѣтосчисленія.

Тѣло обмыли, умастили благовоніями, и обернули въ три покрова: два бѣлыхъ, а третій изъ полосатой Еменьской ткани. Потомъ все вмѣстѣ опять напитали амброю, мускусомъ, алоемъ и другими благовонными травами, выставили передъ народъ и совершили семьдесятъ двѣ молитвы.

Тѣло три дни оставалось безъ погребенія, чтобы исполнить восточный обычай, и успокоить тѣхъ, которые еще подозрѣвали въ случившемся лишь временное оцѣпѣненіе. Когда признаки смерти сдѣлались явны, стали готовиться къ погре-

беню. Тутъ возникъ споръ о мѣстѣ. Мохаджерини, или ученики Меккскіе, стояли за свой городъ, какъ мѣсто его рожденія; Ансаріане за Медину, какъ за тотъ городъ, въ которомъ онъ нашель убѣжище и провелъ послѣдніе десять лѣтъ своей жизни. Третіи совѣтовали отвезти его тѣло въ Іерусалимъ, какъ мѣсто погребенія пророковъ. Абу-Бекръ, котораго слово было всегда самое сильное, объявилъ, что воля Магометова ясна, что пророкъ долженъ быть погребенъ тамъ, гдѣ умеръ. Это и было исполнено въ буквальномъ смыслѣ: могилу вырыли въ домѣ Аешиномъ, подъ самой той постелью, на которой Магометъ испустилъ духъ.

Примѣчаніе. Домъ Аешинъ стоялъ рядомъ съ мечетью, которая тогда была еще бѣднымъ строеніемъ, съ глиняными стѣнами, на деревянныхъ столбахъ, и покрыта пальмовыми листьями. Послѣ все это мѣсто было заключено въ пространнѣй храмъ, въ видѣ колоннады, окружающей продолговатый четверугольникъ, въ 165 шаговъ длиною и 130 шаговъ шириною, безъ крыши, съ четырьмя воротами для входа. Колоннада изъ нѣсколькихъ рядовъ колоннъ различной величины, оштукатуренная и росписанная яркими красками, поддерживала нѣсколько небольшихъ бѣлыхъ куполовъ по четыремъ сторонамъ четверугольника. По четыремъ угламъ стояли высокіе и стройные минареты.

Не въ далекѣ отъ юговосточнаго угла четверугольника есть мѣсто, отгороженное узорчатою, желѣзною рѣшеткою, выкрашенной въ зеленую краску и перевитой бронзою и позолоченной проволокою, сквозь которую ничего не видно иначе, какъ въ маленькія окошки, около шести квадратныхъ вершковъ величиною. Это отгороженное мѣсто, главный предметъ поклоненія богомольцевъ, называется Гаджира, и заключаетъ въ себѣ могилы Магомета и его двухъ друзей и первыхъ преемниковъ, Абу-Бекра и Омара. Надъ этимъ мѣстомъ, священнымъ для Мусульманъ, возносится высокій

куполъ, увѣнчанный золотымъ шаромъ и полумѣсяцемъ, при видѣ котораго богомольцы, подходя къ Мединѣ, при- вѣтствуютъ могилу пророка низкимъ поклономъ и обыч- ными молитвами. Чудесная сказка, которой такъ долго вѣ- рили, будто бы гробъ Магометъ виситъ на воздухѣ самъ собою, и которую Христіанскіе писатели объясняли пред- положеніемъ, что желѣзный гробъ поставленъ между двумя магнитами, оказалась пустою выдумкою.

Мечеть подвергалась не разъ переменамъ. Она была раз- бита и частью разрушена страшною грозой; но опять воз- становлена Султаномъ Египетскимъ. Многіе Халифы распро- страняли и украшали ее; особенно Валедъ 1-й, при кото- ромъ была завоевана Испанія. Огромныя сокровища ме- чети, составившіяся изъ приношеній, были расхищены Вахабитами, когда они взяли и разграбили Медину. А те- перь, хотя она уже не такъ великолѣпна, ее охраняютъ около тридцати агъ, глава которыхъ называется Шейхъ- аль-Харамъ, или глава Святаго дома. Онъ высшій санов- никъ въ Мединѣ. Богомольное странствованіе въ Медину, хотя почитается заслугою и дѣломъ благочестивымъ, од- накоже не возложено на Магометанъ наравнѣ съ путеше- ствіемъ въ Мекку, какъ обязанность вѣры; въ последнее вре- мя въ Медину ходятъ уже рѣдко.

Все эти подробности взяты изъ Буркгардта, который былъ переодѣтый и въ Мединѣ, и въ Меккѣ: доступъ въ эти го- рода запрещенъ для всѣхъ кромѣ Мусульманъ.

ГЛАВА XXXIX .

Наружность и характеръ Магомета и размышленіе объ его поприщѣ.

Магометъ, по преданію, основанному на свидѣтельствѣ современниковъ, былъ средняго роста, широкоплечъ и жи-

листь, съ большими руками и ногами. Въ молодости онъ былъ необыкновенно крѣпокъ и силенъ; въ послѣдніе годы жизни становился толстъ. Голова у него была велика, хорошо сложена и красиво сидѣла на шеѣ, которая подымалась какъ столбъ изъ его полной груди. Лобъ у него былъ высокъ, расширенъ къ вискамъ и до самыхъ бровей покрытъ жилами, которыя надувались, когда онъ былъ раздраженъ, или дѣлалъ какое нибудь усиліе. Лицо у него было продолговатое, съ рѣзкими и выразительными чертами; орлиный носъ, черные глаза, крутыя, почти сросшіяся брови, большой и гибкій ротъ, одинъ изъ признаковъ краснорѣчія; очень бѣлые зубы, нѣсколько рѣдкіе и неправильные; черные, совершенно гладкіе волосы, которые падали ему на плеча, и длинная, весьма окладистая борода.

Его обращеніе было вообще спокойно и ровно; иногда онъ позволялъ себѣ шутку, а чаще былъ важенъ и полонъ достоинства; впрочемъ улыбка его была, говорятъ, обворожительна. Цвѣтъ лица его былъ румянецъ, чѣмъ обыкновенно бываетъ у Арабовъ; а въ минуты одушевленія и восторга лицо его разгоралось и сіяло такимъ огнемъ, что его ученики называли это сверхъестественнымъ свѣтомъ пророчества.

Нѣтъ сомнѣнія, что его умственные способности были не обыкновенны. Онъ одаренъ былъ быстрою сообразительностью, сильною памятью, живымъ воображеніемъ и гениемъ изобрѣтательнымъ. Мало получивши отъ воспитанія, онъ расширилъ и просвѣтилъ свой умъ внимательнымъ наблюденіемъ; обогатилъ его множествомъ свѣдѣній о различныхъ вѣроученіяхъ, бывшихъ тогда въ ходу, или сохранившихся въ преданіяхъ древности. Обыкновенно разговоръ его былъ важенъ и отрывистъ, изобиловалъ изрѣченіями и притчами, которыя такъ любятъ все Арабы; по временамъ онъ одушевлялся и становился краснорѣчивъ; его музыкальный и звучный голосъ много помогалъ его краснорѣчію.

Онъ былъ трезвъ и воздерженъ въ пищѣ, и строго соблюдалъ посты. Онъ не позволялъ себѣ никакой внѣшней роскоши, которую мелкія души любятъ выказывать, но и простота въ нарядѣ его не была разсчитана для показа, а проеиходила единственно отъ его презрѣнія къ подобнымъ ничтожнымъ отличіямъ. На его одеждѣ, иногда шерстяной, а иногда изъ полосатой Еменьской, бумажной ткани, видали не рѣдко заплаты. Онъ носилъ чалму, потому что и ангелы, какъ онъ говорилъ, носили чалмы; и повязывалъ ее такъ, чтобы одинъ конецъ висѣлъ между плечами, утверждая, что ангелы такъ носятъ. Онъ запрещалъ одежду изъ цѣльнаго шелку, а позволялъ смѣсь шелка со льномъ. Запрещалъ также красныя ткани и золотыя кольца. Самъ онъ носилъ серебряный перстень съ печатью, на которой было вырѣзано: «Магометъ, посланникъ Божій»; и вырѣзную площадку перстня обращалъ внутрь, къ ладони. Опрятность онъ соблюдалъ строго, и часто совершалъ омовенія. Во многомъ онъ былъ сластолюбець. «Двѣ вещи на свѣтѣ меня восхищаютъ,—говоривалъ онъ,—женщины и благовонія. Эти двѣ вещи радуютъ мои глаза и возвышаютъ во мнѣ ревность къ молитвѣ.» Вѣроятно, эта чрезвычайная опрятность и употребленіе душистаго масла для волосъ были причиной того благовонія, которое отъ него исходило, и которое ученики его почитали за врожденное и чудесное. Страсть его къ женскому полу имѣла вліяніе на всѣ его дѣла. Говорятъ, что въ присутствіи прекрасной женщины онъ безпрестанно разглаживалъ себѣ лобъ и поправлялъ волосы, какъ бы желая показаться лучше.

Число его женъ не извѣстно въ точности. Абульфедъ, который пишетъ осторожнѣе другихъ Арабскихъ историковъ, ограничиваетъ ихъ число пятнадцатью, а другіе говорятъ, что ихъ было до двадцати пяти. Во время смерти его ихъ было девять; каждая жила особо, и всѣ по близости къ Мединской мечети. Желая оправдать его въ томъ, что онъ

имѣлъ больше женъ, нежели сколько позволялъ имѣть своимъ послѣдователямъ, увѣряють, будто бы это происходило отъ желанія произвести племя пророковъ для своего народа. Если въ самомъ дѣлѣ было въ немъ это желаніе, то оно не сбылось. Изъ всѣхъ его дѣтей только одна Фатима, жена Али, пережила его; но и та умерла вскорѣ послѣ него. Изъ потомковъ же Али никто, кромѣ ея старшаго сына, Хассана, не всходилъ на престолъ Халифовъ.

Въ частныхъ своихъ дѣлахъ онъ былъ честенъ. Его обращеніе и съ друзьями, и съ пришельцами, и съ богатыми, и съ бѣдными, и съ сильными, и съ слабыми, было одинаково, а простой народъ любилъ его за привѣтливость, съ которой онъ принималъ и выслушивалъ всѣ жалобы.

По характеру онъ былъ вспыльчивъ, однакожъ умѣлъ владѣть порывами сердца, такъ что даже и въ непринужденномъ домашнемъ быту отличался ласковостью и снисходительностью. «Я ему служилъ съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ было восемь лѣтъ отъ роду,—говорилъ слуга его Анасъ,—и онъ не бранилъ меня ни разу, хотя мнѣ случалось портить многое.»

Теперь представляется вопросъ: точно ли онъ былъ такимъ безсовѣстнымъ обманщикомъ, какимъ его изображали? Были ли всѣ его видѣнія и откровенія обдуманной ложью, и всѣ поученія однимъ сплетеніемъ обмановъ? Приступая къ этому вопросу, мы не должны забывать, что не онъ виноватъ во множествѣ нечестностей, которыя существуютъ подъ его именемъ. Многія изъ видѣній и откровеній, записанныхъ будто бы съ его словъ, поддѣльны. Чудеса, которыя приписываютъ ему, всѣ выдуманы Мусульманскими ревнителями. Самъ же онъ положительно и неоднократно отвергалъ всѣ чудеса, кромѣ Корана, который онъ выдавалъ за величайшее изъ чудесъ, по его будто бы несравненному достоинству и по тому пути, которымъ будто посланъ былъ онъ съ небесъ. Здѣсь мы позволимъ се-

бы нѣсколько замѣчаній объ этомъ знаменитомъ памятникѣ. Ревностные Мусульмане и нѣкоторые изъ ихъ славнѣйшихъ ученыхъ, хотя и доказываютъ божественное происхожденіе Корана неподражаемымъ совершенствомъ его слога и изложенія и признанною безграмотностію Магомета; однакожъ критики, не столько преданные Мусульманству, называютъ его хаосомъ красотъ и недостатковъ, безъ порядка и стройности, полнымъ темныхъ мѣстъ, несообразностей, повтореній, искаженныхъ рассказовъ изъ Священнаго Писанія и прямыхъ противорѣчій. Правда, что Коранъ, какъ онъ теперь существуетъ, не тотъ Коранъ, который переданъ былъ отъ Магомета его ученикамъ, а подвергся многимъ порчамъ и вставкамъ. Такъ называемыя откровенія, которыя въ немъ содержатся, были получены въ различныя времена, въ различныхъ мѣстахъ и при различныхъ людяхъ: иногда они были записаны его секретарями, или учениками, на пергаментъ, иногда на пальмовыхъ листьяхъ, иногда на бараньемъ оплечѣ, и это все было бросаемо въ ящикъ, который берегла одна изъ женъ его; а иногда эти мнимыя откровенія сохранялись только въ памяти тѣхъ, кто ихъ слышалъ. Кажется, что при жизни Магомета, никто не взялъ на себя труда привести ихъ въ порядокъ; а по смерти его они остались въ несвязныхъ отрывкахъ, либо въ чьей нибудь слабой памяти. Прошло уже нѣсколько времени по смерти его, когда Абу-Бекръ вздумалъ собрать ихъ и переписать. Для этого дѣла выбранъ былъ Зейдъ-Ибнъ-Табетъ, одинъ изъ секретарей Магометовыхъ. Онъ увѣрялъ, что знаетъ наизусть многія части Корана, потому что писалъ ихъ со словъ самаго пророка; другія части онъ составилъ изъ отрывковъ, собранныхъ изъ разныхъ рукъ, записанныхъ тѣми грубыми способами, о которыхъ мы говорили; а многія мѣста онъ записалъ со словъ разныхъ учениковъ, которые увѣряли, будто слышали ихъ изъ устъ самаго пророка. Всѣ собранные разнородные отрывки были записаны, одинъ за другимъ безъ выбора, безъ хронологи-

ческаго порядка, безъ всякой системы. Книга, которая такимъ образомъ составила въ время Халифства Абу-Бекрова, была переписана въ нѣсколько рукъ, и многіе одобренные списки пущены въ оборотъ и разосланы по городамъ Мусульманскимъ. Скоро и въ эти списки вошло такъ много ошибокъ, вставокъ и разногласій, что третій Халифъ, Отманъ, собралъ опять все различныя списки, и составивши книгу, которую назвалъ истиннымъ Кораномъ, велѣлъ истребить все прочее.

Эти простыя причины могутъ намъ объяснить множество запутанностей, повтореній и другихъ несообразностей, которыя встрѣчаются въ этомъ странномъ письменномъ памятникѣ. Можетъ быть, Магометъ, какъ уже замѣчено было, повторялъ тѣ же самыя наставленія, или рассказывалъ одиѣ и тѣ же притчи въ разное время, разнымъ лицамъ, въ различныхъ словахъ; или и многія лица, можетъ быть, въ одно время были вокругъ него и рассказали послѣ различно его слова; передали разнообразно его притчи и рассказы изъ Св. Писанія; либо ошибочно записали, либо невѣрно запомнили. Можетъ быть, многое, о чемъ онъ говорилъ, какъ объ откровеніяхъ, полученныхъ въ прежнія времена другими пророками, его предшественниками, было передано, какъ полученное свыше имъ самимъ. Предполагали даже, что Абу-Бекръ, въ первые годы своего Халифства, разсудилъ за полезное многое вставить въ Коранъ, чтобы выпутаться изъ затруднительныхъ обстоятельствъ и утвердить господство Ислама. А какія вставки и искаженія могли быть совершены другими, не столь уже совѣстливыми руками, послѣ смерти лжепророка, можно судить по тѣмъ смѣлымъ опытамъ въ этомъ родѣ, на которые рѣшился еще при его жизни Абдаллахъ-Ибнъ-Саадъ, одинъ изъ его секретарей.

Изъ всѣхъ обстоятельствъ этихъ видно, что даже и письменныя свидѣтельства о Магометѣ сильно искажены, а изустное преданіе полно сказокъ. Тѣмъ труднѣе становится раз-

рѣшить загадку его характера и поступковъ. Въ жизни его, кажется, есть два главные отдѣла. Въ первой половинѣ, до его средняго возраста, мы не видимъ никакой соответственной выгоды, которой бы онъ могъ достигать такими нечестивыми и безсовѣстными обманами, въ какихъ его обвиняютъ. Если богатство,—то онъ уже былъ богатъ, послѣ женитьбы на Кадиджѣ, и въ продолженіе многихъ лѣтъ, однакожь, до его мнимаго видѣнія, въ немъ не замѣтно было никакого желанія увеличить свое богатство. Если почести,—то онъ уже былъ поставленъ высоко въ своемъ родномъ городѣ, за умъ и за честность. Онъ происходилъ отъ знаменитаго рода Корейша, и даже отъ самой уважаемой вѣтви этого рода. Если могущество,—то санъ блюстителя Каабы, а съ нимъ и главенство надъ священнымъ городомъ, находились уже въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній въ его ближайшей семьѣ, а его положеніе и обстоятельства давали ему полное право имѣть въ виду приобрѣтеніе этого сана. Рѣшившись низпровергнуть вѣру, въ которой онъ былъ воспитанъ, онъ въ самомъ корнѣ разрушилъ всѣ эти выгоды. На этой вѣрѣ были основаны и состояніе, и почести его рода. Идти противъ нихъ, значило навлекать на себя вражду всей родни, негодованіе согражданъ, ожесточеніе и ненависть соотечественниковъ, которые были поклонниками Каабы.

Были ли какія нибудь блистательныя надежды, въ началѣ его пророческаго поприща, которыя бы могли его привлекать и вознаградить за пожертвованія?—Нѣтъ,—онъ вступилъ на это поприще втайнѣ и полный сомнѣнія. Въ продолженіе многихъ лѣтъ не было замѣтно никакого успѣха. Когда онъ сталъ распространять свою вѣру и провозглашать свои откровенія, то встрѣченъ былъ насмѣшками, презрѣніемъ, клеветою и наконецъ ожесточеннымъ гоненіемъ; и его самаго, и друзей его довели до нищеты, и принудили многихъ членовъ его семейства и его послѣдователей искать убѣжища въ чужой сторонѣ; и самъ онъ долженъ былъ скрываться въ своемъ родимомъ городѣ, наконецъ бѣжать

какъ изгнанникъ и на чужой сторонѣ искать себѣ невѣрнаго крова. За чѣмъ же онъ столько лѣтъ стоялъ за свои обманы, которые у него отняли все земное, что у него было, и въ такую пору жизни, когда уже поздно было приобретать что либо съизнова?

Не видя достаточныхъ вещественныхъ побужденій, мы поневолѣ должны были обратиться къ другимъ предположеніямъ объ этой загадочной порѣ его жизни, и сообщили свои предположенія въ началѣ нашей книги. Мы показали, какъ его духъ, восторженный и мечтательный, мало по малу сосредоточивался отъ уединенія, поста, молитвы и созерцанія, какъ онъ доведенъ былъ тѣлеснымъ недугомъ до временнаго помѣшательства, въ которомъ ему представилось, будто ему бывають откровенія съ неба, и будто онъ избранъ пророкомъ Всевышняго. Мы убѣждены по всему, что это было въ немъ самоослѣпленіе, и что онъ вѣрилъ въ истину своего сна, или видѣнія; особенно когда его сомнѣнія были разсѣяны легковѣрной и преданной ему Кадиджей, вмѣстѣ съ ученымъ и хитрымъ Варакою.

Какъ скоро онъ разъ убѣдился, что ему самъ Богъ повелѣлъ идти и проповѣдывать вѣру, то уже и всѣ свои послѣдующіе сны и побужденія онъ могъ относить къ тому же источнику; всѣ онъ могъ почитать за внушенія той же Божественной воли, различными путями ему посланныя какъ пророку. Мы видимъ, что онъ, когда былъ особенно чѣмъ нибудь взволнованъ, или возбужденъ, нерѣдко подвергался припадкамъ изступленія; тогда онъ опять могъ думать, что онъ въ сообщеніи съ Божествомъ, и почти всегда за такими припадками слѣдовало то, что Магометане называютъ откровеніемъ.

Вся сущность его поступковъ, до самаго бѣгства изъ Мекки, обличаетъ энтузіаста, который находился въ какомъ-то умственномъ ослѣпленіи, и былъ убѣжденъ глубоко, что онъ посланъ Богомъ для преобразования вѣры: и есть что-то разительное и высокое въ той свѣтлой дорогѣ, которую

его восторженный духъ пробилъ себѣ сквозь запутанный лабиринтъ противуположныхъ вѣръ и дикихъ преданій; въ чистомъ и духовномъ поклоненіи единому истинному Богу, которое онъ хотѣлъ поставить на мѣсто слѣпаго идолопоклоненія своего дѣтства.

Всѣ мѣста Корана, которыя онъ проповѣдалъ, какъ думаютъ, въ это время, — не смотря на то, что они дошли до насъ перемѣшанныя, и что ихъ первоначальная красота должна была сильно пострадать, проходя чрезъ многія руки,—отличаются характеромъ чистымъ и возвышеннымъ, и дышатъ поэтическимъ, если и не религіознымъ вдохновеніемъ. Они показываютъ, что онъ былъ глубоко напоенъ живою струей Христіанства; и если не въ настоящей ея кристальной чистотѣ, то можетъ быть потому, что пыль онъ изъ водоемовъ разбитыхъ, струю возмущенную и засоренную. Вѣра, которую онъ тогда проповѣдывалъ, была чище, нежели вѣра многихъ лжехристіанъ Аравіи; а жизнь его въ это время не отступала отъ его ученія.

Таково наше мнѣніе о Магометѣ и объ его характерѣ на первыхъ порахъ его поприща, покуда онъ былъ еще въ Меккѣ, гонимый и раззоренный. Но за тѣмъ, какъ мы показали въ предшествующихъ главахъ, въ немъ совершилась большая перемѣна. Когда, послѣ бѣгства въ Медину, онъ нашелъ тамъ не только убѣжище и покровительство, которыхъ искалъ, но его стали почитать пророкомъ, безпрекословно ему повиноваться, какъ вождю, когда онъ очутился во главѣ могучей, постоянно возрастающей и воинственной громады приверженцевъ,—съ тѣхъ поръ житейскія страсти и мірскіе замыслы слишкомъ часто стали руководить его дѣйствіями, вмѣсто того духовидческаго энтузіазма, который хотя и былъ ослѣпленіемъ, но бросалъ на его поступки лучъ благочестія. Прежнее ученіе о кротости, долготерпѣніи и покорности—внезапно брошено; онъ становится мстителемъ противъ тѣхъ, которые прежде его угнетали и честолюбивъ въ распространеніи своей власти. Его ученіе, правила и

поведеніе начинаютъ противорѣчить одно другому, и вся его жизнь становится не правильна и не постоянна. Съ тѣхъ поръ такъ называемыя откровенія уже слишкомъ часто являются кстатѣ и до того сообразуются съ временными событіями, что на насъ находитъ сомнѣніе, точно ли все это было искренно, и точно ли онъ оставался въ прежнемъ своемъ ослѣпленіи? Впрочемъ, не должно забывать, какъ мы уже показали, что и расскажемъ объ этихъ откровеніяхъ не всегда можно вѣрить. Многое, можетъ быть, что онъ и не выдавалъ иначе, какъ за свою собственную волю, было послѣ пересказано, какъ выданное за волю Божію. А можетъ быть, часто онъ и самъ почиталъ свои побужденія за Божественныя внушенія; думалъ, что у избранника, посланнаго проповѣдывать вѣру, всѣ побужденія и замыслы, клонящіеся къ этой цѣли, исходятъ изъ непрерывнаго вдохновенія Божественнаго.

Хотя мы считаемъ Магомета обманщикомъ, далеко не столь грубымъ и нечестивымъ, какъ его нѣкоторые изображали, однакожъ не можемъ признать въ немъ и тѣхъ дальновидныхъ разчетовъ, тѣхъ глубоко обдуманыхъ замысловъ на всемірное завоеваніе, которыя приписывали ему другіе. Онъ безъ сомнѣнія былъ человекъ съ великимъ гениемъ и съ воображеніемъ творческимъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ намъ кажется, онъ былъ созданіемъ впечатлѣній и увлеченій, и во многомъ подчинялся обстоятельствамъ. Его замыслы выросли изъ его удачъ, а не удачи изъ замысловъ. Ему уже было сорокъ лѣтъ, когда онъ началъ проповѣдывать свое ученіе. Годъ уходилъ за годомъ, прежде чѣмъ онъ распространилъ его за предѣлы своей семьи. Когда онъ бѣжалъ изъ Мекки, уже прошло тринадцать лѣтъ со времени перваго объявленія объ его посланничествѣ, и онъ изъ богатаго купца уже былъ разореннымъ странникомъ. Когда онъ пришелъ въ Медину, у него и мысли не было о томъ могуществѣ, которое его ожидало; онъ только и думалъ, какъ бы построить бѣдную мечеть, гдѣ бы онъ

могъ проповѣдывать; надѣялся только, что ему позволять излагать свое ученіе безпрепятственно. А когда могущество внезапно измѣнилось на него, онъ нѣсколько времени употреблялъ его только на мелкія стычки въ племенныхъ распряхъ. Его военные замыслы росли вмѣстѣ съ его средствами, и вовсе не отличались мастерствомъ, а иногда кончались неудачею. Они не были ни смѣло задуманы, ни исполнены съ рѣшительностію; а часто мѣнялись изъ уваженія къ мнѣнію полководцевъ, его окружавшихъ; даже иногда по внушенію посредственныхъ умовъ, которые его вводили въ ошибки. Если бы точно у него въ самомъ началѣ была мысль о соединеніи братствомъ вѣры разрозненныхъ и враждебныхъ племенъ Аравіи въ одинъ народъ, съ тѣмъ, чтобы исполнить замыслы внѣшняго завоеванія, то онъ былъ бы однимъ изъ первыхъ политиковъ; но мысль объ обширныхъ завоеваніяхъ была у него мыслью второстепенною, и родилась отъ успѣха. Съ той минуты, какъ онъ провозгласилъ вѣру Меча и далъ своимъ хищнымъ Арабамъ отвѣдать приманку добычи, — онъ уже брошенъ былъ на поприще завоеваній, которое повлекло его съ неодолимою силою. Изувѣрная ревность, которую онъ внушилъ своимъ приверженцамъ, больше содѣйствовала его успѣхамъ, нежели его военное искусство; ихъ вѣра въ его ученіе о предназначеніи родила такія побѣды, которыхъ не могли бы дать никакія соображенія полководцевъ. Въ началѣ его поприща, когда онъ полонъ былъ сомнѣній, его ободряли совѣты его ученаго оракула Вараки; на поприщѣ завоеваній были при немъ Омаръ, Халедъ и другіе пламенные умы, которые подстрекали его и помогали управлять той страшною силою, которую онъ вызвалъ къ дѣйствію. Даже, при всей ихъ помощи, онъ долженъ былъ иногда опираться на значеніе, какое себѣ приписывалъ; а рѣшась на это, онъ, можетъ быть, сталъ извинять и обманъ, оправдывая его благочестивою цѣлью.

Военные успѣхи не возбуждали въ немъ ни гордости, ни тщеславія; а этого не могло бы быть, если бы онъ ихъ

добивался изъ цѣли своекорыстной. На самой высотѣ могущества онъ сохранялъ ту же простоту обычаевъ и наружности, какъ и во дни своихъ бѣдствій. Не только не любилъ онъ красоваться царственной величавостію, но даже ему не пріятно было, когда онъ входилъ въ комнату, и ему оказывали какія нибудь непривычные знаки почтенія. Если хотѣлъ онъ всемірнаго господства, то развѣ господства вѣры; а властью царственной, которая возрастала въ его рукахъ, онъ не гордился, и не сдѣлалъ ни шагу, чтобы упрочить ее за своимъ потомствомъ.

Всѣ богатства, которыя стекались къ нему отъ дани и отъ военной добычи, тратились на распространеніе вѣры и на пособія бѣднымъ ея исповѣдникамъ; такъ что казна его оставалась не рѣдко совсѣмъ пуста. Магометъ, по смерти своей, по словамъ Омара-Ибигъ-аль-Харета, не оставилъ ни одного золотого динара, ни одного серебряннаго дирема, ни раба, ни рабыни, и ничего, кромѣ стараго мула Далдала, своего оружія и земли, которые завѣщалъ своимъ женамъ, дѣтямъ и бѣднымъ. «Аллахъ—говоритъ одинъ Арабскій писатель, — давалъ ему ключъ ко всѣмъ сокровищамъ міра, а онъ не принималъ.»

Совершенное безкорыстіе вмѣстѣ съ видимо искреннею набожностію, неизмѣнною при всѣхъ переворотахъ жизни, ставятъ въ недоумѣніе, когда захочешь оцѣнить безпристрастно характеръ Магомета. Въ немъ очевидны проявленія страсти, когда мірская власть была у него въ рукахъ; но постоянно однакожъ въ немъ воскресало и прежнее одушевленіе, которое возносило его надъ всѣми земными расчетами. Онъ никогда не забывалъ молитвы, этой существенной обязанности Ислама, которая необходимо очищаетъ душу. «Надѣйся на Бога!»—было его утѣшеніемъ и опорой во времена испытаній и бѣдствій. Только на милосердіе Божіе, — какъ говорятъ, — онъ возлагалъ всѣ надежды свои въ будущей жизни. Аеша рассказывала, что

она одинъ разъ спросила у него: «Пророкъ! неужели никто не взойдетъ въ рай иначе, какъ по милосердію Божьему?» — «Никто, никто, никто!» — отвѣчалъ онъ задумчиво и одушевленно. «А ты, пророкъ? неужели и ты не взойдешь иначе, какъ по Его милосердію?» Магометъ положилъ себѣ руку на голову и торжественно повторилъ три раза: «И я не взойду въ рай иначе, какъ развѣ Богъ покроетъ меня своимъ милосердіемъ!»

Когда онъ стоялъ, наклонившись надъ постелью своего умирающаго сына, Ибрагима, и тогда, въ самомъ тяжкомъ горѣ жизни, была видна въ немъ покорность волѣ Божіей; а надежда, что и онъ скоро будетъ въ раю, вмѣстѣ съ сыномъ, служила ему утѣшеніемъ. Онъ проводилъ сына до могилы, и тамъ, устремивши глаза на могилу, заклиналъ его душу не отступать отъ основъ вѣры: единства Божія и признанія его пророкомъ. Даже и тогда, какъ онъ самъ умиралъ, когда уже не зачѣмъ было ему обманывать, онъ все еще выражалъ преданность къ той же вѣрѣ и ту же увѣренность въ своемъ призваніи. Послѣднія слова, которыя трепетали на его устахъ, выражали надежду, что скоро и онъ вступитъ въ блаженное сообщество съ пророками.

Трудно согласить такую пламенную, непоколебимую ревность къ вѣрѣ съ системою безпрестаннаго, намѣренно нечестиваго обмана; правила, полныя любви къ ближнему, какія содержитъ въ себѣ Коранъ, съ душою, преданною однимъ только низкимъ земнымъ расчетамъ. А потому мы не видимъ другаго средства разрѣшить загадку его характера и жизни, какъ предположить, что обаяніе тѣхъ мечтательныхъ видѣній, которыя овладѣли его восторженною душою во время его религіознаго изступленія, въ полночь, на горѣ Харъ, продолжало, больше или меньше, ослѣплять его, какъ нѣкоторый родъ помѣшательства, до самаго конца его поприща, и что онъ умеръ въ этомъ ослѣпленіи, воображая себя пророкомъ, посланникомъ Божіимъ.

ДОПОЛНЕНИЕ

О МУСУЛЬМАНСКОЙ ВѢРѢ.

Въ одной изъ первыхъ главъ этой книги мы сообщили нѣкоторые догматы вѣры, которую проповѣдывалъ Магометъ, сколько нужно было для объясненія послѣдующаго разсказа. Теперь, хотя это и поведетъ насъ иногда къ повтореніямъ, сообщимъ обзорѣніе болѣе подробное, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ замѣчаній.

Вѣра Мусульманская или Исламъ, какъ уже прежде мы замѣтили, раздѣляется на двѣ части: Вѣру и Обрядъ. Прежде скажемъ о вѣрѣ. Она раздѣляется на шесть различныхъ главъ, или статей, а именно: 1) Вѣра въ Бога; 2) въ Его ангеловъ; 3) въ Его Писаніе или Коранъ; 4) въ Его пророковъ; 5) въ Воскресеніе и Послѣдній Судъ; 6) въ Предназначеніе.

Вѣра въ Бога. Магометъ проповѣдывалъ, что есть, былъ и будетъ вѣчно единый Богъ, создатель всей твари; что Онъ единъ, неизмѣняемъ, всевѣдущъ, всемогущъ, все-милосердъ и вѣченъ. Онъ особенно и строго настаивалъ на ученіи объ единствѣ Божіемъ, думая, будто онъ противорѣчить Св. Троицѣ Христіанской. Этотъ догматъ въ исповѣданіи вѣры выражался тѣмъ, что Мусульманинъ подымалъ къ верху одинъ палецъ и восклицалъ: «*Ла иллаха иль Аллахъ!*» (Нѣтъ Бога кромѣ Бога); а потомъ прибав-

ляль: «*Мухаммедъ резуль Аллахъ!*» (Магометъ пророкъ Божій).

Въра въ ангеловъ. Ученіе объ ангелахъ или служебныхъ духахъ, которое было однимъ изъ самыхъ древнихъ и всеобщихъ восточныхъ ученій, перевивается со всею системою Ислама. Ихъ изображаютъ эфирными существами, созданными изъ огня (какъ чистѣйшей стихіи), совершенными по тѣлосложенію и лучезарными по красотѣ, но безполыми, свободными отъ всѣхъ грубыхъ и чувственныхъ страстей и отъ всѣхъ тѣлесныхъ склонностей и слабостей бреннаго человѣчества; живущими въ вѣчной, неуздаемой юности. Они различны по степенямъ и обязанностямъ и по Божьему къ нимъ благоволенію. Иные совершаютъ поклоненіе вокругъ небснаго престола; другіе неумолкаемо возглашаютъ пѣснопѣніе во славу Аллаха; инымъ назначено быть крылатыми посланниками, для исполненія Его велѣній; другимъ заступниками за дѣтей человѣческихъ.

Выше всѣхъ, изъ этого небснаго воинства, четыре архангела: Гавріиль, ангелъ откровенія, который записываетъ велѣнія Божіи; Михаиль, воитель, который сражается въ битвахъ за вѣру; Азраиль, ангелъ смерти; и Израфилъ, которому дано грозное назначеніе: затрубить въ трубу въ день Воскресенія. Былъ и еще одинъ ангелъ, по имени Азазиль, тоже что Луциферъ, или Денница, нѣкогда самый свѣтлый изъ всѣхъ небожителей, но онъ возгордился и сталъ не покоренъ Богу. Когда Господь велѣлъ своимъ ангеламъ поклониться Адаму, то онъ не повиновался, и сказалъ:—«Какъ же я, созданный Тобою изъ огня, поклонюсь тому, кого Ты создалъ изъ праха?»—За это онъ былъ проклятъ, изгнанъ изъ рая, и названъ Эблисъ, что значитъ Отчаяніе. Мстя за свое униженіе, онъ наводитъ всякія бѣды на дѣтей человѣческихъ и внушаетъ имъ непокорность и нечестіе.

Между ангелами низшихъ степеней есть разрядъ, который называется Моаккибатъ. По двое изъ нихъ приставлено къ каждому смертному, одинъ по правую руку, другой по лѣвую, чтобы хранить его и замѣчать его каждое слово и каждый поступокъ. Въ концѣ каждого дня, они летятъ на небо съ писаннымъ донесеніемъ; а на другой день ихъ замѣняютъ двое такихъ же ангеловъ. По Мусульманскому преданію ангелъ, что былъ по правой рукѣ, десять разъ извѣщаетъ о каждомъ добромъ дѣлѣ; а если смертный совершитъ грѣхъ, то этотъ же добрый духъ говоритъ тому ангелу, что былъ по лѣвой рукѣ: «Отложи извѣщеніе на семь часовъ; можетъ быть, онъ раскается и помолится, и будетъ прощень».

Кромѣ чиновъ ангельскихъ, Магометъ училъ еще вѣрвать въ духовныя существа, которыя называются Джинами, или геніями. Они, хотя тоже созданы изъ огня, однакожь не чужды склонностямъ и слабостямъ дѣтей праха, и также наконецъ подвержены смерти. Объ этихъ-то существахъ, которыя живутъ въ глуши степей, Магометъ, какъ мы видѣли, рассказывалъ, будто они къ нему приходили во время его ночныхъ молитвъ, въ уединенной долигѣ Аль-Наклахѣ.

Когда ангелъ Азизилъ возмутился и палъ, и сдѣлался діаволомъ, или Эблисомъ, онъ все еще удержалъ власть надъ этими низшими духами, которые раздѣляются оріенталистами на Дивовъ и Перій: Дивы свирѣпыя гиганты, а Пері, нѣжныя и прекрасныя, живутъ благовоніями. Кажется, что Пері всѣ женскаго пола, хотя впрочемъ это еще не извѣстно навѣрное. Предполагаютъ, что отъ этихъ мечтательныхъ существъ произошли и Европейскія феи.

Кромѣ того есть еще полу-духи, которыхъ называютъ Таквинами, или Судьбами. Это крылатыя женщины, дивной красоты, которыя предсказываютъ будущее и охраняютъ смертныхъ отъ козней злыхъ духовъ.

Вообще качества, которыя Магометъ приписываетъ этимъ полу-небеснымъ существамъ, очень не опредѣленны, и не явственны; потому что его понятія объ этомъ предметѣ собраны были изъ разнородныхъ источниковъ. Вся его система о посредствующихъ духахъ представляетъ яркое и безразличное смѣшеніе преданій и повѣрій, занятыхъ у Евреевъ, Волхвовъ и язычниковъ, или Сабаянъ.

Третій членъ Мусульманской вѣры — вѣра въ *Коранъ*, какъ книгу Божественнаго откровенія. Мусульмане вѣрятъ, что на седьмомъ небѣ хранится книга, которая была тамъ еще съ начала вѣковъ. Въ ней записаны все велѣнія Божіи и все событія прошедшія, настоящія и будущія. Списки съ этихъ скрижалей Божественной воли Гавриилъ архангелъ снесъ въ предѣлы низшаго неба, и открывалъ, отъ времени до времени, Магомету, по частямъ, сообразно съ потребностями и событіями. А такъ какъ это слова самаго Бога, то и сказаны они все въ первомъ лицѣ.

Какъ эти откровенія были записаны и сохранены писцами и учениками, и какъ были собраны Абу-Бекромъ по смерти Магометовой, мы уже говорили. И этотъ нестройный сборникъ (таковъ онъ въ самомъ дѣлѣ) составляетъ Мусульманскій законъ, гражданскій и уголовный, такъ же какъ и религіозный. Все правовѣрные питаютъ къ нему глубочайшее уваженіе. Ревностные исповѣдники хвалятся списками Корана, великолѣпно переплетенными и украшенными. Надпись на переплетѣ запрещаетъ всякому къ нему прикасаться нечистыми руками, а когда его читаютъ, то почитается неуважительнымъ держать книгу ниже пояса. Мусульмане клянутся Кораномъ и гадаютъ на немъ, развертывая книгу и читая первая строки, какія попадутся на глаза. Не смотря однакожь на все его ошибки и несообразности, если мы будемъ судить о немъ только въ томъ отношеніи, что это произведеніе безграмотнаго чловека, то не лзя не признать его за изумительный памятникъ.

никъ самодѣльнаго законодательства. — Кромѣ Корана, или писаннаго закона, еще множество изрѣченій и притчей, которыя случайно выходили изъ устъ Магометовыхъ, собрано было, по смерти его, тѣми, которые сами ихъ слышали, и записано въ книгу, называемую Сунна, или Изустный Законъ. Одна изъ Мусульманскихъ сектъ, которая потому и называется Суннитами, почитаетъ эту книгу также за священную, наравнѣ съ Кораномъ; а другіе ее отвергаютъ, какъ недостоверную, и эти послѣдніе называются Шитами. Вражда и гоненія возникали нерѣдко между эти сектами, съ такимъ же ожесточеніемъ, какъ, ко вреду Христіанства, между Католиками и Протестантами. Сунниты отличаются бѣлыми, а Шиты красными чалмами, а потому послѣдніе и получили отъ своихъ противниковъ прозваніе: Кизиль-баши, или Красныя головы.

Замѣчательно, что объ обрѣзаніи, которое совершается у всѣхъ Мусульманъ безъ исключенія, составляетъ отличный обрядъ ихъ вѣры, и вмѣняется въ необходимую обязанность для всѣхъ исповѣдниковъ, нѣтъ ни слова, ни въ Коранѣ, ни въ Суннѣ. Кажется, что это былъ общій обычай въ Аравіи, перенятый отъ Евреевъ; и даже думаютъ, что онъ уже господствовалъ на востокѣ до временъ Моисеевыхъ.

Говорятъ, что Коранъ запрещаетъ изображенія всякихъ существъ, и что по этому портретная живопись не распространилась между Мусульманами. Но та статья въ Коранѣ, которой приписываютъ это запрещеніе, кажется, содержитъ въ себѣ ничто иное, какъ отголосокъ второй заповѣди, равно священной и для Евреевъ, и для Христіанъ, чтобы не творить кумировъ или изображеній для поклоненія. На одномъ изъ знаменъ Магометовыхъ изображенъ былъ черный орелъ, а въ числѣ самыхъ замѣчательныхъ украшеній Альгамбры, въ Гренадѣ, есть водометъ, который поддерживаютъ два льва, изсѣченные изъ камня; и

многіе изъ государей Мусульманскихъ чеканили свое изображение на монетахъ.

Другое важное недоразумѣніе, въ отношеніи къ ученію Магометову, состоитъ въ томъ, что думаютъ, будто онъ не признаетъ у женщинъ души и исключаетъ ихъ изъ рая. Но эта ошибка возникла изъ того, что онъ не упомянулъ объ ихъ блаженствахъ въ будущей жизни, тогда какъ будущія наслажденія своего пола вычисляеть съ подробностями сластолюбца. О будущемъ блаженствѣ добродѣтельныхъ женщинъ говорится въ 56 сурѣ Корана, а равно и въ другихъ мѣстахъ; но слова его такъ не опредѣленны, что при бѣгломъ чтеніи можно ихъ отнести къ райскимъ гуріямъ.

Четвертый членъ вѣры относится въ *пророкамъ*. Число ихъ Магометъ ставитъ въ двѣсти тысячъ; но изъ нихъ только шесть верховныхъ пророковъ, которые принесли на землю новый законъ и новыя разрѣшенія; и каждый изъ нихъ отмѣнялъ прежній законъ во всемъ, что не согласно было съ новымъ. Эти шесть верховныхъ пророковъ по Магометову ученію были: Адамъ, Ной, Авраамъ, Моисей, Иисусъ и самъ Магометъ.

Пятый членъ Ислама относится къ *Воскресенію* и *последнему суду*. Объ этомъ важномъ предметѣ Магометъ соединилъ отчасти ученіе Христіанское съ нѣкоторыми изъ понятій, бывшихъ тогда въ ходу у Аравійскихъ Евреевъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ страшное судилище въ могилѣ. Когда Азраилъ, ангелъ смерти, совершитъ свое дѣло, и трупъ будетъ преданъ могилѣ, два черныхъ ангела, Мункаръ и Накиръ, грозной и страшной наружности, являются на допросъ, и на время ихъ допроса душа опять соединяется съ тѣломъ. Тогда покойнику велѣтъ сѣсть, и спрашиваютъ его о первыхъ двухъ членахъ вѣры: единствѣ Божіи и Божественномъ посланничествѣ Магомета; по-

томъ о дѣлахъ, совершенныхъ имъ въ жизни; а его отвѣты записываются въ книги до суднаго дня. Если отвѣты удовлетворительны, то его душу тихо вынимаютъ изъ усть, а тѣло оставляютъ покоиться; а если нѣтъ, то его бьютъ въ лобъ желѣзными палицами, а душу исторгаютъ въ страшныхъ мученіяхъ. Дабы этотъ страшный допросъ могъ совершиться удобнѣе, Магометане обыкновенно хоронятъ своихъ мертвецовъ въ пещерахъ, или въ могилахъ со сводами; и во гробъ не кладутъ, а только завертываютъ въ саванъ.

Время отъ смерти до воскресенія называется Берзакъ, или Промежутокъ. Въ это время тѣло остается въ могилѣ; но душа, во снахъ и видѣніяхъ, предвкушаетъ свою будущую судьбу.

Души пророковъ допущены прямо ко всѣмъ блаженствамъ рая. Души мучениковъ, и въ томъ числѣ души всѣхъ, падшихъ въ бою, входятъ въ тѣла или зобы птицъ, которыя питаются райскими плодами и пьютъ райскую воду. Судьба душъ всѣхъ прочихъ правовѣрныхъ не одинакова; но по мнѣнію, почти общепринятому у Мусульманъ, они летаютъ по близости своихъ могилъ, въ состояніи ангельскаго покоя. Оттого Мусульмане посѣщаютъ могилы своихъ отшедшихъ друзей и родныхъ, въ той мысли, что ихъ душамъ пріятно видѣть это выраженіе ихъ любви.

Многіе Мусульмане думаютъ, что души истинно-правовѣрныхъ принимаютъ видъ бѣлоснѣжныхъ птицъ и гнѣздятся подъ престоломъ Аллаха—согласно съ однимъ изъ древнихъ повѣрій Еврейскихъ, что души праведныхъ получаютъ мѣсто на небесахъ, подъ престоломъ славы.

Что касается до душъ невѣрныхъ, то они, по самому правовѣрному мнѣнію, будутъ изгнаны ангелами и съ неба, и съ земли, и будутъ брошены въ пещеристыя нѣдра земныя, чтобы тамъ съ трепетомъ ожидать дня суднаго.

Дню Воскресенія будутъ предшествовать знаменія и чудеса на землѣ и на небѣ. Полное затмѣнiе мѣсяца, переменна въ пути солнца, которое встанетъ на западѣ вмѣсто востока; войны и смятенія; всеобщій упадокъ вѣры; пришествiе Антихристово; освобожденiе Гога и Магога на опустошенiе мiру; великiй дымъ, который покроетъ всю землю;— всѣ эти знаменія и чудеса, такъ же какъ и многiя другiе, устрашатъ, измучатъ души человѣческiя, наведутъ унынiе и отвращенiе къ жизни; такъ что человекъ, проходя мимо могилъ, позавидуетъ спокойствiю мертвыхъ, и скажетъ: «Дай-то Богъ, чтобы и я лежалъ на твоёмъ мѣстѣ!»

А послѣднимъ страшнымъ знаменiемъ грознаго дня будетъ звукъ трубы, въ которую затрубитъ архангелъ *Израфилъ*. При этомъ звукѣ земля заколеблется, замки и башни падутъ на землю, и горы сравняются съ долинами. Лице небесъ омрачится; твердь небесная растаетъ, и солнце, и луна, и звѣзды ниспадутъ въ море. Океанъ либо высохнетъ, либо вскипитъ, и забушуетъ огненными волнами.

При звукѣ страшной трубы, паническiй ужасъ обьиметъ весь родъ человѣческiй; люди побѣгутъ отъ братьевъ своихъ, отъ родителей, отъ женъ; матери въ неистовомъ трепетѣ бросятъ грудныхъ младенцевъ. Дикiе звѣри лѣсовъ и ручныя домашнiя животныя забудутъ свою ярость и свое взаимное отвращенiе и въ испугѣ столпятся въ одно стадо.

Гласъ второй трубы будетъ гласомъ истребленiя. При этомъ звукѣ всѣ творенiя на небѣ и на землѣ, въ водѣ и подъ землею, ангелы и генiи, люди и животныя, все погибнетъ смертiю; кромѣ малаго числа избранныхъ, исключенныхъ особенно самимъ Аллахомъ. Послѣднiй умершiй будетъ *Азраилъ*, ангелъ смерти.

Сорокъ дней, или, согласно съ толкователями, сорокъ лѣтъ непрестаннаго дождя послѣдуютъ за этимъ гласомъ истребленія; тогда передъ третьимъ временемъ прозвучитъ труба архангела Израфила: это будетъ призывъ къ суду! Какъ скоро раздастся звукъ трубы, все пространство между небомъ и землею наполнится душами умершихъ, летающихъ и ищущихъ каждый свое тѣло. Тогда растворится земля; тамъ будетъ трескъ сухихъ костей, собираніе вмѣстѣ разпавшихся членовъ; тамъ каждый волосъ подберется одинъ къ другому, и все тѣла соединятся въ цѣлости, и душа войдетъ въ нихъ, и мертвые воскреснутъ свободными отъ всехъ искаженій, совершенными во всякой части, и нагими, какъ въ день рожденія своего. Невѣрный будетъ ползти лицомъ къ землѣ, а вѣрный будетъ идти поднявшись прямо; что же касается до истинно вѣрныхъ и благочестивыхъ, то они будутъ нестись на крыматыхъ верблюдахъ, бѣлыхъ подобно молоку, и на сѣдлѣ изъ чистаго золота.

Каждый человѣкъ будетъ тогда судимъ за то, какъ употребилъ данныя ему способности, и за добрыя или злыя дѣла своей жизни. Огромныя вѣсы будетъ держать архангелъ Гавриилъ; въ одну чашу, называемую Свѣтъ, будетъ класть добрыя дѣла, въ другую, называемую Тьма, злыя дѣла. Малаго атома, горчичнаго зерна достаточно, чтобы перевѣсить на одну сторону вѣсы, и содержаніе приговора зависить будетъ отъ перевѣса чашъ. Въ ту пору возмездіе будетъ совершено въ точности, безъ всякой неправды и кривоты. За беззаконія, совершенныя въ смертной оболочкѣ, надо будетъ платить соответственнымъ вѣсомъ собственныхъ добрыхъ дѣлъ, а если нѣтъ добра, на которое можно указать, то эти люди возьмутъ на себя равную часть грѣховъ у другихъ людей.

За испытаніемъ вѣсовъ, слѣдуетъ испытаніе моста. Все люди, собравшись въ толпу, пойдутъ за Магометомъ черезъ мостъ Аль-Серать, узкій какъ остріе меча и висящій надъ

пропастью геенны, или ада. Невѣрные и грѣшные ползти будутъ въ совершенной темнотѣ и потому упадутъ въ бездну; но вѣрные, съ помощію свѣтлаго луча, пролетятъ чрезъ мость съ быстротою птицы и войдутъ въ райское царство. Идея эта о прохожденіи черезъ мость и о мрачномъ царствѣ геенны, вѣроятно, заимствована частію отъ Іудеевъ, а больше отъ Маговъ.

Геенна есть страна, наполненная всякаго рода ужасами. Тамъ на деревьяхъ вмѣсто вѣтвей извиваются змѣи, вмѣсто плодовъ на нихъ головы демоновъ. Мы удерживаемся отъ описанія всѣхъ подробностей этого жилища, доходящихъ до непріятныхъ и часто омерзительныхъ мелочей. Оно составлено изъ семи ярусовъ, одинъ ниже другаго, и въ каждомъ мученія различны свойствомъ и продолжительностію. Первый назначенъ Атеистамъ, отрицающимъ Творца и твореніе, и полагающимъ, что вселенная вѣчна; второй—Манихеянамъ и вообще принимающимъ два божественныхъ начала, также идолопоклонникамъ Арабамъ, бывшимъ во времена Магометовы; третій—Индѣйскимъ Браминамъ; четвертый—Іудеямъ; пятый—будто бы Христіанамъ; шестой—Магамъ и Гебрамъ Персіи; седьмой—лицемѣрамъ, проповѣдующимъ безъ вѣры, и невѣрующимъ.

Лютый ангелъ Табекъ, т. е. палачъ, господствуетъ надъ этой страной ужасовъ.

Мы должны замѣтить, что свойство геенны вообще и распредѣленіе наказаній, произвело множество различныхъ комментаріевъ и толкованій между Мусульманскими учеными. Многіе изъ нихъ думаютъ, а народъ безпрекословно утверждаетъ, что никто изъ вѣрующихъ Аллаху и его пророку не будетъ осужденъ на вѣчныя муки. Грѣхи ихъ будутъ искупляться соразмѣрнымъ временемъ страданія, переходящимъ отъ 900 до 9,000 лѣтъ.

Иные, болѣе человеколюбивые, ученые оспариваютъ наказаніе вѣчными муками для какого-бы то ни было разряда грѣшниковъ, и говорятъ, что Богъ милосердъ ко всемъ, и простить въ послѣдствіи даже и невѣрующихъ. Тѣ, которые имѣютъ заступника, какъ Христіане въ Иисусѣ Христвѣ, будутъ искуплены прежде. Щедрость этихъ достойныхъ комментаторовъ не простирается однакоже до того, чтобы допустить ихъ въ рай, вмѣстѣ съ истинными Мусульманами; они заключаютъ, что послѣ долгаго наказанія, мученія этихъ людей кончатся совершеннымъ уничтоженіемъ.

Между геенной и раемъ находится Аль-Арафъ, или отдѣленіе, мѣсто, не имѣющее мира и радости, и назначенное дѣтямъ, лунатикамъ, идиотамъ, и всемъ, не дѣлавшимъ ни добра, ни зла, и таковымъ, чьи добрыя или злыя дѣла не перевѣшиваютъ одни другихъ; они могутъ быть однако приняты въ рай заступленіемъ Магомета; если они произнесутъ формулу исповѣданія и совершатъ поклоненіе Богу, то чаша перевѣситъ въ ихъ пользу. Сказываютъ, что живущіе въ этой странѣ могутъ разговаривать и сообщаться съ своими сосѣдами, съ блаженными и съ осужденными, и что Аль-Арафъ кажется для тѣхъ, которые въ раю, адомъ, и для тѣхъ, которые въ аду, раемъ.

Аль-Джаннатъ, или Садъ.—Когда правовѣрные перейдутъ всѣ эти испытанія и искупятъ всѣ свои грѣхи, то омываются и освѣжаются въ озерѣ пророка. Это озеро благовонной воды имѣетъ въ окружности мѣсяць пути, и наполняется водою рѣки Аль-Каутерь, вытекающей изъ раю. Вода въ этомъ озерѣ сладка, какъ медъ, холодна, какъ снѣгъ, прозрачна, какъ кристаллъ. Тотъ, кто разъ отвѣдаетъ ее никогда уже не будетъ терпѣть жажды,—благословеніе, принаровленное ко вкусу Арабскихъ писателей, привыкшихъ томиться жаждою въ изсохшихъ пустыняхъ.

Когда истинно-правовѣрный наполнился воды жизни, тогда ангелъ Рушванъ отворяетъ ему врата рая. Тоже самое из-

лишество мелочей, которое находится въ описаніи геенны, расточено и въ изображеніи наслажденій рая, и запутываетъ воображеніе въ ослѣпительныхъ и смутныхъ подробностяхъ. Почва тамъ изъ самой чистой пшеничной муки, исполнена благоуханіями и усыяна жемчугомъ и гіацинтами вмѣсто песку и каменьевъ.

Рѣки воды чистой и прозрачной, какъ кристаллъ, катятся посреди зеленыхъ береговъ, испещренныхъ цвѣтами; другія рѣки изъ молока, меду и вина, текутъ между грядками мускуса, окаймленными камфорою, покрытыми мохомъ и шафраномъ! Воздухъ слаще пряничнаго вѣтра Сабей, и прохладенъ блестящими водопадами. Тутъ-то растеть Таба, чудесное древо жизни, простирающееся такъ широко, что самый рѣзвый рысакъ можетъ бѣжать сто лѣтъ въ тѣни его. Вѣтви его обременены различными превосходными плодами, и сами гнутся къ рукѣ, которая подымается, чтобы ихъ сорвать.

Жители этого благословеннаго сада облечены въ одежду, блистающую драгоценными камнями; вѣнцы, которые они носятъ, украшены жемчугами и алмазами; они живутъ въ великолѣпныхъ дворцахъ или шелковыхъ бесѣдкахъ, лежа на пышныхъ, роскошныхъ постеляхъ. Тутъ у каждаго правовѣрнаго сто прислужниковъ, которые на золотыхъ блюдахъ и въ золотыхъ стаканахъ подаютъ ему разнообразныя яства и питія. Правовѣрный ѣстъ и не пресыщается, пьетъ и не упивается; послѣдній кусокъ и послѣдняя капля такъ же вкусны и пріятны, какъ первые: онъ никогда не чувствуетъ сытости и не нуждается въ изверженіяхъ.

Воздухъ оглашается сладкозвучнымъ голосомъ Израфила и пѣснями райскихъ дѣвъ; всякій шорохъ деревьевъ производитъ восхитительную гармонію, между тѣмъ какъ безчисленное множество колокольчиковъ, висящихъ на ихъ сучьяхъ, приводятся въ движеніе дивными звуками, несущимися отъ трона Аллахова.

Но свыше всего правовѣрный благословляется обществомъ женскимъ, коего полнота превышаетъ даже восточное воображеніе. Кромѣ той жены, которую имѣлъ онъ на землѣ, и которая соединится съ нимъ во всей прежней красотѣ и юности, ему служить будутъ Гуръ-аль-Оюнъ, или Гуріи, названныя этимъ именемъ за большія черныя глаза,—лучезарныя существа, свободныя отъ всякихъ человѣческихъ недостатковъ или слабостей, вѣчно юныя, вѣчно прекрасныя, и постоянно возобновляющія свое дѣвство. 72 Гуріи причисляются къ каждому правовѣрному. Сообщеніе съ ними можетъ быть, по произволенію, плодотворно или нѣтъ; рождающіяся дѣти растутъ быстро, и въ теченіи часу равняются ростомъ съ родителями.

Дабы правовѣрный могъ наслаждаться вполне радостями своей вѣры, онъ встанетъ изъ гроба во всемъ цвѣтѣ мужества, тридцати лѣтъ, ростомъ и станомъ равный Адаму, который былъ 30 локтей; со всѣми способностями, принадлежащими сверхъестественному совершенству, съ дарованіями ста человѣкъ, съ желаніями и вкусами возбужденными и непритупляющимися.

Подобныя блаженства обѣщаны самому меньшему изъ правовѣрныхъ; но есть степени наслажденій, такъ же какъ и заслугъ. Между тѣмъ, истощивъ всѣ описанія, Магометъ для изображенія наибольшихъ наградъ воспользовался словами Св. Писанія, и сказалъ, что «таковыхъ блаженствъ ухо не слышало, глазъ не видалъ и на сердце взойти не могло.»

Толкователи Магометова закона разнятся во мнѣніяхъ о системѣ его наказаній и наградъ. Иные хотятъ принимать ихъ въ отвлеченномъ смыслѣ, другіе въ буквальномъ. Одни увѣряютъ, что пророкъ говорилъ въ притчахъ, въ образахъ, приспособленныхъ къ грубому понятію и сладострастной природѣ слушателей, и что радости райскія будутъ столько же душевны, сколько тѣлесны, ибо воскресеніе будетъ

тѣлу, такъ же какъ душѣ. Душа проснется въ сверхъестественномъ развитіи и употребленіи всѣхъ способностей, въ знаніи всѣхъ двигательныхъ силъ природы, въ полномъ вѣдѣніи всего прошедшаго, настоящаго и будущаго. Наслажденія тѣла будутъ равномерно даны всѣмъ чувствамъ и въ высокой, сверхъестественной степени совершенства.

Тѣ же толкователи давно признаютъ и описаніе геенны образнымъ: мученія души состоятъ будутъ въ тоскѣ и безпрестанномъ угрызеніи совѣсти о прошедшихъ преступленіяхъ; въ глубокомъ и вѣчно усугубляющемся отчаяніи о потерѣ небснаго рая; также и тѣло будетъ въ мученіяхъ тяжелыхъ и нескончаемыхъ.

Другіе ученые, принимающіе все въ точномъ смыслѣ, считаются болѣе правовѣрными, и послѣдователи ихъ безъ сравненія многочисленнѣе. Большая часть особенностей въ системѣ наградъ и наказаній, какъ уже прежде замѣчено, сходствуетъ съ суевѣріями Маговъ и Еврейскихъ раввиновъ. Гуріи, или черноглазья нимфы, которыя такъ разительно дѣйствуютъ въ Мусульманскомъ раю, тѣже самыя, которыя называются Гурамъ Бегестъ у Персидскихъ Маговъ; а Христіанскіе изыскатели обвиняютъ Магомета въ томъ, что въ описаніи небесъ онъ многое взялъ изъ выраженій Апокалипсиса о Новомъ Іерусалимѣ.

Шестая и послѣдняя статья Пислама есть вѣра въ *предопредѣленіе*. На немъ Магометъ очевидно основалъ главный успѣхъ своихъ воинскихъ предпріятій. Онъ внушалъ, что каждый случай напередъ предназначенъ Богомъ и вписанъ въ вѣчныхъ скрижаляхъ еще прежде сотворенія міра. Судьба всякаго отдѣльнаго существа, часть его смерти, непременно опредѣлены и не могутъ быть ни измѣнены, ни избѣгнуты никакими усиліями человѣческой мудрости или прозорливости. При такомъ убѣжденіи Мусульманинъ шелъ на битву безъ малѣйшаго риска, ибо смерть въ сраженіи равнялась мученичеству и доставляла непосред-

ственный доступъ въ рай, слѣдовательно во всякомъ случаѣ, смерть или побѣда, на его сторонѣ всегда вѣрный выигрышъ.

Такое ученіе, по которому человѣкъ своею собственною волею не могъ избѣжать грѣха и отвратить наказаніе, многіе Мусульмане почитаютъ несомвѣстимымъ съ правдою Божіею и Его милосердіемъ; отъ того произошли различныя секты, которыя стараются смягчить и изъяснить этотъ затруднительный догматъ; но число сомнѣвающихся не велико, и ихъ почитаютъ неправовѣрными.

Ученіе о предопредѣленіи принадлежало къ числу тѣхъ откровеній, которыя всегда такъ кетати являлись Магомету во время благопотребное. Оно было открыто ему тотчасъ послѣ несчастной битвы подъ Оходомъ, гдѣ погибло столько послѣдователей его, и съ ними дядя его Хамза. Въ минуту скорби и неудачи, когда послѣдователи его, въ уныніи сердечномъ, и лишеныя всякой бодрости, тѣснились вокругъ него,—онъ провозгласилъ этотъ законъ, по которому каждый человѣкъ умираетъ въ опредѣленный часъ, въ постелѣ или на сраженіи. Сверхъ того онъ объявилъ, что по извѣщенію архангела Гавріила Хамза принять на седьмое небо, и названъ Львомъ Бога и пророка Его. Онъ прибавилъ, смотря на тѣла убитыхъ: «Свидѣтельствую еще, что эти падшіе, и всѣ, погибающіе за дѣло Божіе, явятся во славу въ день Воскресенія, и раны ихъ будутъ блистать какъ багрянецъ и благоухать какъ мускусъ».

Такое ученіе вымышлено, или лучше сказать рассчитано, для возбужденія ревности и успѣховъ на дикомъ поприщѣ завоеваній: невѣжественное и хищное войско увѣрено въ добычу, въ случаѣ успѣха и въ небесномъ раѣ, въ случаѣ гибели. (1) Въ силу этого ученія оружіе Мусульманъ сдѣ-

(1) Ту же вѣру въ предопредѣленіе или судьбу внушалъ своимъ солдатамъ Наполеонъ, и также не безъ успѣха.

лалось почти неотразимымъ; но тутъ же заключался и зародышъ паденія. Съ той минуты, когда наследники лжепророка прекратили завоевательныя нашествія и вложили мечъ въ ножны,—ученіе о предопредѣленіи начало обнаруживать свое гибельное и разлагающее дѣйствіе. Пзвѣженный сладоострастными удовольствіями, позволенными Кораномъ и столь рѣзко отличающими Исламъ отъ чистой и полной самоотверженія вѣры Христіанской, Мусульманинъ думаетъ, что каждое бѣдствіе предопредѣлено Аллахомъ, и потому неизбежно; онъ переноситъ его стоически твердо, но отвергаетъ всякую силу человѣческаго разсудка или предусмотрительности.—«Надѣйся на Бога, а самъ не плошай!»—это правило никогда не будетъ принято послѣдователями Магомета, и несчастье по ихъ понятіямъ есть судьба. Полумѣсяцъ поблѣднѣлъ передъ Крестомъ, и если еще властвуетъ въ Европѣ, то единственно по взаимному согласію великихъ Христіанскихъ державъ; и по всему вѣроятію настанетъ время, когда Турецкая держава вновь подтвердитъ собою истину изреченія: «Кто вынимаетъ мечъ, тотъ мечемъ и погибнетъ»!

Религіозные обряды.

Обряды вѣры заключаются въ четырехъ правилахъ: молитвѣ съ омовеніями, милостынѣ, постѣ и набожныхъ странствіяхъ.

Омовеніе предписано какъ приготовленіе къ *молитвѣ*. Чистота тѣлесная почиталась эмблемой чистоты душевной. Оно установлено Кораномъ съ удивительной точностію. Лице, руки, локти, ноги и передняя часть головы омывались однажды; руки, уста и ноздри три раза; уши омачивались водою, оставшеюся отъ обливанія головы; зубы чистились щеткою. Омовеніе начинается съ правой стороны и кончается лѣвой; мытье рукъ и ногъ начинается съ большихъ пальцевъ; когда не случится воды, употребляютъ мелкій песокъ.

Молитва предписана 5 разъ каждый день; а именно: первая поутру до восхожденія солнца; вторая въ полдень; третья послѣ полудня, прежде солнечнаго заката; четвертая вечеромъ, въ сумерки, то есть, между захоженіемъ солнца и наступленіемъ темноты; пятая между сумерками и первымъ бдѣніемъ. Шестая молитва произвольно можетъ произноситься между первымъ ночнымъ бдѣніемъ и разсвѣтомъ дня. Молитвы суть повторенія однихъ и тѣхъ же хвалебныхъ возгласовъ: «Великъ Богъ! Богъ всемогущъ! Богъ всемогущъ во всемъ!», и набожные считаютъ число ихъ по бисеру, нашитому на снуркѣ какъ четки. Молитва можетъ быть отправляема въ мечети, или въ другомъ какомъ чистомъ мѣстѣ. Во время молитвы очи должны быть обращены къ кеблѣ, или на небо въ направленіи къ Меккѣ, это направленіе указано въ каждой мечети впадиной, которая называется Аль-Мехрабъ, а снаружи положеніемъ минарета и двери. Предписано даже положеніе тѣла, которое должно соблюдать при молитвѣ, и самое большое изъясненіе обожанія состоитъ въ преклоненіи главы къ землѣ, или земномъ поклонѣ. Женщины, молясь, не простираютъ рукъ но складываютъ ихъ на груди. Онѣ не кланяются такъ низко, какъ мужчины. Онѣ тихимъ голосомъ должны произносить молитву. Имъ не позволено сопровождать мужей въ мечеть, чтобы не отвлекать ихъ духа во время совершенія молитвы. Правовѣрный, вознося молитвы свои къ Богу, долженъ приближаться къ Нему со смиреніемъ, отложивъ всякое украшеніе или великолѣпную одежду.

Многіе изъ Магометанскихъ обрядовъ, въ отношеніи къ молитвѣ, взяты изъ преждебывшихъ обрядовъ у Сабеевъ; другіе согласны съ обрядами, предписанными Іудейскими раввинами. Таковы поклоны, распространеніе по землѣ, обращеніе лицомъ къ кеблѣ, подобно тому какъ Іудеи обращаются во время молитвы въ направленіи къ Іерусалимскому храму.

Молитва для Мусульманина ежедневное упражненіе; но въ пятницу кромѣ того бываетъ проповѣдь въ мечети. Этотъ день вообще святъ для восточныхъ народовъ, какъ день, въ который былъ созданъ человекъ. Идолопоклонники-Сабееяне посвящаютъ его Астартѣ или Венерѣ, красивѣйшей изъ планетъ и самой яркой звѣздѣ. Магометъ принялъ пятницу своимъ священнымъ днемъ, частию по прежней привычкѣ, частию для того, чтобы отличить его отъ субботы Евреевъ и Воскресенія Христіанъ.

Второе правило религіи есть милосердіе, или *милостыня*. Есть два рода милостыни: одна, предписанная закономъ и называемая Цакать, подобно какъ въ Церкви Христіанской десятинная часть; она берется или деньгами, или товарами, скотомъ, зерномъ и плодами; другая—добровольная, называемая Цадакать, дается по волѣ дающаго. Каждый Мусульманинъ обязанъ, тѣмъ или другимъ способомъ, отдать десятую часть доходовъ своихъ нищимъ и нуждающимся.

Третье правило обрядное есть *постъ*. Полагаютъ, что онъ также заимствованъ у Іудеевъ. Всякой годъ, въ теченіи 30-ти дней, въ мѣсяцъ Рамаданъ, правовѣрный долженъ строго соблюдать постъ, отъ восхожденія до захожденія солнца не ѣсть и не пить, не купаться, не душиться, не сообщаться съ женщиной, и не позволять себѣ никакихъ пріятностей и услажденій тѣлесныхъ. Это почитается великимъ подвигомъ самоотверженія, укрощеніемъ и покореніемъ плотскихъ желаній, и очищеніемъ души и тѣла. Объ этихъ трехъ правилахъ Магометанскаго закона Абдалазисъ говорилъ: «Молитва ведетъ насъ до половины пути къ Богу; постъ доводитъ до Его порога, но милостыня приводитъ прямо въ Его присутствіе.»

Набожныя странствія, или пилигримство, есть *четвертое* великое обрядное правило, предписанное Мусульманину. Каждый правовѣрный обязанъ въ теченіе жизни сходить, хо-

тя однажды, въ Мекку, самъ своею особою, или черезъ кого нибудь, заступающаго его мѣсто. Въ послѣднемъ случаѣ его имя должно быть упомянуто въ каждой молитвѣ, приносимой его повѣреннымъ.

Пилигримство предписано только людямъ свободнымъ и совершеннолѣтнимъ, находящимся въ здоровомъ разсудкѣ, и которымъ здоровье и состояніе позволяютъ перенести трудности и покрыть расходы пути. Пилигримъ, отправляясь въ дорогу, устроиваетъ все дѣла свои, домашнія и общественныя, какъ бы готовясь къ смерти.

На разсвѣтъ, во вторникъ, четвергъ или субботу, дни благоприятные для начинанія предпріятій, онъ собираетъ женъ, дѣтей, всехъ домашнихъ, и благовѣрно предаетъ ихъ милости Божіей на все время священнаго странствія. Потомъ подвязываетъ концы чалмы своей подъ бороною, беретъ крѣпкую палку изъ горькаго миндальнаго дерева, оставляетъ своихъ домашнихъ, и выходитъ изъ дверей дома, восклицая: «Во имя Божіе, предпринимаю это святое дѣло, вѣряясь Его покрову. Вѣрую въ Него и въ руки Его отдаю дѣла и жизнь мою.»

Выходя изъ воротъ, онъ оборачивается къ кеблѣ и проноситъ нѣкоторые стихи изъ Корана, прибавляя: «Обращаю лице мое къ кеблѣ, престолу Божію, для исполненія странствія, предписаннаго Его закономъ, и для того, чтобы быть ближе къ Нему.»

Наконецъ онъ кладетъ ногу въ стремя, садится въ сѣдло, поручаетъ себя Богу всемогущему, премудрому, премилосердому, и пускается въ путь. Время путешествія обыкновенно разсчитано такъ, чтобы прибытіе въ Мекку пришлось въ мѣсяцъ набожныхъ странствій Дуль-Хаджи.

Три заповѣди должно исполнять во время этого благочестиваго странствія:

1. Не начинать ссоръ.
2. Переносить кротко всякую грубость и униженіе.
3. Способствовать миру и благому расположенію товарищей своихъ въ караванѣ.

Сверхъ того, быть щедрымъ въ подаваніи милостыни во все время своего пилигримства.

Приблизившись къ одному мѣсту, недалеко отъ Мекки, странникъ долженъ не обрѣзывать ногтей и волосъ, и принять одежду Прама, или пилигрима, заключающуюся въ двухъ шарфахъ, безъ бахрамы и безъ украшеній, изъ какой бы то ни было ткани, исключая шелковой. Одинъ изъ шарфовъ обертывается около поясницы и чреслъ, другой около шеи и плечъ, оставляя свободной правую руку. Голова не покрыта, но старымъ и недужнымъ позволяется накладывать на нее какой нибудь кружокъ, въ уваженіе милостыни, которую онъ подавалъ нищимъ. Зонтики также дозволены, какъ нужная защита отъ солнца, а бѣдные замѣняютъ ихъ какимъ нибудь лоскутомъ, привязаннымъ къ концу палки.

Подъемъ ноги долженъ быть босымъ: особеннаго рода сандалии приспособлены на этотъ предметъ, то есть вырѣзанъ кусокъ кожи изъ башмака, такъ что выходятъ почти одни подошвы. Пилигримъ, снарядившись такимъ образомъ, получаетъ названіе Аль-Мохрема.

Прамы-женщины завертываются въ широкій плащъ и покрывало, скрывающее ихъ совершенно, такъ что рѣшительно не видно ни пальца руки, ни конца ноги, ни даже глазъ.

Предпринявши разъ пилигримство, Прамъ долженъ довершить его, не взирая ни на погоду, ни на время года. Во все теченіе своего странствія, онъ долженъ остерегаться отъ всякой вольности рѣчей, отъ всякаго чувственнаго сообщенія, отъ ссоръ и насильственныхъ дѣйствій: не дол-

женъ отнимать жизни даже у насѣкомаго, его беспокоящаго, выключая собаки, если она бросается кусать, скорпиона и хищныхъ птицъ.

Пришедши въ Мекку, онъ оставляетъ пожитки свои въ какой нибудь лавочкѣ, не обращая вниманія ни на что мѣрское, и прямо идетъ къ Каабѣ, въ сопровожденіи Метовефа, или проводника, готоваго предлагать услуги свои каждому пилигриму.

Вступивъ въ мечеть черезъ Бабъ-ель-Саламъ, или дверь поклоненія, онъ кланяется въ землю четыре раза, и произноситъ извѣстныя молитвы, проходя подъ арками. Приближаясь къ Каабѣ, онъ четыре раза кланяется въ землю Черному камню, и потомъ цѣлуетъ его; если же тѣснота мѣшаетъ, то дотрогивается до него правой рукою и цѣлуетъ руку. Отойдя отъ Чернаго камня и держась отъ строенія на лѣво, онъ обходитъ его семь разъ, три первые раза скоро, четыре послѣдніе медленно, и въ торжественномъ спокойствіи. Между тѣмъ онъ произноситъ въ полголоса извѣстныя молитвы, и при каждомъ обхожденіи цѣлуетъ Черный камень, или дотрогивается до него.

Товафъ, или обхожденіе около Каабы, есть древній обрядъ, который соблюдался гораздо прежде временъ Магометовыхъ, и былъ совершаемъ обоими полами въ полной наготѣ. Магометъ запретилъ такое обнаженіе и предписалъ странническое, вышеописанное одѣяніе. Женщинамъ-хаджи велѣно исполнять Товафъ ночью, но обыкновенно онѣ совершаютъ его въ одно время съ мужчинами при дневномъ свѣтѣ. (1)

Совершивъ семикратное обхожденіе, пилигримъ прижимается грудью къ стѣнѣ, между Чернымъ камнемъ и дверью въ Каабу, и съ распростертыми руками молится о прощеніи грѣховъ своихъ.

(1) См. Буркгардта Путешествіе въ Аравію, томъ I стр. 260. Лондонъ. изд. 1828 года.

Подходя къ Макаму, или остановкѣ Авраамовой, онъ кладетъ четыре земныхъ поклона, моля патриарха о заступленіи, потомъ идетъ къ колодцу Земь-Земь и пьетъ изъ него воды, сколько можетъ проглотить.

Во время всѣхъ этихъ обрядовъ, Метовефъ, или проводникъ не отстываетъ отъ неопытнаго хаджи и сказываетъ ему молитвы, который тотъ повторяетъ. Потомъ ведутъ его изъ мечети сквозь ворота Бабъ-ель-Цафа, въ 50 шагахъ разстоянія, къ малому возвышенію, называемому Холмъ Цафа; потомъ, послѣ произнесенія молитвы съ поднятыми вверхъ руками, начинается онъ набожную прогулку, называемую Саа или Сай. Она идетъ по узкой и ровной улицѣ, называемой Аль-Месаа, 600 шаговъ въ длину, обставленной лавочками, подобно базару, и оканчивается площадью, называемой Мерова. Шествіе Саа совершается въ память прохожденія Агари по этому мѣсту, когда она искала воды для сына своего Измаила. Пилигримъ сначала идетъ скоро, съ видомъ озабоченнымъ, бѣжитъ въ иныхъ мѣстахъ, ищетъ, а назадъ возвращается медленнымъ шагомъ, останавливается по временамъ и озирается, какъ будто въ великомъ смущеніи.

Повторивъ семь разъ прогулку по этой улицѣ, хаджи входитъ наконецъ въ лавку цирюльника на Меровѣ; цирюльникъ брѣетъ ему голову, стрижетъ ногти и во все время бормочитъ молитвы, которыя пилигримъ повторяетъ. Бритье и стрижка на освященномъ мѣстѣ — необходимая обязанность пилигримства, послѣ чего всѣ обряды почитаются совершившимися (1).

(1) Большая часть извѣстій о Меккѣ и Мединѣ и о пилигримствахъ взяты изъ сочиненій неумоимаго и весьма правдиваго путешественника Буркгарта, который въ одеждѣ пилигрима посетилъ всѣ эти мѣста, и исполнилъ всѣ требуемые обряды и церемоніи. Сочиненія его проливаютъ яркій свѣтъ на обряды Магометанской вѣры.

Разсказанное Буркгартомъ сверяли мы съ разсказами другихъ путешественниковъ и писателей, и многія подробности взяты нами изъ тѣхъ и другихъ источниковъ.

Девятого числа мѣсяца Аль-Дуль-Хаджи пилигримы бѣгутъ толпою на гору Арафать, гдѣ и остаются до захода солнца, потомъ проводятъ ночь въ молитвенномъ домѣ Моцдалифа и на другое утро до восхожденія солнца спускаются въ долину Мена, гдѣ кидаютъ семь камней на три столба, въ подражаніе Аврааму,—а другіе говорятъ Адаму,—который гналъ діавола камнями съ этого мѣста, когда онъ мѣшалъ ему молиться.

Таковы главные обряды великаго Мусульманскаго устава о богомольномъ странствіи; но прежде чѣмъ заключимъ нашу рѣчь о вѣрѣ Ислама и о преданіяхъ, касающихся ея основателя, упомянемъ объ одномъ нововведеніи, которое приводитъ въ замѣшательство всѣхъ его послѣдователей и въ особенности не удобно для пилигримовъ.

Арабскій годъ состоитъ изъ 12-ти лунныхъ мѣсяцевъ, содержащихъ въ себѣ попеременно 30 и 29 дней, и составляющихъ въ цѣлости 354 дня, такъ что 11 дней пропадало въ каждомъ солнечномъ годѣ. Черезъ три года, эти лишніе дни (до введенія Магометова лѣтосчисленія) отчислялись къ 13-му мѣсяцу, или мѣсяцу странствія, въ родѣ высокоснаго года въ Христіанскомъ календарѣ. Магометъ, который былъ не образованъ и не свѣдуецъ въ Астрономіи, отвергъ этотъ 13-й или вставной мѣсяць, какъ противный, по его мнѣнію, божественному устройству лунныхъ перемѣнъ, и во время своего послѣдняго пилигримства преобразовалъ Арабскій календаръ. Объ этомъ упомянуто въ 9-й главѣ Корана слѣдующими словами:

«Число мѣсяцевъ 12, какъ повелѣно Аллахомъ, и записано въ вѣчныхъ скрижаляхъ (1), въ день сотворенія неба и земли.»

(1) Вѣчныя скрижали по ученію Магометанскому составлены изъ бѣлой жемчужины, и простираются отъ востока до запада и отъ земли до неба. На нихъ начертаны всѣ Божія заповѣди и все случающееся, прошедшее, настоящее и будущее съ начала вѣковъ. Онѣ оберегаются ангелами.

«Не передвигай священный мѣсяць на мѣсто другого мѣсяца,—это по истинѣ нововведеніе невѣрныхъ.»

Число пропадающихъ такимъ образомъ дней составляетъ въ 33 года 363. Слѣдовательно необходимо черезъ каждые 33 года вставлять годъ, при переводѣ Магометанскаго лѣтосчисленія на наше.

Въ этомъ повелѣніи лжепророка заключаются большое неудобство. Мусульманскіе мѣсяцы не обозначаютъ время года, ибо каждый годъ начинается одинадцатью днями раньше. Въ нѣкоторыя эпохи это составляетъ важное препятствіе путешествіямъ въ Мекку: въ теченіе главнаго странническаго мѣсяца Дуль Хаджи надо носить одежду Прама, т. е. ходить въ очень легкой одеждѣ, а мѣсяць этотъ по круговому теченію времени иногда приходится среди зимы, а иногда среди самыхъ жаровъ лѣта.

Мусульманское преданіе увѣряетъ, будто Магометъ сводилъ луну съ небесной тверди, и повелѣвалъ ей обращаться около священнаго дома, но онъ не могъ остановить лунныхъ измѣненій; оказывается, что наука числъ гораздо выше его мнимыхъ пророчествъ и достовѣрнѣе его мнимыхъ чудесъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		Стран.
ГЛАВА 1.	Аравія и Арабы.....	1
— 2.	Рожденіе и родители Магометовы. Его младенчество и отрочество.....	14
— 3.	Преданія о Меккѣ и о Каабѣ.....	20
— 4.	Первое Магометово путешествіе въ Сирію....	24
— 5.	Торговья занятія Магометовы. Его бракъ съ Кадиджею.....	30
— 6.	Жизнь Магомета послѣ сватьбы. Онъ задумываетъ преобразование вѣры. Его склонность къ уединенному созерцанію. Видѣніе въ пещерѣ. Онъ провозглашенъ пророкомъ.....	33
— 7.	Магометъ распространяетъ свое ученіе тайно и медленно. Новыя откровенія и повелѣнія. Онъ объявляетъ роднымъ о своемъ призваніи. Какъ оно было принято. Восторженная ревность Али. Знаменія.....	40
— 8.	Очеркъ Магометанской вѣры.....	46
— 9.	Насмѣшки надъ Магометомъ и его ученіемъ. Требованіе чудесъ. Поведеніе Абу-Талеба. Насиліе Корейшанъ. Магометова дочь Рокая съ мужемъ своимъ Отманомъ и множествомъ учениковъ укрываются въ Абиссинію. Магометъ въ домѣ Орхама. Вражда Абу-Джахля и его наказаніе.....	55

- ГЛАВА 10. Омаръ-Ибнъ-аль-Хаттебъ, племянникъ Абу-Джахлевъ, хочетъ убить Магомета, чтобъ отмстить за дядю. Его чудесное обращеніе. Магометъ укрывается въ замкѣ Абу-Талебовомъ. Абу-Софіанъ, во главѣ враждебной вѣтви Корейшанъ, преслѣдуетъ Магомета и его приверженцевъ. Онъ составляетъ приговоръ, чтобы запрещено было съ ними всякое сообщеніе. Магометъ оставляетъ свое убѣжище и проповѣдуетъ въ продолженіи странническаго мѣсяца. Какъ обратился Хабибъ Премудрый..... 63
- 11. Приговоръ отчужденія таинственно разрушается. Магометъ можетъ возвратиться въ Мекку. Смерть Абу-Талеба и Кадиджи. Магометъ обручается съ Лешей. Женится на Савдѣ. Корейшане возобновляютъ преслѣдованіе. Магометъ ищетъ убѣжища въ Таефѣ. Его изгоняютъ оттуда. Духи посѣщаютъ его въ пустынь Наклахской..... 72
- 12. Ночное путешествіе пророка изъ Мекки въ Іерусалимъ, и оттуда на седьмое небо..... 80
- 13. Магометъ обращаетъ богомольцевъ изъ Медины. Рѣшается бѣжать въ этотъ городъ. Заговоръ противъ его жизни. Его чудесное спасеніе. Его Геджира или бѣгство. Его приемъ въ Мединѣ..... 92
- 14. Мединскіе Мусульмане. Мохаджеринны и Ансаріане. Партія Абдалаха-Ибнъ-Оббы и Лицеѣры. Магометъ строитъ мечеть, проповѣдуетъ, приобрѣтаетъ послѣдователей между Христіанами; Евреи медлятъ принять вѣру. Братство, установленное между бѣглецами и союзниками..... 102

- ГЛАВА 15. Магометъ жевится на Аешѣ. Дочь его, Фати-
ма, выходитъ за мужъ за Али. Ихъ домашнее
хозяйство..... 109
- 16. Мечъ объявленъ орудіемъ Вѣры. Первая стыч-
ка съ Корейшанами. Нападеніе на караванъ. 112
- 17. Бедерская битва..... 117
- 18. Смерть Магометовой дочери Рокан. Возвраще-
ніе его дочери Зейнабъ. Дѣйствіе Магометова
проклятiя на Абу-Лахаба и его семью. Изсту-
пленное бѣшенство Хенды, жены Абу-Софіа-
новой. Магометъ едва спасается отъ смерти.
Посольство къ Корейшанамъ. Царь Абиссинскій. 126
- 19. Власть Магометова возрастаетъ. Гибель его на
Евреевъ. Еврейское племя Кайнока оскорбля-
етъ Арабскую дѣвушку. Ссора. Племя Бени-
Кайнока укрывается въ замкѣ. Оно покорено
и наказано пенею и изгнаніемъ. Отманъ же-
нится на дочери пророка Оммъ-Колгумъ, а
пророкъ на Хафзѣ..... 131
- 20. Хенда возбуждаетъ Абу-Софіана и Корейшанъ
къ отмщенію за смерть своихъ родныхъ, уби-
тыхъ въ Бедерскомъ сраженіи. Корейшане
выступаютъ въ походъ, а за ними Хенда съ
своими подругами. Сраженіе при Оходѣ. Сви-
рѣное торжество Хенды. Магометъ утѣшается
жевитьбой на Омсиной дочери Хендъ.. 134
- 21. Измѣна нѣсколькихъ Еврейскихъ племенъ; ихъ
наказаніе. Преданность Магометова отпущен-
ника Сеида. Онъ разводится съ своею прекрас-
ною женою Зейнабъ и отдаетъ ее въ жены
пророку..... 141

- ГЛАВА 22. Походъ Магомета противъ племени Беви-Мо-
сталека. Онъ женится на плѣнницѣ Баррѣ.
Измѣна Абдаллаха-Ибнъ-Оббы. Аша оклеветана. Ея невинность доказывается откровеніемъ. 143
- 23. Сраженіе у рева. Храбрость Саадъ-Ибнъ-Моада.
Побѣда надъ Корейшанами. Взятіе Еврейскаго
зѣмба Кораиды. Саадъ рѣшаетъ наказаніе
Евреевъ. Магометъ женится на Реханѣ, Еврей-
ской плѣнницѣ. Его жизнь въ опасности отъ
волшебства, но его спасаетъ новое мнимое
откровеніе..... 150
- 24. Магометъ идетъ на богомолье въ Мекку. Из-
бѣгаетъ Халеда съ отрядомъ конницы, кото-
рый былъ посланъ противъ него. Разбиваетъ
свой станъ подъ Меккою. Ведетъ переговоры
съ Корейшанами о позволеніи войти и совер-
шить свое поклоненіе. Договоръ на десять лѣтъ,
по которому ему дозволено ежегодно прихо-
дить на богомолье въ Мекку, на три дни. Онъ
возвращается въ Медину..... 159
- 25. Походъ противъ города Хайбара; осада. Под-
виги Магометовыхъ полководцевъ. Поединокъ
Али съ Мархабомъ. Приступъ къ крѣпости.
Али несетъ ворота вмѣсто щита. Крѣпость
взята. Магометъ отравленъ. Онъ женится на
плѣнницѣ Сафін и на вдовѣ Оммъ-Хабибѣ... 162
- 26. Посольства къ разнымъ государямъ: къ царю
Праклію, къ Хозрою II-му, къ префекту Еги-
петскому. Что изъ того произошло..... 170
- 27. Магометъ отправляется на богомолье въ Мекку.
Его женитьба на Маймунѣ. Халедъ-Ибнъ-аль-
Валедъ и Амру-Ибнъ-аль-Аасъ обращаются къ
Исламу..... 172

- ГЛАВА 28. Посоль Мусульманскій убитъ въ Сиріи. Походъ для отмщенія его смерти. Сраженіе подъ Муттою. Его послѣдствія..... 174
- 29. Замыслы на Мекку. Посольство Абу Софіана. Его послѣдствія..... 178
- 30. Нежданное нападеніе на Мекку и взятіе ея.. 181
- 31. Враждебныя движенія горцевъ. Непрiятельскій станъ въ долинѣ Аутасской. Сраженіе при проходѣ Хонейнской долины. Взятіе непрiятельскаго стана. Свиданіе Магомета съ его кормилицею. Раздѣлъ добычи. Магометъ у могилы матери..... 195
- 32. Смерть Магометовой дочери Зейнабъ. У него родится сынъ Ибрагимъ. Посольство отъ дальнихъ племенъ. Поэтическое состязаніе въ присутствіи пророка. Его чувствительность къ красотамъ поэзіи. Взятіе города Таефа, разрушеніе идоловъ. Переговоры съ Амиромъ-Ибнъ-Табіелемъ, гордымъ Бедуинскимъ вождемъ. Независимый духъ Амира. Свиданіе Магомета съ другимъ вождемъ, Ади..... 206
- 33. Приготовленіе къ походу въ Сирію. Происки Абдаллаха-Ибнъ-Оббы. Пожертвованія правовѣрныхъ. Походъ. Проклятая область Хаджарская. Станъ при Табукѣ. Покореніе окрестныхъ областей. Халедъ беретъ въ распахъ Окайдоръ и его замокъ. Возвращеніе войска въ Медину. 213
- 34. Торжественное вступленіе въ Медину. Наказаніе тѣхъ, кои не захотѣли участвовать въ походѣ.Послѣдствія отлученія. Смерть Абдаллаха-Ибнъ Оббы. Раздоръ въ гаремѣ пророка. . . . 221

- ГЛАВА 35. Абу-Бекру поручено вести богомольцевъ въ Мекку. Али посланъ возвѣстить новое откровеніе. 225
- 36. Магометъ посылаетъ своихъ полководцевъ въ дальніе походы. Ставить намѣстниковъ для управленія Счастливою Аравією. Посылаетъ Али усмирять возмущеніе въ этой области. Смерть единственнаго Магометова сына Ибрагима. Магометъ у смертнаго одра и у могилы сына. Его изнеможеніе. Его прощальное путешествіе въ Мекку; поступки и проповѣдь въ Меккѣ. . . . 227
- 37. Два соперника: Аль-Асвадъ и Мосейльма. . . . 235
- 38. Приготовленіе войска къ походу въ Сирию. Вождемъ назначенъ Осама. Прощальная рѣчь пророка къ войску. Его послѣдняя болѣзнь. Его проповѣдь въ мечети. Его смерть и бывшія при ней обстоятельства. . . . 238
- 39. Наружность и характеръ Магомета и размышленіе объ его поприщѣ. . . . 248
- Дополненіе: О Мусульманской вѣрѣ 261

ВАЖНѢЙШЯ ОПЕЧАТКИ:

<i>Стр</i>	<i>Строки.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
39	5 снизу	хотѣла была	хотѣла было
47	2 сверху	обнарадованъ	обнародованъ
50	3 снизу	дотупень	доступень
53	13 сверху	нечестіе назы-	нечестіе
115	9 снизу	удается	удастся
124	1 сверху	сталось	осталось
131	11 —	въ хищничеству	къ хищничеству
—	16 —	распростанялся	распрострѣнялся
133	5 —	Бени-Канойки	Бени-Кайноки
141	16 снизу	четырыхъ	четверыхъ
174	6 —	Глава XVIII	Глава XXVIII.
178	1 —	изъ закону	ихъ закону
180	1 —	строоны	стороны
197	16 —	кеменьевъ	каменьевъ
220	12 сверху	окрестная	окрестная
224	7 снизу	на	на
248	5 сверху	Магометъ	Магомета
250	1 снизу	отправдать	оправдать.

